КОММУНИСТЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Читатели знакомы со многими сборниками, вышедшими в серии «Жизнь замечательных людей», названия которых достаточно ясно говорят о теме и ее героях. Это «Новаторы», «Земледельцы», «Вожаки комсомола» и др. В настоящий сборник вошли отрывки из книг, выпущенных редакцией ЖЗЛ за последние годы и получивших признание у читателей. В сборник «Коммунисты» включены рассказы о деятельности Н. К. Крупской, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровского, М. И. Калинина, С. Г. Шаумяна, Ф. Э. Дзержинского. С. М. Кирова, А. В. Косарева.

- КОММУНИСТЫ
- ОТ РЕДАКЦИИ
-
-
-
-
-
-
-
-
-
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

КОММУНИСТЫ

Сборник

Сост. С. Семанов

ОТ РЕДАКЦИИ

Более четырех десятилетий выходят книги популярной в стране и за рубежом биографической серии. Издано уже почти шесть сотен наименований: это жизнеописания революционеров и ученых, политических деятелей и путешественников, писателей и художников, артистов и спортсменов.

Максим Горький, основатель серии «Жизнь замечательных людей», еще до выхода в свет первой из задуманных им книг писал: «…Необходима серия биографий большевиков, начиная с В. Ильича, кончая типичными рядовыми партии…» Этот горьковский завет лег в основу работы серии и был особенно дорог для всех издателей серии «ЖЗЛ», прошлых и нынешних.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и редакция серии «ЖЗЛ» всегда придавали и придают особенное значение делу издания биографий деятелей Коммунистической партии и Советского государства, тех, кто поднимал массы на штурм Зимнего, кто сражался на фронтах гражданской войны, кто потом создавал основы социалистической промышленности, строил колхозы, кто воевал в Великой Отечественной и победил в ней.

Это книги о большевиках-ленинцах, о коммунистах. На их примере воспитывалось не одно поколение советских людей. Их жизнь, их опыт — это наше драгоценное наследство, достояние всех советских людей, неоценимое богатство нашего государства трудящихся.

В серии «ЖЗЛ» вышло немало книг, посвященных деятельности большевистской партии. Первая из них появилась почти сорок лет назад — то была биография знаменитейшего героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского. С тех пор в разные годы издавались жизнеописания Фрунзе и Баумана, Калинина и Луначарского, Кирова и Свердлова, Бела Куна и Петра Смородина и многих других деятелей и бойцов нашей партии.

Особенно много произведений о большевиках-ленинцах было выпущено в период между XXIV и XXV съездами КПСС. Так, массовый читатель смог ознакомиться с жизненным путем Крупской и Дзержинского, Камо и Александра Косарева — все имена здесь нет нужды перечислять.

В серии «ЖЗЛ» выходили не только книги, посвященные жизни и деятельности одного героя, в практике редакции нередки случаи издания сборников, посвященных группе лиц, что объединены были общим делом, общей борьбой. Так появились книги серии «Вожаки комсомола», «Новаторы», «Полководцы и

военачальники Великой Отечественной» — названия их достаточно ясно говорят о теме и ее героях. И вот возникла мысль сделать сборник со столь же прямым и ясным названием — «Коммунисты».

Из многих книг, вышедших за последние годы в серии «ЖЗЛ», редакция отобрала те, которые получили наибольшее признание у читателей и вызвали положительную оценку критиков и специалистов.

Герои сборника — популярные, известные деятели Коммунистической партии, имена которых свято чтит советский народ. Н. К. Крупская, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин… Они вынесли на своих плечах тяготы подполья, они были первыми строителями Советского государства.

Ареной деятельности тех, чьи портреты изображены на обложке сборника «Коммунисты», была вся Советская страна. Они сражались, они вели стройки на всем ее необозримом пространстве. Это были подлинные интернационалисты, люди разных национальностей: выходец из тверской деревни Михаил Калинин, армянин Степан Шаумян, поляк Феликс Дзержинский. Во всей их деятельности ими руководило одно — дело Коммунистической партии, благо многонационального советского народа, крепость социалистического государства.

Из биографии каждого героя сборника здесь представлен только отрывок, показывающий лишь одну, но очень важную страницу его деятельности. Соответствующим образом построена и композиция книги: в хронологической последовательности избранных эпизодов. Все главы и отрывки взяты из уже вышедших книг, в некоторые тексты внесены незначительные исправления и сокращения. Об основных вехах жизни и деятельности героя в сборнике дается краткая справка фактического характера. В заключение приводится библиографическое описание книги, откуда воспроизведен отрывок.

Собранные вместе, биографии выдающихся большевиков-ленинцев представляют собой как бы коллективный портрет коммуниста, члена той великой партии, которая вот уже почти шесть десятилетий ведет советский народ от победы к победе.

Редакция серии «Жизнь замечательных людей»

Надежда Константиновна Крупская

Родилась 14(26) февраля 1869 года в Петербурге, в семье, известной своими демократическими и революционными традициями. Некоторое время училась на Бестужевских женских курсах, преподавала в вечерне-воскресной школе для рабочих. Участвовала в деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», основанного В. И. Лениным. В августе 1896 года арестована, полтора года провела в заключении, была приговорена к ссылке. В мае 1898 года Крупская приехала в Шушенское и 10(22) июля стала женой Ленина. В 1900–1901 годах отбывала ссылку в Уфе, работала там в местной социал-демократической организации. С марта 1901 года вместе с Лениным находилась в эмиграции, вела большую работу в редакциях большевистских газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий». После II съезда РСДРП Крупская — секретарь заграничного отдела Центрального Комитета партии…

Первое время по приезде Надежды Константиновны Ульяновы шили в маленькой комнатке, которую сняли по объявлению у многодетной рабочей семьи. Кругом была «страшная» чистота, но изо всех углов проглядывала беспросветная бедность. Дети скоро полюбили Надежду Константиновну. Она завела свое хозяйство и поэтому часто появлялась на кухне, где практически ютилась вся семья. Очень воспитанные, дисциплинированные, ребята сначала встречали ее молча и настороженно, а затем стали с увлечением рассказывать ей о своих делах. С пристрастием расспрашивала Надежда Константиновна старших о школе, о преподавателях, о предметах, которые они проходят. Внимательно читала их учебники.

Для прописки в Мюнхене требовался паспорт. Ульяновы жили нелегально, опасаясь того, что русская полиция всегда договорится с немецкой и их вышлют на родину как «нежелательных иностранцев». Друзья достали болгарский

паспорт на имя доктора Иорданова, куда вписали жену — Марицу. Многие русские эмигранты жили тогда по болгарским паспортам, и немцев не удивляло, что болгары не говорят по-болгарски, возможно, что русский и болгарский языки звучали для них одинаково.

Ульяновы жили вдали от русской колонии, чтобы не нарушать конспирации, старались не встречаться с соотечественниками разных политических группировок.

В первые же дни Владимир Ильич обрисовал Надежде Константиновне обстановку вокруг «Искры». В Мюнхене жила в то время только Вера Ивановна Засулич. Затем сразу после ссылки приехал Мартов. Плеханов и Аксельрод настаивали на перенесении печатания газеты в Швейцарию, они хотели, чтобы газета была целиком под их влиянием, хоть и не придавали ей тогда большого значения. Владимир Ильич с восторгом говорил жене: «Вот ты увидишь Веру Ивановну — это кристально чистый человек». И она действительно очень понравилась Надежде Константиновне. У Веры Ивановны был облик типичной тургеневской нигилистки — одевалась она небрежно, без конца курила, отличалась полной бытовой неустроенностью. Но из группы «Освобождение труда» она единственная не обжилась за границей, рвалась в Россию, тосковала. В 1900 году ей удалось нелегально приехать в Россию, но этого ей было мало.

Когда Владимир Ильич познакомил их, Засулич прямо сказала: «Ну, рассказывайте. От наших мужчин толку мало — одна политика, а вы мне о России, о мужике расскажите. Как там сейчас все?» И скрылась за плотной завесой папиросного дыма. Надежда Константиновна рассказывала о Москве, о Питере, о Енисее и Неве, о рабочих и работницах. С присущим ей чувством юмора передавала эпизоды из своих столкновений с полицией. А потом сама не выдержала, обняла Засулич за плечи и попросила: «А вы, Вера Ивановна, расскажите, как в Трепова стреляли». — «Вот вы о чем, — отмахнулась та, — когда это было-то? Возмутило меня общее равнодушие к судьбе политзаключенных, к полицейским издевательствам. Страшно волновалась. Да и убить я его не стремилась. Просто хотела этим выстрелом разбудить общественную совесть». Такой Вера Ивановна и осталась, ничего не умела делать вполсилы, всю себя отдавала работе. Участие в «Искре» было для нее живой связью с Россией. Вопросом жизни и смерти.

Крупская и Засулич теперь виделись постоянно. Нигилизм Веры Ивановны импонировал Надежде Константиновне гораздо больше, чем «хозяйственность» некоторых жен местных политиков, которые судачили о революции в перерывах между

варкою джема и вязанием салфеток.

Очень мягкая, отзывчивая и чуткая, Надежда Константиновна была бескомпромиссна в своем отношении к людям. Замыкалась, «колючки выставляла» — как смеялась Анна Ильинична, — если что-то в человеке вызывало душевный протест. Однажды она озадачила Владимира Ильича неожиданным вопросом: «А тебе не кажется, что Юлий болтун?» Владимир Ильич любил Мартова, знал его много лет, привык к его странностям, ценил журналистский талант и ради этого прощал бесконечную говорильню. Надежда Константиновна была изумлена, как можно говорить часами, перескакивая с темы на тему, без цели, обо всем. Он приходил к Ульяновым к часу дня, приходили Вера Ивановна и Потресов. Заседания разрастались в 5—6-часовую дискуссию. Крупская видела, что Владимир Ильич устает, теряет работоспособность. Надежда Константиновна попробовала ввести новый порядок, но Юлий не мог без общих разговоров. И Надежда Константиновна казалась ему сухой — говорила только непосредственно о делах «Искры». К счастью, скоро приехал Дан с семьей, и Мартов там стал проводить целые дни.

Здесь, в Мюнхене, Надежда Константиновна знакомится с замечательной немецкой революционеркой Кларой Цеткин. Маленькая, изящная, с огромными черными глазами, всегда элегантно одетая, эта женщина загоралась, когда речь заходила о классовых битвах, о защите марксизма. Надежда Константиновна скоро привыкла к ее быстрому немецкому языку и часто беседовала с ней. Цеткин рассказывала о политической обстановке в Германии, метко характеризуя деятелей II Интернационала. Именно Клара Цеткин и редактор «Саксонской рабочей газеты» Адольф Браун помогли Владимиру Ильичу найти помещение для типографии «Искры».

Типография Германа Рау, видного социал-демократа Германии, находилась в Пробстхайде, на окраине Лейпцига, на улице Хауптштрассе, 48 (с 1922 года эта улица называется Руссенштрассе. — *Авт.*). Между 15 и 23 декабря 1900 года Ленин приезжал в Лейпциг, чтобы лично следить за печатанием первого номера «Искры».

Русский шрифт доставали рабочие из двух больших типографий, где печатались русские церковные книги. Наборщиком был польский социал-демократ Иосиф Блюменфельд. Жил он в Лейпциге под фамилией Вернера. Первый номер «Искры» Герман Рау переслал нелегальным путем в Бельгию и Швейцарию.

По условиям конспирации дальнейшее печатание «Искры» перенесли в Мюнхен, в типографию Максимуса Эрнста. Туда же

переехал и наборщик Иосиф Блюменфельд. Он хорошо знал свое дело, быстро обучил немецкого наборщика русскому шрифту. А сам стал участвовать в нелегальной транспортировке «Искры». Все инструкции как агент «Искры» он получал от Крупской, часто бывал на квартире Ульяновых, на отдаленной окраине Мюнхена. Он познакомил Ленина и Крупскую со многими польскими социал-демократами.

Большую помощь «Искре» оказывал и Юлиан Мархлевский. В то время он входил в руководящий орган немецкой социал-демократической партии, примыкая к марксистскому крылу партии наряду с Розой Люксембург, Францем Рингом и другими. К этому же времени относится знакомство Ульяновых с женой Мархлевского — Брониславой, активно помогавшей в организации и распространении «Искры». Дружба с Мархлевскими прошла через долгие-долгие годы.

«Искра» создавала крепкий костяк партии. Под руководством Ленина в начале 1901 года образуется группа содействия «Искре», ведут работу ее агенты в России.

«Искра» собирала, притягивала к себе не только лучшие силы русской социал-демократии, но и виднейших социал-демократов Европы. В Мюнхене «Ильичам» (так друзья называли Ульяновых) приходилось много работать, ну а если выдавалась свободная минута, то вечерами они бродили по узким мощеным улочкам старого Мюнхена. Владимир Ильич показывал жене достопримечательности древней столицы Баварии, живописно протянувшейся по берегам Изара.

Но, куда бы они ни забредали во время этих прогулок, они, жившие интересами дела, говорили больше всего именно о деле. Владимир Ильич, так же как и в Шушенском, рассказывал жене, о чем пишет, подробно излагал материал, свои мысли, развивал то или иное положение «Что делать?». У него была непреодолимая потребность делиться с Надеждой Константиновной всем, что его волнует и мучает. Больше всего говорили, конечно, об «Искре».

До приезда Крупской секретарем газеты была Инна Германовна Смидович (Леман), но Владимир Ильич сразу оговорил, что секретарствовать после приезда будет Надежда Константиновна. Ей он мог доверить это серьезнейшее дело. К счастью, у Плеханова не было своих кандидатур, да и смотрел он на «Искру» как на что-то второстепенное, занимаясь в основном журналом «Заря».

Постепенно объем работы секретаря стал колоссальным. Письма из России привозили по различным адресам во многие города Германии, оттуда их пересылали доктору Леману в Берлин, а он передавал почту в редакцию. Каждое письмо надо

было расшифровать, переписать, извлечь из него материал для корреспонденций. Ответ в Россию также проходил несколько этапов: писалось ординарное письмо с домашними новостями, а в него «химией» между строк вписывалось зашифрованное ленинское письмо или ответ редакции. При этом с каждого зашифрованного письма непременно снимали копию.

Часами сидела Надежда Константиновна над шифровкой. Как правило, ключом служило какое-либо стихотворение, иногда отдельные страницы прозаических произведений. Внешне шифр был прост: каждая буква писалась в виде дроби — заранее обусловленного стихотворения: числитель означал строку, а знаменатель — букву. Строжайше требовалось, чтобы одна и та же буква имела разные дробные обозначения. Не зная ключа, письмо прочесть практически было невозможно, логическая расшифровка исключалась именно разным обозначением одной и той же буквы. Ключ знала только Надежда Константиновна. Для Дмитрия Ильича ключом было надсоновское стихотворение «Мгновение», лермонтовская «Дума» — для Ивана Ивановича Радченко, у Красина ключ — «Песня Катерины» Некрасова. Сложным был ключ у Северного союза русских социал-демократов — ленинская работа «Развитие капитализма в России», а Лидия Михайловна Книпович и Харьковский комитет взяли ключом для шифра «Биографию Спинозы» издания Павленкова. «Мне казалось, что я родилась с пером в руке», — сказала как-то Надежда Константиновна об этом периоде своей работы. Даже во сне ей снились шифровки, написанные «химией», она боялась забыть нужное стихотворение. Просыпалась, лежала в темноте, перебирая в памяти неотложные дела. Каждая шифровка — это ниточка, тянувшаяся в Россию.

Копии писем, сделанные Надеждой Константиновной, заняли около 20 ученических тетрадей. Сохраненные во время многочисленных переездов, они впоследствии составили очень ценную и важную часть партийного архива. Переписка редакции «Искры» и «Зари» с зарубежными и русскими адресатами подтверждает связи Ленина с огромным количеством лиц.

Если первое время, когда он приехал за границу, его адресатами в России чаще всего являлись лица, знакомые ему по работе в Поволжье, Питере, Москве, или те, с кем он познакомился в ссылке, то с началом выхода «Искры» круг его сторонников необыкновенно расширился. Просматривая переписку, можно увидеть и оценить роль Крупской как секретаря «Искры». Она организует транспорт, связывает между собой разрозненные группы, собирает средства. Она пишет письма отдельно или делает приписки к письмам Владимира Ильича.

Каждое письмо содержит массу информации. Вот одно из характернейших писем, посланное Крупской Лидии Михайловне Книпович в Астрахань из Мюнхена 28 мая 1901 года: «В Персию послана литература (из Берлина) 4-мя посылками, все так, как было писано (послано: 3-й номер «Искры», «Заря», «Записка Витте», «Женщина-работница», «Майские дни»), теперь уже послано, верно, все. Сообщи, так ли все сделано? Как скоро может быть доставлена литература? Это все важно знать, чтоб выяснить, годен ли этот путь для доставки №№ «Искры» или только для брошюр и т. п. Напиши, что знаешь.

Из <Баку> полученную литературу лучше всего будет отправлять в Полтаву. Туда или посылать по почте или человека. Адрес для явки, для почты… пароль… (Адреса, подлинные имена и пароли Надежда Константиновна в копиях не указывала. — *Авт.*) Хорошо бы повидаться с Любой (Лейбой), найти ее в Харькове. Кроме того, мы написали в Самару, думаем устроить там склад литературы для центра (для севера у нас есть Псков и Смоленск). С центром иметь сношения можно через Воронеж (адреса), а с Уралом через Уфу (адрес)».

В отличие от Плеханова и его группы, долго проживших вдали от родины и растерявших там всякие связи, Ленин находился в курсе всего, что происходило в России, — «Искра» откликалась на все российские события.

17 июня 1901 года Ленин и Крупская пишут Бабушкину в Покров.

Ленин просит его написать статью о жизни иваново-вознесенских рабочих в ответ на клеветнический материал о них, помещенный в журнале «Русское богатство», где постарались изобразить рабочих людьми без запросов и стремлений, людьми, лишенными солидарности. «…Напишите по поводу них статью или заметку, постарайтесь собрать как можно больше фактических данных. Очень важно бы было поместить в «Искре» или «Заре» опровержение этого вздора со стороны рабочего, близко знакомого с жизнью Иваново-Вознесенска. Ваши корреспонденции помещены. Получили ли письмо от 3.VI? Видели ли новые номера? Имеете ли заработок?» (Слова «статью или», «или Заре» вписаны в письмо Владимиром Ильичем, слово «рабочего» он подчеркнул тремя чертами. — *Авт.*)

Скоро почерк Крупской знали во многих уголках огромной страны. В департаменте полиции все чаще при обысках стали находить письма, в конце которых стоит короткое «Катя». И вот в ее «дело», составленное полицией, ложится новое донесение: «Проживая во второй половине 1901 года за границей, она под именем «Кати» вела из разных заграничных городов оживленную

конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искры».

Связи «Искры» росли и крепли с каждым днем. Там, на родине, создавался широчайший круг сторонников газеты, ее корреспондентов и распространителей, и все связи были сосредоточены в руках Надежды Константиновны. Часто только она одна знала, кто где живет, под каким именем, каким путем идут письма, как отправляются транспорты нелегальной литературы.

В маленькой квартирке «доктора Иорданова» всегда было полно людей. Завязывались связи с корреспондентами не только в России, но и в Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции. «Искра» выходила на международную арену.

Доставка газеты чаще всего осуществлялась в чемоданах с двойным дном. За время с начала печатания «Искры» и до февраля 1902 года было отправлено 60 таких чемоданов. Их посылали и со специальными агентами, и с оказией. Это было и неудобно, и не очень надежно, так как оказия посылалась не в то место, где именно в данный момент требовалась литература, а туда, куда следовал человек, согласившийся взять чемодан. Многие из таких людей были случайны, неопытны и вносили в дело неразбериху.

Позднее Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна наладили «производство» так называемых «корсетов». Они шили широкий пояс с большими карманами, куда закладывали иногда до сотни номеров «Искры», напечатанной на папиросной бумаге. «Корсет» надевался прямо на тело, под одежду и служил довольно надежно. Ведь переезжающих границу не обыскивали, для этого нужно было особое указание полиции, а чемоданы просматривали все.

Пути, которыми шла в Россию искровская литература, сейчас кажутся просто фантастическими. Транспорт латышей — через Мемель — предполагал в последнем звене использование контрабандиста; транспорт через Румынию наладила кишиневская группа газеты «Русский рабочий». Транспорт «Лошади» — или через Персию — шел через Вену — Тавриз на Баку. Последний переезд совершался на лошадях, отсюда и его название. Один из транспортов шел через Швецию, другой через Египет.

Сколько сил нужно было вложить, чтобы раздобыть средства на издание «Искры» и «Зари»! «Предприятие не окупается», — пишет в одном из писем Надежда Константиновна. Типографии

нужен постоянный приток средств, поступают же они тоненькими ручейками. Вот почему так нуждаются Ульяновы за границей. Они не хотят брать из партийной кассы ни копейки, а литературный заработок Ленина невелик и непостоянен. Помогает Елизавета Васильевна, получающая скромную пенсию, помогает и Мария Александровна. Газета поглощает все силы Надежды Константиновны и Владимира Ильича, все их время, ею заняты их мысли. Но они внимательно присматриваются к жизни рабочих тех стран, где им придется прожить 15 лет.

В 1901 году впервые немецкой социал-демократии было разрешено правительством устроить шествие в день 1 Мая.

Шествие было разрешено за городом, чтобы рабочие не скапливались на улицах. Удивленно смотрели Владимир Ильич и Надежда Константиновна, с нетерпением ждавшие этого дня, на довольно большие колонны рабочих, быстро шагавших вместе с женами и детьми. Шли к загородному ресторану пить пиво. Не чувствовалось сплоченности, подъема, это была просто майская прогулка, совсем непохожая на демонстрацию во имя торжества дела рабочего класса. Разочарованные вернулись Ульяновы домой и опять мечтали о том, что будут другие первомайские демонстрации — массовые, сплоченные, они прокатятся по всему земному шару, покажут силу единства трудящихся.

В мае в Мюнхен приехала Елизавета Васильевна. Еще раньше как-то во время прогулки «Ильичи» оказались в тихом предместье города — Швабинге, рядом был лес, река. Присмотрели удобную с точки зрения конспирации квартиру в большом, только что отстроенном доме. Плата квартирная была умеренная. Удобств и комфорта хозяева не обещали, но зато жильцов было много, никто друг друга не знал, чужой жизнью не интересовался, не то что в маленьком домишке, когда вся жизнь на виду. Это обстоятельство Ульяновых очень устраивало. Правда, пришлось обзаводиться хозяйством. Мебель купили на распродаже по дешевке. Крупская так описала их комнату: «…комната была небольшая, продолговатая, посредине стоял длинный деревянный стол, деревянные стулья, никаких портретов по стенам не висело (мы жили под фамилией Иордановых). Насколько скромна была обстановка, видно из того, что при отъезде мы всю обстановку продали за 12 марок».

В начале 1901 года пришла посылка из Кишинева, где удалось организовать типографию для печатания нелегальной литературы. Посылка несказанно обрадовала Надежду Константиновну: там была ее первая книга — «Женщина-работница» — пусть в сером бумажном переплете, на желтой бумаге — какое это имело значение. Так было приятно держать в

руках пахнущую типографской краской свою книгу, плод бессонных ночей, выражение своих мыслей. Надежду Константиновну поздравили мать и Владимир Ильич.

Брошюру стали рассылать по конспиративным адресам. Организатору кишиневской типографии Л. И. Гольдману Надежда Константиновна писала: «Акиму. Дорогой товарищ! порадовали же Вы нас своей посылкой! Сделано великолепно, это заявление даже Цветова».

Вторично, уже легально, брошюра Надежды Константиновны была напечатана в России в 1905 году, в разгар первой русской революции, и сразу привлекла внимание «властей предержащих». Вологодский губернатор запросил Главное управление по делам печати, дозволена ли эта книжка к свободному обращению, или она запрещена. 22 августа 1906 года состоялось специальное заседание Петербургского комитета по делам печати, где отставной тайный советник П. И. Воршев доложил: «Брошюра эта в С.-Петербургский комитет по делам печати представлена не была. Автор ее изображает бесправное и тяжелое положение женщины-работницы в России как в семье, в роли матери и жены, так равно и труженицы на фабриках и в деревнях, причем приходит к заключению, что только изменение положения рабочего класса на основах социалистического строя повлечет за собой перемену к лучшему в положении женщины-работницы».

Комитет по делам печати нашел, что в содержании брошюры есть все признаки преступления, предусмотренные статьей 128 Уголовного уложения 1903 года. Статья эта карает за «…оказание дерзостного неуважения верховной власти или порицание установленного основными государственными законами образа правления». Было решено возбудить судебное преследование против автора книги — Н. Саблиной — и всех лиц, участвовавших в издании брошюры, на брошюру наложить арест. 18 сентября 1906 года Петербургская судебная палата утвердила арест. С большевистской литературой царизм обращался как с действенным, сильным, живым врагом, и о книге Надежды Константиновны не забывали. Уголовное преследование прекратили по амнистии 1913 года в связи с 300-летием дома Романовых, но 28 ноября 1914 года было принято новое постановление — уничтожить брошюру. 2 апреля 1915 года брошюра была уничтожена «посредством разрывания на мелкие части» в типографии петроградского градоначальника.

С приездом Елизаветы Васильевны у Крупской стало больше времени для партийной и своей собственной работы: мать взяла на себя ведение хозяйства.

Еще в первые месяцы пребывания за границей Надежда

Константиновна начинает подумывать об изучении постановки дела народного образования в Европе. В письме к Марии Александровне из Мюнхена от 11 июня 1901 года она делится своими планами: «Собираюсь я посещать здешние школы. Тут какое-то царство детей. Все к ним так внимательны, и детишки такие славные, здоровые. Я бывала в наших городских школах и невольно сравниваю и нахожу, что детям тут живется куда лучше».

С помощью жившего по соседству немецкого социал-демократа Парвуса она получает разрешение посещать государственные и частные учебные заведения. Внимательно вчитывается она в учебники, приглядывается к методике преподавания.

Как-то Надежда Константиновна одна пошла в Мюнхенскую картинную галерею (Владимир Ильич бывал там раньше). Она любила эти минуты тихого, спокойного раздумья. Медленно шла она по огромным, почти пустым залам. Она понимала живопись, умела почувствовать настроение художника, оценить его мастерство.

В одном из залов группа школьников во главе с учительницей стояла перед «Оплакиванием Христа» — шедевром Дюрера — гордостью Мюнхенской пинакотеки. Надежда Константиновна подошла ближе, прислушалась. Сплошной религиозный экстаз, умиление «страстями господними» и ни слова о начале XVI века, когда была написана картина, о тех общечеловеческих чувствах, которые так ярко сумел передать гениальный художник, чем эта картина отличается от других полотен, написанных на эту же тему. Ребята послушно и молча стояли перед картиной, и в глазах их было равнодушие, отсутствовала радость познания, общения с прекрасным. Смотрела Надежда Константиновна на серьезные личики ребят и вспоминала, как много они говорили о живописи с отцом, и Константин Игнатьевич всегда умел перебросить невидимый мостик от прошлого к настоящему и будущему. Задумчиво возвращалась Крупская домой. Она размышляла об эстетическом воспитании ребенка, о том огромном влиянии, которое может и должно оказывать искусство на формирование мировоззрения человека.

Теперь она тоже не редкий гость в мюнхенской библиотеке, она изучает труды немецких педагогов, составляет конспекты. Часто они говорят с матерью о проблемах педагогики и ее опыте воспитательницы.

К осмотру великолепного анатомического музея и немецкого музея, посвященного развитию техники, Надежда Константиновна «привлекла» и Владимира Ильича. Поражали прекрасные

аннотации, систематизация и классификация материала. Но к концу осмотра Надежда Константиновна заскучала. Вся экспозиция музея была явно рассчитана на специалистов, совершенно недоступна рабочим и работницам, непонятна и неинтересна школьникам. Поэтому и пустовал музей, только редкие туристы бродили по огромным залам.

Политическая обстановка в среде русской социал-демократической эмиграции между тем накалялась. Все больше определялось размежевание различных групп.

Кое-кто из вчерашних друзей стал недоверчив, подозрителен. Так, Надежде Константиновне внушают тревогу письма Аполлинарии Александровны Якубовой, с которой когда-то учительствовала за Невской заставой. Муж Якубовой Тахтарев издает за границей журнал «Рабочая мысль». Журнал этот все больше скатывается на бернштейнианские позиции. Правда, и социал-демократы, собиравшиеся вокруг «Рабочей мысли», и другие группы понимают, что без «Искры» им не завоевать прочного положения в массах.

В октябре 1901 года в Цюрихе собирается объединительный съезд русских заграничных социал-демократических организаций. Съезжаются представители «Искры» и «Зари» (всего пять человек), среди них Ленин, Крупская, Мартов, восемь членов организации «Социал-демократ» (в том числе Плеханов, Засулич, Аксельрод), 16 человек от «Союза русских социал-демократов» (особенно активно выступали редакторы «Рабочего дела» Кричевский и Акимов), три члена рязановской группы «Борьба». Здесь Надежда Константиновна впервые увидела Георгия Валентиновича Плеханова.

В Цюрихе все остановились в одном отеле. Вечером встретились в ресторане, за одним столом. Всю дорогу Вера Ивановна и Владимир Ильич говорили о необыкновенном уме, таланте, гении Плеханова, о его заслугах и перед русским, и перед европейским социал-демократическим движением. «Жорж — титан, — повторяла Засулич, — Прометей». Крупская давно привыкла преклоняться перед первопроходцем, человеком, познакомившим Россию с Марксом. Но человек, сидевший за столиком ресторана, ослепляя блеском остроумия, подавляя эрудицией, вызвал у нее ассоциацию с гранитным монументом.

Надежда Константиновна писала впоследствии: «Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал…

Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций», — бросили ему противники.

Этот раскол пережит был совсем безболезненно. Мартов, Ленин не работали вместе с «Рабочим делом»; в сущности, разрыва не было, потому что не было совместной работы. Плеханов же был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему приходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив.

Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо.

Только иногда чуть, капельку, проскальзывала разница в подходах к некоторым вопросам».

По инициативе Владимира Ильича члены организации «Искры», «Зари», «Социал-демократа» создали «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии», которая ставила своей задачей вербовать сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживать газету, организовывать ее доставку в Россию и издавать популярную марксистскую литературу.

Наступил прощальный вечер. Сидели в уютном кафе. Рядом в гимнастическом зале рабочие фехтовали, сражаясь картонными мечами. Георгий Валентинович пошутил: «Вот и мы в будущем строе будем так сражаться». Все по-разному восприняли реплику, но никто не ответил. Когда возвращались в отель, Аксельрод, шедший рядом с Надеждой Константиновной, сказал, развивая тему плехановской шутки: «В будущем строе будет смертельная скука, никакой борьбы не будет». Она не захотела спорить, но про себя подумала: «Зачем он так? Или для них это слишком далеко, и потому они позволяют себе только шутить о будущем? Или марксистская диалектика воспринимается ими что-то слишком по-своему?»

Вернувшись в Мюнхен, Владимир Ильич засел за окончание «Что делать?», а Надежда Константиновна все силы отдает «Искре», которая приобретает колоссальное влияние. На очередь дня ставится вопрос о разработке программы партии, о подготовке партийного съезда. И в этот период начинают обостряться разногласия внутри редакции. Все заметнее становятся оппортунистические нотки в разговорах Мартова, мечется между Лениным и Плехановым Засулич, уклоняется от принципиальных оценок Аксельрод. Подолгу беседуют Владимир Ильич и Надежда Константиновна, стремясь найти исток разногласий, и все больше убеждаются, что трещины слишком

глубоки, их не замазать, да и надо ли это делать.

Приехав из России, где они вели большую практическую работу, Ульяновы не только не потеряли, а, напротив, укрепили свои связи с русским рабочим классом. «Искра» вызвала к политической жизни широкие рабочие массы, именно из них стремился Ленин заложить фундамент партии — истинно революционной, марксистской, действенной. Плеханов настолько врос в заграничную жизнь, что даже дочери его почти не говорили по-русски. Для него русский рабочий остался таким, каким он был в 80-х годах. Поэтому боевые, действенные тезисы ленинской программы казались ему преждевременными и беспочвенными.

В январе 1902 года Аксельрод и Плеханов приехали в Мюнхен для обсуждения программы партии. Встреча была теплой, но скоро все изменилось. «Плеханов нападал на некоторые места наброска программы, сделанного Лениным, — пишет Надежда Константиновна, — Вера Ивановна не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться».

Надежда Константиновна знала, что изменившиеся отношения с Мартовым мучили Владимира Ильича, и, ясно видя, что худшее еще впереди, старалась уберечь мужа от горечи разочарования в человеке. Она видела, как ревниво относится Мартов к редакционным замечаниям, как до хрипоты спорит из-за малейшего оттенка в слове, как кипятится, получая корреспонденции из России, стараясь принизить их значение. Очень обидно, что долголетняя привычка слушать Плеханова как оракула мешает Засулич занять объективную, правильную позицию.

Давая критический анализ программы партии, составленной Плехановым, Владимир Ильич в то же время написал свой проект программы — так называемый «Проект Фрея» (один из псевдонимов В. И. Ленина. — *Авт.*). Ленин внес в программу важнейший пункт о диктатуре пролетариата, о руководящей роли рабочего класса.

В результате большой, напряженной работы, ведя борьбу с самыми близкими товарищами — с Засулич, Мартовым, Плехановым, разногласия с которыми заходили все дальше,

Владимир Ильич совсем «изнервничался». Он писал позже Плеханову из Лондона: «Нервы мои истрепаны «в лоск», и я чувствую себя совершенно больным».

Владимир Ильич настоял на утверждении марксистского проекта программы РСДРП. Обсуждение было закончено в конце мая, а в июне, когда Ульяновы были уже в Лондоне, проект программы РСДРП был опубликован в 21-м номере «Искры».

Тем временем в Мюнхене положение «Искры» резко ухудшилось. На след газеты напала полиция. Владелец типографии категорически отказывался дальше печатать газету, боясь ареста и штрафа. Встал вопрос, куда переносить издание. Плеханов и Аксельрод стояли за Швейцарию, но большинство проголосовало за Лондон.

К концу марта все было подготовлено для переезда. Здесь, в Мюнхене, еще напечатают несколько номеров газеты, материал которых уже подобрали. Надежда Константиновна отправляет мать в Петербург. «Как-то еще мы в Лондоне устроимся»; Елизавета Васильевна полностью разделяет взгляды дочери и зятя, каждая разлука с ними тяжела для нее.

«Этот мюнхенский период вспоминался нами после как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее», — напишет Крупская через много-много лет.

30 марта 1902 года они выезжают в Лондон через Кёльн и Льеж.

В Льеже их ждала очень приятная встреча со старыми друзьями — Николаем Леонидовичем и Анной Ивановной Мещеряковыми.

В городе было неспокойно. Это сразу чувствовалось, Мещеряковы объяснили, что незадолго перед этим войска оружием подавили рабочую забастовку, в то время как социал-демократические лидеры занимали миротворческую позицию. Рабочие тянулись к Народному дому, но собрания было решено провести по всем рабочим кварталам. Владимир Ильич захотел непременно посмотреть Народный дом и остался недоволен, оценив его местоположение с точки зрения восстания. Дом стоял как бы в тупике, площадь шла замкнутым кольцом, и рабочих легко было запереть здесь, как в ловушке.

Уезжая из Мюнхена, Ульяновы послали телеграмму Н. А. Алексееву, одному из членов «Союза борьба», который в 1899 году бежал из ссылки и жил в Лондоне, с просьбой встретить их и помочь устроиться на первых порах. Алексеев жил в столице

Англии уже третий год, прекрасно знал обстановку, в совершенстве владел английским языком. С вокзала он отвез их в так называемую «спальную комнату» — такие комнаты сдавались владельцами больших квартир. К счастью, паспорта не потребовалось.

На другой день встретились с Аполлинарией Александровной Якубовой и ее мужем. Те очень обрадовались Ульяновым. Хотя и старались не говорить о газете «Рабочая мысль», где Тахтарев отстаивал взгляды экономистов, в отношениях все-таки чувствовалась некоторая напряженность. Тахтаревы помогли найти удобную и сравнительно дешевую квартиру, хозяйка которой миссис Йо нимало не заботилась о паспортном режиме и спокойно записала в домовой книге супругов Рихтер, но была совершенно шокирована тем, что «миссис Рихтер» не носит обручального кольца. Пришлось Аполлинарии Александровне заявить миссис Йо, что ее жильцы законные супруги и, если она будет в этом сомневаться, ее могут привлечь к судебной ответственности за диффамацию, то есть клевету. Хозяйка успокоилась, но взяла реванш на занавесках. Она была потрясена скромностью обстановки своих постояльцев и совершенно не могла примириться с отсутствием занавесок на окнах. Пришлось занавески повесить во избежание бесконечных препирательств с «респектабельной» хозяйкой.

Привыкали Ульяновы к Лондону с трудом, несмотря на то, что огромная дымная громада крупнейшего промышленного центра Европы вызывала у Владимира Ильича неиссякаемый интерес. Здесь разделение на имущих и неимущих особенно бросалось в глаза.

Ульяновы знакомились с жизнью Лондона своим привычным методом — входить в гущу жизни, наблюдать ее во всех ее проявлениях. Правда, первое время подводил английский язык. Так как оба изучали его по самоучителю, оказалось, что их представление о произношении ничего общего с действительностью не имеет. Ни их никто не понимал, ни они никого не понимали. Надежда Константиновна позднее любила рассказывать, как, стесняясь своего произношения, она письменно объяснялась с хозяином лавки, где брала продукты. Тот считал её глухонемой и однажды чуть не онемел от неожиданности, когда Крупская все-таки решилась заговорить. Язык надо было знать, и в журнале «Атенеум» Владимир Ильич поместил объявление: «Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или англичанки) в обмен на уроки русского языка. Письма направляйте г. Я. Рихтеру, 30, Холфорд-сквер, Пентонвилл».

Откликнулись три человека — служащий издательской фирмы Раймонд, конторский служащий Вильямс и рабочий Йонг.

Ульяновых поразило засилье мещанства в различных слоях английского общества. Через несколько уроков мистер Раймонд заявил Надежде Константиновне, что в душе он социалист, но не высказывает своих взглядов, так как социализм придет и без его помощи, а он может потерять работу — его хозяин не держит социалистов. Мистер Раймонд был шокирован, когда Надежда Константиновна искренне рассмеялась, выслушав его сентенцию. Он не мог понять, что тут смешного, — ведь у него жена, дети, он должен подумать о них прежде всего.

Ленин и Крупская посещали различные рабочие митинги, слушали ораторов в знаменитом Гайд-парке. Конечно, познакомились и с музейными достопримечательностями. Излюбленным способом знакомства с Лондоном стали поездки на верхней площадке омнибуса из одного конца города в другой.

В Лондоне собралась почти вся редакция «Искры». Мартов и Засулич поселились коммуной в одной квартире с Алексеевым. Самую большую комнату сделали общей, где проходили деловые встречи и обсуждения. Плеханов дал этой комнате меткое название «вертеп» за царивший там чудовищный беспорядок.

Первую половину дня Владимир Ильич работал в библиотеке Британского музея, а Надежда Константиновна занималась редакционными делами, вместе с Мартовым разбирала и обсуждала почту.

Маленькая квартирка «Ильичей» (приехала Елизавета Васильевна, и они опять зажили своим хозяйством) очень скоро стала притягательным центром русской эмиграции. Как и в Мюнхене, все связи, вся переписка сосредоточились в руках Надежды Константиновны. К Ленину постоянно приезжали сторонники «Искры», задачей Крупской было каждого подробно выспросить о положении в том комитете, откуда товарищ прибыл, разъяснить обстановку, снабдить адресами и литературой. За годы, прошедшие со дня создания «Союза борьбы», организации неизмеримо выросли и возмужали.

Раскол в редакции «Искры» уже невозможно было скрыть, теперь все зависело от того, кого поддержат комитеты социал-демократов в России. А комитеты тогда были разобщены, вели работу каждый на свой страх и риск. Дело осложнилось огромным провалом в феврале 1902 года, когда была схвачена большая часть искровских агентов. М. Эссен писала о работе Крупской в тот период: «Надежда Константиновна была незаменимым секретарем редакции старой «Искры» и «Вперед», и вся огромная работа по организации связи с партийными

комитетами в России, по распределению сил, подготовке ко II и III съездам партии лежала целиком на ее плечах. В ее руках сосредоточивались все нити, все связи с большевистским подпольем, которые беспрерывно рвались из-за арестов товарищей, провалов явок и адресов и которые она с изумительным терпением и большевистской настойчивостью вновь и вновь восстанавливала. Только, бывало, наладится связь с северными комитетами, приходит известие о провале южных. Надежда Константиновна ходит огорченная, опечаленная, ломая голову, кого бы послать в Одессу, Киев, Николаев на место арестованных товарищей. Наладилась работа на юге — начались провалы в Центральной России, на Кавказе, на Урале. Иногда товарищи, занятые повседневной горячей работой, просто не успевают вовремя написать, и Надежда Константиновна начинает тревожиться, не случилось ли чего: «что-то долго нет известий из Питера, Москвы». Мы даже иногда посмеивались над ее необоснованными тревогами, но, увы, в большинстве случаев эти тревоги оказывались не напрасными».

«Искра» приобретала все большее влияние на комитеты РСДРП в России. «Экономизм» был идейно разбит, был заложен фундамент сплоченной боевой пролетарской партии, и Ленин выдвигает задачу созыва II съезда партии. Предвидя неизбежность острой идейной борьбы на съезде, он разъясняет русским марксистам необходимость принять искровскую программу и искровские организационные принципы.

Ленин провел в Лондоне в августе 1902 года совещание с представителями Петербургского комитета РСДРП, русской организации «Искры» и «Северного союза РСДРП». На этом совещании было создано искровское ядро организационного комитета по подготовке II съезда.

Все дни у Владимира Ильича и Надежды Константиновны проходили в напряженной работе. В редкие минуты отдыха они чаще всего отправлялись побродить где-нибудь в окрестностях Лондона, подальше от «задымленной громады».

Осень 1902 года в Лондоне была на редкость солнечная и сухая, что нечасто случалось в стране тумана. «Погода здесь стоит для осени удивительно хорошая — должно быть в возмездие за плохое лето. Мы с Надей уже не раз отправлялись искать — и находили — хорошие пригороды с «настоящей природой», — пишет Владимир Ильич матери.

Иногда собирались друзья и все вместе отправлялись на велосипедах за город. Надежда Константиновна очень любила такие поездки. Они давали возможность хотя бы на некоторое время выключиться из напряженного ритма работы, передохнуть

и отвлечься. Иногда забирали с собой Елизавету Васильевну и уезжали на целый день, но такой отдых позволяли себе только в воскресные дни. Изредка удавалось выбраться в театр или на хороший концерт. Здесь, в Лондоне, впервые Ульяновы услышали 6-ю симфонию Чайковского. И Надежда Константиновна, и Владимир Ильич очень любили музыку. «Как в России побывали», — тихо сказал Владимир Ильич. Оба они тосковали по родине. А сколько еще придется жить вдали от нее!

В одном из писем к Марии Александровне Надежда Константиновна дала волю чувствам; сообщая о своем житье-бытье, о том, что Владимир Ильич уехал в Париж, о том, что Елизавета Васильевна болела, она на одном дыханье пишет: «… Как бы охотно побывала я теперь у вас! В последнем письме Вы пишете о квартире, и я так живо представила себе, как Вы там живете, целую картину себе нарисовала, как на улице мороз, как в комнате печка топится, как Вы ждете Маню со службы, как Маня с морозу пришла. Наверное, самарская жизнь на уфимскую похожа. «Дайте крылья мне перелетные»… Однако я совсем уже вздор стала болтать. Иногда ужасно тянет в Россию, а сегодня особенно. Впрочем, у меня всегда так: все куда-нибудь тянет».

Внутренний мир Надежды Константиновны богат. Она полна интереса к людям, но томится в присутствии нигилистических политиканствующих дам, совсем не выносит мещанства, свойственного многим лидерам западноевропейской социал-демократии и их женам. Ей кажется диким, что человек, занимающийся политикой, дома становится обыкновенным мещанином.

Выступая на одном из заседаний Главполитпросвета, Надежда Константиновна скажет:

> «Для II Интернационала характерен был разрыв между бытом и теоретическими вопросами. Какой-нибудь докладчик социал-демократ выступает на собрании и высказывает очень радикальные взгляды, а приходит домой и становится обычным бюргером, мещанином. Мы во время эмиграции жили с Владимиром Ильичем в Лондоне. К нам приходил один товарищ, которым была написана прекрасная (по тому времени) книжка по английскому рабочему движению. Если он приходил и не заставал Владимира Ильича, он начинал со мной говорить на «женские» темы: скверно жить одному, как собака живешь, белье не стирано, хозяйство плохое надо-де ему жениться, взять хозяйку в дом».

Они с Владимиром Ильичем посвятили всю свою жизнь революционной борьбе, и в этой борьбе прежде всего заключалось их счастье. Через много лет Надежда Константиновна с полным правом напишет о Ленине: «Никогда не мог бы он полюбить женщину, в которой он расходился бы во взглядах, которая не была бы товарищем по работе». Все, кто хорошо знал Ульяновых, отмечают их полное единодушие, единомыслие и большое внимание друг к другу, большую заботу друг о друге.

1902 год в Лондоне был далеко не легким для Ульяновых.

Владимир Ильич упорно продолжает разработку аргументаций основных положений партийной программы. Придерживаясь принципа коллегиальности, он посылает свою работу для согласования Плеханову и другим членам редакции «Искры». Плеханов делает замечания в таком тоне, что, не выдержав, Ленин пишет ему:

«Получил статью с Вашими замечаниями. (Речь идет о статье «Аграрная программа русской социал-демократии». — *Авт.*) Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о «голосовании» предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и даже «голосовании» насчет стиля. Хотел бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения. *Н. Ленин*».

Письмо это было написано 14 мая 1902 года и послано из Лондона в Женеву. Такие неустойчивые отношения (Плеханов напишет примирительное письмо) будут продолжаться вплоть до окончательного разрыва в 1903 году. Все это не могло не сказаться на самочувствии Владимира Ильича.

Надежда Константиновна очень обрадовалась, когда узнала, что во Францию приезжают Мария Александровна и Анна Ильинична и Владимиру Ильичу представляется возможность отдохнуть и, главное, увидеть мать — он так ждал этого свидания. Хотелось поехать вместе с ним, но оставить редакцию было невозможно — время горячее. Подготовка к съезду шла полным ходом, надо было Ленина постоянно держать в курсе всех событий. Надежда Константиновна скрывает свою усталость, свою печаль. Никто не должен этого заметить.

Сначала Ленин отправился в Париж. Он прочел здесь реферат на собрании русских политэмигрантов о программе и тактике

эсеров. Затем около месяца он прожил с матерью и сестрой в маленьком местечке Логиви на юге Франции. Сюда, в Логиви, пришло от Надежды Константиновны письмо с сообщением, что в Швейцарии предполагается съезд искровцев, работающих в России. Очевидно, этот съезд задумал Дейч, пользуясь тем, что в Швейцарии находились приехавшие из России Лепешинский, Носков, Щеколдин. Эту идею поддержали Плеханов и Аксельрод. Ответное письмо Ленина Надежде Константиновне, одно из немногих сохранившихся из их переписки, показывает нам всю глубину их взаимопонимания, то огромное доверие, которое связывало их. Владимир Ильич пишет: «16.VII.02.

Прилагаю письмо к Аркадию.

Получил сегодня твое письмо, корректуры и деньги. Merci.

Насчет «съезда» в Швейцарии вообще какая-то проклятая путаница выходит. Кто это (прежде всего) задумал «съезд»? *Не мы.* Это сочинил, вероятно, Б. Н., которого надо бы посерьезнев пробрать за легкомыслие (поездка по заграницe, болтовня с Кореневским о съезде и т. д.); если еще не сделала этого, то, пожалуйста, *пробери хорошенько.* Я бы думал сам, но тебе, кажется, лучше, а то я уж очень сердит… Постарайся *всячески* наседать на Л. Гр., чтобы разубедить его: он неясно себе представляет, *из кого, для чего* и *как* будет этот «съезд».

Твой…

Корректуры, я считаю, возвращать не надо? N'est ce pas?

А что же статья В. И., разве не набрана?

Пожалуйста, не забудь: в моей аграрной статье есть цитата из Булгакова: т.? с.? Так нельзя оставить, и если я не приеду раньше и не увижу еще корректуры, то ты вычеркни не все примечание, а только эти слова: «т. — с. —».

Как-то вечером в начале октября 1902 года раздался стук в дверь. Надежда Константиновна открыла — перед ней стоял Иван Васильевич Бабушкин. Когда он снял шляпу, раздался гомерический хохот Владимира Ильича, смеялась даже всегда сдержанная Елизавета Васильевна — волосы Бабушкина были ярко-малинового цвета. «Это вы в таком виде через всю Европу?» — спросила Крупская. «Меня в целях конспирации после побега из екатеринославской тюрьмы выкрасили каким-то патентованным средством — и вот результат. Сам удивляюсь, как мимо полиции проскочил».

Бабушкин был уже стойкий политический боец, он перевидал массу рабочих организаций, прошел хорошую школу борьбы, обо всем имел свое мнение и умел это мнение отстаивать. О русских

делах Иван Васильевич предпочитал говорить только с Владимиром Ильичем. При этом Бабушкин высказывал дельные, меткие замечания, и на него не действовали обычные плехановские шуточки, вроде «ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я уже был революционером». В ответ на эту шутку, сказанную во время серьезного разговора, Иван Васильевич спокойно спросил: «А как это относится к тому, что я рассказываю?» У Георгия Валентиновича стало такое выражение лица, что Крупская поспешно вышла в другую комнату, чтобы не расхохотаться. Плеханов начал внимательно приглядываться к Бабушкину — такого рабочего он видел впервые. Еще больше вырос Иван Васильевич в глазах Плеханова, когда, придя в коммуну, Георгий Валентинович увидел в «вертепе» идеальный порядок. Вера Ивановна кивнула в сторону Бабушкина: «Его работа». «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга нужна, а сам он за собой прибрать не умеет», — не без сарказма ответил Иван Васильевич.

К осени 1902 года относится и появление в Лондоне после дерзостного побега из киевской тюрьмы девяти искровцев: Баумана, Крохмаля, Литвинова, Таршиса (Пятницкого) и других.

В ноябре был создан специальный организационный комитет для подготовки съезда, которому «Искра» передала все свои русские связи. Владимир Ильич поручил Надежде Константиновне подготовить и написать доклад организации «Искры» II съезду РСДРП об организаторской работе в России за время с апреля 1901 года по ноябрь 1902 года. Она тотчас же засела за эту трудоемкую работу, но ее пришлось прервать в связи с переездом редакции «Искры» в Женеву, чего требовала группа «Освобождение труда».

Перед самым переездом Владимир Ильич заболел, сказалось огромное нервное и физическое переутомление. В то время Ульяновы были так ограничены в средствах, что им и в голову не пришло обратиться к английскому врачу — слишком это было дорого. И Надежда Константиновна, поставив по медицинским справочникам диагноз (совершенно неверный), стала лечить Владимира Ильича домашними средствами. Он метался от боли, Крупская проклинала европейские поезда, где не было спальных вагонов, ухаживала за мужем, не смыкая глаз.

В Женеве Владимира Ильича осмотрел настоящий доктор из эмигрантов и пришел в ужас от методов самолечения. Владимир Ильич пролежал две недели — у него был тяжелейший приступ нервной болезни — воспаление грудных и спинных нервных окончаний.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились в

рабочем предместье Сешерон (улица Шмен приве дю Фуайе, 10), где прожили до 17 июня 1904 года.

В Сешерон начали съезжаться из России делегаты съезда. Те, кто спешил на съезд партии, стремились прежде всего увидеть двух людей — Плеханова и Ленина, и эти две встречи часто оказывались решающими в выборе пути. Многие не подозревали, что редакция «Искры» далеко не едина.

Плеханов встречал делегатов радушно, но не мог и не хотел скрыть своего высокомерия, не терпел ни слова возражения, временами обрушивал на приехавших каскад острот, далеко не всегда безобидных. Мартов и Засулич сразу начинали жаловаться на плохой характер Ленина, вспоминая все мелкие обиды, и вызывали у приезжих недоумение — там, в России, идет борьба, люди ежедневно, ежечасно рискуют жизнью, а здесь делят места в редакции и не могут между собой договориться. Причем очень часто члены редакции показывают незнание русских дел.

Но, как только делегаты попадали к Ленину, их настроение резко менялось. Здесь они встречали полное понимание, видели, что люди живут русским революционным движением. Понимали, кто в действительности руководитель «Искры» и вождь партии. Велик был и контраст быта Плеханова и Ленина. Первый, если приглашал кого-либо к себе, — это был «прием», к Ленину шли как к товарищу, запросто. Поражала и обстановка, в которой жили Ульяновы. Вот как описывает ее М. Эссен:

«В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминающем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху спальня и рабочая комната Ильича. Две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло, и эта простота обстановки особенно хорошо действовала на рабочих. Все чувствовали себя как дома. Обычная дневная обстановка такова: Владимир Ильич сидит углубленный в работу или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или шифрует письма. Мать возится в несложным хозяйством».

В эти предсъездовские месяцы Надежда Константиновна не только занимается текущей искровской работой, не только встречает приезжих, помогая им устроиться, акклиматизироваться за границей, она заканчивает также свой

доклад ко II съезду партии. Уже то, что его писала для Мартова (тот должен был выступать на съезде по организационным вопросам) Надежда Константиновна, характеризует обстановку в газете. Никто, кроме Крупской, не обладал таким знанием положения дела на местах. К счастью, сохранилась рукопись этого доклада на 65 листах, составляющая две тетради. В предисловии к изданию 1928 года Надежда Константиновна писала: «Доклад организации «Искры» II съезду» написан мною. Владимир Ильич его просматривал (есть пара стилистических исправлений, сделанных его рукой)… Доклад охватывает период с апреля 1901 года до момента организации в России центра — Организационного комитета (ОК), т. е. до ноября 1902 г. Доклад касается лишь организационной стороны. Теперь он мне кажется мало удачным. Все же он дает картину той объединяющей работы, которую проделала организация «Искры» за вышеуказанный период».

Шаг за шагом прослеживает Надежда Константиновна расширение и углубление связей «Искры», дает характеристику отдельным центрам, созданным социал-демократами, пишет о героизме и самоотверженности тех, кто служил великой цели объединения всех социал-демократов России на подлинно марксистской основе. Страницы доклада Крупской — страницы суровой, беспощадной борьбы, свидетельство безграничной веры в победу правого дела.

Крупская приводит письма с мест, где подчеркивается, что рабочие, именно рабочие, требуют «Искру», читают ее, выделяют на нее средства из своих нелегальных касс. В то же время комитеты, где большинство интеллигентов, склоняющихся к экономизму, стараются скрыть газету от рабочих, обвиняя «Искру» во всех смертных грехах, вплоть до соглашения с либералами! Крупская пишет о том, как постепенно приучала «Искра» местных работников к общепартийной работе, цементировала их, объединяла, отучала от узкоместной работы, характеризует работу отдельных комитетов. Вот сообщение из Нижнего Новгорода от Пискунова, старого знакомого по Уфе: «Прежние приверженцы Рабочего Дела сдержанно отзываются о нем и не могут не признаться, что Искра гораздо интереснее, выдержаннее и талантливее. Пока все-таки они говорят о ней «эта газета», а не «наша» газета».

Крупская кончает доклад оптимистическими строками: «Мы надеемся, что съезд партии положит конец всем недоразумениям подобного рода и Российская социал-демократическая рабочая партия, обновленная, сильная своими единством и определенностью программы, с удесятеренными силами пойдет

быстрыми шагами вперед по намеченному пути».

Доклад окончен, обсужден, одобрен. Надежда Константиновна по-прежнему занята перепиской «Искры». Одно за другим поступают сообщения о присоединении комитетов к искровской платформе. Так, Сибирский социал-демократический союз пишет: «Товарищи! В январе 1903 г., как вам уже известно, Сибирский союз заявил себя комитетом партии, выразил свою полную солидарность с «Искрой» по вопросам теории и практики революционной борьбы и признал эту газету своим руководящим органом». Заявление Екатеринодарского комитета РСДРП выражает пожелание, чтобы на съезде произошло подлинное объединение всех социал-демократов на искровской основе, основе единственно правильной. Саратовский комитет ставит в известность о своей борьбе с эсерами. Рабочие требуют объяснить им платформы социал-демократов и социалистов-революционеров, поэтому комитет просит редакцию прислать литературу по этому вопросу. Много писем идет с сообщением о посылке делегатов на съезд.

После 1 мая в редакцию стали приходить письма с сообщениями о провалах, арестах во время демонстраций.

И опять Надежда Константиновна как секретарь редакции связывает разорванные нити, посылает новых людей, требует точности информации.

В Женеве собралась большая группа делегатов II партийного съезда. Огромной радостью для Владимира Ильича был приезд Дмитрия Ильича. «Разговорам не было конца», — пишет Крупская. Со стола в их небольшой квартирке не сходил чайник. Когда же хотелось поговорить по душам, в тишине, уходили в парк или на берег Женевского озера.

Как вспоминал М. Н. Лядов, «иногда в предсъездовских дискуссиях разгорался спор между Лениным и Мартовым, и как-то само собой случалось, что все приехавшие с местной работы из районов, где уже разгоралось массовое движение, где уже пахло близкой революцией, все тесней группировались вокруг Ленина, все более понимали, как важно для создающейся партии, что именно Ленин оказался во главе ее. Наоборот, все заграничники или приехавшие с тех мест, где еще массового движения не было, все выступали против Ленина, не понимали всей серьезности выставленных им положений. И действительно, при дальнейшем обострении отношений все работники с мест стали большевиками, а все заграничники — меньшевиками».

Настало время для отъезда в Брюссель, где намечалось провести съезд. Один из живших там плехановцев, Кольцов, договорился с лидером бельгийских социал-демократов

Вандервельде о безопасности съезда. Из Женевы выезжали группами. Явка была у Кольцовых. Когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна подошли к их улице, они увидели на углу жену Кольцова. В страшном волнении та сказала, что хозяйка квартиры категорически запретила появление у Кольцовых такого количества гостей. Организовали пикеты и всех прибывающих сразу направляли в гостиницу «Золотой петух», которая принадлежала социал-демократам Бельгии.

Владимир Ильич страшно волновался: съезд партии — величайшее событие. По нескольку раз он прочел Надежде Константиновне свои речи, но нельзя было предусмотреть всего, что произойдет на съезде.

Позднее Надежда Константиновна писала: «Теперешняя молодежь, которая не знает, что значит годами ждать возможности обсудить сообща, со всей партией в целом, самые основные вопросы партийной программы и тактики, которая не представляет себе, с какими трудностями связан был созыв нелегального съезда в те времена, вряд ли поймет до конца… отношение Ильича к партийным съездам».

На долю Надежды Константиновны и здесь досталась организационная работа, секретарствовали все делегаты по очереди, затем запись докладов и выступлений передавалась в президиум, и Надежда Константиновна вечерами вычитывала, выверяла записи. При этом ей приходилось общаться с представителями разных группировок. Только ее энергия, выдержка, такт и личный авторитет позволили составить подробнейший исторический документ — протоколы II съезда партии.

Съезд открылся в каком-то складском помещении, огромном и довольно неприглядном, где стояли простые скамьи для делегатов и стол для президиума.

Историческое значение съезда, его место в истории партии широко известно, и в этой книге нет возможности останавливаться на том, как проходил съезд, какие вопросы на нем поднимались. Обстановка на съезде была напряженной, соотношение сил было неясно, на руку мартовцам играли Бунд и представители «Южного рабочего». И те и другие претендовали на особое место в партии, и те и другие не хотели подчиняться общим принципам. Они помогли мартовцам выиграть бой по первому параграфу устава партии.

В разгар работы вдруг выяснилось, что за делегатами установлена полицейская слежка. Направили Кольцова к Вандервельде, тот заявил, что русское правительство предупредило бельгийское о собрании в Брюсселе русских

анархистов и просило выслать их на родину, так что лучше делегатам поскорее выбраться из Бельгии. Решено было переехать в Лондон.

Маленькими группами, через разные порты уезжали из Бельгии. Владимир Ильич и Надежда Константиновна ехали с Бауманом и Лядовым. Всю дорогу говорили, конечно, об обстановке на съезде. Владимир Ильич уже изучил делегатов и в своих характеристиках был точен, только в некоторых делегатах он не угадал будущих меньшевиков.

В Лондоне все отправились к Алексееву, адрес которого был дан делегатам. Надежда Константиновна привычно стала хлопотать, чтобы накормить приезжающих, Владимир Ильич сам устраивал их по разным гостиницам.

Работа съезда в целях конспирации происходила в разных местах. Крупская вместе с Лениным помогала тем товарищам, кто не знал иностранных языков.

Во время заседаний бушевали страсти. Ленину приходилось все чаще председательствовать, так как Плеханов нервничал, ввязывался в споры по пустякам, острил все злее и беспощаднее, дразнил противника.

Приближался последний бой — выборы ЦК и ЦО. Ленин настаивал, что в ЦО должна быть выбрана действенная рабочая тройка. Перед последним голосованием Ульяновы не спали всю ночь. Ленин колебался: может быть, не входить в состав редакции? Ведь все равно работать будет невозможно. Крупская поддерживала его. «Видно, раскола не избежать, а долго ли Плеханов будет союзником?»

Утром у дверей помещения, где заседал съезд, Ленина ожидала группа сторонников, они горячо убеждали Владимира Ильича остаться в «Искре». При выборе в центральные органы сторонники Ленина получили большинство, они и составили ядро партии нового типа. Мартов от участия в работе редакции сразу отказался. Раскол стал фактом.

Перед отъездом из Лондона большевистская фракция поехала на Хайгетское кладбище, на могилу Маркса. Для Владимира Ильича и Надежды Константиновны этот путь был привычным, они бывали здесь много раз, когда жили в Лондоне. Владимир Ильич нарочно посоветовал товарищам спросить у сторожей дорогу, но те ответили, что знают, где похоронены известные люди, могилы которых часто посещаются. Делегаты исторического съезда в торжественном молчании стояли вокруг старой мраморной плиты, под которой были похоронены Карл Маркс, его жена Женни Маркс, маленький внук и верный, неизменный друг семьи Елена Демут.

И вот съезд, который фактически был учредительным, окончен. Он показал, что в русском социал-демократическом движении налицо два течения — марксистское, возглавляемое Лениным, и оппортунистическое, главным выразителем которого на съезде был Мартов.

Многие делегаты-большевики снова уехали в Россию, и среди заграничной публики меньшевики получили численный перевес, они задумали дать бой ленинцам на съезде заграничной Лиги русских революционных социал-демократов. Мартовцы решили противопоставить лигу центральным органам партии и передать ей функции издателя партийной литературы. Началась обработка всех членов лиги. О. А. Пятницкий вспоминал, как Блюменфельд, когда-то набиравший первые номера «Искры», а потом бывший ее агентом, долго убеждал его в том, что лига должна контролировать работу центральных органов партии.

Ленин и Крупская возвратились в Женеву. Сюда стали приезжать представители заграничных и русских организаций. Стремясь определить собственную позицию, они слушали и Ленина, и Плеханова, и Мартова, и Троцкого. Приняв платформу большевистской или меньшевистской группы, включались в борьбу. Иногда дело доходило до курьезов. К Ульяновым зашел член Киевского комитета, он пожелал побеседовать не с Владимиром Ильичем, а с Надеждой Константиновной. «Скажите, — атаковал он ее, — какие изменения в технике привели к расколу на съезде?» Надежда Константиновна решила, что ошиблась. «Как вы связываете технику с теоретическими разногласиями?» — «А разве вы не признаете положения Маркса о соотношении базиса и надстройки?» Надежда Константиновна опешила, а потом устало махнула рукой: «Не думаю, что подходит здесь марксово положение». Киевлянин, недоумевая, ушел.

Меньшевики кричали о разногласиях на всех перекрестках. Используя самые недостойные методы, они старались перетянуть на свою сторону сочувствующих.

Надежда Константиновна вместе с Литвиновым и Дейчем входила в правление лиги. Она с Максимом Максимовичем категорически возражала против съезда. Тогда Дейч, ничего не сказав Крупской и Литвинову, написал двум другим членам правления, жившим в Берлине и в Париже, и те проголосовали за съезд из своего далека, не придав этому вопросу значения. На съезде лиги оказалось 15 большевиков с 18 голосами и 18 меньшевиков, располагавших 22 голосами.

Обстановка на съезде лиги создалась ненормальная. Во время доклада Ленина о съезде партии меньшевики кричали, стучали

пюпитрами, сыпали оскорблениями. В содокладе Мартова передавались какие-то сплетни, отрывки из личных разговоров. Меньшевики приняли устав лиги, делавший ее независимой от ЦК партии. Ленгник от имени большевиков объявил лигу распущенной.

Через два дня Плеханов, шедший все это время с Лениным, не выдержал — сначала он заговорил о примирении, а затем прямо перешел на сторону меньшевиков. Он кооптировал старую редакцию «Искры». Тогда Владимир Ильич вышел из нее. Только Надежда Константиновна знала, чего стоило ему это решение. «Искра», которую создал Ленин, которой он отдал столько сил и таланта, теперь эта «Искра» выступала против него и его сторонников. Казалось, что из редакции автоматически должна была уйти и Надежда Константиновна, но через некоторое время Плеханов обратился к ней с просьбой продолжать секретарскую работу. Члены редакции не были способны справиться с потоком писем, с практической работой. Долго Владимир Ильич убеждал Надежду Константиновну согласиться, ведь это давало возможность сохранить в своих руках обширнейшие связи, остаться в курсе всех происходящих событий. В конце концов она согласилась. И она некоторое время по-прежнему пишет, шифрует.

Обстановка продолжала накаляться. Вызванный Крупской в Женеву член ЦК Кржижановский не представлял себе, до чего дошел раскол. Приезжавшие в Женеву представители большинства собирались у Ульяновых, обсуждали положение. Настроение было тяжелое. Иногда, чтобы хоть немного отдохнуть, совершали совместные загородные прогулки.

Владимиру Ильичу необходим был отдых, и в начале января Ульяновы решили поехать на велосипедах в горы. Позднее Владимир Ильич писал Марии Александровне: «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем (Ф. В. Ленгник. — *Авт.*) прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) — роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой — la mer du brouillard, настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы высовываются, да и то только очень высокие. Даже малый Салэв (900 метров) весь в тумане».

После короткого отдыха снова и снова напряженный труд.

Партия должна была знать правду о II съезде, и Ленин был обязан сказать эту правду. И в феврале 1904 года он принимается за книгу «Шаг вперед, два шага назад». Мировая литература не знает такого комментария к протоколам партийного съезда. Это

образец тончайшего анализа борьбы, происходившей на съезде и после него. Развивая идеи Маркса и Энгельса о пролетарской партии, Ленин создает учение о ней применительно к условиям борьбы пролетариата в период империализма, вырабатывает нормы партийной жизни.

И в тяжелые месяцы послесъездовской борьбы Надежда Константиновна продолжала заниматься вопросами народного образования. На ее письменном столе немецкие, английские, французские труды по педагогике, сочинения Ж.-Ж. Руссо.

Как-то Надежде Константиновне на глаза попалось объявление, что при одной из женевских школ организована детская библиотека. Школу расхваливали всячески, и Крупская решила ее посетить.

Школа оказалась частной, размещалась она в уютном, очень чистом помещении. Директриса долго допытывалась, с какой целью мадам хочет посетить школу, и, узнав, что мадам — русская учительница, подобрела и лично проводила ее в класс. Дети, в чистой красивой форме, дружно встали, приветствуя гостью.

Надежда Константиновна обратила внимание на индифферентность ребят: они не проявляли никакого любопытства. Учительница медленно, по слогам диктовала. Ребята писали так же медленно, замирая во время пауз. То же было во время урока чтения. Никаких вопросов, абсолютная тишина. После урока Крупская попросила учительницу показать ей библиотеку. Мадемуазель несколько смутилась. «В сущности, у нас нет библиотеки. Зачем ребенку читать книги? Вы посмотрите на наши учебники, вы посмотрите, на какой хорошей бумаге они напечатаны. Пусть ребята знают учебник, это будет хорошо».

Разочарованная покинула Надежда Константиновна образцовую школу. Придя домой и рассказав своим о том, что видела, она прибавила: «Такое воспитание, которое хочет ограничить ребенка узкими рамками школы, есть не воспитание сознательного человека, а воспитание раба, не смеющего самостоятельно мыслить».

В вечерние часы иногда у «Ильичей» собирались друзья, мечтали, кто чем займется после победы революции. Крупская мечтала о коренном изменении школьного дела, о новых методах обучения, о новых учителях.

Накал политических страстей не утихал. Меньшевики всеми

средствами продолжают борьбу против ленинцев. Они пытаются подтасовывать сообщения из России, где все больше комитетов переходит на сторону большевиков, начинают форменную травлю Ленина. Надо было хоть на некоторое время вырваться из этой обстановки. И Владимир Ильич с Надеждой Константиновной задумали пешком обойти ряд районов Швейцарии. Вооружившись путеводителем Бедекера по Швейцарии, они составили маршрут.

12 июня, договорившись с Бонч-Бруевичем и Лепешинским о том, что они будут держать их в курсе дела, «Ильичи» выехали в Лозанну, откуда Надежда Константиновна писала Марии Александровне: «Я вообще мечтаю об осени, думаю вплотную засесть за работу. (Мысли о педагогических исследованиях не покидают ее. — *Авт.*) Обдумываю всяческие меры, чтобы устранить постоянную толкотню, которая страшно утомляет. Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну… За неделю мы уже значительно «отошли», вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжелая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно». Эта последняя фраза очень характерна для Надежды Константиновны. «Совестно» отдыхать.

Они немного покривили душой, рассказывая Марии Александровне о полном отдыхе. Ведь сюда, в Лозанну, Владимир Ильич вызывал Бонч-Бруевича и Лепешинского. Те застали их в небольшом пансионе уже готовыми к дальнейшему путешествию. «Когда я вошел к нему в комнату, — вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, — он возился с укладкой вещей в дорожный сак. Тут была Надежда Константиновна и один из товарищей, очевидно, недавно приехавший. Около комнаты Владимира Ильича была одна свободная, что-то вроде общей столовой. Как всегда, мы были очень приветливо встречены Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Владимир Ильич увел нас к себе в комнату и стал тихонько расспрашивать о всех делах…»

Ульяновы полностью отключаются от партийных дел лишь тогда, когда забираются в горы, в глушь. Они выглядят заправскими туристами — с рюкзаками на плечах, в удобной простой одежде, в ботинках на толстой подошве. Они молоды, полны сил. Их не смущают скромные денежные ресурсы.

Питаются в основном всухомятку — сыром, яйцами. Иногда запивают еду вином, а чаще всего водой из прозрачных горных ручьев и водопадов. Как-то рабочий в трактирчике посоветовал им обедать в отелях не с туристами, а с обслуживающим персоналом. Там, где едят шоферы, кучера, чернорабочие. Ульяновы последовали совету и весело смеялись, замечая косые взгляды туристов-буржуа. Здесь кормили намного дешевле и сытнее, да и разговоры велись интересные — о жизни, о труде.

Мало-помалу путешественники загорели, окрепли. Еще в Лозанне они договорились — о политике ни слова, но все-таки мысли их были в Женеве — то Владимир Ильич, то Надежда Константиновна вдруг останавливались и начинали: «А знаешь…», но, поймав предупреждающе-насмешливый взгляд, смеялись и замолкали.

В конце июля Владимир Ильич получил сообщение о том, что меньшевистский ЦК лишил его права сноситься с Россией и запрещает ему свободно высказывать свое мнение в «Искре». Тогда Ленин вышел из ЦК. Перед большевиками встала задача создать свою печать (библиотеку и архив ЦК РСДРП удалось отвоевать у меньшевиков), свою организацию, свой ЦК, для этого был необходим съезд. Ленин и группа большевиков, поддерживавших его, созвали совещание. Собрались под видом любителей альпинизма в предместье Женевы на небольшом постоялом дворе. На совещании встретились 22 ленинца-большевика. Среди них были супруги Лепешинские, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский, С. И. Гусев, В. В. Боровский, А. В. Луначарский и Р. С. Землячка. Совещание вошло в историю как конференция 22-х, оно приняло резолюцию о созыве III съезда РСДРП. Участник совещания Лядов рассказывает: «Всем нашлось дело в начавшейся работе. Вокруг Надежды Константиновны образовалась целая канцелярия, занятая срочной перепиской с российскими организациями, литераторы занялись выработкой резолюции. А Ильич взялся за составление обращения от имени конференции». В Россию с текстом обращения были посланы надежные товарищи.

Весь август Ленин и Крупская прожили в глухой деревушке у озера Лак-де-Бре. Там собралось большое общество — Богдановы, Ольминский, Первухин. Шла подготовка собственного печатного органа, к участию в котором привлекли Луначарского, Базарова, Степанова.

Большевистская газета «Вперед» начала выходить в декабре 1904 года. Кроме того, было создано издательство

большевистской литературы, идейное руководство в котором принадлежало Ленину, хозяйственной стороной дела ведал Бонч-Бруевич.

После возвращения в Женеву Ульяновы поселяются на улице Каруж, где живет целая большевистская колония — Воровские, Луначарский, Красиков, Ольминский, здесь же помещается и столовая, устроенная Лепешинскими для русских эмигрантов. Теперь, когда дела налаживаются, когда в России все большее число комитетов переходит на сторону Ленина, в колонии царит подъем. На каждую выходку меньшевиков отвечают веселой карикатурой, на которые был большой мастер Лепешинский, их создается целая серия: «Как мыши кота хоронили», «Жизнь преподобного Георгия-непобедоносца» и другие.

По-прежнему идут на родину письма Крупской, они подбадривают, связывают, информируют, требуют. Они пересекают границы, проходят сквозь тюремные стены. В январе 1905 года М. Эссен, находясь в тюрьме, получила большую коробку шоколадных конфет. Каждая конфетка была завернута в серебряную фольгу. Откусив кусочек конфеты, Мария почувствовала что-то твердое, это оказался свернутый в трубочку кусок письма, на обратной стороне его стоял № 5. Одну за другой пришлось отправлять в рот конфеты. Письмо состояло из 12 частей. Наконец-то его можно прочесть: «Милая, дорогая, давно собирались написать тебе, да все не удавалось как-то. И сейчас не знаю, с чего начать. ЦК спредательствовал хуже Плеханова, об этом ты уже знаешь. Сейчас они целиком перешли на сторону меньшинства, даже агентов назначают из меньшинства и помогают этому последнему вести дезорганизаторскую работу. В наших руках переписка Глебова с коллегией. Ну и скотина же! Тут уж не самообман, а прямое надувательство пошло. ЦО срамится все более и более. Чего только не пишут теперь Плеханов, Засулич и Старовер. Все стараются доказать, что старая «Искра» была плоха, потому что там властвовал самодержец Ленин. Особенно Плеханов распинается. Недавно ЦО выпустил листок «К членам партии» о земской кампании, где предлагал не устрашать земцев, и таким путем сели здорово в лужу. Но так как Ленин выпустил брошюру против листка «Искры», то Плеханов защищает листок и точку зрения Старовера, этот последний повторяет все те пошлости, которые раньше говорились Рязановым и К° о воздействии на предводителей дворянства и т. п. Вообще, теперь новая «Искра» старательно подвергает критике старую «Искру», всячески топчет ее в грязь… Скверно пока насчет презренного металла, но это дело наживное… Атмосфера заграничная в этом году лучше, чем в прошлом, много

славной молодежи понаехало, правда, публика молодая, ей еще учиться надо… Зато народ честный, убежденный. Как-нибудь справимся. Крепко целую тебя и обнимаю крепко, крепко.

В чем тебя обвиняют? Какие улики? Почему тебя взяли?

Письмо это дойдет до тебя, верно, не раньше, как к Новому году. С Новым годом! С новым органом «Вперед».

P. S. Письмо это написано с неделю назад. Теперь настроение другое — так и кипит кругом работа, лезем напролом. Письмо Старика лучше всего передает это настроение».

В той же коробке в конфетах оказалось и письмо Владимира Ильича, по настроению близкое к приписке в письме Надежды Константиновны. Она умела кратко и точно охарактеризовать обстановку, передать перипетии внутрипартийной борьбы и вместе с тем мобилизовать все душевные силы на победу.

В тяжелой и острой борьбе, когда приходится терять друзей, когда будущее неясно, когда дни заполнены трудом, часто незаметным, но требующим всех сил, живет в душе этой удивительной женщины негасимая уверенность в правильности выбранного пути. 4 марта 1905 года, узнав о смерти Саши Григорьевой, она пишет Ольге Константиновне Витмер, с которой когда-то дружила: «Очень уж любила я в былые времена Сашу, и такие привязанности никогда не проходят… Проклятая жизнь, в которой так нелепо, зря гибнут люди, и помочь нельзя… Конечно, если бы начать устраивать свою жизнь сначала, я бы опять устроила так, как она есть, другой жизни я не хотела бы, ничего мне не жаль, ничего бы я не хотела изменить (в общем и целом), я люблю и свое прошлое и свое настоящее…»

Шел январь нового, 1905 года…

В России назревали революционные события.

Утром 10 января 1905 года, когда Надежда Константиновна и Владимир Ильич направлялись своим обычным маршрутом в библиотеку, они заметили быстро шедших им навстречу Луначарских. Еще издали Анатолий Васильевич прокричал: «Царь расстрелял демонстрацию! Ужасно, много убитых!»

«Мы пошли туда, — вспоминала Надежда Константиновна, — куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали…», лица были сосредоточенны. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет

произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный…».

Здесь же, в столовой, было принято решение — послать в Россию двух представителей большевиков — В. И. Невского в Москву и Д. А. Лазуркину в Петербург. Однако денег на поездку не было. Но столь велик был подъем, что это никого не смутило. Решили собирать деньги в кафе, ресторанах, булочных, среди русских эмигрантов всех направлений, живших в Женеве. Не нашлось человека, который бы отказал в средствах на русскую революцию. Вечером все встретились у Ленина, подсчитали деньги, их вполне хватало на поездку. Надежда Константиновна сшила небольшие мешочки, куда положили деньги. В тот же вечер Невский и Лазуркина уехали на родину. Прощаясь, Надежда Константиновна сказала Лазуркиной: «Смотрите, пишите о работе, о настроениях рабочих, обо всем, что делается на местах — и о трудностях, и о достижениях». Они с Владимиром Ильичем и сами рвались в Россию, но прежде надо было подготовить и провести партийный съезд. Он намечался на апрель 1905 года.

Революция усилила разногласия между большевиками и меньшевиками. Оппортунизм последних наглядно проявился в их тактике, в оценке движущих сил революции. Ленин непримиримо разоблачал оппортунизм меньшевиков в своих произведениях, всей своей деятельностью. Ленин отстаивал идею гегемонии пролетариата в революции, идею авангардной роли пролетарской партии.

В обстановке огромного подъема проходил в Лондоне III съезд партии. Меньшевики не пошли на него и собрали свою конференцию в Женеве. Съезд наметил стратегический план и революционную тактику партии в буржуазно-демократическом революционном восстании, принял резолюции о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянству, к либералам. Была утверждена ленинская формулировка первого параграфа Устава партии. Все решения съезда были проникнуты пафосом начавшейся революции.

Надежда Константиновна, принимавшая в работе съезда самое активное участие, была включена в комиссию по редактированию протоколов. Однако, когда вернулась в Женеву, эту трудную работу ей пришлось проводить одной — один из членов комиссии уехал, другого подключили к новой работе. Целыми днями сидела Крупская в столовой Лепешинских, встречалась с делегатами, сверяла с ними тексты выступлений, случалось, и спорила. Работа продолжалась несколько дней с утра до вечера.

Время от времени в Женеве появлялись колоритные

личности, которые не могли миновать Ульяновых.

Приезжал в Женеву один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин» — матрос Матюшенко. Ленин расспрашивал его досконально, его интересовали все детали исторического восстания.

Много шуму наделал приезд Гапона. Он побывал во всех организациях, пришел и к большевикам. Ленин и Крупская приняли его, так как он был живым свидетелем событий в Петербурге. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях дала меткую характеристику этому сыну богатого крестьянина в поповской рясе, человеку беспринципному, хитрому, не способному воспринять новое, не могущему вести ежедневную кропотливую работу; как она выразилась, «поповская психология застилала ему глаза». Его бесславный политический конец был предрешен.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна были охвачены одной мыслью — туда, в Россию, в гущу событий. Уехать сразу вдвоем было нельзя: слишком много дел не доделано. И как ни тяжело расставаться, как ни не хотелось отпускать мужа одного, пришлось Крупской задержаться. Владимир Ильич и Надежда Константиновна разобрали, рассортировали, разложили по конвертам бумаги, письма, материалы съезда. Набрался целый чемодан важнейших партийных документов, который отдали на хранение Карпинскому.

В конце октября Ленин уехал. Крупская день и ночь думала об одном: как он добрался, как устроился, как там, на родине. В начале ноября тронулась в путь и она. Внешне она как будто бы ничем не отличалась от представительниц западноевропейской интеллигенции, но было в ней все-таки что-то такое русское, что в Стокгольме за ней немедленно увязался шпик. Она не подала виду, что заметила слежку, все делала спокойно, не оглядываясь и не суетясь. Здесь до русской границы ей ничего не грозило, правда, на границе ждали неприятности, ведь полиция имела предписание арестовать ее в любом пункте, где она попытается пересечь границы Российской империи. Выручил случай. Шпик сел вместе с Надеждой Константиновной в поезд на Гельсингфорс. Революция была в разгаре, в Финляндии шли забастовки, рабочие вооружались. Вагон был битком набит, всюду собирались взволнованные группы. Крупская прислушалась — в соседнем купе говорили по-немецки, она перешла туда и вступила в разговор, шпик последовал за ней. И тут ей повезло, беседа приняла очень нужное направление. Рабочий-активист с энтузиазмом говорил об успехах революции и между прочим сказал: «Шпиков мы всех арестовали и посадили в тюрьму».

Взглянув на своего соглядатая, Надежда Константиновна заметила: «Могут и новые приехать». Рабочий понял с полуслова: «Только покажите, мы его сейчас же арестуем». Поезд как раз приближался к маленькой станции, где стоял одну минуту. Шпик поспешил выйти из вагона.

О приезде в Петербург Крупская вспоминает: «Четыре года почти прожила я за границей и смертельно стосковалась по Питеру. Он теперь весь кипел, я это знала, и тишина Финляндского вокзала, где я сошла с поезда, находилась в таком противоречии с моими мыслями о Питере и революции, что мне вдруг показалось, что я вылезла из поезда не в Питере, а в Парголове.

Смущенно я обратилась к одному из стоявших тут извозчиков и спросила: «Какая это станция?» Тот даже отступил, а потом насмешливо оглядел меня и, подбоченясь, ответил: «Не станция, а город Санкт-Петербург».

Встретивший Надежду Константиновну П. П. Румянцев, редактор журнала «Вестник жизни», повез ее к себе на квартиру. Здесь без прописки жил Владимир Ильич.

На следующее же утро Крупская пошла по городу в поисках меблированных комнат, где не требовалась бы прописка, так как Владимира Ильича очень стесняло пребывание в чужих квартирах, он начинал нервничать, терял работоспособность.

В меблированных комнатах Ульяновы прожили недолго, обстановка там была совершенно нерабочая. Тогда товарищи решили снабдить их паспортами для легальной прописки. Получив свой «абсолютно надежный», по уверению друзей, документ, Надежда Константиновна рассмеялась, она становилась дочерью Онегина — Прасковьей Евгеньевной Онегиной.

Мария Ильинична нашла им квартиру на Греческом проспекте, но вскоре пришлось оставить мысль о «легальной» совместной жизни. Вокруг дома появилась куча шпиков. Ульяновы были вынуждены поселиться врозь. Виделись они чаще всего в редакций «Новой жизни», да и там почти нельзя было поговорить. Не скоро удалось Владимиру Ильичу раздобыть очень хороший паспорт и квартиру.

Оказавшись снова в России, Надежда Константиновна получила возможность общаться с массой людей, бывать на собраниях. Свои наблюдения она неизменно передавала Владимиру Ильичу. Она умела подойти к рабочим, они ей рассказывали о делах с живыми подробностями, которые давали Ильичу возможность определить уровень революционного энтузиазма масс.

На Крупскую, как на секретаря ЦК, обрушилось множество дел и обязанностей. Она ведала явками, людьми, сношениями с комитетами. О своей секретарской работе Крупская писала: «Народу валило к нам уйма, мы его всячески охаживали, снабжали чем надо: литературой, паспортами, инструкциями, советами».

В период высшего подъема революции наблюдалось колоссальное оживление работы. Выходило несколько большевистских изданий. Издателем газеты «Новая жизнь» была старая знакомая Крупской — Мария Федоровна Андреева, но фактическим руководителем ее был Ленин. Здесь систематически печатались его статьи. Он звал к новым формам борьбы — сохраняя конспиративный партийный аппарат, создавать легальные и полулегальные партийные организации. Он предлагал влить в партию рабочих, изжить опасную в период революции кружковщину.

Надежда Константиновна в первые же дни поехала за Невскую заставу, посмотреть, как идет работа в вечерневоскресной школе. Все изменилось, в переполненных классах теперь открыто выступали партийные пропагандисты. Крупская сразу отметила, что учащиеся слушали пропагандиста добросовестно, даже что-то записывали, а вот вопросов никто не задавал, дискуссии не получалось. Сказывалась неопытность молодого пропагандиста, не умевшего задеть слушателей за живое. Зато сознательность рабочих неизмеримо выросла. Это было особенно заметно, когда Крупская встречала своих бывших учеников. Как-то ее остановил на улице рабочий, который в свое время поразил управляющего фабрики Максвелля рассуждениями об увеличении производительности труда, за что и вылетел с работы и был выслан по этапу на родину. Теперь он работал в булочной, был настоящим социал-демократом. Ученик и учительница долго проговорили о революции, о логике революционной борьбы. Бакин рассказал Надежде Константиновне, как проходила забастовка булочников.

Царизм шел в наступление, партия теряла своих бойцов — еще 18 октября в Москве был убит выдающийся деятель партии Н. Э. Бауман, в Иваново-Вознесенске погибли замечательные большевики Ф. А. Афанасьев и О. М. Генкина. По многим городам прокатилась волна погромов.

3 декабря, когда Крупская шла в редакцию «Новой жизни», ее остановил газетчик и предупредил, что там идет обыск. Газета была закрыта.

Когда в Москве уже началось вооруженное восстание, в Финляндии в Таммерфорсе собралась конференция большевиков.

Она проходила с 12 по 17 декабря, на ней присутствовал 41 делегат от Петербургской, Рижской, Тульской, Казанской, Ярославской, Николаевской, Таганрогской, Уфимской и других организаций. Началась конференция докладами с мест. Ленин выступил с докладами о текущем моменте и по аграрному вопросу.

Конференция приняла его проекты резолюций о реорганизации партии и по аграрному вопросу. Было принято решение об объединении партии. Этого требовало развитие революции. Конференция поручила Центральному Комитету созвать объединительный съезд партии.

В Таммерфорс пришло сообщение о том, что в России обнародован избирательный закон. Поскольку продолжался подъем революционной борьбы, было решено провести активный бойкот выборов в Государственную думу. Резолюция конференции гласила: «Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возможность созвать действительное народное представительство, т. е. свободно избранное учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Об обстановке, царившей на Таммерфорсской конференции, Надежда Константиновна писала: «Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов. Вряд ли кто из бывших на этой конференции делегатов забыл о ней. Там были Лозовский, Баранский, Ярославский, многие другие. Мне запомнились эти товарищи потому, что уж больно интересны были их «доклады с мест».

Декабрьское вооруженное восстание было подавлено. Революция с боями отступала. Самодержавие торопилось перейти в наступление. Оно посылало карательные экспедиции. Прошли массовые аресты, расстрелы. Партия опять уходила в подполье. В марте 1906 года Владимир Ильич ездил в Москву, он беседовал с партийцами, убеждал, что о панике и унынии не может быть речи. Мы победим непременно.

Узнав, что Владимир Ильич вернулся, Крупская поспешила к нему на квартиру. На углу улицы, где он жил, стоял, прислонившись к газетной тумбе, пожилой человек. По тому, как он зорко оглядел ее, Надежда Константиновна поняла — шпик.

Дальше, недалеко от дома, в подворотне, о чем-то лениво переговаривался с дворником второй. Входя в подъезд, Крупская столкнулась с третьей личностью полицейского типа. Увидев Владимира Ильича, она даже забыла поздороваться и только спросила: «Почему за тобой началась такая слежка?» Он очень удивился. Взглянув сквозь занавески на улицу, он понял — надо немедленно уходить. В чемодане Владимира Ильича Надежда Константиновна увидела синие очки. «Уж не в них ли ты ехал?» Оказалось, так Ленина замаскировали в Москве. Она не смогла сдержать смеха, глядя на мужа в этих очках. «У тебя такой экспроприаторский вид, что и я, будь на месте полиции, устроила бы слежку — как бы ты чего не взорвал».

Из дому вышли чинно, под руку. Однако это не помешало им погонять ищеек: Ульяновы то шли проходными дворами, то садились на извозчика, то опять прогуливались по извилистым переулкам. После нескольких проверок убедились, что избавились от слежки, но во избежание недоразумений ночевать пошли в совершенно «чистый» от подозрений полиции дом — к Ольге Витмер.

И опять началась подпольная жизнь врозь, жизнь, полная опасностей, скитания по чужим квартирам, гостиничным номерам.

Надежда Константиновна имела целый ряд явок, где принимала приезжих, разговаривала с ними, давала указания, кое-кому организовывала свидания с Владимиром Ильичем.

Явки находились в самых разных местах — в приемных зубных врачей, на складе издательства «Вперед», в столовой Политехнического института. Однажды, когда Крупская и ее постоянная помощница В. Р. Менжинская находились на складе «Вперед», прибежал кто-то из служащих. «Полиция, обыск!» Надежда Константиновна не растерялась. «Пойдемте в магазин! Скорее!» (магазин примыкал к складу). Они смешались с покупателями и принялись спокойно перелистывать лежавшие на прилавке книжные новинки. Пристав угрюмо оглядел покупателей и, не найдя, к чему и к кому придраться, гаркнул: «Освободить магазин!» Крупская и ее помощница поспешили выполнить приказ.

В другой раз ей дали ошибочный адрес зубного врача Лаврентьевой. Ошибка была «незначительной» — дом № 33 вместо 32. Подойдя к двери квартиры, Надежда Константиновна удивилась — ни визитной карточки, ни таблички врача. Позвонила. Удивилась еще больше — дверь открыл какой-то денщик. Отступать было поздно, и она вошла. «Разве сегодня не приемный день?» — как можно спокойнее спросила она. Денщик,

вытянув руки по швам, доложил: «Господина полковника нет дома». Это оказалась квартира усмирителя московского восстания полковника Семеновского полка Римана. Спокойно пояснив денщику, что ей нужен зубной врач, Крупская вместе со своими шифровками, адресами, нелегальщиной пошла в дом 32.

За себя она не боялась, не думала об угрожавшей ей опасности, но день и ночь ее грызла тревога за мужа, на поиски которого ринулась чуть ли не вся сыскная полиция.

Ульяновы сделали еще одну попытку поселиться вместе. И вот как-то Владимир Ильич не пришел ночевать. Всю ночь сидела Надежда Константиновна у окна, прислушивалась к шагам на улице, в подъезде. Неужели арестовали?! Казалось, что ночь никогда не кончится. Утром колебалась — идти к друзьям или ждать. Наконец ей сообщили — «хвост» за Ильичем был такой, что он еле-еле ушел от ареста и, не заходя домой, уехал с помощью товарищей в Финляндию, где русская полиция не могла его арестовать.

Приближался IV (Объединительный) съезд РСДРП. И, как всегда, на Надежду Константиновну легли организационные заботы. К. Е. Ворошилов, делегат этого съезда от Луганска, вспоминал, что, Приехав в Петербург, он встретился в издательстве «Вперед» с Бонч-Бруевичем, который посоветовал ему: «…побывайте в «техноложке» и покажитесь Надежде Константиновне Крупской — это жена и друг товарища Ленина. Она введет вас в курс событий». И вот они встретились в столовой Технологического института. Здесь бывали сотни людей и конспиративные встречи проходили незаметно. Климент Ефремович вспоминал: «Надежда Константиновна встретила меня как старого знакомого: она, видимо, знала меня по чьим-либо рассказам. Она расспросила меня о деятельности Луганской партийной организации, об активистах и рядовых подпольщиках, о настроениях рабочих. Я рассказывал, а она записывала все в малюсенькую записную книжицу. Потом обстоятельно проинструктировала меня, как вести себя в Питере, сообщила кое-что и о предстоящем съезде. «По всей вероятности, — сказала она, — съезд будет за границей. Однако, когда и куда придется ехать, еще не определено. Будем ждать. А вы тем временем ознакомьтесь с городом, отдохните… Будьте осторожны — шпиков здесь тьма-тьмущая».

Съезд пришлось проводить не в России, а в Стокгольме. И опять у Надежды Константиновны полно хлопот: она достает заграничные паспорта, выдает деньги, сколачивает группы для

поездки в Швецию, стараясь сделать так, чтобы в каждой группе был человек, уже ездивший за границу, знавший какой-либо иностранный язык.

Меньшевики посылали делегатов своими путями.

Надежда Константиновна получила мандат от Казанской организации и, отправив всех делегатов, двинулась в Стокгольм. Ехала она с группой, одним из членов которой была жена Якова Михайловича Свердлова — Новгородцева. Клавдия Тимофеевна рассказывала, что в группе были П. Л. Тучапский, А. С. Бубнов, еще несколько мужчин и одна женщина. «Очень быстро, в течение первого же дня путешествия, наша спутница объединила нас около себя в общих беседах, в совместных действиях при пересадке с поезда на пароход, причем в ее разговоре с нами не было никакой навязчивости и ни тени превосходства, хотя чувствовалось, что она значительно опытнее нас и за границу едет не впервой. Она была нам очень полезна, рассказывая, как надо вести себя за границей, и мы крепко подружились с ней как с чудесным товарищем.

То была Надежда Константиновна Крупская, жена Владимира Ильича».

Ведя подготовку к объединительному съезду партии, Ленин, большевики подчеркивали, что такое объединение возможно лишь на идейной и организационной основе революционного марксизма.

Съезд проходил в обстановке острейшей борьбы. Меньшевиков на съезде оказалось большинство из-за полицейского разгрома большевистских организаций. Съезд обсудил аграрный вопрос, текущий момент и классовые задачи пролетариата, вопрос об отношении к Государственной думе, Устав партии. Ленин делал доклад по аграрному вопросу. Он требовал изменения партийной программы, так как речь шла не о возвращении «отрезков», а о революционной ломке всего старого землевладения. Ленин сделал доклад и «О современном моменте и классовых задачах пролетариата». Крупным практическим успехом было слияние национальных социал-демократических организаций в единой РСДРП. Однако на съезде еще отчетливее выявились идейные и политические разногласия между большевиками и меньшевиками. Последние с каждым месяцем стали отступать все более вправо, не считаясь с решениями съезда. Они превратили газету «Социал-демократ» из общепартийного в фракционный орган.

После съезда Надежда Константиновна и Владимир Ильич вернулись в Петербург. Начинался новый подъем революционной борьбы масс. 9 мая Владимир Ильич впервые выступил на

большом митинге в Народном доме графини Паниной. Выступал он под фамилией Карпова. На митинге собрались представители разных партий. Среди них было очень много рабочих. В президиуме сидели в основном кадеты. Первым и выступал кадет Огородников. Надежда Константиновна почти не слушала его. Когда председательствующий объявил: «Слово предоставляется господину Карпову», Владимир Ильич пошел на сцену. Надежда Константиновна знала, как он волновался. Она впервые слышала его выступление перед такой широкой русской рабочей аудиторией. В разных углах зала вспыхнули аплодисменты — партийцы узнали Ленина. Первые же фразы его речи вызвали испуг и недоумение сидевших в президиуме.

После речи Ленина рабочие не захотели никого слушать. На знамена разорвали красные рубахи и с пением революционных песен двинулись по своим районам. Ленин и Крупская в окружении товарищей вышли на улицу. В Петербурге было время белых ночей. Спать было невозможно. Шли по Невскому, каждый что-то возбужденно говорил. Чтобы не привести домой шпика, Владимир Ильич ночевал у одного из товарищей.

Больше открыто выступать Ленину не пришлось. Надежда Константиновна снова стала его связной и секретарем. Она ходила в редакции, на явки, организовывала конспиративные встречи.

В июне приехала в Питер Роза Люксембург, только что вырвавшаяся из варшавской тюрьмы. Надо было где-то устроить встречу с ней, и Надежда Константиновна попросила отца бывшей гимназической подруги — Роде уступить квартиру на час-другой. Старик не мог отказать ей.

В день встречи, подходя к дому, Надежда Константиновна увидела, что все окна квартиры Роде замазаны белой краской. Бросилась к хозяину: «Зачем вы, ведь теперь это привлечет внимание». Старик сконфузился. «Я хотел как лучше». Все, к счастью, обошлось благополучно.

Реакция усилила наступление. 8 июля была распущена дума. Но с новой силой шли крестьянские выступления, вспыхнули восстания в войсках — в Кронштадте, Свеаборге и Ревеле. Они были разгромлены. В этих восстаниях участвовали и большевики.

В самые трудные минуты Надежда Константиновна проявляла выдержку, хладнокровие, мужество. В день восстания в Свеаборге у сестер Менжинских встретились несколько партийцев. С волнением они ждали телеграммы о ходе восстания. Шли часы. Телеграммы все не было. Тогда Ленин послал Веру Рудольфовну к Шлихтеру: нужно было поехать в Свеаборг. Кто-то случайно вспомнил, что большевик Харрик служит в редакции

кадетской «Речи». Возможно, там уже получены телеграммы. Крупская решительно встала. «Пойду узнаю, что там известно». В редакции Харрика не оказалось, но телеграмма о разгроме восстания уже пришла. На гранках телеграмм один из дежурных корректоров записал Надежде Константиновне адрес Харрика. Она направилась туда. В тихом Гусевом переулке под руку прогуливались две женщины. Они предупредили Крупскую о засаде в квартире Харрика. Она поторопилась вернуться к Менжинским.

Опять партия уходила в глубокое подполье. Владимир Ильич переехал в Финляндию на станцию Куоккала, где Лейтейзен (Линдов) снимал огромную неуютную дачу под названием «Ваза».

У Надежды Константиновны прибавилось дел — рано утром она уезжала в Петербург со статьями и указаниями Ленина и возвращалась поздно вечером. По-прежнему почти целый день она проводила на явке в Технологическом институте.

Вскоре на «Вазе» поселились Елизавета Васильевна и Мария Ильинична, затем Богдановы, Дубровинский. Образовалась своеобразная большевистская колония. Здесь проходили иногда совещания партийцев.

Между тем подготовка V съезда шла своим чередом. Съезжались делегаты — их от большевиков принимала Надежда Константиновна. Обстановка была сложной — полиция свирепствовала.

V съезд был вторым съездом, на котором Надежда Константиновна не смогла присутствовать. Она вспоминала: «Сама я на съезде не была. Не на кого было оставить секретарскую работу, а время было трудное. Полиция наглела, публика стала побаиваться пускать большевиков на ночевки и явки. Я встречалась иногда с публикой в «Вестнике жизни». Петр Петрович Румянцев, редактор журнала, постеснялся мне сказать сам, чтобы я явок в «Вестнике жизни» не устраивала, и напустил на меня сторожа — рабочего, с которым мы частенько говорили о делах. Досадно стало, зачем не сказал сам». Румянцев оказался из числа тех, кто хочет участвовать в движении, ничем не рискуя. Сколько таких попутчиков стали впоследствии врагами Октябрьской революции! И П. П. Румянцев кончил свои дни в Берлине злобствующим эмигрантом.

Однажды, возвратись из Петербурга, Надежда Константиновна увидела свет во всех окнах дома. Владимир Ильич вернулся со съезда. В первый момент она его не узнала — он сбрил бороду, коротко постриг усы. На даче было полно людей — вся большевистская фракция. До утра проговорили, обсуждая дальнейшие действия.

На съезде опять и опять столкнулись непримиримые политические линии. Отчет о деятельности ЦК делал Мартов. Он не смог затушевать того факта, что меньшевики ошиблись в основном вопросе, кто должен быть гегемоном демократической революции, и скатились на позиции прихвостней либеральной буржуазии.

По целому ряду важнейших вопросов съезд стал на позиции большевиков. О Государственной думе съезд принял большевистскую резолюцию.

Крупская внимательно слушала взволнованные речи.

Товарищи будто вырвались из гущи боя. И она ясно видела, как устал Владимир Ильич.

Усталость проявилась в бессоннице, страшных головных болях, в полном отсутствии аппетита. Посоветовавшись с товарищами, Надежда Константиновна настояла на отъезде мужа в Стирсуден, где на одинокой даче жила семья Лидии Михайловны Книпович. Сама же Крупская еще некоторое время оставалась в Куоккале: надо было закончить некоторые дела, организовать переход партии в глубокое подполье. Наконец и она вырвалась в Стирсуден.

Море, сосны и тишина. Ульяновы купаются, ездят на велосипедах, слушают музыку — одна из родственниц Книповичей была певицей. В их жизни мало выпадало подобных минут.

К этому времени относится маленькая любительская фотография — Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна сидят в двуколке. Крупская улыбается, лицо счастливое.

В августе Надежда Константиновна проводила Владимира Ильича в Штутгарт на международный конгресс, а сама активно включилась в работу.

После возвращения Ленина они еще некоторое время прожили на даче «Ваза», а в ноябре 1907 года Владимиру Ильичу пришлось уехать в глубь Финляндии, на небольшую станцию Огльбю. Реакция бурно наступала. Теперь на автономию Финляндии полиция не обращала внимания, шли повальные обыски. За два года на даче «Ваза», скопилось колоссальное количество архивных документов, нелегальщины. Без суеты, деловито разбирала эти архивы Надежда Константиновна с женой Богданова. Самое ценное, то, что было необходимо сохранить, относили к финским товарищам, остальное жгли. Снег вокруг дачи почернел от пепла, пришлось принять меры предосторожности.

Наконец дела приведены в порядок. Крупская едет в Питер, устраивает Елизавету Васильевну, договаривается с остающимися

товарищами о связях и спешит в Стокгольм, куда уже переправили Владимира Ильича. Не сразу он рассказал жене, как чуть не погиб, когда при переходе через Финский залив лед стал уходить под воду. Она так ясно представила себе — ночь, метель, треск тонкого льда.

Снова эмиграция, иного выхода не было, они понимали, что реакция затянется на долгие годы. Ехали опять в Женеву. Через Берлин. Там только что прошли аресты среди эмигрантов. Поэтому Ульяновы не пошли ни к кому из товарищей, чтобы никого не провалить, и целый день ходили по городу. Очевидно, в каком-то кафе они отравились. Полубольные, 7 января 1908 года они приехали в холодную, стынувшую от зимнего мороза Женеву. «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехали», — вырвалось у Владимира Ильича.

Началась их вторая эмиграция.

…С 1907-го по апрель 1917 года Н. К. Крупская снова в эмиграции. Она вела большую организационную работу в партии, в большевистских газетах, выступала по вопросам народного образования и женского движения. В апреле 1917 года вернулась в Россию, работала в «Правде» и «Солдатской правде», в секретариате ЦК РСДРП(б), в бюро печати ЦК, среди работниц и молодежи. На VI съезде партии участвовала в выработке резолюции о союзах молодежи. После Октября работает в Наркомпросе, долгие годы возглавляет там Главный комитет политико-просветительной работы, много сил отдает работе с детьми, с молодежью, неоднократно выступает на съездах комсомола. Крупская — делегат съездов партии, включая XVII, с 1927 года — член Центрального Комитета партии.

Н. К. Крупская — первый биограф Ленина, неутомимый пропагандист ленинизма, автор многих работ по педагогике. В 1931 году она была избрана почетным членом Академии наук СССР.

Умерла 27 февраля 1939 года.

Л. Кунецкая, К. Маштакова. Крупская.

Изд. 2-е, исправленное. М., «Молодая Гвардия», 1974.

Михаил Васильевич Фрунзе

Родился 21 января (2 февраля) 1885 года в городе Пишпеке (ныне город Фрунзе — столица Киргизской ССР), в семье фельдшера. Окончил гимназию, в 1904 году поступил в Петербургский политехнический институт, вел революционную работу в рабочих и студенческих кружках, выступал как агитатор-пропагандист от партии большевиков. В 1904 году вступил в РСДРП, был партийным пропагандистом в Петровске, Ливнах, Екатеринославе. 9 января ранен в руку во время расстрела мирной рабочей демонстрации в Петербурге. Был направлен в Иваново-Вознесенск для работы среди текстильщиков.

Ранним утром 6 мая 1905 года Фрунзе вышел на площадь перед вокзалом в Иваново-Вознесенске и отправился на первую встречу с Отцом.

Федор Афанасьев не ждал доброго друга в этот час. И не вдруг вышел в сени на стук. И явился перед Фрунзе в самом будничном, затрапезном виде: пестрядинная косоворотка почти до колен, без пояса, старые валенки с обрезанными голенищами. И на кончике носа круглые очки с обломанными дужками: их заменял жгутик из ниток, полукругом охватывая волосы на затылке.

Видать, была у него думка, что гость не к добру. И для маскировки раскинул он на столе затрепанную толстую библию с рисунками Густава Доре.

Отец с недоверием и не в меру строго оглядел ладную фигуру круглолицего студента и жестом указал ему на лавку.

— Ну, как звать будем, сынок? — Отец уже прочитал записку Марата.

— Трифоныч.

— Неплохо. Фамилию пока никому не говори, даже я не спрошу до времени, будешь чистый нелегал. Жить устроим у товарищей: где ночь, где две. Сейчас пойдешь к Черникову,

отдашь записку. В ней два слова: «Одень Трифоныча». Понимаешь: студенты у нас наперечет, негоже сверкать пуговицами и дразнить полицию. Привез чего?

— Да. Литературу и десять браунингов.

— Выложь, я спрячу, вечером заберут ребята. А корзину унеси: с ней пришел, с ней и ушел. Народ кругом зоркий, никому глаз не закроешь. А сейчас чайком побалуемся. Уважаешь?

— С удовольствием!

Отец взогрел самоварчик, чинно сели под божницей и хорошо поговорили.

Федор Афанасьев спрашивал дотошно: где был да кого видел, давно ли в институте и откуда родом?

Оказалось, знал Отец Барона и его свояченицу Мусю Эссен, по кличке Зверь, и боевую подругу Абсолют (ласково назвал ее Леночкой Стасовой: «В «Таганке» сидит. Но она железная — выдюжит!»), и Литвина-Седого, что дал записку Фрунзе на Казанский вокзал Степе — Бороде, и доктора Мицкевича («Он с Лядовым и Шатерниковым прятал в Москве Михаила Ивановича Бруснева, но ищейки все же его взяли»). Трижды видел он Марата и один раз встречался с Лениным, когда тот был еще Ульяновым, лет десять назад.

— Я его не видел, — признался Фрунзе. — А спросить о нем стеснялся.

— Вот голова! Так про товарища спросить никогда не грех. С ним, бог даст, и повидаешься: только взойдет революция на гребень, он и пожалует. Точно говорю, без него партия неполная, он ей голова! Как он меня про Шелгунова спрашивал, про Николая Васильевича, словно ему дружок был, хоть ни разу с ним и не свиделся! Все знал, даже про то, как Шелгунов с женой подавались в Сибирь выручать из крепости своего дружка Михайлу Ларионыча Михайлова. И про Михайлова все знал. И, будто к случаю, спросил, не знакома ли мне его песня: «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою, родину-мать вы спасайте, честь и свободу свою».

Потом еще и про Николая Федосеева спрашивал: не видался ли я с ним в «Крестах» в девяносто третьем году? «Нет, — говорю, — я там после него сидел. А видел его на воле в Орехово-Зуеве, он тогда читал нам свои письма о программе действий рабочих». — «Я к тому говорю, — сказал Ленин, — что сам мечтал у него заниматься в кружке, в Казани. Ездил во Владимир повидаться с ним, да не пришлось — угнали его в Сибирь…» Я жалею, а уж про Ленина и говорить нечего: семь годов назад наложил на себя руки Николай Евграфович в ссылке. И побыл-то на свете всего двадцать шесть лет, а рабочие никогда его не

забудут!

Чай пить кончили, завели разговор о делах ивановских. После Кровавого воскресенья рабочие начали стачку, но ее быстро ликвидировали: похватали многих подпольщиков, разгромили типографию. Однако митинги шли с неделю, люди говорили гневно. И Отец всякий раз предлагал почтить минутой молчания память погибших 9 января. Стариков и старух посылали с кружкой: денег собрали и перевели питерским товарищам, у кого не стало кормильца.

— А недавно написали листовку. — Отец откинул половицу возле печки, достал бумагу из жестяной коробки от табака, показал Фрунзе.

— Я ее знаю, в Москве читал.

— Посылали мы в «Голос труда», дошла, стало быть… Скажем так: первая наша цель — работать восемь часов. Сейчас по России полный раскардаш: кой у кого работают восемь, у некоторых — десять часов. Там народ подымался, ну и добился. А у нас гнут спину одиннадцать часов с половиной, получают до пятнадцати целковых в месяц. И нищета кругом, потому что у большинства семьи — старики, дети. Фабриканты наши пошли на хитрый маневр: раз у ихних дружков делается рабочим поблажка, им бы тоже не отстать, пока заваруха не вышла. Собрались они на совет и скумекали: полчаса скинуть, а у рабочих взять подписку — довольны, мол, они этой милостью и душевно благодарят хозяев за одиннадцать часов.

— Вряд ли такие найдутся, — усомнился Фрунзе.

— И не говори, Трифоныч. Деревенщина! Это тебе не металлисты или печатники. Есть даже такие, что агитируют за подписку. И хозяева не сомневаются, что дело у них выгорит. Только мало кто видит, как они хитрят и свое наверстывают: шестеренки меняют и приводы, чтоб машины ходили быстрей. И так-то невмоготу, а при быстром ходе возле нее и не выстоишь. А Бакулин еще дальше шагнул и расценки уже снизил: на один сорт — три копейки, на другой — пятачок. Мы и говорим людям: «благодетелей» не щадить, работать только восемь часов, получать не меньше двадцати рублей. Заартачатся хозяева — стоп машина!

— А все ли сделано? Готовы люди идти на стачку?

— Это же, Трифоныч, как снежный ком на вершине бугра. Не толкнешь — не покатится. А чтоб хороший толчок дать, надо сплотить людей вокруг партии. Вот мы и ставим в листовке вторую, главную цель: «Долой самодержавие!» Конечно, хозяева в дугу пойдут, но на восемь часов не согласятся. Стачки не миновать. А наше дело — дружно толкнуть ком с горы. Для этого

собираем девятого мая партийную конференцию.

Отец спрятал листовку в подпол, туда же сложил литературу и оружие. И уже не присел на лавку, а прошаркал валенцами по комнате из угла в угол.

— Паспорт есть? — Он снял очки и протер платком слезящиеся глаза.

— Сделали. Мещанин города Коврова Семен Антонович Безрученков. — Фрунзе похлопал рукой по нагрудному карману.

— Ну, это для полиции. А пока ты смени одежду и оглядись: городок наш невелик, за день-то трижды успеешь вдоль и поперек. По-темному приходи к Евлампию Дунаеву, я ему дам знать о тебе. Пистолет возьмешь, когда снадобится… Ну а в смысле денег есть чего? Или по пословице: хвать в карман, ан дыра в горсти?

— Марат положил мне двенадцать рублей в месяц. И эти деньги выдал.

— Эх, с души скинуло! Я ведь каждую копейку берегу, касса моя оскудела. Да и для стачки надо приберечь…

Одели Трифоныча по обычной ивановской моде: черная пара и в тон ей картуз с лакированным козырьком. И синяя косоворотка с белыми пуговицами. А сапоги сошли свои — за десять недель хорошей носки они уже не казались новыми.

Трифоныч вышел на улицу и поначалу ощутил неудобство: вид был непривычный, и ему подумалось, что весь этот маскарад невольно будет бросаться в глаза. Ведь последние десять лет он почти не расставался с формой, а она обязывала к внутренней дисциплине и к порядку. И только летом, в самом раннем детстве, бегал он босиком по пишпекской жаре и начисто забывал о тужурке и штанах гимназиста.

Но это ощущение неудобства скоро прошло. Прохожие не обращали внимания на молодого «мастерового», который был им под стать. Позже он узнал, что такие вот парни, как он, нередко болтались по улицам, потеряв работу за самую малую провинность. А им на смену воблой шли из деревень покладистые, покорные мужики, которых гнали к машинам нужда, беда, горе.

После нарядного Питера, после огромной и старинной Москвы «русский Манчестер», как его хвастливо называли ивановские фабриканты, оказался большой деревней, в которую воткнули десятка два особняков и одну поместительную площадь — с городской управой, полицейским управлением и пожарной каланчой.

Главная улица вела от вокзала. Но и она была из мрачных зданий, едва ли не тюремного вида. Весь центр занимали фабрики с зарешеченными окнами, и из них несся такой грохот, что деревянные тротуары дрожали, как от проходящего рядом поезда.

Красный кирпич давно побурел от непогоды, копоти и пара. Дым валил из частокола высоких труб, а по желобам бежала ручьями из каждого здания грязная горячая вода — синяя, мыльная, бордовая — в речку Уводь.

На фабричные здания глядели дома хозяев. У одних они были без претензий и, видать, стояли с тех давних пор, когда вместо города обозначались на географической карте два поселка ткачей-кустарей — Иваново и Вознесенское: внизу — каменная лавчонка, наверху — комнаты для семейства. У других новые особняки, с лепными украшениями, зеркальными и разноцветными стеклами, в два огромных этажа — комнат на двадцать-тридцать, часто с верандами, цветником и солидным швейцаром в галунах. И словно напоказ выставлена вся эта кричащая роскошь рядом с грязной улицей, на которой в пыли валяются нитки, обрывки лоскута и ленты бязи. На каждом перекрестке либо питейное заведение — кабачок, трактир, пивная, монополька, либо чайная.

Вокруг фабричного центра, где предприятия, особняки, церкви, кабаки и заезжие дома составляли невиданный и очень странный архитектурный ансамбль, лепились деревушки, одна унылее другой по названию: Ямы, Рылиха, Завертяиха, Голодаиха, Посикуша и Продирки.

На фоне леса, чуть тронутого нежной зеленью, текла в низких берегах речка Талка, но и она была отравлена фабричными отходами из Уводи. Однако вода в ней казалась чище. И, как писал в рассказе ивановский ткач Павел Постышев, журчала весело, словно выражала свою радость, что убегала от грязной, вонючей Уводи.

В центре города попадались еще деревья, хоть и с загрязненной листвой. А на окраинах лишь кое-где были устроены палисадники с кустами сирени или цветущей черемухой. А где не было загородок, бродячие козы добирали последние листья на кустиках.

В серый фон деревенских построек — приземистых, со слепыми окошками и соломенными крышами — кой-где были вкраплены домики понаряднее: еловые, сосновые, рубленные в лапу, с железным петушком на коньке, синими или белыми наличниками и даже с мальвами перед тремя оконцами по фасаду.

В таких домиках жили мастера, подмастерья и те из рабочих, которые всей семьей из поколения в поколение тянули лямку для Гарелина, Бакулина, Дербенева или Зубкова и пытались отгородиться от голытьбы и подчинить свою жизнь одной цели выйти в люди.

Ведь в городке не было пришлых фабрикантов, с фамилиями, резавшими ухо русскому мужику, — из немцев, французов и англичан. Все были свои, тутошние, из окрестных уездов, как, к примеру, Мефодий Гарелин — один из самых богатых. Старики знали его с детских лет, кличка ему была Мефодка: мужик полуграмотный, с противной ехидной рожей и гундосый. И был он как бельмо на глазу: гляди, куда вылез, рукой не достанешь! А мы чем хуже? Копи грош, к нему — целковый, по рублику, и — сотня! А там, бог даст, и свое заведение пустим в ход!

И, рассуждая так, иной раз начисто забывали старую поговорку: «От трудов праведных не наживешь палат каменных!» И далеко не каждый скопидом мог так хитрить, изворачиваться и грабить, как проклятый Мефодка!..

Бездомные ткачи ютились в фабричных «спальнях».

Так назывались рабочие казармы, обычно расположенные в одном из углов фабричного двора. Были «спальни» для холостых и для семейных. И трудно сказать, где хуже. У семейных и совсем без просвета. Вся жизнь и постылая нудьга соседа рядом, на глазах, за грязной пестрой ситцевой занавеской. Одно утешение, что у них есть отдельный бокс, как вагонное купе. И хоть спят семейные на двух этажах, иной раз навалом, если детей куча, зато своя лампа, свой рундучок, свои три стены из филенки и мутное от копоти окошко.

А у холостых — сарай на сотню голов; все нары, что тянутся по стенам и посредине, видны от края до края, как в огромной тюремной камере. И есть у тебя только одно место, где можно лежать после смены, в тесноте, обычно на боку, чтобы ненароком не приспать тщедушного соседа. Койкой это место не назовешь: вонючий соломенный матрас, подушка, набитая сеном, и всякое тряпье, хуже, чем у цыгана в полотняной хибаре. И отоспаться можно только в праздники, когда ткачи и прядильщики разбегаются по родне в ближайшие деревни.

Непривычный человек просто чумел в «спальне» от жуткого ералаша: в одном углу балалайка, в другом — тульская или саратовская гармонь; где-то горланят песню во весь голос; кто-то плетет байки или сказки.

За порядком наблюдал «хожалый», обычно из отставных унтеров, он глядел, чтоб не было поножовщины или кулачной драки.

Когда же она возникала, он щедро раздавал оплеухи и той и другой стороне, и порядок восстанавливался. А в иные дни смотрел, чтобы не шастали мастеровые по чужим койкам, не шептались по углам, в матерной брани не касались Христа с богоматерью и спать ложились после дневной смены в десять вечера: после этого часа на улицу выходить не полагалось.

Но на Руси было давно заведено — драть с живого и с мертвого! И «хожалый» — ночь не в ночь — открывал дверь из «спальни» за гривенник. Этим и пользовались гуляки и… подпольщики. А уж кому тут было невмоготу, те отрывали от своей «дачки» два-три рубля в месяц и снимали угол у хозяйки в Голодаихе, Яме, Рылихе или Посикуше…

Поздним вечером городок преобразился. Над ним нависло зарево. Мрачные фабрики, залитые яркими огнями, превратились в сказочные дворцы. Из каждой трубы, как из пушки, валил седой и розовый дым. Над Уводью клубился туман. Гул и грохот стали еще громче.

Близко к полуночи Фрунзе пришел к Дунаеву. Евлампий Александрович уже слыхал о нем. Но встретил сухо. И только по мягкой интонации резкого голоса можно было судить, что он рад приезду нового агитатора. Вообще-то он был даже суров по внешности — с неулыбчивыми, острыми глазами на рябоватом лице, побитом оспой. Глаза к тому же прятались за очками, плотно прилегавшими к надбровным дугам. Был он ростом не выше Фрунзе и худ, с тонкой длинной шеей, в движениях неспокойный и угловатый. И слова бросал словно в раздражении. Через неделю-другую Трифоныч понял, что на Дунаева — товарища доброго и преданного — наложили такой отпечаток трудная жизнь подпольщика и гнетущий быт тюрем.

Для фабрикантов он был признанным вожаком ивановских рабочих. И хозяева за его прямоту и неслыханную резкость дали ему удивительно меткое прозвище — Бешеный ткач.

Не успел Евлампий разговориться, как стали подходить товарищи — один за другим. Пришел Федор Самойлов, чем-то похожий на Дунаева, но мягкий и застенчивый. Потом появился на пороге главный здешний боевик, Иван Уткин — его звали подпольщики Станко. Следом за ним вошли в дом веселый и озорной Михаил Лакин, именуемый Громобоем. Затем Семен Балашов с прозвищем Странник. Наконец, появился и Федор Афанасьев. Он немного угнул голову на пороге, потому что был высоковат для Дунаевской двери. Молча отвесил поклон каждому и прошел под божницу.

Балашов и Самойлов помогли Дунаеву выставить самовар с чашками, бутылку водки, хлеб и картошку с селедкой. Станко перетасовал и раскинул на подоконнике затрепанную колоду карт. И, ни к чему не притрагиваясь, Отец открыл заседание комитетчиков.

Трифоныч молчал и слушал. Впервой он был на таком ответственном ночном заседании единомышленников, которые не сегодня-завтра могли поднять многотысячную армию ивановских рабочих. Они и не спорили ни о чем, понимая друг друга с любого намека. Только поначалу не вдруг согласно высказались, в какой день начинать стачку. Дунаев и Балашов думали начать дня через три, другие советовали подождать неделю, чтобы подготовиться вернее. Разговор прикончил Отец:

— Дачка будет десятого и одиннадцатого. Начнем двенадцатого. Хорошо, что не выступили сразу после пасхи: народ за неделю поиздержался, не было бы у него запала. В прошлом-то году у Бакулина бастовали трижды, а все не ко времени — перед самой получкой, когда люди пояса затягивали. Теперь научены: выступаем двенадцатого.

И уже по тому, что никто не возражал, видно было, как товарищи прислушиваются к Афанасьеву. Перед хозяевами коноводом рабочих был Бешеный ткач: он жил открыто. А в подпольном комитете решающее слово принадлежало Федору Афанасьевичу.

До стачки надо было собраться на партийную конференцию. И Отец хотел выяснить: хватит ли трех дней для раскачки в цехах?

— Куда больше, Федор Афанасьевич, народ готов! — за всех ответил Дунаев.

Согласились собрать большевиков на конференцию 9 мая в лесу, неподалеку от села Пановского.

— У тебя, Иван, дружинники готовы? — Отец обратился к Уткину.

— Головой отвечаю, Федор Афанасьевич!

— Люблю порядок!.. Ну, с этим кончили. Теперь подумаем насчет Трифоныча: когда его пускать в дело?

— Вот девятого он и скажет, где, что и как. И народ его послушает. До того дня мы с ним посидим вечерок, набросаем на бумаге наши требования со всех фабрик, он и войдет в курс. А двенадцатого направим его с Семеном останавливать работу у Бакулина, — предложил Евлампий.

— Ну, братцы, по домам, пока никого на след не навели. — Отец поднялся с лавки. — А бутылку, Евлампий, убереги: будет и на нашей улице праздник!

— Пошли, Трифоныч, — предложил Семен. — Нам по пути.

Болтая по дороге о всякой всячине, минут через тридцать добрались до избы Черникова, и Фрунзе, как было условлено, тихонечко поскреб пальцем по окну.

Три дня пролетели незаметно: с утра до вечера Михаил читал, не выходя из дому, два вечера провел с Дунаевым.

Читать пришлось много: только что прислали из Москвы первые материалы о III съезде РСДРП. Этот съезд прошел под знаком идейной победы большевиков и определил политику и тактику партии в революции.

Основой всего была идея о гегемонии пролетариата. Компасом к ней — политическая стачка: лишь она может втянуть массы в борьбу и довести ее до всенародного вооруженного восстания. Надо не только пропагандировать идею восстания, но и готовить его военно-технические средства — боевиков, оружие. Главная цель восстания — свержение самодержавия и создание Временного революционного правительства, которому суждено быть органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Пути к ней — поднимать рабочих на политическую стачку, ни на минуту не забывая о крестьянском движении. Призывать крестьян отказываться от подчинения царским властям, создавать в деревнях революционные комитеты. Только они смогут конфисковать земли помещиков, государства, церкви, монастырей и поднять руку на земли удельного ведомства, то есть дома Романовых.

С Дунаевым спорили до хрипоты. Трифоныч предлагал внести в требования ивановцев эти главные решения съезда. Евлампий Александрович его осаживал:

— Пойми, мы же самая отсталая часть пролетариата. И к тому же живем не в столице, где много передовых рабочих по металлу. И нельзя нашим ткачам предлагать все лозунги съезда — будет и недоумение, и даже испуг. Начнем с требований, понятных любому рабочему, а потом поведем народ дальше. Этап за этапом; агитация, военная подготовка. А прыгать не надо, особенно через себя.

Дунаев ерошил черные волосы над высоким лбом, неспокойно ходил из угла в угол.

— Мы тебе дадим самых грамотных рабочих: собирайся с ними, учи их всякой премудрости, готовь агитаторов. Они нам помогут перевести стачку на новый этап. А сейчас говори о том, что наболело. Вот так, — он достал из кармана две тонкие потрепанные книжечки, поднял их над головой. — Вот эта — расчетная, а это — заборная. В расчетной — получка и штрафы. А вот заборная: пуд муки в Москве семьдесят шесть копеек, а у нас

— рубль тридцать пять. Бутылка керосину — шесть копеек дороже. И так по каждому товару! В лавке дерут, в конторе путают. Куда деваться бедному человеку?.. Вот так, Трифоныч! А когда народ поймет, что дело не в мастере и даже не в хозяине, а во всем строе — с царем во главе, тогда он и примет решения съезда как свои…

Трифоныч уступил в этот раз. Записали все, что уже предъявили ткачи фабриканта Бакулина, рабочие типографии Соколова и собирались выставить 10 мая ткачи Дербенева.

— Кстати, дербеневские сынки были вчера в большом загуле: пропили с дружками в трактире и продули на бильярде не одну сотню рублей. Вот тебе и живая агитация! А наши дети ползают в пыли при дороге, а жены не знают, чем затыкать дыры в хозяйстве!

— Хорошо, Евлампий Александрович, вам виднее. Но и своего я не упущу, — сказал Трифоныч, старательно записывая требования ивановских рабочих.

— Прежде всего: рабочий день — восемь часов, а перед праздниками — шесть. Затем отмена ночных и сверхурочных работ, и заработок — не ниже двадцати рублей в месяц. Потом — полная оплата за время болезни, отпуска роженицам с сохранением полного заработка, ясли для детей и пенсия потерявшим трудоспособность. Наконец, улучшение жилищных условий и медицинской помощи.

— Вот это главное! Народ добавит, если мы пропустим чего. Но еще надо обращение написать к рабочим, чтоб до сердца дошло!

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — начал писать Трифоныч.

— В точку! — сказал Дунаев. — А теперь пиши по-рабочему: «Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни. Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь!..»

9 мая на партийной конференции единогласно утвердили требования с острой запевкой Евлампия Дунаева. И Фрунзе впервые выступил от лица комитета с речью:

— Революция шагает по стране, товарищи! Царь показал девятого января, что ничего нам не уступит без боя. Его и фабрикантов просьбами и слезой не прошибешь. Мало бросить работу и предъявить требования. С этого только начнем бой с капиталом, но не остановимся на полпути: Ленин призывает нас готовиться к вооруженной борьбе. У нас пока мало вот таких товарищей, — он показал на дружинников Ивана Уткина, которые окружили тайное собрание большевиков, в черных ластиковых

рубашках с широкими кожаными поясами. — Мы создадим новые отряды и найдем для них пистолеты и винтовки. Без этого не обойтись, товарищи! Сейчас власти тайно вербуют против нас «черную сотню» из лавочников, дворников, кулаков и уголовных преступников. А против этой чертовой «сотни» с голыми руками не попрешь. И полиция, жандармы и казаки не сдадутся нам по доброму уговору. Признают они только силу оружия. Мы ответим им пролетарской сплоченностью. А уж коль дело дойдет до открытого боя, охулки на руку не положим. С волками жить — по-волчьи выть! И хорошо стреляет тот, кто стреляет последним!

И закончил Фрунзе свою речь под одобрительный гул собрания:

— Я тут всего три дня, а хорошо вижу, что умеете вы читать, писать и считать по законам революции. Читаете запрещенную литературу, пишете требования, зовущие в бой. Считаете, какой барыш от вас кладут в карман хозяева. Теперь пройдем рабочий «университет» на сходках, и каждый из вас понесет слово нашей правды ко всем рабочим города и округи!

— С почином, Трифоныч, хорошо сказал! — Семен Балашов крепко пожал ему руку.

Забастовка в «Ситцевом крае» началась 12 мая 1905 года и продолжалась семьдесят два дня. Такого еще не знало рабочее движение России!

В те годы очень любили исторические параллели, и ивановские большевики гордились, что они смогли продержаться на один день больше Парижской коммуны.

Двенадцатого Дунаев вышел по гудку в утреннюю смену на фабрику Бакулина, где работал ткачом. По дороге он прихватил Семена Балашова с Трифонычем и в шумной сутолоке у входных ворот провел их в цехи.

Народ уже мельтешил возле машин, негромко переговариваясь о наболевшем. Не скажет ли чего дирекция ныне, ей требования вручили еще пять дней назад? И какого лешего тянет?

Очень многие не оставляли надежды на мир между хозяевами и рабочими. Ведь куда добр и наивен русский человек! Как и в дни «гапоновщины» — терпел он и не терял веру в доброго царя, пока не попал под его пули, так и нынче: все еще теплил надежду, словно лампаду жег перед киотом, чтоб заслужить милость всевышнего.

Но таких простачков осаживали люди трезвые, уже утратившие беспочвенные иллюзии.

Между тем первая смена встала к станкам. Заурчали трансмиссии, вздрогнули, пошли в ход машины. Пулей замелькали челноки, побежали поровну и вверх нити основы.

А в трех больших пролетах, перекрывая шум машин, в голос закричали Дунаев, Балашов и Фрунзе:

— Кон-чай ра-бо-ту!

— На ули-цу, това-ри-щи!

— Митинг на площади!..

Осекшись, встали и замолкли машины. Налегая друг на друга, люди кинулись в широкий проем двери: «Миром! С богом! С товарищами! Навалом!»

Лавиной вынеслись во двор, сбили с ног перепуганных охранников у ворот. И, строясь рядами, зашагали по булыжнику к городской площади.

Комитетчики не смогли одновременно остановить работу на всех предприятиях. И первыми вышли на митинг рабочие четырех фабрик: Бакулина, Маракушева, Никиты Дербенева и Бурылина. Но вскоре забастовка полыхнула, как пожар, по всему городу, и площадь едва вместила людское море.

Полицмейстер Кожеловский оторопел. Но быстро сообразил, что надо требовать подмогу. И пока не включились в стачку телефонисты, передал владимирскому губернатору Леонтьеву, что у него под окнами великое сборище — тысяч сорок! — и он не может его побороть. Губернатор приказал немедленно собираться в путь.

А на площади уже сгородили трибуну из старых ящиков, и Бешеный ткач с глазами-молнией, сбросив картуз, звонкоголосо стал читать требования рабочих к фабрикантам. Федор Афанасьев стоял рядом, светясь лицом, как в самый большой праздник.

В задних рядах люди напряженно тянули шею, чтобы не проронить слово оратора, и цыкали на ребятишек, которые ошалели от радости: они шныряли в толпе, передавая друг другу новости, или громко перекликались, сидя на деревьях.

А людское море грохотало.

— Восемь часов!.. — разлетался над головами голос Евлампия Дунаева.

— Правильно! — отвечали тысячи.

— Штрафы долой!..

— Долой!

— Отмена ночных работ!..

— Верно!

— Заработки повысить!..

— Точно!..

Словно клятву давали рабочие. А народ подваливал и

подваливал: после полудня замерла вся фабричная жизнь в городе.

Говорил Федор Афанасьев, почти не скрывая слез радости. Вспомнил он о первой маевке и жестоком уроке в день Кровавого воскресенья. Вспомнил, как за последние тринадцать лет не по своей воле почти каждый год навещал царские тюрьмы.

— Но не оскудела моя вера в долгожданную победу рабочего класса. Сколько раз подбивал я людей на стачку, и они дружно выступали против хозяев. И с вами восемь лет назад держались мы три недели, пока не отбили у фабрикантов полтора часа. Помните ли, с какой радостью перешли тогда с тринадцати часов на одиннадцать с половиной?

— Помним, Отец, помним! — согласно ответили люди.

— А вот такой мощи мы тогда не показывали. Нынче светлый день нашей борьбы, и он принесет нам заветные восемь часов. Только брать свое придется силой: зажирело у хозяев сердце. И не скинут они нам три часа без боя. Но нет среди нас трусов: бой так бой! А коль придется, и жизнь отдадим. Но стоя, с гордой головой. И это лучше, друзья, чем жить на коленях!..

К Федору Афанасьевичу протискивались в толпе старые его товарищи по стачке девяносто седьмого года, трясли ему руку, говорили сердечно:

— Верим тебе, Отец! Веди! Добьемся!

А на трибуне уже стоял Трифоныч, комкая картуз в правой руке. И пересохло у него в горле, и непривычно дрожали колени: ведь полтораста тысяч глаз с надеждой глядели ему в лицо. Он опасался, что сорвется голос от волнения. И даже сам удивился, до чего же четко и смело зазвучали его слова на этом первом грандиозном митинге.

— Товарищи! Отец верно сказал: на нас работает время. Утром вышли из цехов тридцать тысяч, сейчас нас семьдесят пять. Кому же по плечу свалить такую силу? Никому! Но не будем обольщаться: мы сильны единством, пролетарской сплоченностью. Не давайте дробить наши усилия, не опускайтесь до мелких сделок с хозяевами: один за всех, и все за одного! Выстоим сообща, и вся пролетарская Россия устремится за нами! И да здравствует Всероссийская стачка!..

Его проводили одобрительным гулом — в те годы на рабочих собраниях не знали аплодисментов. Он был самым молодым среди ораторов и говорил с юношеским задором. Но в речи его не было пустых слов, а открытое, смелое лицо так зримо подчеркивало его искренность.

Митинг в тот день длился до вечера, и многие опьянели от речей. Это понял Михаил Лакин — озорной, красивый парень с

кустистыми соболиными бровями. Он успел сбегать домой, чтобы переодеться, и вышел к трибуне как артист: в хорошей синей паре и белой рубашке с черной шелковой бабочкой. Сотни стихов держал он в голове и начал читать Некрасова.

Очень к месту были эти стихи: они падали на благодатную почву. И иногда у слушателей набегали на глазах слезы. А он поддавал и поддавал, словно великий поэт передал ему эстафету.

Над притихшей толпой летели из края в край стихи о печальной жизни многострадальной русской крестьянки.

Потом Лакин читал «Колыбельную песню» — о будущем чиновнике:

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

И били в цель строки о страшном барине, который так напоминал лиходеев-фабрикантов:

И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил.

Лакин мог бы читать и до ночи. Но со стороны вокзала подкатила к площади коляска, а в ней владимирский губернатор Леонтьев.

По живому коридору, едва не задевая людей крыльями коляски, проследовал тщедушный старичок в белом мундире, прикрытом серой накидкой от пыли, в картузе с генеральским околышем. Он опирался на трость с набалдашником, зажав ее между колен, и с недоумением поглядывал по сторонам, словно ожидая подвоха.

Люди угрюмо молчали. Но у многих закралась мысль: «Не к добру явился в Иваново этот властный старик!»

Полицмейстер проводил губернатора в канцелярию, вскоре показался на балконе и крикнул начальственно:

— Господа! Их превосходительство приказывают вам немедленно очистить площадь и завтра всем возвратиться к работе. Для переговоров с начальником губернии соблаговолите

выбрать депутацию.

Недобрый гул прокатился по площади.

Евлампий Дунаев, не желая заводить препирательства с Кожеловским, сказал громко, чтоб слышали все:

— Губернатор устал с дороги — дадим ему отдохнуть. Да и нам пора по домам. Только, товарищи, у нас свой порядок: работу бросили и к машинам не вернемся, пока не сдадутся хозяева! Что скажем начальнику губернии — наше дело. И на то есть новый день. И говорить будем без свидетелей. Завтра с утра — митинг на Талке, товарищи!

Утром 13 мая городское собрание рабочих было продолжено в широкой зеленой излучине реки Талки, на опушке соснового бора, неподалеку от железной дороги.

Большевики подсказали решение: всей массой не обсуждать каждый вопрос стачки, избрать для этого боевой штаб — Совет уполномоченных, чтоб он сводил воедино все пожелания рабочих и повседневно руководил стачкой. И по вечерам давал бы отчет собранию, какие меры им приняты.

Люди разбились на группы — от каждой фабрики. Да и от каждого городского предприятия, потому что стачка стала всеобщей: в нее включились заводы, типографии Соколова и Ильинского, железнодорожное депо, ремесленные мастерские, землекопы и крупные магазины. А все питейные заведения были прикрыты Советом на другой день. И со стороны Талки необычно выглядел город: умолкли гудки, не дымились фабричные трубы, опустели улицы. А с городских колоколен удивительным казалось пространство в несколько десятин на зеленой лужайке у реки, где живописными группами сидели и стояли тысячи людей, все разодетые как в праздник: яркие сборчатые юбки, цветастые платки из ситца и драдедама, темные картузы, красные, синие и голубые косоворотки, у многих с белыми горошинами, жилетки, пиджаки. И тот, кто подходил сюда позднее, вдруг попадал в ярмарочную атмосферу криков, споров, возгласов. А над излучиной стоял такой гул, словно носились растревоженные пчелы из тысячи ульев.

И ребятишки летали от группы к группе, разнося новости. И сновали по поляне лоточники, предлагая крендельки, ландрин, семечки, орехи, сладкие грецкие стручки. И досужие мужички с городских окраин толкали тележки с квасом, разлитым в четверти или «гусыни», укутанные от весеннего жаркого солнца, в старое ватное одеяло.

После полудня Совет уполномоченных был избран: 151 человек. Нелегалы Федор Афанасьев и Михаил Фрунзе в него не вошли: они руководили им из подполья. Первым председателем

Совета выбрали местного поэта, гравера по профессии — Авенира Ноздрина. Евлампий Дунаев взял на себя политическое просвещение стачечников. И полиция вскоре доносила по своим каналам, что на Талке создан «вольный социологический университет», где интеллигенты изо дня в день читают лекции и проводят беседы. И что «ректором» состоит Бешеный ткач. Только долго не могли узнать полицейские чины, что главным «ректором» в этом народном «университете» признан петербургский политехник Фрунзе, а вдохновляет всю эту учебу Владимир Ленин. Ведь стачечники знали только большевиков: в Иваново-Вознесенске не давали хода соглашательским партиям — эсерам и меньшевикам.

На первом же заседании Совета были окончательно сформулированы требования всех рабочих Иваново-Вознесенска. И к тому, что записали Дунаев и Трифоныч, прибавились требования, рожденные в ходе двух первых митингов: ликвидировать тюрьмы при фабриках и убрать фабричную полицию, не допускать вмешательства властей в дела рабочих во время стачки, не арестовывать забастовщиков в эти дни и не увольнять их с работы.

Как и предполагал Евлампий Дунаев, уже с первых дней появились четкие политические требования: свобода стачек, союзов и собраний. И это уже был шаг к лозунгу о созыве Учредительного собрания.

Одновременно Совет решил ввести «сухой закон» в дни забастовки и создать свою милицию, чтобы в городе не наблюдалось безобразия, хулиганства и грабежей.

Совет уполномоченных вскоре стал реальной властью рабочих в городе, без его разрешения не делалось ни шагу. И когда губернатор Леонтьев переселился на время из Владимира в Иваново-Вознесенск, он на себе ощутил власть Совета. Приказав Кожеловскому отпечатать и расклеить объявление о запрещении сборищ, он получил неожиданный ответ:

— Не имею возможности, ваше превосходительство! Типографии закрыты по решению Совета. А он не разрешит печатать бумагу против себя. Так что придется в другом городе.

— Невероятно! До какой степени вы распустили людей, полицмейстер! Партийцы ходят на свободе, баламутят народ. Но я найду управу: всех вожаков — в кутузку, и чернь встанет на колени!

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но взять бунтовщиков нельзя: у них своя милиция, чуть тронем — начнутся эксцессы.

Губернатор ограничился тем, что написал письмо министру

внутренних дел:

«12-го сего мая в городе Иваново-Вознесенске забастовали рабочие на всех фабриках. Рабочие держат себя неспокойно, вследствие чего мною сего числа выслан один батальон нижних чинов от квартирующих во Владимире войск…»

Но до 3 июня и этот батальон, и астраханские казаки, приданные ему в помощь, не были пущены в дело. Губернатор Леонтьев несколько раз принимал депутатов Совета — Дунаева, Лакина и Самойлова, уговаривал их пойти на уступки, но они не сдавали позиций. Он вернулся во Владимир, вскоре снова приехал в Иваново-Вознесенск. И сейчас же информировал своего министра:

«…Сам я должен напрягать все свои силы для достижения однообразного хода дела, но при всем моем старании достигается мною с большим трудом. Первый раз я просидел в Иванове восемь дней. Ныне уже прошло девять дней моего вторичного здесь пребывания, а пока не предвидится его конец. У меня развиваются признаки сердцебиения и нервного расстройства…»

Конечно, потрясенный до такой степени начальник губернии — лучшее свидетельство реальной силы Совета! Да и как было не расстроиться старому служаке, если единственным способом расправы с рабочими могло быть только открытое объявление гражданской войны всему народу края. Но в стране было так неспокойно, что повторение Кровавого воскресенья исключалось.

А люди не работали у станков, фабриканты соглашались лишь на мелкие уступки. Губернатор пока накладывал уксусные повязки от мигрени. И огорчался страшно: «вольный университет» день за днем готовил агитаторов и рассылал их по округе. А в минуты, свободные от занятий, дерзкие молодые парни на Талке распевали открыто:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

И сотни голосов подхватывали песню:

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас.
Уж скоро паразитам
Придет последний час!

И уже не только всероссийскую, но и мировую гласность получила ивановская стачка. И живое воплощение лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» подтверждалось присылкой денежной помощи бастующим из Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Иркутска, Риги, Варшавы, Екатеринослава, из Женевы, Гамбурга, Берлина, Бремена, Нью-Йорка.

Отец вел учет каждой копейке из стачечного фонда, понимая, что не смогут до бесконечности держаться люди, у которых давно кончилась последняя «дачка» и никаких запасов нет. И может подойти время, когда каждый пятак, выданный голодной семье, будет дороже рубля в праздник. «Я был свидетелем сцены, — вспоминал один из стачечников, — как Отец — казначей комитета — выдавал Трифонычу (Фрунзе) деньги на железнодорожный билет в Шую, куда тот ехал для проведения массовки, требовал с него три копейки сдачи, и когда у Трифоныча сдачи не оказалось, то Отец не поленился сходить в лавочку, чтобы поменять пятиалтынный, и вручил ровно сорок две копейки…»

Фабриканты отсиживались в городе, неся большие убытки. Некоторые из них намекали, что пойдут на маленькие поблажки, но Совет требовал выполнения всех пунктов наказа.

Эту позицию отразил в письме к родственнику фабрикант Бурылин:

«То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий, рабочие — как звери. Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения. Мое честное убеждение — надо поскорей идти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах. В красильне — мокрые ролики. Мне известно из недостоверных источников, что руководители забастовки — люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования».

Городская дума прекратила работу. Совет заседал с утра до ночи, но и ему не хватало опытных агитаторов и деловых руководителей.

Семнадцать лет спустя Михаил Васильевич Фрунзе дал очень верную оценку забастовки и ее исторической роли для рабочего движения России:

«Идейное и организационное влияние Иваново-Вознесенской группы РСДРП было очень велико. Во всем объеме оно сказалось на всеобщей стачке, начавшейся, кажется, 12-го мая. С первых же

шагов стачечное движение, охватившее около 60000 рабочих различных городских предприятий, приняло удивительно стройный и организованный вид. После первого грандиозного митинга перед Думой, приведшего в неописуемый страх как местную буржуазию, так и всю полицию, происходит общее собрание бастующих за городом у речки Талки, где рабочие по предложению социал-демократов разбились на фабрики и создали Совет Рабочих Депутатов.

Я бы очень хотел привлечь внимание к этому обстоятельству. Оно важно по двум причинам: первое — по той естественной необходимости, жизненности и соответствию запросам и интересам трудящихся, представляемых советской формой организации, и второе по той роли, которую в создании и развитии советской формы организации сыграл иваново-вознесенский пролетариат.

Нет никакого сомнения, что иваново-вознесенская летняя стачка дала богатейший политический и организационный материал, который после и был надлежащим образом использован при создании Петроградского, а затем Московского и других Советов. Вот, стало быть, к какому времени относятся еще корни нынешней Советской организации в Иваново-Вознесенске. Работа, проделанная партией в смысле политического воспитания рабочей массы, за время стачки была колоссальна. Надо сказать, общий культурный уровень иваново-вознесенского пролетариата был чрезвычайно низок. Несмотря на колоссальные богатства, скапливающиеся в руках фабрикантов от эксплуатации труда рабочих, город по постановке народного образования занимал во всей России одно из последних мест, ибо буржуазная городская дума не уделяла ему никакого внимания… В результате партии приходилось иметь дело с массой, совершенно не подготовленной к восприятию социально-политических идей. Я помню, как первое время стачки волнение охватывало аудиторию при попытках ораторов затрагивать чисто политические темы; помню, как испуганно и порою враждебно встречалась массой критика самодержавной царской власти. Но все это было только вначале. Работа организации свое дело делала. И надо было видеть, как оно делалось! Во всякой кучке рабочих и просто обывателей, обсуждавших злободневные вопросы, обязательно как из-под земли появлялся доморощенный оратор в лице рядового члена организации и властвовал вниманием и сочувствием слушателей. Во время этой знаменательной стачки, сыгравшей в истории всего рабочего движения России такую крупную роль, во всем блеске выявились основные черты организации РСДРП (большевиков): партийная дисциплина, колоссальная энергия и безграничное

самоотвержение».

В своих воспоминаниях 1922 года Фрунзе не сказал о себе ни слова, а ему принадлежала исключительная роль в дни этой знаменитой стачки иваново-вознесенских текстильщиков…

В этих воспоминаниях между строк угадывается и сам Трифоныч — застенчивый и скромный, незаметный для многих, волевой и удивительно ласковый в подходе к любому стачечнику. Сам он о себе никогда не говорил, о своих делах той поры никому не писал. И только по крупицам — из донесений полицейских чинов, из отдельных воспоминаний его боевых товарищей — можно составить образ молодого большевика, волею судеб попавшего в ивановское пекло 1905 года.

В нашем теперешнем понимании был он комиссаром Совета, умным, тактичным и очень деятельным членом партии, который поддерживал в товарищах дисциплину и энергию, немыслимую без самоотвержения.

Именно это и подчеркивал в своих воспоминаниях его близкий соратник Федор Самойлов: «Фрунзе стал душой Иваново-Вознесенской партийной организации. Его часто можно было видеть на заседаниях городского партийного центра, на нелегальных собраниях в лесу и с момента стачки, которой он фактически руководил, — на заседаниях Совета и на митингах бастующих рабочих».

Так получилось, что в Иваново-Вознесенске он был наиболее образованным марксистом, раз и навсегда избравшим большевизм своим жизненным кредо. И отчетливо понимал, что победа рабочего движения невозможна без социалистической теории, без ленинского знамени. В гимназии и в институте он привык читать много и быстро, а цепкая память помогала ему усваивать выводы из прочитанного. По-своему он стоял на уровне ленинских идей того времени и хорошо умел передать своими словами самую трудную теоретическую мысль. И его ценили именно за то, что он не подстраивался под лексикон отсталых рабочих, а пытался поднять их до понимания действительно сложных вопросов марксизма.

Конечно, и кроме него были люди образованные, о которых сообщал в письме фабрикант Бурылин. Стойким марксистом был Отец — Федор Афанасьев. И знал он многое из Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Но теория не была самой сильной его стороной: он брал рабочего за душу фактами из его же жизни и задушевными разговорами о своем тернистом пути старого большевика, одержимого ненавистью к строю насилия. Хорошо

был начитан Евлампий Дунаев — человек практической хватки, прирожденный рабочий агитатор, умевший всякое слово повернуть так, чтобы любой рабочий в его страстной речи видел свои невысказанные желания. Образованными людьми были и Самойлов и Жиделев. Но, кроме Фрунзе, интеллигентом в широком понимании был еще лишь Андрей Бубнов по кличке Химик — беглый студент Московского сельскохозяйственного института.

Однако Трифоныч стоял особняком: мастер теории, но отнюдь не сухарь; человек эрудированный в вопросах истории и экономики и вместе с тем ничем не отгороженный даже от неграмотного рабочего. Потому-то и легли на его плечи обязанности «ректора» в «вольном университете» на берегу реки Талки.

Комитетчикам он читал лекции по теории рабочего движения. И они восхищались, что он на память цитировал большие куски из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и из книги Ленина «Что делать?».

Семен Балашов спросил его однажды:

— Ну как же можно запомнить такое?

— Мысль понравилась и хорошо отложилась в голове. А раз так, то ее нетрудно передать и словами автора. Да и не стоит подпольщику таскать с собой запрещенные книги. Как говорит Отец, лучше их держать не за пазухой, а в голове! Тогда и в любом споре будешь отлично аргументирован.

Разумеется, попадались мысли, сложные для восприятия, и слушатели становились в тупик. Тогда Трифоныч говорил без обиняков:

— Глубокую мысль нельзя постичь без труда. Надо возвращаться к ней и дважды и трижды и связывать ее со своей практикой. Даже великий Маркс приходил к выводам в итоге беспощадной борьбы с собой. Но всякая умная мысль хороша тем, что ее можно понять в конце концов, а будучи понятой, она толкнет на подвиг!

Изредка он выступал с обзором событий в стране на широких собраниях. И любил такие речи: живо реагировала на них благодатная аудитория. Но товарищи все глубже и глубже загоняли его в подполье: оберегали своего Трифоныча. И он ограничивался где репликой, где кратким словом на летучке агитаторов, где небольшой беседой с малой группой будущих пропагандистов, а где и разговором наедине с рабочим «оратором», у которого дух захватывало от одной мысли, что ему придется выступать в Совете или на многолюдном митинге.

— Не залезай в дебри, — подбадривал он оробевшего ткача

или прядильщика. — Смело говори о том, что наболело: расценки, штраф, фабричная тюрьма. И про «спальню» скажи, и про «дачку», от которой нет радости… А выступать надо; мы люди передовые, нам нужно проявлять себя в общественной деятельности. Она помогает человеку стать смелым, уверенным в правоте своих идеалов!

Тем, кто колебался долго и все отнекивался, Трифоныч составлял «шпаргалку». Но предупреждал дружески:

— Ты не заучивай — я ведь не могу передать твой стиль речи. Сам говори. А моя бумажка пусть будет как вешка на зимней дороге: помни о ней, иди смело и не сбивайся!

И «доморощенный агитатор», испытав счастье на митинге, говорил о Трифоныче с уважением:

— Ну скажи ты, молод до невозможности, ему бы за девками бегать, а он все для нас и за нас! И так тебе в душу вложит, что страху перед народом нет. Голова!..

23 мая в Иваново-Вознесенске произошли два события. Партийная организация стала выпускать бюллетень о ходе забастовки. Трифоныча сделали редактором, автором и правщиком статей, заметок и предложений стачечников. Он писал по ночам прокламации и призывы, из номера в номер будоража умы бастующих. Полиция сбилась с ног, но ни подпольной типографии, ни редакционного аппарата бюллетеня найти не смогла.

В этот же день стачка отчетливо обнаружила свою политическую окраску. Совет рабочих депутатов провел на городской площади собрание под лозунгом «Работы, хлеба!». Впервые комитетчики выкинули красные флаги и с пением «Марсельезы» и «Варшавянки» направились продолжать митинг к берегам Талки. И эта речка приобрела популярность далеко за пределами города; она стала вровень со славными географическими пунктами земного шара!

Красные знамена стачечников так перепугали фабрикантов, что некоторые из них немедленно покинули город. Трифоныч дал в бюллетене отчет о митинге, о новом проблеске политического сознания масс и призвал их еще активнее разворачивать наступление на капитал.

Одновременно он занялся вооружением дружинников Ивана Уткина. Парни в черных ластиковых рубахах и кожаных поясах почти не имели оружия. На всякий случай они запаслись увесистыми можжевеловыми палками.

И пока власти не шли в открытый бой, даже с палками можно было нести охрану Совета, рабочих митингов и фабричных ворот, чтобы туда не проникали штрейкбрехеры.

Но губернатор стянул в город войско, и астраханские казаки с желтыми лампасами стали появляться слишком близко от излучины Талки, занятой бастующими.

В майские дни 1905 года постепенно обнаруживается одно из сильнейших призваний Фрунзе: от военного организатора рабочих дружин в Иваново-Вознесенске — к баррикадным боям в Москве, к вооружению народа в Минске, к выдающейся полководческой деятельности в годы гражданской войны.

Давняя детская мечта стать генералом вдруг воплотилась в конкретных делах во время стачки. Трифоныч посылал в Москву ребят Ивана Уткина, и они привозили винтовки в разобранном виде и пистолеты. И учились стрелять в цель и надежно прятать оружие.

Для стрельбища выбрали место в овраге, за лесной дачей фабрикантов Битовых, удравших в столицу. А стрелять старались в те минуты, когда проходил товарный поезд, чтобы его грохот приглушал винтовочный треск.

Сам Трифоныч отлично стрелял из винтовки: сказывалась охотничья сноровка. А из пистолета бил хуже, но вскоре приноровился попадать в «яблочко» с двадцати-тридцати шагов: во всем он хотел быть не хуже других, чтоб наглядно служить примером.

Когда у Станко — Уткина сложилась боевая дружина человек в семьдесят, Фрунзе написал для нее устав. «Боевая дружина формируется прежде всего для того, чтобы служить ядром будущей революционной армии восставшего народа», — сказано было в преамбуле.

— Ну, это ты хватил, Трифоныч! — говорили некоторые дружинники. — Какая ж мы армия? Смех один! А где пулеметы, пушки, генералы! Разве попрешь против войска с такими револьверами? — презрительно поглядывали они на кучку малосильных, устаревших «смит-вессонов».

— Винтовки будут, — спокойно отвечал Трифоныч. — Пулеметы можно отбить у врага. А до пушек далеко, может, дело до них и не дойдет: нам не крепости брать! Генералами будем сами: не боги горшки обжигают! Но если народ восстанет, у него должно быть обученное ядро, и из него вырастет армия пролетариата. Так что записано все правильно!..

Популярность Трифоныча росла. Полиция за ним охотилась, но никак не могла расшифровать, кто скрывается за этой как бы стариковской кличкой. Городовые и филеры толкались среди стачечников, спрашивали: «Каков же он? С бородой, што ли?» — «Вот именно: бородища здоровая, рыжая! И сам дюжий — не чета нашему губернатору!»

Трифоныч менял адреса. В каждом доме оберегали его пуще глаза, хозяйки хотели накормить его чем бог послал, постирать бельишко. И удивлялись до крайности, что этот молодой большевик просиживает ночи над книгами. «Глаза спортишь, ложился бы», — говорили ему. «Завтра беседа. Скажу людям немного, а самому надо готовиться всю ночь». И подкупала его отрешенность от обыденных дел: еду старался не брать, зная, что в семье с харчами плохо, деликатно отказывался от услуг, даже пуговицу пришивал сам.

Ищейки накрывали его дважды, трижды. Но пока все сходило с рук: товарищи всякий раз разыгрывали толковый «спектакль», а паспорт на имя Семена Безрученкова был сделан отлично и действовал безотказно. Однажды нагрянула полиция, когда Трифоныч ночевал у Семена Балашова. Но их не застали врасплох: Станко обходил поселок со своими ребятами и успел стукнуть в окошко перед самым налетом.

Семен и Трифоныч спрятали в самовар только что подготовленный бюллетень Совета. Хозяин повязал щеку платком и уселся читать бульварный роман графа Салиаса, гость скинул сапоги и завалился под одеяло.

Граф не вызвал подозрения у пожилого унтера, да и Балашов отлично разыграл сцену: болят зубы, спасу нет, вот и решил отвлечься от нудной боли!

Трифоныч предъявил паспорт.

— Прибыл надолго? — спросил унтер.

— Да ведь как придется: на работу хотел, а у вас тут черт знает что творится. Неужто порядок нельзя навести?

— Поговори мне еще! — буркнул унтер. И вышел к стражникам: они переговаривались в сенях.

Ивану Уткину и его ребятам вскоре пришлось показать себя в большом деле. Губернатор Леонтьев, так и не избавившийся от мучительных мигреней на нервной почве, уехал отлеживаться во Владимир. А вице-губернатор Сазонов решил показать когти. 2 июня по его приказанию Кожеловский расклеил приказ, отпечатанный вне Иваново-Вознесенска: рабочим категорически запрещалось собираться на реке Талке. Однако все забастовщики явились на очередное собрание. И чтобы подчеркнуть мирный характер своего митинга, взяли детей, стариков. Да и день выдался чудесный: солнечный, ясный, теплый. Люди спокойно обсуждали дела; где-то заливчато пел баян; дети безмятежно носились по излучине реки.

И вдруг послышался крик дружинника:

— Берегись! Казаки!

Но со стороны города опасности не было. И все подались к

лесу, вовсе не ожидая, что именно там встретят их астраханцы, засевшие в бору с ночи.

И началось позорное побоище: пьяная казацкая орда против мирных рабочих. Астраханцы с гиком носились между бронзовыми соснами, хлестали нагайками, били шашками, топтали копытами коней, стараясь оттереть людей к поляне, где удобнее действовать в конном строю.

— Бей пьяную свору! — закричал Фрунзе, выхватывая пистолет.

Дружинники начали ссаживать карателей из седла выстрелами из пистолетов. Но силы были неравные. И Станко, увлекая за собой основную силу астраханцев, дал возможность людям разбежаться по кустам. А Фрунзе тем временем увел в березовую рощу Отца, Дунаева, Самойлова и других руководителей Совета. Крики раненых, кровь на их лицах, проклятия взывали к отмщению. Комитетчики и дружинники пытались отбить арестованных, но не смогли. И Кожеловский с казаками угнал в тюрьму человек пятьдесят.

Не успели в Совете принять соответствующее решение, как заполыхали пожары: на ткацкой фабрике Гандурина и на лесном складе Ивана Гарелина. Потом вспыхнули дома фабрикантов Фокина, Бурылина и городского головы Дербенева. Обозленные до крайности, дружинники стреляли в полицию, валили телеграфные и телефонные столбы. Совет осудил поджоги и всякие другие акты диверсии.

На запрещенном собрании в лесу страсти разгорелись до крайности. Горячие головы требовали разнести полицейское управление, арестовать Кожеловского, выжечь дотла все хозяйские «гнезда». Стихия грозила погубить забастовку: у стачечников не было реальной силы для открытого боя на улицах.

— Что ж, по-вашему, кланяться этим живодерам? Или простить им такое злодеяние? Бей псов, вот и весь сказ! — горячились многие.

На этом митинге после кровавой резни взял слово Трифоныч. Страстной была речь большевика. Он заклеймил позором палачей, но призывал не губить силы стачечников поддержкой анархистских и эсеровских приемов политической борьбы. И прочитал написанный им «протест на начальника губернии»:

— «Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска протестует против вашего запрещения сбора рабочих на Талке, — читал Трифоныч. — Вы потворствуете фабрикантам в стачечной борьбе, оказывая им всякую помощь, чтобы сломить решимость рабочих. До сих пор ни одно законное требование не удовлетворено. Рабочие голодают вот уже месяц. Вы расстреляли

рабочих на реке Талке, залили ее берега кровью. Но знайте, кровь рабочих, слезы женщин и детей перенесутся на улицы города, и там все будет поставлено на карту борьбы. Мы заявляем, что от своих требований не отступим. Вот воля рабочих города Иваново-Вознесенска. Ждем немедленного ответа по телеграфу. Совет рабочих депутатов».

Приняли протест без поправки. И он возымел действие: собрания на Талке были разрешены, из тюрьмы освободили почти всех арестованных.

Значение Совета возросло: с ним считались теперь не только городская, но и губернская власть. Полицмейстера Кожеловского убрали, казаки перестали гарцевать на улицах. Городскую группу Северного комитета РСДРП преобразовали в Иваново-Вознесенский комитет. В него вошел и Трифоныч.

Между тем стачка достигла апогея. Терпение рабочих пошло на убыль, подкрался и вскоре стал угрожать голод. А хозяева не сдавались. Лишь на ситценабивной фабрике Грязнова удалось повысить заработную плату, уволить ненавистных мастеров и добиться заверения, что против бастующих не будут применены санкции. И Совет разрешил рабочим этой фабрики встать к станкам, но с одним условием, что все они будут вносить отчисления от «дачки» в фонд бастующих.

Кончался июнь. Стачка себя исчерпала. Народ бедствовал, как в лихую годину, но продолжал держаться, 27 июня Совет провел последнее многолюдное собрание на Талке. С горечью было решено прекратить забастовку с 1 июля 1905 года. Политическая оценка этого акта выглядела так: «Мы решили стать на работу, с тем, чтобы, подкрепив свои силы, вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки 12 мая 1905 года».

Но еще не угасла надежда у самых стойких. Они держались больше трех недель. И только 23 июля закончилась героическая борьба стачечников.

Репортеры буржуазных газет поспешили заявить, что «после семидесяти двух дней анархии город начал жить обычной жизнью».

Но это было свидетельство верхоглядов. Старая, обычная жизнь умерла. Стало иным отношение к рабочим: насилие и произвол ушли в небытие. Фабриканты из тех, что дальновиднее, прекрасно понимали, что рабочего, прошедшего школу на Талке, в фабричную тюрьму не посадишь, в физиономию ему не дашь и даже не крикнешь на него, как на последнее быдло. Рабочий человек поднял голову, с ним поневоле приходилось считаться.

И Михаил Васильевич Фрунзе убедительно оценил значение

этого факта: «Хотя стачка окончилась лишь частичными экономическими уступками со стороны хозяев, но в итоге ее произошло идейное освобождение рабочего класса, и «властительницей дум» в его районе окончательно становится наша партия…»

И Владимир Ильич Ленин, пристально следивший за деятельностью первого Совета, высоко оценил инициативу ивановцев:

«Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки».

Одним из центров этого брожения стала Шуя и ближайшие к ней рабочие поселки. Туда и предстояло вскоре переселиться Трифонычу.

Иногда спрашивал себя молодой большевик Михаил Фрунзе: по каким таинственным законам собираются люди в устойчивые коллективы?

Когда это касалось массы стачечников, объяснение находилось без труда: они были боевыми товарищами.

Вековое стремление народа к товариществу понимал Гоголь, и он образно выразил это в повести «Тарас Бульба». В уста Тараса он вложил красивые и умные слова о природе товарищества.

А дружба! Тут дело более деликатное. И видимо, одной идейной близости мало. Тут нужна избирательность, потому что товарищей много, а друзей мало.

Да, в близком общении все идет в оценку: и характер, и выдержка, и уступчивость, и самоограничение. Словом, друга надо любить самозабвенно, прощая ему слабости и мелкие прегрешения, будучи уверен, что во всем самом сокровенном он тебе лучший товарищ.

На дружбу Трифоныч был скуп: Отец, Дунаев, Балашов. И — Андрей Бубнов.

Ни Фрунзе, ни Бубнов в те дни и не догадывались, сколько испытаний выдержит их дружба, где и когда пересекутся их пути. Но симпатию к Андрею Трифоныч обнаружил с первой встречи. Бубнов вспоминал: «Я помню его в первый раз, когда он — студент Политехнического института — 6 мая 1905 года пришел во двор дома, где я жил в Иваново-Вознесенске».

Фрунзе получил адрес Бубнова в Москве и, представившись Федору Афанасьевичу, пошел к Андрею.

Тот жил двойной жизнью, как все подпольщики. Но

нелегалом был весьма своеобразным: днем отсиживался у родителей в кондовой купеческой семье, а вечерами и ночами исполнял функции партийного агитатора и пропагандиста. И очень долго не бросался в глаза полиции, надежно охраняемый сословными преимуществами. Да и кому из властей могло прийти в голову, что под крылышком купца Сергея Ефимовича Бубнова и его жены Анны Николаевны свил гнездо такой крамольный сын?

Андрей закончил реальное училище в Иваново-Вознесенске, поступил в Московский сельскохозяйственный институт, не так давно преобразованный из земледельческой и лесной академии. Но в 1903 году познакомился с Николаем Бауманом, руководившим тогда Московским комитетом партии, и стал большевиком. Из института вышел. Дома объяснил, что по болезни, а на самом деле — из страстного желания послужить рабочему классу. Был он человек начитанный, боевой, и с лета 1905 года ткачи и красильщики его неизменно выбирали в свои партийные органы.

Михаил и Андрей познакомились в доме купца Бубнова, там и встречались всякий раз, когда хотели побыть вдвоем. Скоро сблизились, и Андрей сообщил родителям, что господин Безрученков — старый его друг.

И позднее жизни их переплетались многократно: и на баррикадах Пресни, и на съезде в Стокгольме, и на Украине, когда добивали банды батьки Махно. И случилось так, что в дни великой партийной драки вокруг Брестского мира на время попали они в один лагерь, пытаясь противоборствовать Ленину. А в год смерти Фрунзе Бубнов был рядом с ним в Реввоенсовете на должности начальника Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Химик крепко полюбил Трифоныча, был его чичероне на первых порах в Иваново-Вознесенске, потом добрым оруженосцем и преданным другом. И первый раз в ивановскую каталажку угодили они вместе осенью 1905 года.

Правда, случались у Андрея и промахи: мало было выдержки, частенько лез он на рожон, и его приходилось осаживать. Он, к примеру, готов был поджечь дом своих родителей после резни на Талке 3 июня. По ночам умел не спать, однако в эти часы предпочитал ходить с Иваном Уткиным в патрульной группе дружинников. А к лекциям и беседам готовился мало и брал «на ура», не умел скрупулезно разобраться в обстановке. Но листовки писал лихо и на кратких «летучках» был незаменим: там ценилась очень яркая и звонкая речь.

Трифоныч упорно прививал ему вкус к теории. И никогда не

сомневался, что этот страстный парень — с овсяным чубом и голубыми глазами — пойдет далеко. Химик оправдал надежды друга: написал одну из первых книг по истории большевизма. К пролетарской революции он пришел зрелым революционером, отсидев тринадцать раз в царских тюрьмах. А Великий Октябрь встретил в Петрограде, будучи членом Военно-революционного центра ленинской партии.

Но в короткие летние ночи бурного 1905 года, оставаясь наедине в комнате Андрея, они спорили или предавались «исповеди». Бубнов хорошо запомнил ту ночь, когда жарко решалась одна сложная проблема и Михаил обстоятельно высказал свое кредо: может ли интеллигент перевоплотиться в рабочего, не растворяясь в нем и сохраняя все присущие себе черты?

— Да! — Фрунзе ответил утвердительно. — Только все дело решают три кита: простота и искренность, определенность и ясность стремлений и действительно доброе отношение к рабочим.

Бубнов удивился:

— Но ведь все эти категории внеклассовые?

— А мы их наполним классовым содержанием. Да и придет же время, когда такие понятия станут обычной нормой поведения каждого человека.

— Ох далеконько! — вздохнул Андрей.

— Не спорю. Но — верю. А теперь порассуждаем, — Фрунзе закурил папиросу. И стал медленно ходить по комнате из угла в угол. — Мир ивановского ткача тесен: в нем много заскорузлости, почти нет места высокой культуре. Это прямые следствия подневольного труда на хозяев, и рабочего тут винить не в чем. Но даже представить себе нельзя, как развернется тот же ткач, когда станет работать на себя, на общество!

В тесном и убогом мире все потребности примитивны: как-нибудь отработать смену при плохих харчах, получить «дачку», пропустить хороший стакан водки, чтоб забыться и уснуть. Или поколобродить под пьяный ор и насладиться гармошкой.

Но не все такие. Есть люди восприимчивые, с проблеском сознания. Однако любая искра может угаснуть в условиях идиотизма жизни в «спальне», и понимание своей исторической роли не пойдет дальше, если искру не раздувать.

Мы с тобой стоим возле кузнечного меха и раздуваем нашу искру. В этом призвание интеллигента, протянувшего руку рабочему…

Но из искры должно возгореться пламя. И наше пламя — теория социалистического переустройства мира. Ее надо

привнести в рабочее движение, и она станет руководством к действию, без которого сама теория сера.

Вот тут и начинается самое главное для работника партии, особенно для интеллигента, живущего в рабочей массе. Маркс мог писать «Капитал» в уединенном кабинете: великую теорию нельзя создать в суматохе будней. Но и он был тысячами нитей связан с движением рабочих всего мира. Уединялся и Ленин, когда писал «Две тактики социал-демократии в демократической революции», не порывая связи с беспокойной жизнью в редакции газеты «Вперед» и направляя движение рабочих в России. Мы же практики в этом движении. Но тоже обязаны уединяться на ночь, чтобы усвоить написанное Марксом и Лениным: иначе, Андрей, мы будем видеть землю, но позабудем, что есть путеводные звезды!..

И вот с компасом знаний интеллигент приходит к своим товарищам — к рабочим. «Что за человек? — спрашивают они себя. — Верит ли в то, о чем говорит? Пылает ли факелом или чадит, как лучина?» Так проверяется искренность убеждений и их сила. И всякое двоедушие исключено!

Иной священник отпускает грехи, в глубине души не веря ни в бога, ни в черта: он как клещ держится за богатый приход. Иной адвокат изворачивается и топит истину в красивой фразе, чтобы оправдать высокий гонорар за участие в процессе. Да и иной врач лечит больного по скучной обязанности, в тайниках сердца вовсе не расположенный к истинному милосердию. Перед интеллигентом, пришедшим в революцию, стоит жесткая альтернатива: либо все отдай для победы пролетариата, либо убирайся к чертям! Поэтому искренность и стойкая убежденность — первые качества настоящего большевика.

Но и убежденный человек способен утопить в высоких материях живую мысль дня. Чтобы этого не случилось, нужно говорить доступно, просто, очевидно.

Разумеется, партия не призывает к опрощению, она враг всякой вульгаризации. И Ленин подчас пишет так, что даже образованный человек возвращается к некоторым местам его текста не один раз. Интеллигент должен оставаться самим собой, но он лишен права обрушивать на малограмотных рабочих каскад непонятных слов и туманить голову путаными призывами: всякая интеллигентская исключительность приводит только к глупой игре в теорию.

Чтобы стать своим человеком в тесном товарищеском миру рабочих, надо сродниться с ними, на своей шкуре оценить их ужасные условия жизни, проникнуть в их внутренний мир и так слить свои думы и чувства с их мыслями и стремлениями, чтобы

любое «твое» они воспринимали «нашим», «своим».

Я люблю Толстого. Но мне странны его потуги жить «под народ». Я определил себя жить рабочим. Не по одежде, конечно: это лишь одна из сторон конспирации. А по духу, хотя читаю «Анти-Дюринга» Энгельса и «Феноменологию духа» Гегеля. Словом, я выбрал себе жизненный путь, иного не ищу и не вижу. И тот, кто чинит зло моим товарищам, — кровный мой враг!..

Только по велению сердца надо протягивать руку товарищу, помогая ему подняться ступенькой выше. Завтра он соберет вокруг себя людей более отсталых, чем сам, и заронит искру в их души. А сам устремится дальше, уже готовый на подвиг во имя своего класса.

Все это непросто, дорогой Андрей! Но еще труднее быть добрым в условиях скотской жизни. А ведь только доброе начало в нас несет людям радость. Мы иногда не видим этой доброты: она застенчива и не криклива. Послушай человека, как самого себя, вникни в его желания, посоветуй, подскажи. Будь прост и доступен любому человеку своим словом, будь добр к товарищам. Тогда оставайся хоть самым эрудированным интеллигентом в рабочей среде, все равно она назовет тебя товарищем и пойдет за тобою!.. А раз уж все эти категории содействуют окончательной победе рабочих, кто усомнится в их революционной, классовой сути?

И Фрунзе и Бубнов любили такие «исповеди»: в них проверяли свой путь, отмечали досадные промахи, ставили новую задачу.

Андрей на всю жизнь сохранил в памяти эти разговоры ночью. И позже не раз убеждался, какой цельной натурой был его друг. И в воспоминаниях о Михаиле Васильевиче написал: «Фрунзе был дисциплинированным солдатом революции, преданнейшим борцом за коммунизм. Это свойство выработалось в нем тем, что он никогда не терял связи с партийной организацией, что он работал не как революционер-одиночка, а как член большевистской партии, организованной, закаленной, боевой. Фрунзе никогда не терял связи с массами. Надо еще добавить, что Фрунзе был образованным политиком и настоящим ленинцем в теории. Он был также революционером, который стоял на фундаменте самой передовой революционной теории нашего времени, какой является ленинизм».

Но до воспоминаний было далеко.

Друзей будоражила молодость. От этих ночных «исповедей» проще, строже, крепче становился Андрей. И жизнь, какой бы стороной она ни поворачивалась, была высшим благом. И хотелось скорее расчистить путь к победе, которой они

подчиняли все свои стремления.

Но скоро им предстояло расстаться. Сначала Трифоныч отлучался на короткое время, добираясь поездом или пешком до Шуи, Родников, Тейкова или Кинешмы. А с 15 июля 1905 года и вовсе переселился в Шую по решению Иваново-Вознесенского комитета РСДРП: там нужен был человек, способный дать бой меньшевикам и эсерам — их влияние было нетерпимым в революционном «крае ткачей».

Правда, Фрунзе часто заезжал в Иваново-Вознесенск и с удовлетворением отмечал, что Химик отлично замещает его в кружках, на «летучках» и в боевой дружине.

Передовые рабочие Шуи, особенно партийцы, хорошо знали Трифоныча: он не раз бывал у них и раньше. Но не вдруг привыкли, что он на их глазах превратился в Арсения. Да и сам Фрунзе не один день обвыкался с новой кличкой. Многие же считали ее собственным его именем и переиначивали по-всякому: один уважительно, и тогда получался Арсентий, другие ласкательно — наш Арсюша.

«Умер» Трифоныч, исчерпал себя и паспорт на имя Семена Безрученкова. По прописке в полиции объявился Иван Яковлевич Корягин, приказчик швейной фирмы «Зингер», прибывший в Шую по торговым делам. Только один человек знал в городе настоящего Фрунзе — его младший товарищ по Верненской гимназии Виктор Броун, недавно переселившийся из знойной Средней Азии в этот край ткачей и прядильщиков. У него, как и у Бубнова в Иваново-Вознесенске, Фрунзе на час-другой «менял шкуру»: вспоминал юность и детство, старых друзей и знакомых, говорил о литературе, музыке, живописи. Когда же у Броуна собирались на словесное ристалище местные говоруны, особенно эсеры, Фрунзе превращался в Арсения.

Уже 15 июля, в день приезда в Шую, где ему удалось продержаться почти два года, Фрунзе выступил с большим докладом на городском партийном собрании. Народу было немного, человек двадцать, но среди них крепкие, стойкие большевики — П. Гусев, А. Котов, Д. Луковкина, О. Смышляков.

Разговор шел о перестройке всей работы шуйских большевиков по решению III съезда РСДРП: Фрунзе рассказал о стратегическом и тактическом плане партии в буржуазно-демократической революции. Нужен союз пролетариата и крестьянства. И нейтрализация либеральной буржуазии. Основная задача: довести буржуазно-демократическую революцию до полной победы и тем самым расчистить путь для социалистической революции; пролетариат должен быть гегемоном в буржуазно-демократической революции.

Шуйские большевики уже пробовали поднимать рабочих на стачку. Они поддержали ивановцев весной, и 19 мая все 10 тысяч рабочих объявили забастовку. Их требования не расходились с наказом ивановцев. Но в Шуе не было Отца и его товарищей, и фабриканты быстро справились с «крамолой». Это тот случай, когда хозяева сплоченно пошли на локаут, пригрозили увольнением, и стачка захлебнулась на десятый день.

И вообще «отцы города Шуи» — Небурчилов, Терентьев, Павлов и другие, — крепко осевшие в красивых домах на городской площади, оказались хитрее и умнее своих ивановских собратьев. В Иваново-Вознесенске, где у каждого крупного хозяина рабочих было не меньше, чем во всей Шуе, и дурной спеси было через край. А она вносила разброд в фабрикантские дела.

Все эти тузы слабо действовали сообща в дни стачки, порознь искали заступничества в Москве и в Питере и давили на губернатора.

А в Шуе фабриканты жили скромнее и при опасности кидались друг другу в объятия. Да и рабочие у них, еще не разбуженные агитацией большевиков, мало отличались от мужиков из соседних сел и деревень. Надо было раскачать их и вовлечь во всероссийский поток революции. И даже воспользоваться для этого временным соглашением с эсерами, не уступая им ни пяди в своих политических позициях.

Арсений призвал товарищей драться за новую стачку, не повторяя ошибок иваново-вознесенских ткачей. А ошибки и промахи у них были. При огромном размахе движения не удалось подготовить агитаторов из передовых рабочих; в лишних словах на многолюдных собраниях иной раз тонуло дело; туго было с оружием, и боевая дружина росла медленно; губернатор нагнал в город много войска, а агитацию в частях развернуть не удалось; и с крестьянами работа ограничивалась редкими встречами и беседами. И другие обстоятельства тяжело отразились на стачке: денежная помощь со стороны поступала от случая к случаю — поначалу сотни, затем рубли с копейками. Все поиздержались, и Отец выдавал в последнее время по тридцать копеек семейным, по гривеннику — холостым. Голод пришел к стачечникам, перебивались чем бог послал: щавель, крапива, зеленый лук, первые ягоды. А потом стачечники стали собирать милостыню по деревням. Дух упал, многие озлобились, выход остался один: идти к машинам.

Но стачка стала большой политической школой, и Совет уполномоченных показал, что именно такая форма власти всего больше соответствует духу рабочего движения.

Фрунзе рассказал о типичной судьбе рабочего паренька Павлушки Постышева. Сын ткача и сам рабочий с детских лет. До учения жадный, но за партой сидеть недосуг — все время забирает вечная погоня за куском хлеба. Парню всего семнадцать лет. И на Талку ходил сначала из любопытства: потолкаться среди людей, послушать. И помаленьку набрался ума. 3 июля попал в страшный переплет: зверски избили его казаки, вырубили кусок кожи с головы. Мать перевязала ему рану лоскутом нательной рубахи. Но паренек не сдался. Все запомнил: стрельбу, свист нагаек, крики женщин, плач детей, взмах можжевеловых палок дружинников, град камней, которым люди осыпали карателей. И гневные слова матери: «Ну, кровавые псы, придет и к нам час возмездия!» И, прозрев в этот трагический день, стал дружинником и агитатором. Полюбили его товарищи и приставили к подпольной типографии: охранять ее от ищеек, переносить шрифт из тайника в тайник, раскидывать листовки.

— Так что все решают люди: их организованность, смелость! — закончил свое выступление Арсений…

Собрание отметило, что неудача Шуйской стачки весной объясняется слабой связью местных большевиков с широкой массой рабочих. Агитация на фабриках не развернута. В цехах многие не знают о важнейших задачах революции и по этой причине не идут в ряды партии.

Решили всех участников собрания разделить на группы и каждой из них определить четкое задание на фабрике. А чтобы поднять политический и культурный уровень рабочих, всем взяться за ученье. В кружках самообразования вести беседы по самому широкому кругу вопросов. В политические кружки высшего типа вовлечь актив, в кружках низшего типа срочно готовить агитаторов для фабричных «летучек».

Арсений передал товарищам литературу, привезенную из Иваново-Вознесенска, и попросил выделить несколько надежных квартир, где он мог бы вести занятия в кружке повышенного типа и ежедневно встречаться с рабочими за непринужденной беседой.

Шуйские товарищи активно поддержали план Арсения. И уже недели через две сотни ткачей и прядильщиков украдкой пробирались к местам сбора, где большевики читали им литературу, объясняли политические лозунги дня и давали ответы на самые животрепещущие вопросы.

Позднее Фрунзе с удовлетворением вспоминал об этом шуйском «университете»: «Приходится поражаться той колоссальной энергии и той жажде знания, которые проявлялись передовыми рабочими. Занятые большую часть дня тяжелой работой, живя и питаясь самым невозможным образом, они

находили достаточно сил для посещения нелегальных митингов, лекций, пропагандистских кружков, организационных заседаний. И все это происходило в обстановке постоянной опасности быть схваченными, избитыми и даже убитыми. Собирались и в дождь, и в снег, в лесу, в сараях, в овинах и пр… Великое незабвенное время всеобщего энтузиазма и порыва!..»

…Умер Трифоныч, родился Арсений — друг и товарищ шуйских рабочих. И под этим именем был избран организатором Шуйской группы большевиков, оставаясь членом Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б).

Шуйский исправник Лавров был на хорошем счету у начальства — за острый нюх на всякую крамолу и за быструю расправу с инакомыслящими. Слов нет, умел Лавров подбирать себе в помощники крепких служак. И отличными держимордами числились у него пристав 1-го стана Декаполитов и урядник конной стражи Перлов.

Дружинники и боевики-эсеры не раз грозились укокошить эту троицу. Но исправник и пристав нигде не появлялись без охраны. А Перлов, который кидался на разные хитрости: переодетый шатался по ночам под окнами рабочих, в толпе ткачей толкался, когда она шла со смены, хоронился под железнодорожным мостом, чтоб услышать хоть обрывок крамольной речи, — как на грех, нарывался на людей мирных, без оружия. Они его дубасили за подлость, но всякий раз выпускали из рук живым.

Он быстро разведал, что в городе повеяло новым духом: народ куда-то торопился после смены, собирался кучками человек по десяти, но не для пьянства, не для гулянок. И когда урядник делал очередной налет на квартиру, люди чинно сидели за самоваром, играли в карты или в лото. И никого посторонних промеж них не обнаруживалось.

— С ума, что ль, посходили? — удивлялся Перлов. Но даже такое на вид безобидное сборище вызывало подозрение, и он старался не ослаблять слежки.

А тут пошла молва среди городовых, что кто-то сколачивает в Шуе боевую дружину и будто уже подвезли для нее оружие. И, словно в подтверждение этих слухов, начались ночные эксцессы: три-четыре парня делали налет на постового и в один момент отбирали у него револьвер с патронами и шашку. Перепуганные городовые начали отказываться от ночных дежурств. Но Лавров их посылал на пост, а боевые ребята Арсения снова приобретали оружие для дружины. Когда же в комитете узнали, что исправник запросил подкрепление, формирование дружины ускорилось.

Арсений вызвал Уткина с группой товарищей, и они помогли шуйским дружинникам построить работу на основе устава, в свое время составленного Трифонычем. Сперва было двадцать пять боевиков во главе с Павлом Гусевым. Затем дружина выросла, ее разбили на десятки. В каждый десяток поставили начальника: все его распоряжения выполнялись беспрекословно. Начальники объединялись в штаб, подчиненный Арсению. Во главе одного десятка стоял очень смелый боевик Владимир Башмаков. Но на почве дикого озлобления против вакханалии царских опричников, потопивших в крови первую русскую революцию, он ушел к эсерам, стал террористом и был повешен в 1907 году. Сам Арсений общался с дружинниками часто и проводил с ними контрольные стрельбы в лесу возле деревни Мартемьяновки.

Московские товарищи подсылали оружие от случая к случаю. Пришлось кое-что придумывать самим, чтобы вооружить возросшую дружину. Хороший почин сделали ребята в Кинешме. Они достали партию охотничьих ружей и изготовили для них пули. В театральном реквизите оказалось несколько старых пистолетов, их восстановили и пустили в дело. В механических мастерских начали делать кинжалы и даже патроны. Иван Виноградов и Михаил Тулин занялись «бомбами-македонками». Нарезали куски газовой трубы, приладили к ним крышки из жести. В старой подпольной листовке — еще времен «Народной воли» — нашли простейший рецепт, как изготовлять взрывчатый порошок. Засыпали его в «бомбу», а к крышке прикрепляли стеклянную трубочку с жидкостью. Перебрались на левый берег Волги, кинули «бомбу». Стекло разбилось, жидкость попала на порошок — и грохнуло так, что по кустам закрутило смерчем и могучее эхо раскатилось по лесу.

Арсений узнал об этом, послал своих дружинников набираться у соседей уму-разуму. И очень был доволен, что македонки удобны для хранения: где кусок трубки, где крышка, где стекляшка. А что к чему, никакой Перлов не догадается!

Оказалось, что и шуйские кудесники не дремали. Еще в дни майской стачки они делали острые наконечники для можжевеловых палок. А теперь перешли на порох и опробовали его в лаборатории земской больницы у врача Домской. И не только резали газовые трубы для македонок, но и вытачивали втулки. И даже приловчились отливать цилиндры на литейном заводе. В часовой мастерской фирмы «Павел Буре» — почти впритык с канцелярией исправника — два парня помаленьку мастерили капсюли для «бомб».

Полиция знала от филеров, что большевики собираются на массовки в лесу под охраной вооруженных дружинников. И

конная стража Перлова не раз выезжала на облаву. Но среди карателей были трезвые головы:

— И на кой черт лезть нам в пекло? Ну поговорят люди и разойдутся. А сунемся туда, боя не миновать. Там же головорезы с бомбой!

И обычно эта стража объезжала митинг стороной, а Лаврову доносила, что сборище не обнаружено. Только однажды возле деревни Филино, где в сарае шла дискуссия между Арсением и эсеровским лидером Бердниковым, полиция с группой казаков рискнула сделать налет. Выручила самодельная македонка дружинников: удар как из пушки, зарево вполнеба, черный дым как из фабричной трубы. Стража после взрыва взяла коней в шенкеля и раззвонила по всему городу, что большевиков без пушки взять нельзя.

А шуйские мастера тем временем взялись за отливку пуль. С центровкой дело на первых шагах не ладилось, и эти пули летели кувырком, жутко свистя, как ураганный ветер в узкую щель. Какому-то ретивому стражу такая свинцовая штука плашмя угодила в голову, и у него треснул череп. И опять покатилась молва: эти черти бьют разрывными пулями!..

Лавров дал команду ловить возмутителей поодиночке, коли нет возможности захватить их в сети скопом. Старательный Перлов стал приглядываться ко всем приезжим людям и на исходе августа столкнулся на улице с Арсением.

Дюжий рыжий урядник подступил к делу нахально:

— Стой! Кто такой? Покажь документы!

Но неожиданно получил афронт:

— Я Корягин, действую от фирмы швейных машин «Зингер». И просил бы вас не тыкать: я, знаете ли, не терплю хамства!

Перлов оторопел. Потом молча оглядел паспорт, сверился с фотографией. Все было в ажуре, и даже следы «оспы» на левой щеке. И с карточки так же смело и спокойно глядели чуть насмешливые глаза.

— Не по прихоти, господин Корягин, — залебезил Перлов. — Служба! Нынче шастают по городу всякие, вот их и поддеваешь. А ненароком заденешь и солидного человека. Так что извиняйте!..

Дружина росла и крепла. Надо было расширять базу агитаторов, и Арсений завязал связи с передовыми гимназистами. Виктор Броун отдал ему на время старый свой гимназический костюм. И когда Фрунзе увлекал на прогулку за город группу учащихся, мало кому бросалось в глаза, что у одного из гимназистов заметно разрослись русые усы и что он куда взрослее даже самых старших однокашников.

А Перлов приметил. Он уже вбил себе в башку, что в Шуе

действует не то Трифоныч, не то Арсений. И получил от исправника обещание отхватить крупный куш за поимку неуловимого большевика. И ему показалось что-то ирреальное в том, что среди гимназистов вышагивал в форме приказчик фирмы «Зингер». Но побоялся насмешек со стороны языкастых гимназистов и близко к группе не подошел. Потом он казнил себя на все лады и не один день прохаживался под окнами гимназии, пока ему не запустили со второго этажа в физиономию мокрую тряпку от классной доски.

Да и Арсений, не желая рисковать, не ходил уже после этой встречи с урядником в форме гимназиста и дожидался ребят в условленном месте за городом, возле земской больницы.

Сохранились добрые воспоминания дочери врача этой больницы Сусанны Альбертовны Домской. Одной из первых гимназисток она стала пропагандистом в рабочих кружках и помогла создать в больнице удобный опорный пункт для Арсения.

«Первую встречу с Арсением я запомнила так… Вторая Мещанская улица, комната гимназиста Страхова. Быстро входит невысокий паренек. Румяный, синеглазый, белозубый. Теплая куртка, синим платочком повязана шея. Молодой рабочий не только по костюму, но и по веселой простоте, по всему… Ловкий, складный, с быстрым говором, с милой усмешкой. Таким был тогда Арсений…»

Сусанна Домская, или Саня, как обращался к ней Арсений, кое-что уже понимала в политике. Год назад впервые она увидала нелегальные издания и даже ленинскую «Искру» — кто-то привез из Иваново-Вознесенска. Запершись, она читала обжигающие слова, задыхаясь от волнения. Потом долетели ужасные слухи о расправе со студентами в Санкт-Петербурге 28 ноября. «Действовать, действовать!» — судорожно работала мысль. Но никто в Шуе не обращал внимания на настрой ее души, а сама она не знала, куда податься, и беспокойно металась, как беспомощный птенец.

Стала выписывать из «Искры» заметки, острые фразы, давала читать знакомым. Конечно, много спорили, жадно ловили слухи. Гимназисты затеяли прошлой зимой издавать на гектографе журнал «Весна». Печатали стихи: «В тюрьмах гниет молодое все, честное!..»

Рисовали «картинки мобилизации» — с осуждением войны с японцами. В маевку 1905 года — после забастовки на Тезинской мануфактуре — собрались маленькой группой в лесу за Муравьевским заводом. Ораторов не было: спели революционные песни, даже прошлись по поляне с красным полотнищем и осторожно разбрелись по домам.

Арсений раскрыл глаза этим сыновьям и дочерям местной интеллигенции. Он помог им связаться с гимназистами Иваново-Вознесенска, перед которыми семьдесят два дня мужественно проходила всеобщая стачка. Потом познакомил с шуйскими рабочими, квартировавшими в Панфиловской слободе. Гимназисты вспомнили о своем гектографе и за две недели отпечатали «Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах». Написал эту книгу Александр Богданов — в те дни один из руководителей Русского бюро ЦК РСДРП в Петербурге.

Вскоре наладился транспорт литературы из Иваново-Вознесенска. Ее читали в кружках на больничном дворе, а спорили где придется: в общественном саду, на городском валу, на площадке мужской гимназии.

Передовых гимназистов и гимназисток Арсений допускал на свои лекции по историческому материализму в кружке повышенного типа. Оратор он был превосходный, и, по свидетельству Сани Домской, «даже его любимое присловье: «Итак, значить, товарищи», — не портило речи…».

На этих занятиях Арсений долго и сурово приглядывался к некоторым гимназисткам и резко «предостерегал их от всяких романов, от игры в любовь с рабочими».

Но даже самые миловидные девушки, к которым кружковцы благоволили открыто, на него не обижались: он был наставником и героем, и «вся революционная эпоха в Шуе носила отпечаток его личности — мужественной и обаятельной…».

Как только наладилось дело с учащимися, Арсений решил охватить своим влиянием их родителей. Он не рассчитывал найти среди них стойких единомышленников. Но игра стоила свеч: кого-то переманить в лагерь большевиков, кого-то нейтрализовать и лишить их влияния на неустойчивые группы рабочих. Инженер, врач, адвокат, педагог, банковский служащий, бухгалтер, сотрудник земства и даже акцизный чиновник могли при случае обронить слово и на пользу рабочему, и во вред ему. Да и надо было подрубить корень под всякими нелепыми слухами о большевиках в среде интеллигенции. И сделать это так, чтобы одновременно дезавуировать их идеологов из меньшевистского и эсеровского лагеря.

Виктор Броун согласился собирать у себя небольшими группами врачей, педагогов и других деятелей интеллигенции. Но почти на каждое собрание являлся Александр Бердников, и местные культурные мужи становились свидетелями словесной драки большевика и эсера.

Броун записал в своем дневнике:

«Арсений говорил удивительно просто и вместе с тем

образно, без затруднения находя остроумные сравнения и материалы. Каждой из цитат Бердникова он противопоставлял другие цитаты, в прах разбивавшие те, которые приводились противником. При этом он не пользовался книгами, а цитировал по памяти…»

А события в стране шли своим чередом, и накал революции крепчал день от дня. В середине июня с оружием в руках выступили против самодержавия рабочие Лодзи. Не успела еще просохнуть их кровь на улицах, восстали матросы на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Ленин выпускал в Женеве газету «Пролетарий» и с каждым номером посылал в страну заряд огромной революционной силы. Марат стал издавать в Москве популярную газету «Рабочий», и она освещала события не только в белокаменной, но и в Иваново-Вознесенске. Лозунгом дня стал бойкот булыгинской думы и широкий курс на вооруженное восстание. И привлечение крестьян к революционной борьбе рабочего класса. Россия Николая Второго позорно проиграла войну японцам: мир на Дальнем Востоке означал новый этап войны внутри страны с прогнившим режимом. В Риге и в Минске состоялись партийные конференции, они поддержали бойкот булыгинской думы и курс на вооруженное восстание. В Казани созывалась большевистская конференция по аграрному вопросу.

Эсеры, анархисты и меньшевики в Шуе пригласили Арсения на первый публичный митинг, любезно разрешенный исправником Лавровым. Арсений дал им ответ:

— Дней через десять. Подготовьтесь, а то будете позорно биты! — И в тот же день выехал в Казань на конференцию от большевиков «Ситцевого края».

Конференция прошла успешно. Был создан Всероссийский крестьянский союз, ясно определились пути работы большевиков в деревне. Арсений сделал отчетный доклад на партийных собраниях в Иваново-Вознесенске и в Шуе. Решения приняли четкие: создать в деревнях партийные группы, послать туда литературу и агитаторов, печатать для крестьян листовки, выезжать с докладами и лекциями в села.

Арсений и здесь оказался на высоте: он убедительно разоблачал эсеров с их равнением на крестьян, особенно на кулацкую верхушку, в отрыве от задач рабочего класса.

— Да кто же этот рабочий? — спрашивал он. — Ваш брат и друг. Не от хорошей жизни — от нужды стал он «ванькой от ворот» у Козлопуповых и Раздеваевых. И живет так, что ваша похлебка с солониной и куриное лицо мерещатся ему в каждом сне… У вас на шее барин и кулак, у него — хозяин. И вкалывает он на этого хозяина от зари до зари за один империал, проще

говоря — за пятнадцать целковых в месяц! И лишь одна разница у вас с ним: вы горюете в одиночку, а он — с товарищами. А общая беда сплачивает людей, делает их сильнее… К примеру, сколь земли у ваших мироедов?

— У барина — поболе трех тысяч десятин, у крепких мужиков — по две сотни, а у меня и одной десятинки нет! — ответил крестьянин из молодых, который жадно ловил каждое слово Арсения.

— Вот и соображайте. Полюбовно они вам землю не отдадут. Да у них к тому и пример достойный: у батюшки-царя удельных земель сейчас поболе десяти миллионов десятин! Попробуй у него спилить хоть одну сосну, казаки мигом врежут так, что до смертного часа будут болеть и чесаться рубцы на спине от нагайки! В одиночку хорошо лежать с бабой на печи, особенно в холодное зимнее время, а землицу надо брать всем миром. И царь и барин с кулаком войной пойдут на нас за каждую делянку. Придется их спихнуть: довольно они попили нашей кровушки! А как их прикончишь без рабочего человека, у которого в руках ключ к революции?.. Вот я и призываю вас: вместе с рабочим классом — на штурм самодержавия!..

Бердников снял самый большой зал в Шуе для публичного митинга. Собралось народу много, человек триста — весь цвет местной интеллигенции. И для порядка пристав Декаполитов — в парадном мундире, при медалях и в белых перчатках — в кресле первого ряда.

Эсер Бердников — человек сутулый, в очках с толстыми стеклами, манеры мягкие, голос вкрадчивый — начал доказывать, что учение Маркса по аграрному вопросу приемлемо для стран Запада, но ни гроша не стоит в условиях России, где кондовая мужицкая стихия идет по своему пути, лелея в мечтах «крестьянский социализм».

Опирался Бердников на немецкое издание книги Эдуарда Давида «Социализм и сельское хозяйство»: противники Каутского, Бебеля и Цеткин с большим шумом напечатали ее два года назад. Правый лидер германской социал-демократии активно выступал против Маркса, доказывая преимущества и устойчивость мелкокрестьянского уклада жизни. «Россия — это деревня, вещал Бердников, повторяя зады Николая Анненского и других бывших народников. — Она еще начисто отвергает большевистский социализм, и сторонники Ленина ничего не добьются со своей верой в исторические «предначертания» рабочего класса!»

Даже пристав Декаполитов похлопал в ладоши докладчику. А уж об адептах эсеровской партии и говорить нечего: они разразились громом аплодисментов.

Арсений вышел к трибуне из задних рядов. Без всякой внешней аффектации он напомнил собранию два-три места из Маркса, которые отвергали выводы Давида.

— Вы неправильно поняли автора!.. — крикнул Бердников, потрясая книгой над головой.

— Что ж, дайте мне вашего апостола, я покажу, как он извращает Маркса, — Арсений взял книгу Давида и в притихшем зале начал читать по-немецки, быстро переводя на русский. — Даже самые юные наши слушатели, — он показал на группу гимназистов, — прекрасно понимают, как этот оппортунист из Берлина пытается наживать капитал на критике Маркса. Ленин предвидел это и раньше меня доказал, как непогрешим Маркс, как расслаивается деревня на богатеев и бедноту и как чужды нам речи о вековой устойчивости мелкокрестьянского уклада. Я только что побывал в деревне: больше трети мужиков ушли из нее за последние пять лет к Небурчилову и Павлову. И каждый день она отдает своих людей на фабрики: пролетаризация идет полным ходом! Больше того, господа: в России происходит удивительный процесс. Наш капитализм вырывается по концентрации богатств на первое место в мире, и ему беспрерывно поставляет дешевые рабочие руки самая нищая в Европе деревня! Кричащей роскошью бахвалятся фабриканты и помещики; с голода пухнут дети ткачей; деревня, оплакивая своих нищих собратьев, каждодневно провожает их в город. Вот где надо искать истинную причину грядущей революции! Пролетарий берется за оружие, мужик по ночам подпускает красного петуха своему барину. А большевики, выражая их мнение, дают лозунг дня: «Долой самодержавие!»

Дальше говорить Арсению не дали. Декаполитов, багровый от возмущения, напролом двинулся к трибуне. Дружинники кинулись выручать своего вожака, и кто-то из них крикнул в зал: «Чего расселись! Не отдадим Арсения!» Интеллигенты повскакивали с мест и окружили пристава, выражая возмущение его грубым вмешательством в диспут. Гимназисты, улюлюкая, бросились оттирать к дверям городовых, устремившихся к Декаполитову. Павел Гусев тем временем провел Арсения за сцену и оказался с ним в садике:

— Вот так! В другой раз на буржуйское собрание не пустим!..

Теперь полиция могла вести «прицельный огонь»: исправник Лавров уже не сомневался, что сеет смуту в Шуе некто Арсений: парень образованный, умный, на слово горячий. И неуловимый!

В одну из сентябрьских ночей Фрунзе нашел пристанище в

квартире рабочего Личаева, на 2-й Нагорной улице. Сам Личаев давно был на примете у полиции, и после первого спаса его уволили с фабрики за слишком дерзкий язык. Арсений, направляясь в Иваново-Вознесенск, взял Личаева с собой и там передал его с рук на руки Евлампию Дунаеву. А тот вскоре устроил его ткачом у Маракушева.

Семья Личаева осталась в Шуе: жена Александра Михайловна и трое мальчишек — от семи до двенадцати лет. И Арсений бывал у них часто. Александра все пыталась хоть как-нибудь подкормить большого друга своей семьи; от плохих харчей, от беспокойных ночей и беспрерывных скитаний между Шуей, Иваново-Вознесенском и соседними посадами и селами стал сдавать Арсений: провалились щеки, поблек завидный румянец, покраснели и сильно набухли веки. И только глаза горели добрым огнем, и была в них неизбывная детская радость.

В тот сентябрьский вечер долго он сидел с ребятишками Личаевых, рассказывал, чем живут люди на земле, и прочитал басню Крылова «Стрекоза и Муравей». И ребятишки расшалились: бегали по избе, размахивая руками, как крылышками, прыгали на лавку, садились на порог, на подоконник, картинно изображали, как порхала с цветка на цветок беззаботная стрекоза, пока не подкосила ее холодная и снежная зима.

Потом уселись за стол пить молоко, и самый меньшой спросил:

— А ты, дядя Арсений, тоже стрекоза?

— С чего это ты взял?

— Хаты у тебя нет. Зима придет, где жить будешь? У нас на полу спать холодно.

— Муравьев много, вот и буду жить с ними! Они меня не бросят, мы все для одного дела трудимся. И к тебе приду: ты ведь тоже муравей — избу подметаешь, для печки дрова носишь. Папа с мамой на фабрике, я — в городе. И вся-то у нас с тобой разница: ты всегда спишь тут, а я — где придется!

Насмешили его ребятишки, и он улегся на лавку, размышляя о том, что, видно, чем-то он действительно похож на стрекозу из крыловской басни, потому что в Шуе для него под каждым листком «был готов и стол и дом». И сколько этих домов и этих столов успел он сменить в маленьком городе дней за пятьдесят? Пять, семь, десять? И стал перебирать в памяти эти дома, столь похожие друг на друга бедностью обстановки, где давали ему приют добрые и чуткие товарищи и где старались оберегать его от опасности. Старики и старухи иной раз и вовсе не ложились в короткую летнюю ночь, а люди помоложе, умученные за день каторжной работой, припадали к подушке, чутко улавливая шумы

и шорохи на улице, как заяц на лежке. И как все хотели поделиться с ним последним куском, чтобы он остался доволен их искренним гостеприимством. Поистине рабочее товарищество не знало границ!..

Ребятишки долго возились на широком соломенном тюфяке под столом, досказывая друг другу новости дня. То вдруг затихали, как мыши, учуяв кошку, то приглушенно прыскали со смеху, а меньшой заливался колокольчиком. Вот уж кому не занимать беззаботного смеха и радостей! А ведь не все ладно: и голодно, и обновка бывает редко, и беда родителей, и их серьезные разговоры тяжестью ложатся на хрупкие плечи. И три ночи не спали за последний месяц, когда приходила полиция с обыском.

И, словно в подтверждение этих мыслей Арсения, кто-то грубо застучал кольцом у входной двери и крикнул повелительно:

— Открывай, хозяйка!

Александра босая скинулась с печки, сунула ноги в старые валенцы, набросила платок на плечи, еще не соображая толком, как укрыть Арсения от полиции. Выручили ребята.

— Полезай к нам, дядя Арсений! — поманил под стол старшой мальчишка.

Арсений схватил в охапку постель и пиджак с фуражкой, закинул на печь и мигом юркнул к ребятишкам под теплое одеяло из ситцевых лоскутков. Двое высунули из любопытства белобрысые головы, меньшой прижался к Арсению и зашептал в ухо.

Зажатый горячими телами ребят, Арсений услыхал тяжелые шаги унтера и его басовитый голос:

— Распорядись-ка, Холодов! Да поживее: нам еще в три избы надо!

Унтер тяжело опустился на лавку, громко стукнув ножнами шашки в половицу. Глянул под стол:

— А эти чего не спят?

— Заснешь с вами! — недовольно пробурчал старшой. — Каждую неделю такие гости, и все по ночам!

— Прикуси язык! Вишь какой вострый!

Холодов бегло пошарил по избе и прислонился к притолоке у входа:

— Как и в прошлый раз, Василий Степанович! Та же картина. И эти сопляки под столом!

— Смотри, Личаева! — шумно поднялся унтер. — Укроешь кого — пеняй на себя. И на твою троицу не поглядим: загремишь по очень важной статье!..

Нравилось Арсению бывать в этой семье. Но он боялся

поставить под удар Александру и трех ее сорванцов и переместился в шуйское Заречье, на Малую Ивановскую улицу, в семью ткача небурчиловской фабрики Михаила Закорюкина. Жена его Катерина в те дни не работала у хозяина: сын с невесткой поселили у нее на время свою дочку Нюшу — веселую и смышленую девочку по четвертому году, и за ней надо было приглядывать.

Пожилая ткачиха оказалась очень хорошим товарищем: она охотно исполняла поручения по связям с комитетчиками и разрешила Арсению проводить сходки в своем дровяном сарае. И определилось секретному квартиранту теплое местечко возле русской печки, на старинном фамильном сундуке, у которого был замок с приятным музыкальным звоном. И когда он щелкал на всю избу, Нюша скакала на одной ноге и хлопала в ладоши.

— Грамопон, грамопон!

Вскоре Катерина приютила у себя и Павла Гусева. Он жил у брата Николая, но оба они попали под подозрение, и Павел счел за благо отселиться ненадолго на квартиру. Парень он был остроумный, колготной, в душе поэт и очень общительный. Да и Катерина знала его с пеленок: даже на крестинах была у него в деревне Баламутове девятнадцать годов назад. Быстро он договорился с тетей Катюшей, и она взяла обоих своих жильцов на полный пансион. Теперь Арсению не надо было думать о куске хлеба, о миске щей и о вечернем застолье у самовара. И можно было не показываться лишний раз в городе: товарищи приходили сюда сами или по вызову Катерины с Павлом. И тихая изба Закорюкиных на целых четыре месяца стала штабом шуйских большевиков.

Дело было поставлено солидно: запрещенная литература хранилась в сарае, в ящике с двойным дном, под столярными инструментами хозяина; комитетчики, дружинники и агитаторы не собирались большими группами, а приходили поздним вечером по одному; окна были занавешены, а лампу так пристроили в углу, что от нее не падали тени на занавески. Словом, изба самая мирная. Тикали ходики, и кукушка высовывалась из маленького оконца, отсчитывая часы. Вкусно пахло печеным хлебом, щами, жареной картошкой. И кустилась в горшках на всех подоконниках пунцовая герань…

После того митинга «у буржуев», где пристав Декаполитов сунулся схватить Арсения, Павел посуровел и повзрослел.

— Я теперь твой телохранитель! — сказал он Арсению и никак не давал ему выходить из дому днем. Был он и за связного, и за порученца. И возвращался под вечер с ворохом городских новостей: как идет подготовка к стачке на фабриках, как прошли

«летучки» у ворот после смены, кого поймали в полицейские сети, как проходили стрельбы в дружине. И Арсений недели на три пропал для Лаврова. Но исправник догадывался, что этот смутьян в городе, потому что без передыха разлетались по Шуе листовки, на телеграфных столбах расклеивались воззвания и все острее выступали доморощенные агитаторы.

Давно кончилось лето. В покров стянуло землю легким морозцем, на комлистых гривках глубокой колеи, на лысых макушках булыжника, на приступках и на плетне ранним утром ложилась белая крупа. Виднее стало окрест в чистом, остуженном воздухе.

Арсений любил эту пору года. После летних вакаций школа, гимназия, институт. И каждый раз жажда новых знаний и новые ожидания. И друзья-острословы рядом, за партой. И с каждым днем растут крылья, и шаг за шагом в неведомое ярко ощущаешь, как в тебе крепнет духом и наливается живительным соком познаний какой-то новый человек!

Выпадал иногда свободный час днем, и Арсений раскрывал учебники. Мысль работала ясно, и память цепко ухватывала прочитанные страницы. И на какой-то миг уносился он в Питер, в Лесное…

А тут еще пришла Корягину от Ромадина тревожная телеграмма, отправленная 10 октября 1905 года: «Срочно приезжай, ты сегодня исключен из института за неявку на занятия в осеннем полугодии».

Это было обидно. Ведь никому же не мог он рассказать в институте, чем до краев заполнялась его жизнь все эти месяцы со дня Кровавого воскресенья!

Обидно и горько! Но все поправимо, если нагрянуть в институт и попросить дирекцию не выдворять его за халатность или безделье.

В ту ночь долго они проговорили с Павлом: как быть?

— Да чего там! Начнем стачку без тебя, вернешься в самый разгар. За неделю-то справишься?

— Непременно!

— Двигай к Отцу, все ему объяснишь: он поймет!..

Но из этого плана ничего не вышло. События в стране развернулись так, что дальше Иваново-Вознесенска Арсений уехать не мог: на решающий бой с царизмом вышла пролетарская сила Москвы и увлекла за собой рабочих всей России.

Еще во второй половине сентября объявили стачку рабочие самой крупной в Москве типографии — Ивана Сытина. Больше тысячи печатников бросили работу, и на другой день их поддержали все печатники огромного города. Марат с

товарищами из МК написал обжигающую листовку: «От спячки — к стачке, от стачки — к вооруженному восстанию, от восстания — к победе — таков наш путь, путь рабочего класса».

Через неделю восемь тысяч печатников придали своей стачке политический характер. За ними пошли слесари Миусского трамвайного парка, рабочие завода Листа в Бутырском районе, булочники Филиппова и Бартельса, табачники с фабрик «Габай». Чуть позже — металлисты завода Доброва и Набгольца, Гоппера, мебельщики и столяры. Боевой тон стали задавать рабочие мебельной фабрики Николая Шмита — он сам единственный среди хозяев открыто примыкал к большевикам. К концу сентября забастовали рабочие Жако и К°, табачники с «Дуката» и рабочие Брестских железнодорожных мастерских.

Пригодился опыт рабочих Иваново-Вознесенска: московские столяры, табачники, металлисты и железнодорожники создали Советы рабочих депутатов, и их уполномочили руководить стачками в границах своих профессиональных интересов.

Поднялось московское студенчество. Бурные митинги шли в университете, в Высшем техническом училище, в Межевом, Инженерном и Сельскохозяйственном институтах.

3 октября забастовали печатники Санкт-Петербурга, в ночь на 7-е — машинисты Казанской железной дороги, а через сутки — все железнодорожники Московского узла.

В день, когда исключили Фрунзе из института, МК созвал общегородскую конференцию большевиков. Она объявила: всеобщая политическая стачка московских рабочих под лозунгом свержения самодержавия начинается в полдень 11 октября!

Замерла с этого дня привычная жизнь в древней столице: остановились трамваи и конки, прекратилась подача газа и электричества. 15-го и 16-го не было даже торговли во всем городе. А стачка уже перекинулась в Коломну, Мытищи, Ликино, Егорьевск, Орехово-Зуево. К ней подключились все города и поселки вокруг Иваново-Вознесенска.

И уже ни о каком Питере не мечталось: бастовали почти все железные дороги России. И Ленин писал: «Революция идет вперед с поразительной быстротой… Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне».

На рассвете 14 октября закончил свое первое заседание Петербургский Совет рабочих депутатов. А к полудню столичный генерал-губернатор Трепов приказал карателям: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть!»

Через день произошел уже бой охотнорядских черносотенцев

со студентами Московского университета. Молодежь успела отгородиться от громил баррикадами и продержалась в осаде целые сутки.

В стране бастовало больше двух миллионов человек. А среди них даже и… присяжные поверенные канцелярия Московского окружного суда. И создалась политическая обстановка, которую Ленин назвал равновесием борющихся сил.

Арсений оказался в Иваново-Вознесенске, когда стачка подошла к городу: перед ней оставалось лишь распахнуть ворота.

«Надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне» — именно эти слова Ленина молниеносно определили деятельность Арсения в те решающие дни.

Обстановка в городе его удручила. Ивановцы сильнее, чем радость победы в дни летней стачки, переживали горечь поражения и продолжали колебаться, когда бушевала почти вся пролетарская Россия.

Отец, Дунаев, Самойлов, Бубнов и другие были взвинчены до предела, но им недоставало хорошего товарищеского плеча, свежей струи, страстного слова и блистательной энергии, не знающей границ. Арсений привнес все это, едва появился в городе.

Уже через час передал он Отцу и Дунаеву прокламацию с призывом немедленно поддержать революционный порыв московских товарищей:

«Наша священная обязанность состоит в том, чтобы присоединиться к ним. Вспомните ваши обещания, данные на Талке! Вспомните ваши клятвы! Вы клялись и обещали, что, как только начнется восстание, вы подниметесь все, как один человек, и вступите в ряды борцов. Теперь это время настало! Наступил час возмездия за все наши муки и страдания! Поддержим же наших героев, товарищи! Поддержим этим самым и наше общее дело, дело освобождения всего рабочего класса от гнета самодержавия!»

Пока печатали текст, он попросил Химика принести карту города и стал расчерчивать на ней стрелами путь отхода и наступления, а кружками — места сосредоточения сил.

— Что у тебя на уме? — спросил Химик.

— Боюсь, что дело дойдет до настоящих баррикадных боев на улице. Весь план города в голове не удержишь.

Вот и отмечаю: где изгиб Талки, где линия Уводи, где мосты, где хороший наблюдательный пункт и где быть нашему штабу!..

17 октября 1905 года встали фабрики Иваново-Вознесенска по призыву большевиков. И тысячи людей, как и в памятный майский день, до краев запрудили площадь у городской управы.

Только что был получен по телеграфу текст царского «манифеста», в котором содержались обещания гражданских свобод и созыв законодательной думы. Писал этот «манифест» хитрый дипломат и политик Сергей Юльевич Витте. Он недавно получил графское звание. Царь только что создал пост председателя совета министров и отдал его Витте.

От этих монарших «милостей» и от выдвижения в премьер-министры человека не из придворного круга, а из камарильи высших чиновников на версту отдавало тяжелым духом провокации. Да и сам царь никак не мог называться «другом народа»: он как хороший рыбак, кинул приманку, чтобы поймать простачков на крючок, а сам удрал в Петергоф в свой мещанский домик у границы Нижнего села и держал под парами яхту, чтобы при крайней опасности бежать морем за рубеж.

Да и с большим ликованием встретили «манифест» политические деятели капитала и либеральная буржуазия с кадетами во главе, потому что у них появилась какая-то возможность урвать большой кусок от царского пирога.

Но даже Отцу — Федору Афанасьеву — почудился в «манифесте» благовест в честь свободы. Правда, это было лишь в тот миг, когда огласили царскую грамоту и какая-то часть толпы, умиленная велеречивым стилем документа, поскидала шапки.

— Нет, не то! — решительно сказал Отец. — Ловит царь воробьев на мякине. Говори, Трифоныч! — показал он рукой на трибуну из ящиков.

В суматохе напряженных дней чуть забылось это имя среди ивановцев. Да и поговаривали про него всякое: то ли в тюрьме сидит, то ли в бегах. А какой-то доброхот пустил слух, что в Москве Трифоныч и живет своим домом с красавицей женой.

С радостным удивлением услыхали ткачи звонкий говорок своего любимого оратора:

— Царь нам кинул подачку: авось передерутся темные люди, деля между собой дарованные им «свободы», — начал Арсений. — А мы уже прозрели, мы уже вышли на линию огня, и только дни отделяют нас от вооруженного восстания. Колебаться некогда: подходит наш последний и решительный бой. Он и определит нашу судьбу. Победим — будем жить свободно и счастливо, без царя и хозяев. Проиграем битву — не уйдем от каторжной жизни. К бою, товарищи! Долой самодержавие!

— До-лой! — загремела площадь. — Да здравствует революция!..

Новый митинг и демонстрацию назначили через пять дней, чтобы лучше подготовиться и вывести на улицу всю массу рабочих. Трифоныч был вездесущ: в центре и на окраинах, в

«спальнях» и на любой «летучке», куда сбегались люди.

В канун демонстрации, 21 октября, выступал он у приказчиков, перед их клубом: людей собралось столько, что зал не мог их вместить. Выступал, разъяренный нелепой смертью Николая Баумана. И говорил резко, словно вбивал гвозди в голову слушателей:

— Довольно говорить о «манифесте». Об этой подлой уловке перепуганного царского двора! Нашли дураков — совать им пряник, а за спиной у них давать в руки топор «черной сотне»!.. Вчера пролетарская Москва проводила в последний путь своего вождя — Николая Баумана. Всего десять дней он пробыл на воле, но успел вывести рабочих на манифестацию. Ехал он в открытой пролетке впереди всех с красным знаменем революции в руках. И подлейший тип, некто Михалин, копеечный филер, фабричный сторож, последний гад из «черной сотни», кинулся наперерез Бауману из подворотни и куском газовой трубы проломил ему голову… Вечная память выдающемуся большевику!.. Шапки долой!.. Смерть палачам! Завтра все на демонстрацию!..

И когда потрясенные люди обнажили головы, он прочитал им слова песни, которую любил Бауман:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках.
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.
Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Иной им воздайте почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед…

Домой шли вместе с Отцом. Он был нездоров: пунцово горели щеки, сильно слезились глаза; тяжело, с нажимом опускал он палку на морозную землю.

— Что-то день нам принесет? И все ли продумали по-людски? И кровь вижу, и кто, не дай бог, сложит кости на улице, как незабвенный Николай Эрнестович. И «черная сотня» встретит нас под крепким градусом, а хмельной хуже дурака!..

— Не тронут нас, Отец! — уверенно сказал Арсений.

— А я и с другого боку подхожу! — встрепенулся Афанасьев. — Волков бояться — в лес не ходить! На то и живем, чтоб революцию делать. И помереть в бою — дело достойное. Всего жальче молодых, они наша надежда. А голову суют в петлю прежде других… Так что, Трифоныч, где я не успею, ты догляди. И Уткину накажи: пускай без нашей команды в драку не лезут!..

Арсений не поверил вещим словам старика. И не допускал мысли, что завтра на глазах у демонстрантов, у дружинников и у него самого бездыханным распластается на ивановской земле большевик и герой Федор Афанасьевич Афанасьев…

Морозная погода сломалась: всю ночь напролет лил спорый дождь, а с утра он превратился в моросящую пыль.

И хоть хлюпало под ногами и мутные облака неслись из-за Талки, просеивая дождь сквозь сито, и порывами налетал знобкий сиверко, демонстранты не думали о погоде. Вдоль Большой Ивановской, из соседних улиц и переулков народ двигался смело и уверенно: с песнями, под красными знаменами. Бакулинские перекликались с гарелинскими, маракушевские с гандуринскими. Запоздавшие малыми группами подстраивались к колоннам, точь-в-точь как в то зловещее утро 9 января. И во всю ширь главной улицы двигались к площади.

Семен Балашов был за главного. Он раскинул большое черное полотнище над головами комитетчиков, дал его держать двум дружинникам. И люди прочитали в тишине пять слов: «Слава павшим борцам за свободу!»

— Товарищи! — крикнул Семен. — Прежде чем открыть митинг, почтим память товарищей, расстрелянных в июньские дни казаками на Талке.

Сорвал с головы картуз, резко взмахнул рукой. Люди обнажили головы. И над площадью поплыл «Похоронный марш».

Пока люди пели гневные слова, вспоминая близких и дорогих, у торговых рядов и в переулках Крестовоздвиженских стали подтягиваться торговцы, мясники, огородники. И зацокали по булыжнику казацкие кони, еще не выдвинутые на выход к площади.

Балашов заговорил, печатая каждое слово:

— Люди собрались получить по счету, и довольно с ними играть в кошки-мышки. В священном писании Иисус сказал фарисеям: «Отдайте кесарево — кесарю, а богово — богу». Значит, каждому по заслугам. А мы хотим знать, где же народное, чтоб народ мог взять? Он всему творец. И говорим царю: «Слезай, Микола, с трона, сами будем править! И для себя работать!..» Попробовали летом, не все вышло как надо. А уж теперь не промахнемся… Долой самодержавие! Вон казаков из города!..

Семен сказал страстно. И если бы крикнул: «Громи полицию!» — горячие головы мигом бы разнесли полицейское управление. Но оружия было мало, и не все на площади согласились бы идти на такой погром. Да и комитет считал, что еще не настал нужный момент для вооруженного восстания.

Однако дружинники подумывали об этом. И их настроение

уловил помощник исправника Добротворский. Он вылез на трибуну и заговорил:

— Мы, господа, удивлены неблагодарностью рабочих. По милости царя русскому народу дарованы гражданские свободы, и вы без всяких помех произносите речи. Но мы ждали, что граждане Иваново-Вознесенска выразят благодарность и верноподданнические чувства своему монарху. Однако на ваших флагах мы видим надписи «Долой самодержавие!»… От имени властей предупреждаю и даю срок: если к трем часам не разойдетесь, будут приняты решительные меры!..

Люди выходили к трибуне и говорили разное: кто призывал одуматься и не спешить — дров наломать не хитро, да тяжела будет расплата. Может, требовать пока желанных восьми часов? Хозяева сейчас в испуге, можно у них вырвать! Или добиваться яслей, а то женщины извелись, что их дети без присмотра. Кто говорил, что всякие полумеры подобны поражению. Михаил Лакин напомнил о гибели Николая Баумана. Отец решил, что пора действовать. Он дал команду Уткину расставить дружинников по всем краям колонны, когда народ двинется к тюрьме.

— Говорим о свободе, а товарищи томятся в камерах! Скажи, Трифоныч, об этом.

— Вот так, товарищи! — начал свою краткую речь Арсений. — Полицейский чин дал нам урок: либо благодарите за подачку, либо получайте по шее! И он не врет: у торговых рядов уже обивается «черная сотня», за ней двинутся казаки. Нам готовят ловушку. Но мы заявляем карателям от имени революционного народа: за всякое насилие, за каждую каплю пролитой крови падет ответственность на их головы!.. К тюрьме, товарищи, освободим борцов за свободу!..

И тронулась людская лава мимо Воздвиженской церкви по Приказному мосту к городской тюрьме.

Взвод солдат, не получивший приказа стрелять, переминался с ноги на ногу, а перепуганные тюремщики выдали демонстрантам одного большевика — других политических не было.

— На Ямы! В Ямскую тюрьму! — распорядился Отец.

И, развернувшись у Колбасного угла, лавина двинулась по широкой Соковской улице.

Много было свидетельств о трагическом конце этого дня 22 октября 1905 года. Но ярче всех описал его Дмитрий Фурманов, тогда еще мальчишка четырнадцати лет, толкавшийся в народе с утра до ночи и жадно ловивший всякую весть.

На Ямах, куда вышла колонна, ни асфальта, ни мостовых.

«Ямы, как скотное стойло, затонули в смраде, в грязи, в нищете». А ночной ливень превратил в непролазное месиво ямские колеи, нет ходу ни пешему, ни конному.

«Катилась по Соковской митинговая рать. У церкви Александра Невского на перепутье выскочили казаки:

— Разз-зойдись!

Но жалки и бессильны над головами повисшие нагайки. Взрыкнула толпа, заворочали булыжники, станковские боевики сверкнули оружием.

Подались казаки с пути — лава катилась вниз, на мост. И когда окунулись в аршинное месиво, кучка за кучкой отлипала в пути, жалась к палисадникам, оставалась на мостовой; обернулись грудками митинговые массы, заредели горестные ряды, к тюрьме Ямской подступали не тысячи — сотни.

Сотни вели большевики.

У Ямской тюрьмы — казацкие заслоны. Сотням не взять заслоны в бою. Говорить с казаками пошел Отец.

Что было казаку рабочее слово? Бились в глухую тюремную стену отцовские слова. Из тюрьмы казаки никого не отдали. Уходили рабочие вспять — путь держали на Талку, на речку, где летом бурно собирались бастовавшие фабрики.

Когда миновали Ямы, на Шереметьевской путь пересекла черносотенная гуща. Эту гущу, как ушли рабочие, поили водкой на Управской площади, кадили кадилами попы, купцы натаскали к ней икон и царских портретов, раздобыла «черная сотня» трехцветные знамена, шла теперь хмельная и буйная, пела: «Боже, царя храни».

Поодаль, мерно колыхаясь, желтели широкими лампасами астраханские казаки, охраняли «черную сотню». И лишь завидели с Ям полыхавшие красные знамена, остервенелые мясники, торговцы, огородники, пьяное отребье кинулись с визгом и уханьем, скакнули вперед казаки, в сочном месиве ямских переулков избивали рабочих.

Уцелевшие перебежали Шереметьевское шоссе, с оставшимися знаменами побежали на Талку. Ковылял измученный Отец, ворчал сердито:

— А знамя где?

— Взяли, Отец, — ответил скорбно чей-то голос.

— Взяли? Без бою взяли?

И он сурово глядел через очки сухими печальными глазами.

Уж сумерками наливался октябрьский день, когда прибежали на Талку. Вечерние туманы спадали на тихие пустое поле. Ямские сотни обернулись десятками. В горе стояли у мостика, тихо, словно в покойницкой, говорили о шереметьевской бойне,

считали редкие ряды, свертывали знамена. На пустынном лбище приречного луга застыли крошечной кучкой. Струилась Талка жалобными тихими струями. Стоял немой и черной стеной молчаливый бор. Мерно вздрагивали в шелестах густые мохнатые лапы сосен.

В это время издалека прояснилось смутное пятно «черной сотни» — она валила на Талку. Позади, как там, на Шереметьевской, вздрагивала казацкая конница.

Решили отойти за мостик — встали около будки, у бора. И когда ревущая пьяная ватага сомкнулась на берегу — заорала к будке:

— Высылай делегатов… Давай переговор!

Стояли молча большевики. Никто не тронулся с места. И вдруг выступил Отец, за ним Павел Павлыч. Их никто не вздумал удержать — двое через луг ковыляли они на речку. Вот спустились к мостику, перешли, встали на крутом берегу — их в тот же миг окружила гудящая стая. И только видели от будки большевики, как заметались в воздухе кулачищи, как сбили обеих на землю и со зверьим ревом заплясали над телами. Выхватил Станко браунинг, Фрунзе кричал чужим голосом:

— Бежим стрелять. Пока не поздно. Товарищи!

Николай Дианов крепко Фрунзе схватил за рукав:

— Куда побежишь, безумный, или не видишь казаков?

Дрожали в бессильном гневе, но все остались у будки. Вот Павел Павлыч вдруг вскочил, спрыгнул к речке и через мостик мчится сюда… Его подхватили, стащили в лес…

И видно, как поднял окровавленную голову Отец, но вмиг его сбили наземь и снова бешено замолотили глухими, тупыми ударами.

Когда окончена была расправа, повернулась дикая стая, шумно ушла к вокзалу. С «черной сотней» весело ускакали желтые казаки.

В пустом и тихом поле лежал одиноко кровавый труп Отца.

Тогда подошли товарищи и увидели смятое тело друга. Вкруг по земле студенистой слизью дрожали мозги. Кровью и грязью кровавой было излеплено лицо. В комьях спуталась серебристо-черная шершавая борода, обвисли мокрые тяжелые усы. Переломанные, свернулись в дугу ноги. Сквозь разодранную черную рубаху густела синяя, страшная грудь…»

Арсений не скрывал слез, не стыдился их:

— Никогда мы не простим себе этого! Безоружные, дали завлечь себя в ловушку. Оставили беззащитным лучшего нашего товарища! Кустари! Жалкие кустари!..

— Не трави душу, Трифоныч! — глухо сказал Балашов. —

Надо укрыть Отца.

Молча подняли труп, отнесли на руках в лес, спрятали в глухой чаще.

Как удалось, соорудили из кольев носилки, положили на них Павла Павлыча, дотащили до знакомого фельдшера, передали ему товарища в надежные руки.

Поздней ночью двинулись к городу: «черная сотня» с пьяным ревом справляла шабаш.

На другой день были уже известны потери демонстрантов: шестеро умерли от ран, покалечено в десять раз больше. Сложил голову веселый и дерзкий Михаил Лакин; не сдался он карателям без боя.

Пьяная орда «черной сотни» держалась в разгуле.

23 октября монархисты собрали тысячи людей на площади. Попы кропили народ святой водой и заводили молебны в честь победы над супостатами. Те, кто хотел остаться «чистенькими» в эти кровавые дни, щедро раздавали водку всякому отребью и разжигали страсти погромными речами на митинге:

— За государя нашего… Дави врагов, как вшей!.. Бей их!.. Лови зачинщиков… К ногтю Дунаева, Трифоныча!..

Бешеный ткач сильно примелькался в городе с весны до осени и под номером первым был приговорен «черной сотней» к растерзанию. Комитет приказал ему скрыться в Орехово-Зуеве или Богородске, где он мог затеряться на время в массе ткачей.

Вторым номером «на заклание» шел Трифоныч, и ему предложили немедленно вернуться в Шую. Но он отказался наотрез.

Удивительную энергию проявил он в эти дни. За одни сутки сделал круг Иваново — Кохма — Шуя и привел большой отряд дружинников. Вместе с боевиками Станко — Уткина он разделил город на участки и начал осаживать «черную сотню». Она здорово «наследила» на улицах: под ногами хрустели черепки разбитой посуды, стекло от зеркал и окон, в грязь были втоптаны разорванные одеяла, подушки, белье.

Дружинники, не скрывая ненависти к погромщикам, начали с ними войну: двум-трем проломили голову, кому-то переломали руки и выбили зубы, наставили фонарей на мерзкой роже. Прижали попа, пригрозили, что побреют наголо и спрыснут керосином, чтобы запылал он ярче ладана в кадиле. И «черная сотня» прижала хвост, перестала действовать скопом.

Две яростные листовки отпечатал Трифоныч в подпольной типографии. В первой содержалась политическая оценка момента и были заклеймены позором погромщики, «…эти зверства творились именем бога и царя. Священники именем божиим

благословляли разбойников-черносотенцев, а начальство обещало им милость царя. Казаки и полиция сами принимали деятельнейшее участие в кровавой расправе, охраняя толпы громил. Пусть теперь каждый из вас скажет, положа руку на сердце: не правы ли были мы, социал-демократы, когда говорили вам, что царь — это первый грабитель, что он прикрывает своим именем всякое насилие, что он злейший враг народа?..»

Вторая листовка была обращена к тем отсталым рабочим, которым вскружила голову агитация монархистов. Нашлись такие «товарищи» — не дураки выпить на дармовщинку, пойти на митинг громил и замарать руки погромом. Не без их участия был убит рабочий, не пожелавший снять картуз перед портретом царя, избиты ткачи, не целовавшие этот портрет, и был сброшен в пролет лестницы друг Бешеного ткача Константин Куломзин.

Таким бросил в лицо Трифоныч гневные слова: «Товарищи рабочие! Нет, впрочем, не товарищи! После всего происшедшего вы недостойны этого имени. Любовью, а не ненавистью надо окружить большевиков. Их били, а они продолжали кричать: «Долой самодержавие!» И мы, их товарищи, не свернем с пути. Пусть нас бьют, пусть нас пытают огнем, пусть по тюрьмам сажают, а мы все будем делать свое дело!..»

Едва притихла «черная сотня», решили товарищи похоронить Отца: труп его, прикрытый мхом и валежником, все еще таился от всех в бору.

В ночь на 6 ноября привезли на Талку сосновый гроб, обитый кумачом.

Дмитрий Фурманов рассказывал: «Качались у гроба с концов золотые кисточки, играли в колеблемом зареве факелов. Голову Отца обернули в красное знамя, оправили черный отцовский пиджачок — с него не вытравишь кровавые следы! Пригнули тощие надломленные ноги — втянули в основную раму гроба. Шрамами черные полосы расползлись в чесучовом лице, упали глубоко внутрь пустые широкие глазницы.

В два аршина, неглубоко, взрыли тугую могилу — стояли с заступами на рыхлых бугорках похоронной земли.

Молчала сырая ноябрьская ночь. Пропали звезды в каштановую темень. Плакал сосновый бор похоронным гудом. Плакала тихоструйная Талка, как девочка, робким заливчатым звоном. Трещали жестким хрустом оранжевые факелы. Большевики стояли над гробом словно в забытьи и глядели в безжизненное лунное лицо Отца.

— Пора, — шепнул кто-то тихо и страшно…

Потом встал над могилой Странник, в зыбком голосе колотились слезы:

— Отец! Прощай, Отец! Прощай, товарищ! Ткачи станут ходить на твою могилу, крепче стесня колонны, пойдут по пути, проторенному тобою. Спи, Отец… Теперь уже прощай навсегда!..»

Трифоныча в ту ночь не было у могилы старшего, верного друга: неделю назад он попал в казацкие сети и досиживал с двумя товарищами срок в ивановской каталажке…

…Арестованный в 1907 году, М. В. Фрунзе дважды был приговорен к смертной казни, замененной под давлением общественности каторжными работами. Был делегатом IV и V съездов партии, на последнем не присутствовал из-за ареста. Отбыв заключение во владимирской и николаевской каторжных тюрьмах, сослан на вечное поселение в Сибирь. В 1915 году бежал с этапа, находился на нелегальном положении, вел революционную работу в Чите, потом среди солдат Западного фронта. После февральской революции — начальник городской милиции Минска, председатель Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, член фронтового комитета Западного фронта, председатель Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Шуе. В 1918 году возглавлял Иваново-Вознесенский губисполком, губернский комитет партии, комиссариат Ярославского военного округа. 26 декабря 1918 года был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, затем последовательно командовал Восточным, Туркестанским, Южным фронтами, в декабре 1920 года назначен командующим всеми Вооруженными Силами Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета Республики. На X съезде партии избран в состав ЦК. Прославленный полководец Красной Армии, М. Ф. Фрунзе в начале 1924 года утвержден заместителем председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам, назначен начальником штаба РККА, С января 1925 года Фрунзе — председатель Реввоенсовета СССР и народный комиссар по военным и морским делам, с февраля — член Совета Труда и Обороны.

Умер 31 октября 1925 года.

Вл. Архангельский, Фрунзе.

М., «Молодая гвардия», 1970.

Григорий Иванович Петровский

Родился 22 января (4 февраля) 1878 года в селе Печенеги Харьковской губернии в семье ремесленника. С двенадцатилетнего возраста начал трудиться, рабочий-металлист. Участвует в работе социал-демократического кружка в Екатеринославе, в 1900 году первый раз подвергается аресту. Принимает самое активное участие в первой русской революции, становится секретарем Совета рабочих депутатов Екатеринослава, руководит стачечной борьбой революционного пролетариата. В годы реакции ведет партийную работу в Мариуполе. В 1912 году избран депутатом в IV Государственную думу от рабочей курии Екатеринославской губернии…

Во второй половине сентября 1913 года Ленин собрал членов ЦК РСДРП для обсуждения неотложных дел. Совещание состоялось в местечке Поронин, неподалеку от Кракова, где в ту пору жил Владимир Ильич. На совещание были приглашены депутаты-большевики.

На совещании обсуждались доклады представителей местных партийных комитетов и работа социал-демократической фракции в думе. Были обсуждены такие актуальные вопросы, как национальный, о партийном съезде и партийной печати, о стачечном движении и работе большевиков в легальных обществах.

Выступая, депутаты рассказывали о трудном положении во фракции и о том, что стачечная борьба в Петербурге и других промышленных центрах страны нарастает. По их примерным подсчетам в прошедшие месяцы 1913 года в забастовках участвовало не менее миллиона человек. Товарищи, прибывшие из разных мест России, также подтверждали усиление революционных настроений среди пролетариев. И хотя по-прежнему полицейская слежка, доносы и аресты наносят большой урон партии, теперь положение уже изменилось: на место десятка

упрятанных в тюрьмы большевиков приходит добрая сотня рабочих, в основном молодежь, вместо одной разгромленной подпольной типографии возникают две новые. Это были отрадные вести, они подтверждали, что подспудно в России идет сильнейшее революционное брожение, зреет политическое сознание пролетариата, близится срок новой решительной схватки народа с тиранами.

На нескольких заседаниях обсуждались дела в думской фракции. По этому вопросу выступили Ленин и другие члены ЦК. Совещание еще раз подтвердило линию партии, состоящую в том, что главной задачей рабочих депутатов остается всемерное использование думы как открытой трибуны для революционной агитации, а вовсе не для того, чтобы участвовать в бесполезной заседательской суетне, поскольку царская дума никогда не поддержит и не примет законов, которые облегчали бы жизнь рабочего класса.

О положении в думской социал-демократической фракции на Поронинском совещании было принято отдельное решение.

«Совещание находит, — записано в этом решении, — что единство с.-д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7 депутатов (то есть меньшевиков. — Прим. авторов) серьезно угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России…

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание поэтому находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство социал-демократической фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия двух ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами сохранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов».

На Поронинском совещании было также решено предъявить меньшевистской части фракции требование выставлять ораторов

в думу поровну от меньшевиков и большевиков, произвести перевыборы в бюджетную комиссию и Международное социалистическое бюро, назначить другого секретаря фракции. А если меньшевистская семерка не пойдет на эти условия, тогда идти на полное размежевание, раскол фракции и обратиться к рабочим России с открытым объяснительным письмом по этому принципиальному партийному вопросу.

Таким образом, депутаты-большевики получили четко разработанную программу действий. Теперь оставалось выяснить, как поведут себя и чем ответят меньшевистские депутаты после предъявления им этих требований.

В перерывах между заседаниями депутаты-большевики часто беседовали с Владимиром Ильичем. Его заразительная энергия, глубина и гибкость мысли, огромные знания, деловитость и вместе с тем почти детское простодушие, дружелюбие, искристый, от души, смех, когда он был в своем кругу, — все это притягивало к нему, хотелось подольше быть рядом с ним, смотреть на него, слушать его быструю, с легкой картавинкой, веселую, гневную, горькую или тихую, задумчивую в часы дружеской беседы речь.

Григорий Иванович Петровский оставил небольшую запись о днях, проведенных в Поронине.

«…Как-то вечером мы сидели на веранде, — вспоминает Петровский. — Во дворе за верандой Владимир Ильич поправлял велосипед. Потом он вдруг подскочил, уцепился за перила, подтянулся на руках и перескочил через перила на веранду. Мы помимо воли засмеялись. Владимир Ильич сказал, что скоро закроется почта и он может опоздать отправить сегодня материал совещания товарищам в Париж, Лондон, Берлин, Женеву и другие места, а товарищи с нетерпением ожидают наши резолюции. В России происходит революционный подъем, во время революции мешкать нельзя.

Нам, депутатам, стало неудобно за свой смех.

В дни напряженной работы совещания в Поронине Ленин находил возможность организовать для нас и отдых. Мы ходили в небольшое курортное местечко — Закопане. Там Владимир Ильич играл в шахматы, шутил, спорил. Но и во время отдыха он всегда помнил об основном — о революционной работе. Он расспрашивал нас, какой очередной вкладной лист дать в «Правде», как лучше организовать работу редакции…»

Владимир Ильич поручил Петровскому после возвращения в Петербург побывать у Алексея Максимовича Горького и попросить его стать ближе к «Правде», привлечь к сотрудничеству в газете прогрессивных писателей и помогать ей материально. Петровский

был очень горд этим поручением Ленина и, приехав в столицу, посетил знаменитого пролетарского писателя, который с февраля 1913 года жил в финском селении Мустомяки, неподалеку от Петербурга.

Это была дружеская, задушевная встреча. Разговор шел непринужденно. Горький, недавно вернувшийся в Россию из-за границы, с любопытством выспрашивал Петровского о делах рабочих депутатов, а Петровскому было важно узнать, как Горький относится к революционному движению в России.

Петровский долго рассказывал Горькому о своей депутатской работе, о росте политического сознания пролетариата. Горький расспрашивал о новостях в партии, о трудностях нелегальной работы, о «Правде», о положении на фабриках и заводах. Петровский едва успевал отвечать на его многочисленные вопросы.

Потом они договорились, чем и как нужно помочь «Правде» и что берет на себя лично Горький. К сожалению, Алексей Максимович не сумел ничем помочь «Правде», вернее, не успел, так как 8 июля 1914 года правительство отдало распоряжение о закрытии ее. Большевики потеряли свою единственную массовую легальную газету.

Осенняя, третья, сессия думы началась 15 октября 1913 года.

На другой же день, выполняя решение Поронинского совещания, большевики на заседании социал-демократической фракции предъявили семерым депутатам-меньшевикам ультимативное требование о восстановлении подлинного равноправия во фракции. Большевики заявили, что если их условия будут отклонены, то они выходят из фракции. Одновременно в «Правде» в номере от 18 октября они напечатали письмо с призывом к рабочим поддержать требования шестерки. В ответ на это письмо в газету начали поступать резолюции рабочих собраний, в которых осуждались действия меньшевиков и выражалось согласие с позицией большевистских депутатов.

Однако меньшевики держались прежней линии. Никакого ответа на требование большевиков семерка не давала и по-прежнему продолжала выступать в думе от имени всей социал-демократической фракции с соглашательскими, путаными речами. А большевики, ожидая ответа, перестали вовсе участвовать в заседаниях фракции.

Наконец 25 октября меньшевистская семерка высказала свое мнение — требования депутатов-большевиков и тем самым Поронинского совещания были ею отклонены. Таким образом, раскол фракции практически совершился. Теперь уже нужно было идти до конца. 26 октября «Правда» опубликовала обращение

большевистской шестерки ко всем рабочим с разъяснением всего, что произошло, и извещением о том, что теперь большевики организуют в думе самостоятельную фракцию.

Это был один из ответственных моментов в истории РСДРП. До сего времени вопрос о возможном расколе социал-демократической фракции обсуждался только в партийных организациях, а сейчас волею обстоятельств он выносился на суд рабочих масс; от их решения зависело, по какому пути пойдет дальнейшая революционная борьба в России.

Ленин и большевики верили, что пролетариат сумеет правильно разобраться в существе дела. Это подтвердилось потоком писем и резолюций в «Правду», в которых рабочие мощно подняли свой голос за линию большевиков. Видя, что с каждым днем их позиции слабеют, меньшевики обратились за поддержкой в бюро II Интернационала — представителем от Российской социал-демократической партии там был Плеханов, на поддержку которого рассчитывали меньшевики. Но Плеханов не только отказался ехать в Лондон, где заседало Международное социалистическое бюро II Интернационала, но и послал туда письмо, в котором всю вину за раскол фракции возлагал на меньшевиков, в том же письме Плеханов извещал, что в связи с этим партийным конфликтом он выходит из состава бюро II Интернационала как представитель РСДРП. Меньшевики и тут потерпели провал.

Первое заседание самостоятельной большевистской фракции состоялось 27 октября. И хотя регистрация и бюрократическое оформление этой новой фракции натолкнулись на сопротивление не только председателя и президиума думы, но и меньшевистской семерки, в конце концов после различных оттяжек дума была вынуждена признать и зарегистрировать шестерых большевистских депутатов как самостоятельную полноправную фракцию.

Об этом депутаты послали телеграмму Владимиру Ильичу, который, собрав членов ЦК партии, поздравил их с образованием в царской думе самостоятельной революционной фракции РСДРП.

Как ни трудно было большевикам вести работу в думе, но после создания своей фракции у них словно прибавилось сил, появилась двойная энергия. Это новое самочувствие сразу сказалось на всей деятельности большевистской фракции. Только за полтора месяца осенней сессии 1913 года большевики внесли на рассмотрение думы тринадцать запросов. За это время прошло

двадцать четыре думских заседания, на которых большевистские депутаты выступали семнадцать раз. Кроме того, они разработали и предложили на обсуждение свой законопроект «О восьмичасовом рабочем дне», который был, кстати сказать, напечатан в «Правде» и стал предметом широкого обсуждения среди рабочих по всей России. Это было выдающееся мероприятие, проделанное в ту пору большевистской фракцией. Оно оказало сильное революционизирующее воздействие на массы, и, хотя рабочие понимали, что реакционная дума ни за что не примет этот законопроект, они готовы были бороться за него всеми доступными средствами, вплоть до стачек и демонстраций.

Григорий Иванович Петровский выступал во время третьей, осенней, сессии думы несколько раз.

Большевистская фракция вновь внесла на этой сессии запрос в думу по поводу провокационной деятельности агентов охранного отделения и ареста депутатов социал-демократической фракции II Государственной думы. Правые же депутаты предложили отложить рассмотрение этого запроса. Однако это противоречило параграфу думского наказа. Петровский воспользовался формальным нарушением правыми депутатами наказа и потребовал дать ему слово для защиты запроса фракции. Слово ему было дано.

Петровский выступил, но почти на каждой фразе его прерывал председатель. В конце концов он все-таки лишил Петровского слова. Такое отношение к речам большевистских депутатов вообще было характерно для черносотенной IV думы.

Как происходил грубейший зажим депутатов большевистской фракции, можно представить себе хотя бы по выступлению Петровского в защиту этого запроса. Вот стенографическая запись этой речи, сделанная в стенах думы на заседании 25 октября 1913 года.

— Весь пролетариат, посылая нас сюда, — сказал, взойдя на трибуну, Петровский, — приказал нам протестовать против провокации, жертвой которой стали наши товарищи, депутаты II думы. И теперь, когда мы выступаем с разоблачением этой гнусной провокации, вы хотите этот вопрос затушевать. Вы участвовали в похоронах очень многих и больших интересов народа, и вы хотите и тех представителей, которые защищали эти народные интересы, похоронить.

Председатель: Член Государственной думы Петровский, я прошу вас говорить о нарушении наказа.

Петровский: Но вам, господа, не удастся это. Пролетариат создает великое движение, и за те жестокости, за то, что вы делаете для погребения наших депутатов, вам придется всем,

господа, расплачиваться. Если бы вы выслушали эти слова, которые господин председатель не разрешил для вашего слуха, где нет буквально никаких преступных выражений, если бы вашего слуха коснулись эти выражения, вы, вероятно, не так бы протестовали. (*Шум.*)

Председатель: Прошу не шуметь, не слышно оратора. Член Государственной думы Петровский, прошу вас не читать.

Петровский: Я только хочу прочитать то, что запретил…

Председатель: Член Государственной думы Петровский, прошу вас не читать, а говорить о нарушении наказа.

Петровский: Так вот, господа, помните, что движение 1905 года завоевало то положение…

Председатель: Член Государственной думы Петровский, это не касается наказа.

Петровский:…через которое вы сидите на этих скамьях…

Председатель: Член Государственной думы Петровский, лишаю вас слова! (*Шум, рукоплескания справа.*)

Дальше говорить Петровскому не дали. Его вообще часто лишали слова за чересчур резкие для ушей буржуазных депутатов речи. Его исключали не раз из думы на много дней и заседаний и даже выводили из зала силой, в сопровождении полицейских. Но это не пугало Петровского, он продолжал громить врагов рабочего класса с их же парламентской трибуны.

В эту же сессию думы, 1 ноября, Петровский выступил по запросу большевистской фракции о частых катастрофах на железных дорогах. Одной из главных причин Петровский назвал плохую подготовку специалистов-рабочих и низкую оплату их труда. Он очень резко говорил в адрес министра путей сообщения Рухлова, назвав его убийцей многих людей, погибших при катастрофах. За это Петровский был исключен из думы на пять заседаний.

22 ноября он произнес речь об урезывании прав депутатов думы. За препирательство с председателем, который все время перебивал Петровского, он был опять лишен слова, едва успев начать говорить. Но в тот же день он снова вышел на трибуну, протестуя от имени своей фракции и некоторых других депутатов против передачи запроса о преследовании рабочих профсоюзов в комиссию, где его наверняка бы положили под сукно до неизвестных времен.

7 декабря, уже незадолго до зимних каникул, Петровский вновь взошел на думскую трибуну и бросил в лицо фабрикантам и правительству гневные слова: он клеймил незаконные аресты и высылки властями представителей рабочих, избранных в больничные кассы и другие организации пролетариата. В этой

речи Петровский, как обычно не стесняясь, прямо заявлял о необходимости обновить прогнивший строй России.

Выступал Григорий Иванович и по другим вопросам на этой сессии думы. Время же, свободное от заседания и составления речей, Петровский, как всегда, отдавал переписке с рабочими, с руководителями местных партийных организаций, сотрудничеству в газете «Правда».

После зимних каникул началась четвертая думская сессия.

Новый, 1914 год готовил для России и всей Европы большие и тяжелые испытания. Правительства капиталистических государств подбрасывали в политический котел Европы все больше и больше горючего, и пары шовинизма и национальной вражды вот-вот готовы были вырваться.

Вместе с тем пресс эксплуатации, который все сильнее и сильнее давил на плечи пролетариата, выжимал из рабочего люда ненависть к своим хозяевам и правительству. Гнев бурлил в массах. С марта 1914 года началась полоса политических стачек. Первые забастовочные гудки услышал Петербург, за ним — Москва, а потом стали останавливаться фабрики, заводы и рудники в Баку, Донбассе, на Урале. Рабочие были недовольны действиями властей: особенно преследованием и закрытием ряда профсоюзных организаций, гонениями на рабочую печать, замораживанием в думских комиссиях важных для жизни пролетариата запросов, которые вносились рабочими депутатами, а также политикой царского правительства, ведущей Россию к военному конфликту.

Напряженная политическая обстановка в стране вызвала острейшую борьбу в стенах IV Государственной думы. Страсти еще более разгорелись, когда большевистская фракция внесла новый запрос об ускорении ответа правительства на прежний свой, первый, запрос о расследовании дела о Ленском расстреле и наказании виновных, который дума пыталась всячески замять, хотя уже минул второй год со дня этой кровавой расправы.

Петербургский комитет большевистской партии выпустил прокламацию с призывом к пролетариям поддержать запрос о ленской трагедии массовой демонстрацией. На улицы Питера вышло с красными флагами более шестидесяти тысяч рабочих. Эта демонстрация дополнилась новой вспышкой забастовок, вызванных массовыми отравлениями рабочих в Петербурге и Риге. В этой связи большевистская фракция внесла в думу специальный, безотлагательный запрос правительству. Между тем отравления на заводах продолжались, и депутаты-большевики вынуждены были внести на другой же день вслед за первым второй запрос в думу.

Рабочие Петербурга снова вышли на улицы. Произошли стычки с полицией; жандармы кое-где открыли стрельбу по толпе, рабочие отвечали градом булыжников. Полиция схватила и отправила в тюрьмы много демонстрантов.

Почувствовав угрожающую силу этих волнений, фабриканты сговорились и пустили в ход свое сильнейшее средство — локаут. Правительство тоже постаралось помочь им, закрыв профсоюз металлистов — один из руководящих центров стачечного движения в Петербурге. Однако эти меры только обострили положение, поскольку за ворота заводов были выброшены десятки тысяч рабочих столицы. В некоторых буржуазных кругах страх перед этой обреченной на голод человеческой массой вызвал требования найти какой-то выход из кризиса. В результате Петербургская городская дума поспешила ассигновать сто тысяч рублей на бесплатные столовые для безработных. Но, конечно, столовые эти были сразу же закрыты, как только волнения поутихли и испуг перед яростью толпы прошел.

В эти дни депутаты-большевики совместно с редакцией «Правды» и Питерской партийной организацией провели, как это случалось и во время прежних локаутов, сбор пожертвований в пользу семей безработных рабочих.

А в Таврическом дворце продолжались меж тем бурные прения и схватки ораторов. Левых депутатов обрывали на полуслове или вовсе лишали права выступать. На скамьях левых партий поднимался шум. Депутаты обеих социал-демократических фракций — большевики и меньшевики — требовали слова для протеста. Правые же члены думы неистовствовали. Один из черносотенцев и лидеров крайне правых, Пуришкевич, призывал с трибуны судить и повесить рабочих депутатов.

Спустя несколько дней заводчики прекратили локаут, рассчитав всех беспокойных и неугодных. Пролетарии столицы в этой схватке потерпели поражение.

Реакционные силы наседали со всех сторон. Ободренные подавлением стачек, правые депутаты в думе повели открытую атаку на левое, революционное крыло. Первое крупное столкновение двух враждебных лагерей произошло после того, как правительство потребовало привлечь к ответственности депутата социал-демократа, меньшевика Чхеидзе за то, что в одном из своих выступлений он говорил о преимуществах республиканского государственного строя перед монархическим. Вокруг этого разгорелась острая дискуссия. Даже буржуазно-либеральные партии — кадеты и прогрессисты — заявили протест против привлечения Чхеидзе к суду, видя в этом акте

правительства покушение на конституционные права депутатов думы, которые они, эти партии, считали самым большим, священным достижением в борьбе за буржуазные свободы. И кадеты и прогрессисты грозились в том случае, если Чхеидзе будет привлечен к суду, голосовать против государственного бюджета. Прогрессисты даже внесли на рассмотрение проект закона о неприкосновенности депутатов за их речи с думской трибуны. Однако после «разъяснений» и внушений со стороны правительства (через председателя думы Родзянко) прогрессисты стали пересматривать свой проект и затягивать его обсуждение.

Понимая, что дело начинает оборачиваться фарсом, члены обеих социал-демократических фракций, большевики и меньшевики, предложили приостановить работу думы и не возобновлять заседаний до тех пор, пока не будет обсужден и принят законопроект о неприкосновенности депутатов. Либералы отказались голосовать за прекращение работы думы, но поддержали требования о принятии проекта о неприкосновенности. При общем голосовании реакционное большинство думы провалило предложения и либералов и социал-демократов.

Тогда большевики и меньшевики, а также присоединившаяся в этом к ним фракция трудовиков приняли решение сорвать методом обструкции обсуждение государственного бюджета. Они вторично потребовали принять закон о неприкосновенности до обсуждения бюджета. При диких криках и гвалте на скамьях правых депутатов, это предложение было опять провалено. На трибуну тотчас же взобрался докладчик бюджетной комиссии Ржевский. Депутаты трех фракций — большевики, меньшевики и трудовики — встали и демонстративно докинули зал заседания. Посоветовавшись, как действовать дальше, они вернулись в зал, когда на трибуне появился новый председатель совета министров, Горемыкин.

Едва он начал свою речь, левые депутаты устроили обструкцию. С их скамей поднялся шум, стук, крики: «Свободу слова депутатам!» Несмотря на усилия председателя думы Родзянко, ему не удалось установить тишину, оратору говорить не дали. Родзянко вынужден был извиниться перед Горемыкиным. С тем новый председатель совета министров и покинул трибуну.

Правые дружно проголосовали за предложение Родзянко исключить на пятнадцать заседаний всех участвовавших в обструкции социал-демократов и трудовиков. Было исключено двадцать пять депутатов. Но перед тем как покинуть зал, исключенные депутаты один за другим всходили на трибуну и резко говорили о политике насилия и произвола, царящей не

только в стране, но и в государственном парламенте (по думскому наказу каждый исключенный имел право взять слово для объяснения).

После этого депутаты левых партий — большевики, меньшевики и трудовики — покинули Таврический дворец.

На бурный натиск черносотенцев в думе рабочие Питера и Москвы ответили массовой забастовкой. В ней участвовало более ста тысяч человек. Фабриканты тотчас же применили свой «испытанный» локаут, а реакционная пресса начала изрыгать бешеные проклятия по адресу рабочей печати и рабочих депутатов, называя их сеятелями смуты в России.

Газета «Союза русского народа» «Русское знамя» провокационно предлагала понизить рабочим заработную плату, так как-де «с голодухи не забастуешь, мятежами заниматься впору лишь сытым». Газета призывала взять пролетариев «в ежовые рукавицы», покончить с представительством рабочих в Государственной думе, в страховых органах и т. д. Предлагая лишить рабочих всех политических прав, эта реакционнейшая из газет заявила, что лишь в этом случае «возможно установить порядок и минует необходимость в целых полках полицейской кавалерии, ныне гарцующей для охранения порядка от рабочих по улицам столицы при каждой выходке социал-демократов в Государственной думе».

В такое напряженное для рабочего класса время меньшевики вновь показали свое истинное лицо колеблющейся, соглашательской партии. В своей газете «Луч» они повели разговоры о необходимости совместных действий с либералами. По этому поводу «Правда» писала 29 апреля 1914 года: «Не успели еще либералы вымыть руки, поддерживающие гг. Родзянко — Пуришкевича в расправе с депутатами социал-демократами и трудовиками, как получили от ликвидаторов предложение о совместных действиях…»

Исключенные депутаты трех левых фракций решили выступить после возвращения в думу с общей декларацией. Они заранее подготовили текст и раздали его нескольким ораторам, с тем чтобы, если прервут и лишат слова одного оратора, чтение мог бы продолжить другой.

Декларация трех фракций была оглашена в думе 7 мая 1914 года.

Первый выделенный от фракции оратор начал чтение при сравнительно мирно настроенном зале.

— В Государственной думе двадцать второго апреля произошло событие, — читал он, — приковавшее к себе внимание страны: насильственно, с помощью военной силы, были удалены

из заседания Государственной думы рабочие и крестьянские депутаты социал-демократы, трудовики за их протест против попыток правительства уничтожить свободное слово в Государственной думе… Октябрьское революционное движение 1905 года сломило и, казалось, сделало невозможным существование в России… *(Голос справа: «Вон!» Шум.)*

Однако поражение революционного движения в декабре 1905 года дало возможность темным силам прошлого перейти в наступление… *(Шум.)*

…Попирая в надежде на безнаказанность кровные интересы народных масс, правительство, являясь орудием крепостнической реакции, решило теперь разделаться окончательно с плодами освободительного движения… *(Справа шум и голоса: «Вон!»)*

…Уже с первого дня существования народного представительства власть не могла с ним помириться. Первая и вторая Государственные думы, в значительной степени отразившие чаяния народных масс, провозгласившие устами крестьянских депутатов требование земли и воли всему народу, были разогнаны… Убедившись за время пятилетнего существования третьей думы в неспособности правительственных классов вести борьбу даже за свои собственные права и достоинство… *(Справа шум и голоса: «Вон! Что за безобразие?!»)*

Свободное думское слово осталось единственной, последней силой, которой демократия еще могла пользоваться в думе, и власть решила, что настало наконец время нанести окончательный удар и уничтожить последнюю тень народного представительства. За мысли, высказанные с трибуны думы, она привлекла депутата Чхеидзе. Удар был направлен против всей Государственной думы, нарушая ясный смысл закона… *(Шум справа.)*

…и все-таки большинство думы не нашло в себе решимости ответить на удар ударом… Услужливая готовность и поспешность, с которыми дума применила к нам меру…

В этом месте председатель думы грубо прервал оратора, лишив его слова. На смену ему вышел Петровский и продолжал чтение декларации трех фракций.

— Мы, социал-демократы и трудовики, исполняли то, что считали своим долгом, — читал Петровский, — мы крикнули стране: «Последние остатки завоеваний 1905 года в опасности!» Мы крикнули стране, что без демократии и против демократии не может быть действительной борьбы с преступными попытками…

Председатель: Член Государственной думы Петровский, покорнейше прошу вас держаться в пределах рассматриваемого вами вопроса.

Петровский: Рабочий класс в ответ на ленские залпы…

Председатель: Член Государственной думы Петровский, я вас лишаю слова. *(Рукоплескания справа.)*

Вот так, в штыки, встретила дума декларацию двадцати пяти левых депутатов, подвергшихся исключению на пятнадцать заседаний. Наглое поведение черносотенцев в думе вызывало волнения рабочих масс по всей России. Невиданные до того размеры приняли первомайские демонстрации 1914 года. Не только в Петербурге, Москве, Донбассе, но и в других, считавшихся более «спокойными» промышленных районах страны переполненные улицы бурлили народом. Настороженные губернские власти усилили полицейский надзор, подняли на ноги полицейские, жандармские и даже воинские части.

Черносотенцы в думе требовали от правительства бдительности и строгих мер. Известный своей ненавистью к революции депутат Пуришкевич, выступая 2 мая с думской трибуны, призывал своих единомышленников не предаваться благодушию и беспечности.

— Мы наблюдаем, — говорил он, — удивительную картину, мы переживаем дни, напоминающие нам дни 1904 года, и если мы не слепы, то увидим, проведя аналогию, если не полное тождество, то, во всяком случае, очень много общего между тем, что творится сейчас и что творилось в 1904 году.

Так оценивал события матерый враг пролетариата.

Исключенные левые депутаты не присутствовали при начале обсуждения государственного бюджета России. Когда их допустили к заседаниям, основная часть бюджета была уже утверждена. Но они все-таки успели принять участие в обсуждении некоторых отдельных смет. Как и прежде, свои выступления депутаты-большевики использовали для беспощадной критики самодержавных порядков.

Григорий Иванович Петровский выступал по разным сметам четыре раза.

Он держал речь в прениях но смете министерства народного просвещения, но был прерван и лишен слова за то, что позволял себе резко осудить те надругательства и унижения, которым подвергают учителей по всей России. Выступил Петровский и с большой аргументированной речью по смете горного департамента. Резко критиковал он также политику правительства в крестьянском вопросе в связи с обсуждением сметы министерства земледелия. Эта смета отражала столыпинскую аграрную идею — поддержку кулака, — которую царизм продолжал проводить в жизнь и после убийства вдохновителя этой политика Столыпина.

Речи Петровского и других большевиков-депутатов по бюджету представляли ценный агитационный материал, который партийные организации использовали в работе с массами.

В эту зимнюю сессию Петровский выступал также я по другим наболевшим вопросам. Он высмеял министра внутренних дел, который на запрос о злоупотреблениях при выборах в IV думу ответил, что-де никакого систематического нарушения правил о выборах не было, а произошли только отдельные «промахи администрации» в губерниях. Но даже на скамьях буржуазных депутатов такое объяснение министра вызвало смех.

Защищал Петровский и спешность запроса своей франции в связи с наложением на большевика А. Е. Бадаева полицейского штрафа.

Кратко дело обстояло так. 9 сентября 1913 года петербургские рабочие хоронили своих товарищей, погибших при взрыве на минном заводе. Депутат от питерских пролетариев А. Е. Бадаев, конечно, принял участие в похоронах. Бадаев обратился с речью к рабочим, но в этот момент налетела конная жандармерия и смяла ряды процессии. Полицейский пристав хотел было арестовать Бадаева, но, узнав, что он член Государственной думы, не решился. Бадаев резко протестовал против незаконного налета полиции. Тогда на него был составлен протокол, где его обвиняли «во вмешательстве в действия полиции», за что петербургский градоначальник Драчевский наложил на Бадаева штраф в двести рублей. Бадаев, возмущенный, отказался платить. Тогда штраф был заменен шестидневным заключением в тюрьме; градоначальник собирался арестовать Бадаева сразу после окончания зимней сессии думы. Это наглое попрание закона о неприкосновенности депутатов думы и послужило причиной запроса большевистской фракции, от имени которой говорил Петровский. Он прямо заявил, что если власти арестуют Бадаева, то все заводы Петербурга и не только Петербурга приостановят работу — пролетариат сумеет оказать поддержку своему депутату.

Надо сказать, что полиция так и не решилась подвергнуть Бадаева аресту.

Выступал Петровский и по поводу учреждения правительством исправительных домов. Внося в думу этот законопроект, министерство юстиции утверждало, что оно преследует лишь одну государственную цель — борьбу с бродяжничеством, тунеядством и нищетой. В исправительные «трудовые» дома правительство намеревалось засадить всех безработных. На деле это было еще одним орудием против забастовок. Петровский в своей речи обнажил подлинный смысл

этой затеи правительства, показав, что исправительные дома не что иное, как тюрьмы для голодающих пролетариев и безземельных крестьян.

Полна страсти и гнева была речь Петровского об истязаниях политических заключенных в ряде каторжных тюрем, где люди подвергались избиениям, пыткам, где даже больных заковывали в кандалы.

Большевик Петровский не стеснялся в выборе выражений и сек врага по лицу наотмашь словами, которые тот заслуживал.

Именно за такие вот острые, как лезвие бритвы, слова его удалили с трибуны 12 мая 1914 года, когда он выступил в защиту свободы депутатского слова.

В эту сессию он еще несколько раз выходил на трибуну, глаз на глаз с ненавидящим его залом, и громил, громил и громил лощеных, сытых, вполне довольных жизнью господ, которые сидели на горбу народа и считали себя сливками российского общества.

Большевистским депутатам приходилось вести в думе ежедневную тяжелую борьбу, рассчитывая только на свои силы. А сил этих было всего шесть человек, если считать и Малиновского. Но именно этот человек, именно он-то и нанес неожиданный, подлинный удар по фракции, усугубив и без того натянутые отношения между большевиками и меньшевиками.

Это случилось в мае 1914 года. Малиновский вдруг неожиданно ушел из думы и большевистской фракции по никому не понятным в ту пору причинам. Поступок Малиновского оставался загадкой вплоть до февральской революции 1917 года. Только когда были вскрыты архивы департамента полиции, стала понятна истинная причина: Малиновский, оказывается, был на службе у охранного отделения; он считался особо засекреченным агентом; его провокаторская деятельность шпиона и осведомителя стоила жизни или каторги многим лучшим партийцам-большевикам.

Малиновский перебрался за кордон, и его следы потерялись. Как потом выяснилось, он возвратился в Россию, когда началась война, был мобилизован на фронт, попал в плен к немцам. Он приехал в Россию уже после Октябрьской революции. В ноябре 1918 года провокатор Малиновский был расстрелян в Москве по приговору революционного трибунала.

Но в 1914 году депутаты-большевики не могли допустить и мысли о возможности столь чудовищного предательства.

Этим осложнением в большевистской фракции тотчас же воспользовались меньшевики. Они подняли вокруг истории с Малиновским демагогическую шумиху.

Петровский склонен был тогда объяснить поступок Малиновского особенностями его характера — нервозностью, неуравновешенностью, вспыльчивостью. Других видимых причин покинуть фракцию не было.

Так или иначе, но шум и сплетни вокруг имени Малиновского долго не утихали и доставили большевикам немало дополнительных хлопот.

Ленин посоветовал Петровскому не терять боевого духа и продолжать работу фракции так, как это делалось до сих пор, — смело, открыто разоблачать антинародную сущность царизма и ее верного прислужника — буржуазную думу. Петровский вернулся в столицу от Ленина ободренный, готовый к новым схваткам со всякими черносотенцами и правыми, к отпору меньшевикам.

Зимняя сессия думы была на исходе. Впереди опять, предстояли поездки по губерниям, встречи с рабочими. Готовясь заранее к этим встречам, Григорий Иванович написал и опубликовал в газете статью под названием «Накануне свиданий с товарищами-избирателями». Это весьма примечательная статья, в ней он подвел итоги практической работы большевистской фракции во время зимней сессии. Григорий Иванович резко осудил Малиновского. В заключение Петровский просил рабочих-избирателей подготовиться к встрече с депутатами, подготовить для них специальные материалы по целому ряду вопросов — о росте массового сознания рабочих за год, о положении рабочих, условиях их труда, взаимоотношении кооперативных, просветительных и других обществ с социал-демократическими ячейками.

После ухода Малиновского председателем большевистской фракции в думе по предложению Ленина был избран Петровский.

Наступило время летних думских каникул, и все депутаты-большевики разъехались на места, с тем чтобы на рабочих собраниях рассказать о деятельности ЦК партии и большевистской фракции за период четвертой, зимней сессии думы.

Григорий Иванович Петровский, вернувшись в Петербург после свидания с Лениным в Поронине, тоже отправился в длительную поездку. Он намеревался побывать в Москве и Туле, а затем проехать в южные губернии, в свой родной Екатеринослав.

Политическая обстановка в это время в России была чрезвычайно накалена. Рабочее движение разрасталось. Усилия царского правительства и капиталистов репрессиями и локаутами сдержать, остановить это грозное наступление возмущенных масс

не приносили желательных результатов; они лишь способствовали тому, что забастовки начали перерастать в революционные демонстрации, которые могли прогреметь стихийным взрывом вооруженного восстания, как это было в 1905 году.

В начале лета сильные стачки произошли на Ижорском военном заводе в Петербурге и среди текстильщиков Московской губернии. Небывалая забастовка охватила рабочих-нефтяников Баку. Дело дошло до того, что напуганное правительство бросило против стачечников крупные армейские и казачьи части. Тогда бакинцы превратили город буквально в военный лагерь, перекрыв улицы баррикадами. Завязалась жестокая схватка. Но сила была на стороне властей, и вскоре баррикады пали.

Последовавшие затем свирепые расправы с бакинскими рабочими вызвали сильное возмущение по всей России. Пролетариат протянул своим бакинским братьям руку помощи. Первыми откликнулись, как это бывало и раньше, рабочие Питера. На Путиловском заводе состоялся митинг, где обсуждались меры помощи бакинцам. Подошедшие в это время полицейские части дали по толпе два винтовочных залпа. Несколько человек были убиты и ранены.

Это новое зверство всколыхнуло весь пролетариат столицы. На улицы вышли тысяча демонстрантов. Заводские дворы кипели митингами. В Петербурге прекратили работу около ста пятидесяти тысяч человек.

В «Правду» сыпались резолюции митингов с возмущением и протестом против злодеяний властей. Газета помещала их на первых полосах под крупными заголовками. Номера «Правды» конфисковывались, за каждым большевистским газетчиком на улицах гонялись шпики и городовые и силой отбирали пачки газет.

Пресса черносотенного направления подняла дружный вой, призывая к расправе с рабочими, их организациями и печатью.

Такой оборот событий всполошил царских министров. Однако вновь пустить в ход оружие они не решились. Возможно, такая сдержанность объяснялась пребыванием в эти дни в столице президента Франции Пуанкаре. Надо же было показать главе «демократической» республики снисходительность его императорского величества к «шалостям» простодушного дитяти — российского народа.

Вскоре забастовки пошли на убыль. При попустительстве трудовиков и меньшевиков реакционные, буржуазные и буржуазно-либеральные партии организовали воинственные патриотические демонстрации. Они всосали в свой водоворот и

много политически незрелых рабочих.

Депутаты-большевики в это время находились в губерниях, среди своих избирателей-рабочих. На этот раз главной целью их поездок было не столько информирование местных подпольных организаций о работе фракции в минувшую думскую сессию, сколько помощь им в подготовке к очередному съезду партии, о чем было решено на Поронинском совещании в сентябре 1913 года. Большую работу нужно было провести и по подготовке к участию в Международном социалистическом конгрессе, который намечалось собрать в Вене в августе 1914 года. Съезд РСДРП приурочивался к этому же времени. Важно было добиться, чтобы на конгресс послать как можно больше большевиков. Об этом настойчиво напоминал Ленин в своих письмах в «Правду» и Петровскому как председателю думской фракции. На конгресс, подчеркивал Ленин, должен быть представлен подлинный рабочий, а представительство от тех партийных организаций, которые по конспиративным или другим причинам не смогут послать своих делегатов, должна взять на себя думская фракция большевиков. Ленин в письмах просил, чтобы на конгресс обязательно поехали все депутаты-большевики, поскольку, будучи сами рабочими, они осуществляют в думе подлинное представительство российского пролетариата. Ленин даже советовал в случае чрезмерной перегрузки депутатов-большевиков отказаться от какой-то части работы в думе, лишь бы обеспечить активное участие местных партийных организаций в выборах делегатов на партийный съезд и на социалистический конгресс.

Из-за сложной обстановки в стране и сильнейших репрессий против руководителей большевистской партии Русское бюро ЦК фактически лишено было связей с местными организациями и с заграницей. Поэтому вся тяжесть поддержания связей с ЦК, с Лениным и руководства партийной работой в России падала на думскую большевистскую пятерку и газету «Правда» (до ее запрещения).

В июле 1914 года Петровский опять ездил к Ленину в Поронин. Как раз в это время бюро II Интернационала созвало в Брюсселе совещание, где обсуждался вопрос об объединении разных фракций и групп русской социал-демократии. В этом совещании, кроме лидеров II Интернационала — Вандервельде, Каутского и других, участвовали представители от меньшевиков, литовских и польских социал-демократов, еврейского «Бунда», а в качестве представителей ЦК РСДРП(большевиков) — М. Ф. Владимирский, И. Ф. Попов и Инесса Арманд (руководитель делегации).

От этой делегации Ленин получил письмо, в котором товарищи писали, что в Брюсселе ходят провокационные слухи, якобы Ленин находится в Брюсселе и руководит делегацией, сидя в кафе, но на совещании бюро II Интернационала появиться не хочет — будто бы боится ответственности за разобщение социал-демократических групп в России.

От души посмеявшись над этой чепухой, Ленин сказал Петровскому:

— Давайте пошлем отсюда, из Поронина, телеграмму Вандервельде за моей и вашей подписями. Таким образом, все сплетни о моем пребывании в Брюсселе лопнут, как мыльные пузыри!

Так и было сделано, что весьма потешило большевистскую делегацию и смутило тех участников Брюссельского совещания, которые распространяли эти нелепые слухи.

Почти одновременно с письмом из Брюсселя в Поронин пришла телеграмма из Петербурга о том, что в столице начались мощные забастовки, стычки с полицией, а в Баку — баррикадные бои рабочих с солдатами. По совету Ленина Петровский срочно выехал в Петербург. А затем оттуда уже отправился в Москву, Тулу, Харьков и Екатеринослав.

Весть о начале войны застала Григория Ивановича на подпольном собрании партийных активистов в Екатеринославе, где он делал доклад. Из Петербурга ему сообщили телеграммой, что созывается экстренное заседание Государственной думы. Надо было спешить назад, в Питер.

Собрание успело все же до отъезда Петровского обсудить вопрос об отношении екатеринославских большевиков к начавшейся империалистической войне. В принятой общим голосованием резолюции высказывалось отрицательное отношение к войне и большевистским депутатам думы предлагалось выступить против военных кредитов правительству. Вместо шовинистического лозунга об «обороне отечества», который не сходил со страниц правых газет, собрание призвало бороться всеми силами против войны.

К началу войны подготовительная работа по созыву партийного съезда и участию в Международном социалистическом конгрессе, которую Ленин и ЦК партии поручили Петровскому и другим депутатам-большевикам, была во многом завершена. Было выбрано уже более половины делегатов на предстоящий съезд, составлены наказы им, стали поступать по условным адресам мандаты делегатов; были подготовлены все подпольные явки, паспорта, собраны средства на расходы по съезду и т. д. Не было сомнений, что съезд

откроется в намеченный срок и что участие большевиков в Международном социалистическом конгрессе будет обеспечено.

Но все изменила война. Установившийся в стране жестокий режим, беспощадные репрессии не дали возможности созвать партийный съезд. Международный конгресс тоже в условиях войны собраться не мог.

Последовавшие за объявлением войны события нанесли революционному движению тяжелый удар.

Реакция поспешила в полной мере воспользоваться таким сильным оружием, как режим чрезвычайного военного положения. Злобным духом шовинизма был пропитан, казалось, даже сам воздух в России. При полной поддержке Государственной думы (кроме большевистской фракции) правительство бросилось прежде всего душить партийные кадры, рабочие организации, всю рабочую печать.

К счастью, Петровский успел своевременно скрыть все документы, относящиеся к созыву съезда-партии, и они не попали в руки царской охранки. Как только была объявлена война, М. С. Ольминский и А. Е. Бадаев по его поручению тайно перевезли партийные документы в Финляндию, передав их на хранение надежным финским социал-демократам. Редакция газеты «Правда» была разгромлена 8 июля, и все ее сотрудники арестованы.

В Петербурге и других городах шли массовые аресты. Тюрьмы за каких-нибудь две недели были переполнены. А на улицах обеих столиц почти ежедневно происходили патриотические шествия и манифестации с портретами царя, трехцветными флагами и пением гимна «Боже, царя храни». Толпы обывателей и мелких хозяйчиков, смешанные с черносотенцами и явными бандитами, подбадриваемые полицией, осененные крестом, врывались в квартиры и чинили разбой, издевательства над теми, кто не обнаруживал «истинно патриотических чувств». Людей избивали на улицах, в конках, в магазинах. В Петрограде одна такая дикая орда устроила погром германского посольства, а в Москве и некоторых других городах бандиты нападали на торговые и промышленные предприятия, принадлежавшие немцам.

Было несколько мужественных попыток рабочих выступить против воинственного угара, но всякий раз эти выступления наталкивались на разъяренную уличную толпу «патриотов», которая с криками «Предатели, изменники!» бросалась при поддержке полиции на рабочих, избивала их и помогала городовым доставить в участок.

Либеральные и черносотенные газеты что было мочи

подливали масло в огонь. Ежедневно они помещали на видных местах патриотические заявления лидеров всех фракций Государственной думы. Только фракция большевиков отказывалась давать верноподданнические, славословящие войну заявления. Газеты пестрили призывами к народу русскому постоять за родную землю, за веру, за царя.

В эти дни испытаний для всего рабочего движения Петербургский комитет большевистской партии показал свою революционную, классовую зрелость и мужество. Выпущенная им сразу после объявления войны прокламация отражала истинно пролетарскую антивоенную позицию. «Кровавый призрак веет над Европой. «Долой войну! Война — войне!» — должно катиться мощно по градам и весям широкой Руси. Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границ… «Нет, мы не хотим войны! — должны заявить вы. — Мы хотим свободы России!» Вот должен быть ваш клич…»

Прокламация эта помогла некоторому протрезвлению голов многих рабочих, поддавшихся в первое время военному психозу.

Все партии — либералы, кадеты, трудовики и даже меньшевики — настороженно ждали, какую позицию займет на созываемой чрезвычайной сессии Государственной думы фракция большевиков: будет ли она, как другие, поддерживать военные кредиты или же будет голосовать против них.

Вот как описывал сам Григорий Иванович Петровский обстановку в эти дни в думе и трудное положение, в котором находились депутаты-большевики:

«При частых встречах в думе с депутатами-кадетами и трудовиками нас спрашивали: «Неужели вы будете во время войны проводить революционную работу? Как это можно? Питерский комитет издал пораженческую прокламацию. Это, верно, охранка написала, чтобы легче с вами расправиться, или немецкие агенты».

Наше положение было не из легких, когда нас ставили сразу под подозрение и заносили в число агентов немецкого империализма. При оценке тогдашнего положения мы были немного наивными, ибо считали, что социал-демократы других стран ведут революционную работу, как и мы. Нам еще не была известна позиция социал-демократов, в частности немецких, которые голосовали за войну».

Для выработки общей декларации об отношении к войне было проведено по инициативе большевиков несколько совместных совещаний трех левых фракций думы. На совещаниях шли горячие споры, главным образом между большевиками и меньшевиками, так как фракция трудовиков с самого начала

устами Керенского прямо заявила, что она считает необходимым поддержать объявленную войну. Некоторые же меньшевики во главе с Чхеидзе занимали тогда еще неопределенную, колеблющуюся позицию, но склонялись к «оборончеству».

После долгих споров и поправок был выработан наконец текст декларации, под которой поставили подписи члены двух фракций — большевики и меньшевики.

Экстренное, в связи с войной, заседание думы открылось 26 июля 1914 года. На нем лидеры всех думских фракций огласили заявления, в которых выражалось отношение той или иной партии к войне. От имени фракции трудовиков с отдельной декларацией выступил Керенский. В нем после фальшиво-революционных фраз говорилось: «…Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе с другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений!»

Потом была оглашена единая декларация социал-демократических фракций (большевиков и меньшевиков).

Вот что писал по поводу этой декларации Григорий Иванович Петровский: «Подготовка совместного с меньшевиками выступления в Государственной думе очень испортила ясность нашей интернационалистической позиции. Среди нас — рабочих депутатов — не было расхождений в вопросе о поражении царского правительства. Меньшевики не только смазали наши предложения, но и дали указание Хаустову, который читал декларацию в думе, не читать слишком резких мест, внесенных нами… Потом мы поняли свою ошибку, что связались с меньшевиками для выработки общей декларации, и решили довести до сведения рабочих и партийных организаций о том, что мы целиком за поражение царского правительства и за революционные действия рабочего класса».

Когда все фракции огласили свои декларации, дума тотчас же спешно перешла к обсуждению военного бюджета. И тут большевики показали истинный образец мужества и своего интернационального пролетарского долга. Все пятеро депутатов, возглавляемые Петровским, встали во время голосования и демонстративно покинули зал заседания в знак протеста против военных кредитов.

Реакционная дума встретила уход большевистских депутатов бешеным криком, руганью, свистом. А Владимир Ильич, узнав об этом, дал поведению рабочих депутатов высокую оценку.

Оглашение декларации в думе и протест большевиков против кредитов на войну стали как бы исходной точкой для всей

антивоенной подпольной работы местных партийных организаций в массах. Работа эта в условиях чрезвычайного положения в стране была очень трудна. Трудности усугублялись еще и тем, что связь с заграничным партийным центром — ЦК и Лениным была нарушена войной и перекрытием границ. ЦК партии подвергся гонению со стороны австрийских властей, а Владимир Ильич Ленин был даже посажен в тюрьму (к счастью, ненадолго). Связь с ЦК, и то лишь в какой-то мере, удалось восстановить только через два месяца.

Поскольку «Правда» была уже разгромлена, сложно было организовать печатание антивоенных прокламаций. С превеликими трудностями подпольному Петербургскому комитету и думской фракции большевиков удалось наконец наладить тайную типографию, где была оттиснута и затем распространена по заводам листовка с призывом «Война — войне!». Прокламация всполошила всю царскую охранку в Петербурге.

Нелегальная партийная работа с большой осторожностью велась и в других промышленных городах. Понемногу с местными организациями налаживалась связь. Назначались места явок, новые пароли; конечно, никаких митингов или больших собраний устраивать было невозможно. Полиция смотрела за этим, что называется, в десять пар глаз.

Фракция большевистских депутатов во главе с Петровским, став перед лицом свершившегося — войной, потеряв связи с ЦК партии и Лениным, заняла твердую антивоенную позицию в соответствии с решением Международного социалистического конгресса, состоявшегося в 1912 году в Базеле. Этот конгресс во время назревшего тогда балканского кризиса обратился к пролетариату всех стран с манифестом против войны.

Теперь же, на другой день после объявления войны, лидеры II Интернационала совершили беспримерное в истории предательство рабочего класса, пошли на поводу у своих правительств, превратившись в орудие помощи национальной буржуазии, в результате чего появилась так называемая позиция «оборончества».

Став на путь измены мировому пролетариату, лидеры II Интернационала повелели своим парламентским фракциям голосовать за военные бюджеты, стали входить в состав своих буржуазных правительств. На этот путь они попытались подтолкнуть и русских социал-демократов, поручив выполнить миссию предательства председателю II Интернационала бельгийскому социал-шовинисту Эмилю Вандервельде. Тот, в свою очередь, послал русским социал-демократическим

фракциям в думе — большевикам и меньшевикам — телеграфное обращение такого характера, что даже военная царская цензура пропустила его. Вандервельде призывал русский революционный пролетариат «стать на общую точку зрения социалистической демократии в Европе», то есть Поддержать военные усилия царского правительства.

«Эмиль Вандервельде, делегат Бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро, а со дня объявления войны — министр». Так и подписал, не постеснялся!

Казалось бы, что ответ русских социал-демократических фракций на такую телеграмму может быть только один — резко отрицательный, разоблачающий провокационную, предательскую сущность этого предложения. Тем более что совсем недавно, 26 июля, меньшевики и большевики огласили в думе совместную декларацию против войны. Но теперь меньшевики, немного поколебавшись, также ступили на путь предательства пролетарской солидарности. Они провозгласили позицию «оборончества», обещав в своем ответе Вандервельде не противодействовать войне, что означало ее поддержку.

Большевистская фракция по инициативе Петровского дала совершенно иной ответ.

«…Русский пролетариат, — писали депутаты-большевики, — не может ни при каких условиях идти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы временных, перемирий, не может оказывать ему никакой поддержки… Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу, стоя на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание в массовом политическом движении русского рабочего класса за последние два года».

На том же заседании большевистской думской фракции, когда составлялся ответ на телеграмму Вандервельде, было решено провести намечавшуюся еще раньше конференцию членов фракции с представителями некоторых крупных партийных организаций, которые были выбраны на эту конференцию во время последнего объезда рабочими депутатами страны. На конференции предполагалось обсудить практические методы по восстановлению и укреплению нелегальных организаций, оживить их работу, скованную военным режимом, подумать, как лучше наладить связи партийных организаций с фракцией, как организовать политическую агитацию в действующей армии, как развернуть сеть подпольных типографий и другие вопросы партийной работы.

На конференции предстояло особо обсудить тезисы Ленина о войне, а также манифест ЦК партии, разоблачающий истинный смысл империалистической войны, измену вождей II Интернационала.

Накануне конференции к Петровскому на квартиру пришла женщина-латышка, член партии. Она передала Григорию Ивановичу письмо из Стокгольма от Шляпникова и пару ботинок, предложив сорвать набойки с каблуков. Петровский сбил набойки и вытащил из проделанных в каблуках лунок два экземпляра газеты «Социал-демократ» № 33. В газете была напечатана ленинская статья «Война и российская социал-демократия». Петровский тотчас собрал членов большевистской фракции и прочел им эту статью, подписанную ЦК партии. Фракция большевиков с удовлетворением убедилась, что ее антивоенная линия в основных положениях не расходилась с ленинской. Потом Петровский передал газету в Питерский комитет большевиков для ознакомления.

Подготовку к конференции члены большевистской фракции вели с соблюдением строжайшей конспирации. Делегатам сообщили адреса явок и пароли. Чтобы предотвратить любые случайности, было условлено, что до начала совещания делегаты из губерний не станут встречаться с членами фракции.

Намеченную сперва квартиру для сбора заменили другой. Решили провести конференцию в ноябре, за городом, в местечке Озерки по Выборгскому шоссе, в доме заводского конторщика Гаврилова, считавшегося надежным товарищем.

Широкой конференции, как это было задумано, не получилось: большинство представителей местных организаций были арестованы по дороге в Петроград или же просто не смогли приехать. Из двадцати двух делегатов прибыло только шестеро. Тогда порешили устроить не конференцию, а просто совещание. Пробирались в Озерки с большими предосторожностями, но охранка, видимо, уже знала о совещании заранее.

В небольшой квартире собрались все члены фракции, представители местных партийных организаций: М. Воронин (от Иваново-Вознесенска), В. Н. Яковлев (от Харькова), Линде (от Риги) и двое от Петроградской организации — Н. Антипов, член исполнительной комиссии ПК, И. Козлов, путиловский рабочий, член правления страховой кассы. Приглашенный на совещание Каменев, живший тогда в Финляндии, сообщил, что из конспиративных соображений он приедет через день.

Совещание началось 2 ноября 1914 года. Делегаты рассказывали о положении на местах — в губерниях, о работе организаций, настроении рабочих и их отношении к войне.

Выяснилось, что повсюду партийные силы и даже легальные профессиональные союзы понесли тяжелые потери от арестов, но все же некоторая работа велась: надежды на укрепление подпольных комитетов и активизацию их деятельности все делегаты связывали с сохранением думской большевистской фракции, которая в это лютое время была единственным центром, связывающим все партийные организации в России.

На второй день обсуждался главный вопрос — о военной платформе партии. Тезисы Ленина были поддержаны единогласно. Предстояло теперь размножить их и разослать во все губернии, где еще сохранились партийные организации, с тем чтобы широко развернуть антивоенную агитацию. Об этом шла речь на третий день — 4 ноября. Неожиданно, часов около пяти вечера, в дверь раздался сильный стук. Под ударами винтовочных прикладов дверь сорвалась с петель и рухнула. В комнату ввалилось больше десятка полицейских и жандармов. Офицер с револьвером в руке скомандовал: «Руки вверх!»

— По какому праву? — спросил, выходя вперед, Петровский. Он старался выглядеть невозмутимым. — Я и эти мои товарищи — члены Государственной думы, и вы, я надеюсь, знаете закон о неприкосновенности депутатов… Вот мой мандат…

Офицер взял в свободную руку удостоверение на имя депутата думы Петровского, повертел его так и эдак, вернул Григорию Ивановичу и с любопытством оглядел невысокую фигуру Петровского. По-видимому, депутатский мандат Петровского возбудил в офицере почтение, и он стал вежливее.

— Прошу прощения, господа, — жандармский ротмистр небрежно кинул руку к козырьку фуражки, — у меня имеется ордер на арест, — он показал бумажку с подписью начальника Петроградского жандармского управления.

Пока Петровский говорил с офицером, полицейские успели уже вывернуть все карманы у Бадаева, Шагова, Самойлова и других товарищей. Муранов и Петровский категорически заявили, что не позволят себя обыскивать, и несколько раз отразили попытки жандармов ощупать у них карманы. К протестам Петровского и Муранова присоединились другие депутаты. Неуверенный в том, имеет ли право он арестовать и обыскать членов Государственной думы, ротмистр несколько раз убегал из дома — пытался дозвониться до своего начальства и получить разъяснение. Меж тем, пользуясь замешательством среди полицейских, участники совещания тайком пытались уничтожить компрометирующие документы — адреса явок, протокол совещания, записи в личных блокнотах. Но все материалы уничтожить не успели. Возвратившийся с улицы ротмистр

сообщил, что скоро сюда прибудет его начальство и депутаты смогут объясниться с ним лично, а пока он обязан держать арестованных под охраной. Офицер приставил к ним жандармов и запретил всем переговариваться. К вечеру примчался жандармский генерал. Узнав, что еще не все обысканы, он выругался и приказал обыскать Петровского и Муранова силой. Полицейские накинулись на них, выворачивая руки и шаря по карманам. Протесты не достигали ушей генерала, молча и хмуро наблюдавшего эту сцену.

Но как заиграло улыбкой лицо высокого чина, когда из кармана Петровского вынули газету «Социал-демократ» с ленинской статьей. Обнаружили еще кое-какие документы. Некоторых участников совещания и хозяйку квартиры Гаврилову (самого хозяина не было) отправили под конвоем в тюрьму, а депутатов думы отпустили, вернув каждому отобранные личные вещи и депутатские билеты.

Уже светало, когда Петровский и его товарищи покинули злополучный дом. Едва они прошли сотню шагов, как натолкнулись на полицейских, патрулирующих по улице. В боковых переулках также видны были размазанные утренними сумерками силуэты городовых. Перед депутатами прошмыгнул и быстро пошел вперед, в ту сторону, куда шли они, человек в штатском. Потом они заметили таких же молчаливых субъектов позади. Шпики сопровождали их до самого города совершенно открыто. Каждого из депутатов они «любезно» проводили до дверей квартиры. Ясно было, что депутатской «неприкосновенности» положен конец. По-видимому, правительство уже приняло относительно них какое-то решение.

С наступлением утра депутаты собрались вместе, чтобы обсудить, как быть дальше. Решили, во-первых, известить о случившемся все подпольные партийные комитеты; во-вторых, потребовать сегодня же, то есть 5 ноября, от председателя думы Родзянко принять меры против произвола полиции, нарушения ею закона о депутатской неприкосновенности. С этим требованием Петровский как председатель большевистской фракции и отправился к Родзянко. Он вручил тому заявление, подписанное пятью членами фракции. Депутаты-большевики во время перерыва между заседаниями рассказали в кулуарах думы депутатам левых фракций о наглом налете полиции. Некоторые выражали им сочувствие, обещали сказать об этом безобразии с думской трибуны, заявить протест правительству и т. п. Но, конечно, большевики не могли ожидать поддержки от черносотенной думы, которая не простила им ни одного антиправительственного выступления, а тем более голосования

против военного бюджета.

В этот день ни Петровскому, ни другим депутатам-большевикам не удалось оповестить о случившемся партийные организации и профсоюзы Петрограда. Наутро они уже были в руках полиции: всех пятерых депутатов взяли прямо из квартир.

Так, насильственно, правительство 5 ноября 1914 года пресекло деятельность рабочих депутатов — Г. И. Петровского, А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова. Большевистская фракция в думе прекратила свое существование.

Их рассадили по одиночным камерам в доме предварительного заключения на Шпалерной улице.

Ленин, узнав об аресте депутатов-большевиков, был очень встревожен. «Ужасная вещь, — писал он Шляпникову в Стокгольм. — Правительство решило, видимо, мстить РСДР Фракции и не остановится ни перед чем. Надо ждать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасывания «улик», лжесвидетельства, суда с закрытыми дверями и т. д. а т. д.…

Во всяком случае работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии».

После заключения депутатов-большевиков в тюрьму правительство какое-то время хранило молчание. Зато реакционные газеты подняли вой, призывая к расправе с рабочими депутатами, изменившими якобы отечеству, предавшими родину и народ русский. Черносотенные журналисты пытались создать так называемое «общественное мнение». А наиболее кровожадные из них открыто требовали для рабочих депутатов виселицы.

Либеральная буржуазная пресса же «благоразумно» отмалчивалась, как будто вообще ничего такого особенного не произошло. В самой думе депутаты различных партий толковали между собой не о том, чтобы защитить как-то престиж думы и права ее членов от произвола властей, а лишь о том, как бы арест рабочих депутатов не вызвал новых волнений на заводах и фабриках.

Полиция, жандармерия и охранка начали массовые аресты в рабочих организациях.

А Николай II, демонстрируя «единение царя с народом», в сопровождении огромной свиты сановников, попов и, понятно,

тайной полиции разъезжал в эти дни по петроградским заводам и фабрикам, произнося речи и похваляясь демократическим обращением с рабочим людом.

Но понемногу тревожная весть об аресте депутатов стала проникать в среду рабочих. Однако выступить открыто в их защиту даже закаленные питерские пролетарии не могли. Свирепый военно-политический режим, массовые аресты, патриотический угар среди населения столицы — все это сильно давало себя знать, сковывало по рукам и ногам.

Официальное сообщение об аресте депутатов появилось в газетах только 9 ноября. Им предъявлялось обвинение в «измене отечеству». Эта клевета была встречена разными слоями населения по-разному. Захваченные шовинистическим военным психозом обыватели и отсталые рабочие ругали на чем свет окаянных «германских шпионов» — большевиков и выражали свои верноподданнические чувства царю. Среди же сознательных рабочих вся эта бездарная комедия вызвала чувство горечи и возмущения. Реакционная печать и черносотенцы в думе подняли восторженный вой, хваля твердую государеву руку, которая покарает предателей.

Наконец и трусливые либеральные газеты подали голос. Они похваливали фракцию трудовиков во главе с Керенским и фракцию меньшевиков во главе с Чхеидзе, ставя им в заслугу, что они, эти фракции, презрели свои политические цели во имя родины и голосовали вместе со всей думой за «оборону дорогого каждому русскому отечества», то есть за кредиты на войну.

Уцелевшие от репрессий члены большевистского Петербургского комитета выпустили 11 ноября отпечатанную на гектографе (типография уже была разгромлена) прокламацию с призывом к рабочим ответить на подлый арест их депутатов кратковременной забастовкой.

Листовки, протестующие против полицейской расправы над членами большевистской фракции, появились и в других городах.

На призыв Питерского комитета рабочие нескольких заводов столицы откликнулись однодневными забастовками и митингами. Волнения пролетариата были и в других промышленных городах. Власти сразу же применили к «смутьянам» меры военного наказания: много рабочих, имевших отсрочку по мобилизации как запасники и «ратники», были сняты с льготного учета и отправлены на фронт.

На допрос арестованных депутатов привезли всех вместе, поэтому им удалось переговорить друг с другом и условиться, как

держаться на следствии. В один голос они утверждали, что на квартиру Гавриловой собрались, чтобы обсудить некоторые свои депутатские дела — о помощи страховым рабочим кассам, об издании рабочей газеты; что отношение свое к войне они высказали открыто еще раньше, 26 июля, в думе в декларации социал-демократических фракций и т. д.

Муранов вообще отказался что-либо говорить следователю.

Арестованные держались достойно, без тени страха перед жестокими законами военного времени. Лишь один Каменев еще на следствии начал открещиваться от политической линии ЦК партии против империалистической войны. Каменев показал следователю, что он явился на совещание только потому, что был как журналист заинтересован в воссоздании рабочей газеты, в которой сотрудничал раньше, но что касается отобранных у депутатов материалов политического характера, то он, Каменев, не может быть ответственным за них, поскольку их содержание противоречит его политическим убеждениям и взглядам на войну.

Правительство торопило следствие, с тем чтобы поскорее передать дело в военный суд и там за закрытыми дверями покончить раз и навсегда с рабочими депутатами.

Тем временем шовинистический угар в народе постепенно проходил; люди, оглядевшись, стали трезвее смотреть на вещи, с неодобрением поговаривать о войне. Обстановка в России для смертной расправы с депутатами-рабочими складывалась не очень-то подходящая. Русская армия терпела поражения одно за другим, несла большие потери. Эшелоны, набитые ранеными, тянулись в глубь страны нарастающим потоком. Стало плохо с продовольственным снабжением в городах, кряхтели от больших военных поставок крестьяне. Среди населения росло недовольство положением на фронте и внутри страны. А на передовых позициях роптали усталые солдаты, истосковавшиеся по семьям и родному дому. Настроения эти не внушали оптимизма генералам в ставке главного командования.

В кругах либеральной буржуазии началось замешательство. Стали раздаваться голоса с призывом как-нибудь потихоньку, без шума, спустить «депутатское дело» на тормозах, дабы не разжигать страстей среди рабочих и не давать пищи для нежелательных, опасных толков в армии. Родзянко даже отважился направить председателю Совета министров Горемыкину протест против нарушения депутатской неприкосновенности. И это спустя месяц после ареста рабочих депутатов! Кстати, в «протесте» о самом аресте депутатов не было на слова. Ясно, что эта инсценировка понадобилась думе лишь

для того, чтобы пустить народу в глаза демократическую пыль, создать видимость недовольства действиями полиции.

Допросы депутатов-большевиков шли своей чередой. Следователь Петроградского окружного суда по важнейшим делам Машкевич тщетно старался выискать такие формальные доказательства, которые бы подтвердили обвинения депутатов в измене родине, как было официально заявлено в правительственном сообщении. Такое обвинение грозило в военное время смертной казнью.

Однако ни добытые при обыске депутатов большевистские газеты и листовки, ни письма рабочих к депутатам, ни личные дневники Петровского и блокнот Муранова, ни показания самих арестованных, отрицавших обвинение в измене родине, — ничто не давало в руки следствия материала, нужного для обоснования смертного приговора.

Голоса протеста против расправы с лучшими представителями российского пролетариата раздавались в стране все чаще и все громче. Петербургский комитет большевиков успел в дни следствия выпустить несколько прокламаций, призывающих рабочих своей сплоченностью и единством показать правительству, что никакие каторжные приговоры не смогут сломить революционное движение в России, не запугают авангард рабочего класса.

Царь не решился казнить рабочих депутатов. По его высочайшему повелению материалы следствия были переданы не в военный суд, как замышлялось, а в суд по гражданским делам. По Петрограду пронеслась невероятная весть: против военного суда над депутатами выступил не кто иной, как его императорское высочество, великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II. Сперва никто не хотел верить этому слуху, но вскоре он подтвердился. Как потом выяснилось, великий князь мотивировал свое мнение тем, что казнь депутатов может повлечь волнения не только на заводах, в тылу, но и в армии. «Я не могу поручиться за спокойствие в войсках», — якобы сказал он царю.

Таким образом, силой многих сложившихся в их пользу обстоятельств депутаты были спасены от смертной казни. Следственные материалы передали в особое присутствие Петроградской судебной палаты. После этого арестованным дали возможность посмотреть, прочесть пухлые папки составленного на них судебного «дела». Это было очень кстати, поскольку позволило им еще раз поговорить друг с другом (в тюрьме их держали в одиночных камерах).

Ф. Н. Самойлов писал в своих воспоминаниях: «Во время самого ознакомления с делом мы кое о чем сговорились по части

нашего поведения на суде. Так, мы ознакомились с проектом речи Петровского на суде и одобрили его. Причем было решено, что Петровский эту речь прочтет от имени нашей фракции как ее председатель, а остальные депутаты, присоединяясь к Петровскому, добавят каждый от себя, что будет нужно».

Суд над думской большевистской фракцией начался 10 февраля 1915 года. В этот день на многих заводах и фабриках была прекращена работа и объявлена однодневная забастовка.

На процесс были допущены, кроме государственных лиц, лишь жены и родственники подсудимых.

Когда закончилась процедура опроса и проверки подсудимых и свидетелей и после того, как суд отклонил ходатайство защитника подсудимого Каменева о вызове дополнительного свидетеля — Н. И. Иорданского[1], чтобы тот подтвердил отрицательное отношение Каменева к антивоенной позиции большевиков, суд приступил к оглашению обвинительного акта. В нем говорилось о большой и разносторонней партийно-революционной работе депутатов-большевиков, за что в соответствии со статьей 102 первой части уголовного уложения обвиняемым полагалось до восьми лет каторжных работ. На вопрос председателя, признают ли они себя виновными, Петровский и остальные ответили, что виновными считать себя не могут.

После опроса присяжными обвиняемых слово для объяснения взял Григорий Иванович Петровский как председатель фракции большевиков.

Подсудимые сидели отдельно от публики, за перегородкой, под охраной стражников. На депутатах были арестантские рубахи и штаны.

Пятеро депутатов выглядели спокойными, только бледность щек и темные круги под глазами говорили о большом душевном напряжении и тюремной бессоннице. Петровский, казалось, был свежее, бодрее своих товарищей. Присущее ему, несмотря на горячность натуры, умение брать себя крепко в руки в трудные минуты сохранилось и на суде. Он долго с некоторым беспокойством оглядывал набитый зал, пока не нашел среди множества чужих лиц родное лицо жены. Домна, или Доминика Федотовна, как называли ее многие товарищи Григория Ивановича, сидела в темном платье в кресле неподалеку от скамей для подсудимых. В глазах ее Григорий Иванович приметил волнение, страх, который она пыталась тщетно подавить. Он улыбнулся ей ласково, чуть кивнул головой.

Когда ему дали слово для объяснения и он стал говорить, то больше уже не глядел в ее сторону, а нашел опять ее лицо уже

потом, когда сел на место. На бледном лице жены на этот раз он заметил блестящие бороздки слез.

— Господа судьи! — говорил Петровский. — Так как здесь судят фракцию, то я должен сказать несколько слов о ней. Когда нас выбирали рабочие и уполномоченные, то мы пришли в думу под флагом социал-демократии. Когда мы вошли в думу, мы образовали Российскую социал-демократическую фракцию, примыкающую к большевистскому течению в партии…

Петровский рассказывал о деятельности фракции, о том, что она отражала настроения рабочих масс; что фракция помогала рабочим газетам, профсоюзам и культурно-просветительным организациям пролетариата; что фракция примыкала к газете «Правда». Говоря о совещании в Озерках, на квартире Гавриловой, Петровский заявил, что оно было созвано, чтобы узнать от приезжих товарищей о настроениях в рабочей среде — необходимое условие успешной деятельности всякого рабочего депутата в думе. Он сказал, что участников совещания не известили заранее о том, какие вопросы будут обсуждаться; что Каменев действительно был приглашен в связи с предполагаемым изданием новой рабочей газеты; что на совещании намечалось обсудить вопросы об отношении к автономии Польши, о помощи семьям рабочих, ушедших на войну; в конце совещания предстояло обсудить вместе с представителями рабочих из губерний резолюцию из семи пунктов (тезисы Ленина о войне) как мнение ЦК партии большевиков, который руководит рабочим классом, а также думской большевистской фракцией; этого совещание не успело обсудить, так как в квартиру ворвалась полиция.

После Григория Ивановича выступили остальные обвиняемые депутаты, которые присоединились к заявлению Петровского. Только один Каменев опять заявил о своем несогласии с решением ЦК РСДРП об отношении к войне.

Депутатов защищали опытные адвокаты. Эти защитники старались показать большое общественное значение и вместе с тем всю несостоятельность судебного процесса, являющегося, по существу, произволом властей, возможным лишь в России, где демократические свободы и неприкосновенность депутатов парламента (думы) — фикция, обман избирателей.

Прокурор, настаивая на чудовищно абсурдном обвинении рабочих депутатов в «измене родине», демагогически говорил:

— …Мы имеем дело с очень сплоченным сообществом — Российской социал-демократической фракцией… В такой момент, когда государство напрягло все свои силы на борьбу с внешним врагом, когда на границе государства неудержимым потоком

льется кровь сынов отечества, подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей партийной программы и через головы тех, кто своей кровью защищает пределы отечества, протягивали свою руку врагам родины. Эти люди хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину, внести в ее ряды разрушение и дезорганизацию…

Последнее слово Григория Ивановича Петровского, как всегда, было страстным и смелым.

— Рабочие послали нас в думу под знаменем социал-демократов. Когда мы увидели, какая большая ответственность возлагается на нас, как представителей рабочих в думе, и как мало мы подготовлены к этой ответственной работе, мы начали пополнять свои знания изучением всех необходимых нам вопросов. Как представители рабочих, мы не могли не принять участия в жизни рабочих масс и работали в этом направлении как только могли…

Я считаю, что нас обвиняют не потому, что мы действительно в чем-либо виноваты, а потому, что мы всегда резко нападали на несправедливость…

Я знаю, нас судят за то, что мы призвали народ к борьбе за свое освобождение, за свободу, против грабительской кровавой войны, за превращение империалистической войны в гражданскую, за свержение ненавистного помещичье-капиталистического строя, который порождает империалистические войны…

Нас судят за стойкую защиту прав народа. Мы глубоко верим в наш народ и надеемся, что он нас освободит!

Трусливую речь произнес на суде Каменев. Он не должен был выступать, но малодушие толкнуло его испросить у суда слова в свое оправдание. Петровский по этому поводу писал: «…На суде особенно позорно вел себя Каменев (Розенфельд) — этот заядлый враг, предавший партию и интересы революции. Нарушив наше решение о том, что, кроме меня, никто из подсудимых не будет выступать, он на суде отказался от всех принципов большевизма, скатился на позицию меньшевиков-оборонцев, доказывая свою солидарность с социал-шовинистом Иорданским. Ленин заклеймил предательство Каменева на суде…»

На четвертый день процесса суд огласил приговор. Царские судьи не смогли подвести рабочих депутатов под виселицу или каторгу. Депутаты Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов, Бадаев, а также Каменев, Яковлев, Воронин и Линде были лишены всех прав и состояния и приговорены к пожизненному поселению в далекие края Сибири…

Осужденных после оглашения приговора отвели в тюрьму. С

наступлением весны им предстоял длинный, изнурительный путь по дорогам Сибири в суровый Туруханский край.

Суд над большевистской думской фракцией оказал большое революционизирующее воздействие на широкие массы рабочего класса.

Владимир Ильич Ленин писал, что этот суд впервые дал открытый, в миллионном количестве экземпляров распространенный по России объективный материал в важнейшем, основном, актуальнейшем вопросе — об отношении к войне разных классов российского общества; суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму вообще, но и, в частности, разделяют как раз позицию большевистского печатного органа — газеты «Правда».

Владимир Ильич очень высоко оценил мужественное поведение депутатов-большевиков на суде. «Все сознательные рабочие Россия, — писал Ленин в те дни, — стоят на стороне Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе (Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова), которые сосланы царизмом в Сибирь за революционную пропаганду против войны и против правительства. Только в такой революционной пропаганде и революционной деятельности, ведущей к возмущению масс, лежит спасение человечества от ужасов современной войны и грядущих войн».

В другой своей статье Ленин опять возвращается к той же мысли, называя славные имена бойцов партии:

«Уже месяцы вожди рабочего класса России томятся в Сибири, но дело их не разрушено, их работа в том же направлении продолжается сознательными рабочими всей России».

Свердлов восхищался Петровским и осуждал малодушие Каменева на суде. В письме к Л. Н. Дилевской Свердлов писал, имея в виду Каменева: «…Надо было совершенно отбросить мысль получить минимальный приговор. Но что за хороший тип Петровский! Прелесть! Удивительная чистота, искренность, преданность своему долгу, делу. Именно таким он и остался у меня в памяти по личным впечатлениям. И рос он прямо-таки на глазах. Письма его обнаруживали этот рост. За него не страшно. Он удержится на высоте…»

В арестантском вагоне, под охраной ссыльных привезли в Красноярск. Здесь в пересыльной тюрьме они ожидали отправки дальше, к месту пожизненного поселения — в село Монастырское Туруханского края. До него было от Красноярска более полутора тысяч верст по единственной дороге, связывающей этот край с миром, — реке Енисею. Ссыльных посадили вместе с охраной на дряхлый колесный пароходишко, и он, лениво шлепая по воде плицами, повез их и далекое изгнание.

Село Монастырское (ныне Туруханск) было административным центром Туруханского края. В нем насчитывалось сорок-пятьдесят домов. В селе было две лавчонки, школа, больница, церковь, полицейское управление с приставом во главе, мировой судья и каторжный острог с несколькими десятками стражников. А окрест, куда ни глянь, — тайга, тайга и тайга. Место на редкость глухое.

Когда пароходик с ссыльными, дошлепав до Монастырского, толкнулся бортом о пристань, ссыльные депутаты с радостным изумлением увидели, как к ним на лодке, махая рукой, ехал не кто иной, как Яков Михайлович Свердлов, их давний знакомый, прекрасный товарищ, член ЦК партии. Уже на берегу после крепких объятий и троекратных поцелуев Петровский с удивлением сказал:

— Мы знали, что вы где-то здесь, но не ожидали, что так близко от нас!

Оказалось, что Свердлов, сосланный в эти края еще раньше, узнал о дне прибытия в Монастырское питерцев и поспешил их встретить. Тут же Яков Михайлович познакомил их с другими ссыльными большевиками — Спандарьяном, Масленниковым, Сергушевым.

— Ну, — смеясь и поблескивая на солнце стеклышками пенсне, сказал приезжим Свердлов, — завершили успешно свой круг работы на пользу революции и рабочего класса, теперь, дорогие гости, пожалуйте в нашу дружную семью!

По дороге к дому, где жил Свердлов, «хозяева» затормошили «гостей» расспросами о Питере и судебном процессе, о новостях в стране и в партии, о том, что написал нового Ленин и как они перенесли утомительнейшую дорогу от Петрограда до Туруханского края, и еще о многом другом.

Вместе с депутатами-думцами прибыли и поселились здесь же Каменев, Яковлев, Воронин и Линде.

Приезд Петровского и других большевиков вызвал волнующий интерес у всех здешних ссыльных социал-демократов — они знали и следили за ходом судебного процесса по газетам. Но хотелось знать о нем и обо всем, что творилось в России

вокруг процесса, из уст самих осужденных. Ведь когтистая лапа цензуры выдирала из газетных сообщений (а ссыльные только ими и могли пользоваться) все, что казалось правительству вредным и опасным.

Поэтому Свердлов, Петровский и остальные товарищи решили устроить специальное собрание ссыльных большевиков, на котором обсудить итоги судебного процесса и дать ему свою оценку. Тем более что здесь находились в ссылке несколько членов ЦК. Были посланы письма товарищам, живущим в отдаленных от Монастырского местах, с приглашением приехать и принять участие в собрании.

Спустя несколько дней собрание состоялось на квартире Григория Ивановича Петровского. Собрание, по словам его участницы Клавдии Тимофеевны Свердловой (Новгородцевой), было необычным. В нем участвовали члены ЦК партии — Голощекин, Свердлов, Спандарьяп, Сталин, все депутаты Государственной думы — большевики, член ЦО Каменев, многие ссыльные большевики.

Доклад о процессе сделал Петровский. Большинство товарищей, выступивших на собрании, дали резкую оценку поведению Каменева…

В Монастырском депутаты прожили всего около месяца, а потом местные власти перевели часть их в Енисейск.

В Енисейске Петровский познакомился с группой ссыльных социал-демократов. Среди них были старый финн Томи Персон, Мчеладзе, польские товарищи. С их помощью Петровский организовал партийную работу, конечно подпольно. Он делал политические доклады среди ссыльных, налаживая связи и переписку с рабочими Петрограда и других городов, ссыльные проникали под разными предлогами в казармы, где жили расквартированные в Енисейске солдаты, и вели среди них антивоенную агитацию.

Ф. Н. Самойлов в скупых строчках воспоминаний так рассказывает об этих днях ссылки: «Когда наша фракция была осуждена и отправлена на вечное поселение в Сибирь — сначала в Туруханский край, а потом в Енисейск, Григорий Иванович и там продолжал выполнять свою роль нашего руководителя. Здесь наша фракция продолжала фактически существовать как определенная политическая группа и под председательством Григория Ивановича довольно регулярно собиралась на заседания. Петровский поддерживал всеми силами связи как со ссылкой, так и с «волей» и выступал с докладами на нелегальных собраниях политических ссыльных на разные волновавшие тогда темы…»

Жандармы разузнали о тайных собраниях ссыльных и об антивоенной агитации Петровского среди солдат и тотчас же посадили его в тюрьму. А начальник Енисейского губернского жандармского управления написал в Петроград, в департамент полиции, и просил разрешить перевести Петровского в еще более глухую Якутию «…ввиду, — как доносил жандармский начальник, — доказанной политической неблагонадежности, вредного влияния на население и деятельного участия в революционных проявлениях неблагонадежного элемента».

Согласие из Петрограда было получено, и Петровского в июле 1916 года выслали из Енисейска этапом в Среднеколымск, а остальных четверых депутатов перевели кого в Минусинск, кого в Ачинск.

Изнурительный путь по сибирским таежным дорогам, пересыльные тюрьмы надломили здоровье Петровского. В сентябре он прибыл в Якутск, откуда должен был следовать в Среднеколымск. Но врачи, осмотревшие его, дали заключение, что ссыльный Петровский из-за плохого состояния здоровья не может быть отправлен дальше. Охране пришлось оставить его в Якутске.

Емельян Ярославский помог добиться для Григория Ивановича медицинского осмотра.

В колонию ссыльных в Якутске входил и Серго Орджоникидзе, который попал в Якутию в июне 1916 года, но жил он в селе Покровском, в девяноста верстах от города, и постоянно навещал товарищей.

Так волею судьбы в Якутске образовалась крепкая группа партийцев во главе с опытными руководителями — Г. И. Петровским, Ем. Ярославским, Г. К. Орджоникидзе.

Газета «Искра» еще в 1901 году писала, что послать человека в Якутию — это все равно что закопать живого в могилу. Действительно, такую глухомань трудно было сыскать в ту пору даже в Сибири.

Жизнь ссыльных была трудная, а с началом войны стала еще хуже. Продукты стоили дорого, ничем, кроме физического труда, политическим заключенным заниматься не разрешалось. Но и такую работу найти было нелегко.

Раньше ссыльным товарищам присылали деньги партийные и рабочие организации, но с началом войны, когда эти организации в большинстве были разгромлены или закрыты, материальная помощь из России прекратилась. Приходилось добывать хлеб насущный любыми поделками собственных рук. Но руки не

всегда выручали — нередко ссыльные большевики голодали. К этому добавились изменения в административном режиме: он стал жестче — было ограничено право передвижения, усилилась слежка, участились обыски; за самовольные отлучки наказывали острогом.

Петровскому повезло — у него была заводская квалификация: он мог работать одинаково хорошо и слесарем и электриком. Его взял к себе в мастерскую один местный агроном, и Григорий Иванович работал у него, что называется, мастером на все руки.

Иногда приходили письма из Петрограда от жены, которая осталась там с двумя сыновьями-подростками и дочерью. Присылала жена и посылки. Конечно, много послать она не могла, да и не положено это было, но какую-то малость — табачок, кружок-другой колбасы или шерстяные носки — Доминика Федотовна, несмотря на протесты мужа, все-таки отправляла регулярно. Посылки, письма от жены и детей шли долго, целый месяц, а то и два.

В архиве Петровского сохранилось коротенькое письмецо, посланное им из Якутска Ф. Н. Самойлову, жившему на поселении в Минусинске. Это письмо примечательно бытовыми подробностями и той поразительной товарищеской поддержкой, которую оказывали друг другу ссыльные депутаты-большевики.

«Здравствуй, Федор Никитич! Деньги я 29 р. 85 к. получил. Муранов прислал 67 р., Бадаев 47. Лично я деньгами не воспользуюсь, так как у меня заработок есть, а кому и куда разошлю, тогда сообщу. Здесь в Якутске я с 25 ноября (работаю) в качестве слесаря, токаря, был на молотьбе за машиниста при двигателе; пришлось работать при 40–45° мороза, а обычное время в кузне… Холод, дым, пыль буквально создавали каторжные условия, но теперь немного легче…»

Привычка с юношеских лет к физическому труду, заводская смекалка и навыки сослужили Григорию Ивановичу в эту тяжелую пору жизни отличную службу, помогли сохранить бодрость духа и собранность — очень ценные качества в условиях ссылки.

Ссыльные большевики и в сибирской глухомани продолжали как могли партийную и политическую работу в народе — среди ссыльных, среди крестьянской бедноты, ремесленников и солдат.

«Политические», как их здесь называли, не раз выручали обездоленных крестьян и батраков, заступаясь за них перед властями. О них среди якутов и русских крестьян ходила добрая молва.

Они организовали кассу взаимопомощи. Но касса эта играла и другую, конспиративную роль: часто под видом собраний членов кассы устраивались совещания созданной по инициативе Петровского и Ярославского подпольной организации РСДРП.

В организации ссыльных не было единодушия по многим политическим вопросам, в особенности резко расходились мнения об отношении к войне. Большевики были за поражение царского правительства, другая часть социал-демократов стояла на позициях «оборончества»; а несколько меньшевиков поддерживали центристскую линию Троцкого, который, как известно, провозгласил демагогический, фальшивый лозунг: «Ни победы, ни поражения».

Споры по этому важнейшему вопросу не утихали; он же был предметом дискуссий в созданных революционных кружках для молодежи якутской национальности, много времени которым посвящал Григорий Иванович Петровский. Из этих кружков вышли люди, устанавливавшие впоследствии власть Советов на своей родной якутской земле.

…В годы ссылки Г. И. Петровский продолжает революционную работу сначала в Туруханском крае, затем в Якутске. В июне 1917 года возвращается в Петроград, в июле по заданию ЦК партии ведет партийную работу на Украине. 30 ноября 1917 года назначается народным комиссаром внутренних дел РСФСР. В марте 1919 года на III Всеукраинском съезде Советов избран председателем Всеукраинского ЦИК. В 1920 году на IX съезде партии входит в состав ЦК. В последние годы жизни работал в Музее Революции в Москве, подготавливал воспоминания о В. И. Ленине.

Умер 9 января 1958 года.

Ф. Бега, В. Александров. Петровский.

М., «Молодая гвардия», 1963.

Михаил Иванович Калинин

Родился 7(19) ноября 1875 года в деревне Верхняя Троица Тверской губернии в семье крестьянина. В 1893 году переезжает в Петербург и становится рабочим на заводе «Старый Арсенал», потом на Путиловском. С 1898 года — активный участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Неоднократно арестовывался и ссылался. С 1902 года — агент «Искры». В 1905 году ведет боевую революционную деятельность среди рабочих Петербурга, один из первых организаторов профессиональных союзов. После поражения первой русской революции работает на заводах, продолжает партийно-организаторскую деятельность, вновь подвергается полицейским преследованиям. Перед Февральской революцией ведет нелегальную работу в Петрограде. С марта 1917 года — член редакции газеты «Правда», один из руководителей Петербургского комитета РСДРП(б) в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания…

В грохоте сражений изголодавшаяся, задолжавшая «союзникам» почти восемь миллиардов рублей Россия вступила в 1917 год.

Недовольство политикой царизма охватило все слои русского общества. Еще в 1916 году дума начала вынашивать планы создания ответственного министерства, то есть министерства, отвечающего лишь перед думой. Но Николай II не пошел навстречу своим верноподданным.

Главари финансово-промышленной буржуазии — Гучков, Львов, генералы Крымов, Брусилов и другие — разработали план захвата Николая II в поезде во время одной из его поездок на фронт. Они хотели заставить его отречься от престола в пользу сына Алексея. Путем смены царя буржуазные политиканы надеялись предотвратить революцию.

Царь между тем вынашивал планы роспуска Государственной

думы и заключения сепаратного мира с Германией. По его мнению, именно это помогло бы борьбе с революцией. Однако планы царя противоречили интересам буржуазии, лишавшейся в таком случае прибылей. И уж, разумеется, против таких намерений царя была Антанта. В английском посольстве открыто в присутствии посла Джорджа Бьюкенена собирались заговорщики для обсуждения плана дворцового переворота.

Пока царь с одной стороны, а буржуазия — с другой строили разные планы, партия большевиков, трудящиеся действовали по-своему.

Забастовки, крестьянские волнения охватили всю страну. Целые полки на фронте отказывались выполнять приказы командования. Восстания вспыхнули на порабощенных царизмом национальных окраинах России.

Напряжение нарастало с каждым днем.

Двадцать третьего февраля по призыву Петербургского комитета большевиков рабочие вышли на улицы. Суровой мощной колонной двигались к центру Питера путиловцы, орудийщики, айвазовцы… Калинин узнавал знакомых, видел взволнованные лица, слышал звенящие голоса. Он чувствовал приближение освежающей грозы.

На другой день в Петрограде забастовало двести тысяч человек. Митинги и демонстрации шли беспрерывно. Калинин, как и другие большевики, призывал ко всеобщей стачке, к восстанию.

Двадцать пятого февраля стачка началась. Власти стали принимать свои меры — замаршировали отряды полицейских, засвистели пули. Ослепли закрытые ставнями окна обывателей.

Из ставки поступил приказ уже почти безвластного императора: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки…» Во исполнение приказа полиция обрушилась на рабочие кварталы. Тюрьмы заполнились арестованными, среди которых были и члены Петербургского комитета.

Еще один день — и огонь восстания охватил Питер. Теперь исход событий зависел от того, на чью сторону станут солдаты.

Двадцать седьмого февраля рабочие взяли Арсенал. С вооруженными отрядами восставших Михаил Иванович шел захватывать Финляндский вокзал. Страшновато и весело было на душе: все же первая настоящая боевая стычка. Думалось: «Вот бы сейчас солдат сюда!»

И вдруг — слева дробный стук подкованных сапог.

— Волынцы!

— Волынский полк!

— Наши! Ура!..

Смешались серые шинели и рабочие куртки. Вместе кинулись к вокзалу. Охрана и пикнуть не успела, как была разоружена. После первых взрывов восторга настало замешательство.

— Что дальше?

Действительно, что же дальше? Надо сейчас же, не медля ни минуты, пока народ жаждет действия, повести его на борьбу. Но куда идти, с кем бороться?

— Где вожаки? Ведите нас!

Калинин вскочил на платформу, крикнул:

— Если хотите иметь вождей, то вон рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить!..

— Верно! Освободим политических!

Появились организаторы, возникли отряды. Посыпались предложения:

— Освободим сначала из военной тюрьмы.

— Почему из военной? На обе тюрьмы народу хватит.

К вечеру стало ясно, что вооруженное восстание победило.

Улицы города запестрели большевистскими листовками, обращенными к рабочим:

«Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство».

Через час-другой после большевистского призыва к Таврическому дворцу начали сходиться делегаты, избранные на заводах, фабриках, в воинских частях.

Калинин думал: «Если бы все это видел Ильич!»

А Ильич всей душой рвался в Россию из Швейцарии. В письме к Коллонтай сообщал: «Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся».

Между тем депутаты думы, собравшись, решили не разъезжаться, а образовать Временный комитет думы.

В это же время в Таврическом дворце состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов, где был избран Временный Исполнительный Комитет.

Второго марта представители Временного комитета думы Гучков и Шульгин прибыли в Псков, чтобы уговорить Николая II отказаться от власти в пользу Алексея.

Николай отрекся от престола не только за себя, но и за сына Алексея и передал «царственное наследство» брату Михаилу.

На другой день Исполнительный комитет Петроградского Совета принял решение арестовать династию Романовых, предложить созданному накануне Временному правительству

произвести арест совместно с Советом рабочих депутатов.

Однако лишь 7 марта Временное правительство под давлением народа вынуждено было дать распоряжение об аресте «отреченного императора Николая II и его супруги».

После 28 февраля функции городского комитета, большинство членов которого было арестовано, взял на себя Выборгский райком. Калинин понимал, что это, конечно, временная мера. И верно. 2 марта, в день, когда был объявлен состав Временного правительства, в помещении Петроградской биржи труда состоялось собрание членов РСДРП. Обсуждали вопрос о восстановлении городского комитета партии. Собрание создало временный ПК. В него вошли М. И. Калинин, В. В. Шмидт, Н. Н. Подвойский, П. И. Стучка и другие. В этот же день в Таврическом дворце Петербургский комитет собрался на свое первое легальное заседание.

Питер в эти дни бурлил. Вечно молчавшие, вынужденные сдерживать свои чувства люди торопились высказать все, что наболело на душе. На площадях там и сям возникали трибуны. Один за другим на них поднимались ораторы. Звучали речи о светлом будущем, о вечном мире между народами, о том, что проклятое старое никогда не вернется.

Но рабочих интересовал и практически деловой вопрос: что делать дальше — продолжать бастовать или заступать на работу? Это был важный принципиальный вопрос. От правильного ответа на него во многом зависела судьба революции.

На заседании Петербургского комитета партии многие высказались против возобновления работы. Они утверждали, что революция еще не закончена, кое-кто может еще попытаться восстановить монархию. Если-де в этих условиях прервать забастовку, то рабочие остынут, потеряют вкус к борьбе. Кроме того, силы рабочих распылятся по заводам — поди собери!

Калинин слушал выступающих и думал: «Как это в пылу революционной борьбы люди могут забыть о тех трудностях, которые переживают рабочие? Ведь каждый день забастовки жестоко бил по карману трудового человека, обрекал его семью на лишний день голода. Нет, надо возобновить работу, и немедленно. Но работать по-новому: восемь часов — и ни секунды больше!»

Об этом он и сказал членам комитета.

— А то, что силы рабочих на заводах распылены, — говорил Калинин, — это ошибочный взгляд. Наоборот, самыми удачными забастовками были те, что начинались именно с завода.

Решили: к работе приступить, восьмичасовой рабочий день осуществить явочным порядком.

На этом заседании Калинин был избран представителем Петербургского комитета с правом решающего голоса в Бюро ЦК РСДРП. Вскоре ЦК партии включил Калинина в состав редакции «Правды».

Несмотря на большую загрузку, Михаил Иванович выкраивал время, чтобы написать в «Правду» о том, что волновало его, — о деревне, о крестьянах, о земле. Статьи он подписывал: «Рабочий М. Калинин».

Так и называлась одна из его статей, напечатанная 12 марта, «О земле». Когда Калинин писал эту статью, в памяти вставала Верхняя Троица. Вспоминал взволнованные лица односельчан, их несвязные выступления, отрывочные замечания: «Скорей бы начиналось, что ли…»

Ну вот, свершилось то, чего ждали, на что надеялись односельчане! Свершилась революция. Надо ее доводить до конца руками революционного народа. Ему никто не поможет. Надо и в деревне менять порядки: отбирать у помещиков землю, создавать волостные комитеты как народные органы власти на местах и приступать к делу.

В статье «Революция и деревня» он писал, что перед крестьянскими комитетами, помимо задач политических, стоит целый ряд задач социального творчества в области овладения и пользования землей.

Через «Солдатскую правду» Калинин обращался к солдатам: не думайте, что ваши интересы расходятся с интересами рабочих. Буржуазия пытается сейчас натравить солдат на рабочих в связи с проведением восьмичасового рабочего дня. Ясно, для чего это делается: чтобы продлить войну. Но сегодняшний солдат завтра будет рабочим, ему также нужен восьмичасовой рабочий день.

Раньше казалось, что после революции вроде как и делать нечего будет. Однако дел прибавлялось с каждым днем.

Седьмого марта Калинин был кооптирован в Бюро Центрального Комитета, а после перевыборов ПК (только лишь в марте 1918 года он был переименован в Петроградский комитет) избран членом Исполнительной комиссии.

Третьего апреля, рано утром, Калинин пришел, как всегда в эти дни, в особняк Кшесинской. Здесь, где до февральских событий жила балерина — фаворитка императора Николая II, разместились ЦК и ПК большевиков вместе со всеми созданными при них организациями: военной, лекторской группой, редакцией газеты «Солдатская правда» и др.

Поразила Калинина необычайно взволнованная, радостная

атмосфера, царящая в здании. Он спросил проходившего мимо солдата с красной повязкой на рукаве:

— Что случилось?

— Ленин нынче приезжает. Ночью.

— Откуда узнали?

— Телеграмму приносила сестра его, показывала, говорят.

— Точно?!

Калинин бросился к дежурному. Дежурил Подвойский. Он подтвердил:

— Да, Ильич приезжает на Финляндский вокзал в одиннадцать часов вечера.

Как и другие члены Петербургского комитета, в этот день Михаил Иванович сбился с ног: надо было оповестить рабочих о таком событии, а как это сделать? Выборгская сторона изобретательна. Выход из положения нашли — написали на транспарантах: «Сегодня приезжает Ленин», — и пошли с ними по улицам. Известие мигом облетело район.

Вечером, задолго до прихода поезда, Калинин с выборжцами явились на площадь Финляндского вокзала. Думали — первые, а оказалось, полно народу, и люди все прибывают. Площадь уже не вмещает желающих встретить Ленина. Народ теснится на соседних улочках. Молодежь взбирается на штабеля дров, что выстроились возле товарной станции, на заборы.

Над головами собравшихся флаги, плакаты. Впереди оркестр.

Стоило только Ленину появиться на площади, как под громкие приветственные возгласы собравшихся матросы и солдаты подхватили его и подняли на броневик, заранее приготовленный солдатами. Калинин стоял близко и хорошо видел Ильича в распахнувшемся пальто, с торчащей из кармана кепкой. Когда Ленин, энергично вытянув вперед руку, воскликнул: «Да здравствует социалистическая революция!», Калинин вместе с другими стал бить в ладоши. Броневик тронулся, и вся масса народа двинулась за ним. С балкона дворца Кшесинской Ленин повторил речь.

На другой день Михаил Иванович слушал знаменитые Апрельские тезисы Ленина: надо взять курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Никакой поддержки Временному правительству! Вся власть Советам! Двух диктатур быть не может. Следовательно, борьба продолжается до тех пор, пока власть не перейдет в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ох, какой вой вслед за буржуазией подняли соглашатели!.. Если посмотреть меньшевистские, эсеровские и иные реакционные газеты тех дней, можно увидеть, что главная тема

их выступлений — это травля Ленина, газеты «Правда». Эти газетенки договорились до того, будто бы Ленин связан с германским генеральным штабом, будто он играет на руку реакции.

Правоту Ленина, большевиков подтверждала жизнь.

В майские дни рабочие и солдаты впервые свободно вышли на демонстрацию под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

Но соглашатели упорно не хотели прислушиваться к настроениям рабочих масс. В конце мая исполком Пороховского районного Совета, где большевики не пользовались сильным влиянием, принял нелепое решение, звучавшее как ультиматум большевикам района; исполком требовал, чтобы они отказались от своих партийно-политических взглядов. В противном случае меньшевики и эсеры грозили выйти из всех районных общественных организаций.

Понятно, что меньшевикам из исполкома Петроградского Совета такое решение очень понравилось.

Для обсуждения создавшегося положения 30 мая собралось заседание Петербургского комитета. Калинин не возмущался и не негодовал по поводу инцидента с Пороховским исполкомом. Жизнь научила его не удивляться действиям соглашателей. Дело не в брехне, не в глупых решениях, а в том, кого поддерживает народ. И Калинин предложил собрать рабочих мастерской, которая выбрала в Совет большевика, и спросить, как, по их мнению, должен поступить депутат, от которого потребовали изменить свою политику. Вот так быстрее и лучше всего мы разоблачим нелепые маневры соглашателей. Такое решение и было принято.

Временное правительство, видя, что теряет всякую поддержку в народе, пошло на соглашение с меньшевиками и эсерами. В состав правительства 5 мая были введены эсер Чернов, меньшевики Церетели, Скобелев и другие. Так эсеры и меньшевики открыто перешли на сторону буржуазии.

Обстановка все более накалялась. Центральный Комитет партии призвал рабочих выйти 10 июня на демонстрацию под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!»

К демонстрации все было подготовлено, но 9 июня Всероссийский съезд Советов, где верховодили меньшевики и эсеры, запретил проведение демонстрации. ЦК большевиков в тех условиях не мог не подчиниться решениям съезда. Демонстрацию

надо было отменять. Трудно пришлось большевикам. Требовались большие усилия, чтобы удержать массы от демонстрации. Калинин выступил на «Айвазе» с многочасовой речью. В конце концов айвазовцы согласились не выходить на демонстрацию, но потребовали, чтобы Петроградский Совет объяснил, какие обстоятельства понудили его отменить демонстрацию.

Что могли ответить соглашатели? Вместо ответа I съезд вынес решение назначить демонстрацию на 18 июня, надеясь провести ее под своими лозунгами.

На другой день после отмены демонстрации Михаил Иванович встретился с Лениным во дворце Кшесинской. Ленин докладывал Петроградскому комитету о причинах отмены демонстрации. Нашлись такие, кто был недоволен отменой. Томский кричал о неслыханном поражении, о величайшем позоре для партии. Калинин держался иной точки зрения.

— Ну подумайте, — говорил он, — что получилось бы, если бы мы не подчинились требованиям Совета. Ну Питер нас поддержал бы, это ясно, а провинция? Что в таком случае могло бы сделать Временное правительство? Не исключена возможность, что Временное правительство устроило бы против нас кровавую провокацию.

Дебаты по этому вопросу были продолжены через день, когда уже стало известно о назначении демонстрации на 18 июня. И снова выступил Калинин. Он заверил, что девять десятых заводов Выборгской стороны на этой демонстрации пойдут за большевиками.

Действительно, выборжцы шли под лозунгом «Вся власть Советам!». И не только выборжцы. Лишь небольшая группка демонстрантов требовала доверия Временному правительству.

В день демонстрации по приказу Керенского, бывшего тогда министром обороны, на фронте началось наступление русских войск. Наступление окончилось жестоким провалом. Немцы, в свою очередь, перешли в наступление и прорвали русский фронт под Тарнополем.

Воспользовались провалом наступления кадеты — это была, пожалуй, самая махровая реакционная партия. Ее представители вышли из правительства, надеясь создать кризис власти. Они рассчитывали, что меньшевики и эсеры, побоявшись остаться в правительстве в одиночестве, согласятся на их условия. А условия были такие: разоружение рабочих, вывод революционных войск из Петрограда и, главное, — запрещение партии большевиков. Только и всего!

В эти дни в «Солдатской правде» Михаил Иванович выступил со статьей, которую назвал: «Кризис власти».

«Политический кризис в Питере назревает с каждым днем, — писал он, — массы все лучше начинают понимать истинное лицо соглашательских партий… Недалекое будущее покажет, какими вождями будут социалистические министры, вождями революции или контрреволюции».

И будущее показало. 3 июля в городе началась мощная демонстрация. Солдаты, рабочие вышли на улицы, чтобы выразить свое возмущение политикой Временного правительства — политикой войны и голода.

Большевики поначалу решили воздержаться от участия в выступлении: время брать власть в свои руки еще не настало. Но народ не хотел ждать. Представителей большевиков терпеливо выслушивали на митингах и собраниях и настойчиво требовали активных выступлений. В создавшихся условиях большевистский ЦК решил участвовать в демонстрации, постараться придать ей мирный характер и провести под лозунгом «Вся власть Советам!».

Полмиллиона питерцев вышли на улицу. С балкона дворца Кшесинской смотрел Калинин на колышущееся море людей. Мимо проходили рабочие петроградских заводов и фабрик, отряды красногвардейцев. Шли кронштадтские моряки. В серых потрепанных шинелях, сжимая в руках фронтовое оружие, шагали солдаты.

Возле дворца колонны задерживались. Раздавались приветственные возгласы. Калинин обратился к демонстрантам с речью:

— Величайшая дисциплина и организованность — вот что нам нужнее всего! Не поддаваться провокации, которой только и ждет Временное правительство, чтобы в крови потопить мирное движение питерцев!

От имени петроградской партийной организации Михаил Иванович предложил выделить от каждого предприятия и от каждой воинской части делегатов. Пусть эти делегаты пойдут в Таврический дворец и передадут Центральному Исполнительному Комитету требование народа — взять всю власть в руки Советов.

От колонны к колонне передавали предложение Калинина. На ходу выбирали делегатов, которые занимали места впереди своих колонн.

Возле Таврического делегаты собрались вместе. Эсеро-меньшевистский ЦИК вынужден был выслушать представителей рабочих и солдат Питера. Выслушать выслушал, но за спиной делегатов продолжал творить свое черное дело — сговариваться с правительством о разгроме демонстрации. Войска Временного правительства 4 июля расстреляли мирную демонстрацию.

В последующие дни революционный Петроград убедился,

насколько правы были большевики, призывавшие не верить меньшевикам и эсерам. Временное правительство, куда входили представители этих партий, начало кровавые репрессии. Рабочих избивали и даже убивали.

На большевиков контрреволюция обрушилась с особой яростью. Активных деятелей партии большевиков арестовывали. «Правда» была разгромлена. Ленин обвинен в измене.

Так окончилось двоевластие.

В июле партия послала своих лучших представителей на крупнейшие предприятия Петрограда. Большевики должны быть в гуще масс, должны знать их настроения, помогать им разбираться в обстановке. Калинин получил назначение на Трубочный завод. Теперь это был уже не тот Трубочный, где Михаил Иванович работал десять лет назад. Завод разросся, стал одним из промышленных гигантов страны. На нем работало свыше двадцати тысяч человек.

Калинин поступил токарем по металлу в знакомую 8-ю инструментальную мастерскую и сразу же вошел в атмосферу привычной политической жизни. Обычно в обеденный перерыв мастерская превращалась в гудящий улей. Жизнь ежедневно давала новые темы для дискуссий. Приближались перевыборы завкома, и большевики прилагали все силы к тому, чтобы вытеснить оттуда меньшевиков и эсеров.

В эти дни шла также подготовка к выборам в Центральную городскую думу и в думы вновь созданных районов Петрограда. Кандидатура Калинина была выдвинута в городскую думу и в думу одного из новых городских районов — Лесновского, созданного из пригорода Лесного. С завода приходилось ехать в район, оттуда в Петроградский комитет, оттуда еще куда-нибудь, но только не домой. Часто о доме не хватало времени даже подумать.

Екатерина Ивановна привыкла подолгу не видеть мужа. Но даже она начала беспокоиться. Шутка ли, неделями он не появлялся дома! А если и приходил, то ненадолго — усталый, небритый. Умывался, садился за стол и рассказывал об очередной стычке с меньшевиками на Трубочном.

Двадцать шестого июля открылся VI съезд партии. Съезд проходил в полулегальной обстановке. Ленин на нем не мог присутствовать: он вынужден был скрываться. Здание, где заседал съезд, охраняли вооруженные отряды рабочих.

Съезд все свои решения подчинил главной цели — подготовить пролетариат и беднейшее крестьянство к

вооруженному восстанию, к победоносной социалистической революции.

В условиях травли большевиков и захвата Советов соглашателями лозунг «Вся власть Советам!» был временно снят.

Буржуазные правители неуклонно толкали страну на путь экономического разорения. Они закрывали заводы и фабрики, надеялись, что «костлявая рука голода» задушит революцию. Толпы безработных ходили по улицам. Появились спекулянты. Их становилось тем больше, чем меньше товаров оказывалось на полках магазинов. Хозяйки, пришедшие утром на базар, со страхом узнавали, что за ночь цены выросли снова.

Но буржуазии мало было экономических санкций против революции. 25 августа главнокомандующий русской армии генерал Корнилов во главе конного корпуса двинулся на Петроград. Его подголоски распускали слух, что Корнилов хочет свергнуть Временное правительство. На самом же деле Временное правительство выступало активным соучастником корниловского мятежа. Посредством контрреволюционного переворота установить в стране военную диктатуру — вот задача, которую оно преследовало.

Мятеж провалился. По призыву Ленина, по призыву большевиков рабочие и крестьяне подавили это выступление, а Корнилова арестовали.

Вот в таких-то условиях и состоялось на Трубочном делегатское собрание. Готовясь к нему, Калинин волновался. Он понимал, что собрание должно показать, за кем идут заводские рабочие.

В шумном, прокуренном зале заседали восемьсот делегатов. Выступил представитель меньшевиков, потом предводитель заводских эсеров. Оба напирали на то, что Временное правительство — правительство демократическое. Разве его состав — в него входят социал-демократы и социалисты-революционеры — не доказывает, что это правительство подлинно революционное?

Затем предоставили слово Калинину.

— Контрреволюционная сущность буржуазной власти, — начал он, — нисколько не изменилась из-за того, что в состав Временного правительства вошли представители соглашательских партий. Всю власть надо сосредоточить в руках революционных рабочих, крестьян, солдат.

От имени большевиков Михаил Иванович предложил резолюцию с требованием немедленно и безвозмездно передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, национализировать важнейшие отрасли промышленности,

арестовать «Временный комитет» Государственной думы, отдать под суд всех контрреволюционных заговорщиков.

За большевистскую резолюцию взметнулся лес рук. «Кто против?» — «Нет». — «Воздержался?» — «Один».

Это была настоящая победа. Она показала, что соглашательские партии перестают пользоваться доверием у рабочих. Обстановка на других заводах подтверждала это. Массы все более убеждались в том, что спасение страны — в ликвидации антинародного Временного правительства.

В сентябре, после того как большевики получили большинство в столичных Советах, снова на очередь дня встал лозунг «Вся власть Советам!».

В первых числах сентября состоялись выборы в Лесновскую районную думу. Из сорока двух избранных гласных почти половина были большевики, а среди них и Калинин. 7 сентября на заседании думы его избрали председателем районной управы.

С первых же дней он подобрал надежных помощников. Комендантом назначил большевика и секретарем себе взял тоже большевичку — Катю Алексееву, которую знал по работе на «Айвазе». Калинин предвидел, что здание думы может пригодиться в будущем.

По всему чувствовалось, что время активных выступлений приближается. В сентябре и октябре Ленин, живший в это время в Финляндии, написал несколько писем в Центральный, Московский и Петроградский комитеты РСДРП(б). Он требовал от них быстрейшей подготовки вооруженного восстания. Ждать нельзя. Ждать — преступление перед революцией.

5 октября Михаил Иванович открыл заседание Петербургского комитета, собравшегося для обсуждения ленинских писем. Он хорошо понимал историческое значение заседания. Понимало это и большинство присутствующих. Решение, которое должен был принять комитет, их не пугало.

После прений, выявивших точки зрения членов комитета, Калинин подвел итог.

— Характерна резкая линия большинства, стремящегося к захвату власти, — заявил он. — Вопрос о захвате власти встал ребром. Надо только найти момент для стратегического нападения.

Большинство членов ПК поддержало точку зрения Калинина.

Через день после этого заседания в Петроград вернулся Владимир Ильич. А еще через два дня он уже проводил заседание ЦК, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

В эти дни Ильич не раз приглашал к себе руководителей

петроградской организации. Побывал у него и Михаил Иванович Калинин. На вопрос Ленина, как, дескать, он, Калинин, смотрит, настал ли момент решительных действий, Михаил Иванович твердо ответил:

— Безусловно!

Несколько позднее дома у Калинина на Выборгском шоссе Ильич с группой членов ЦК снова обсуждал вопрос о свержении Временного правительства.

Барометром развивавшихся событий для Калинина служил Трубочный завод. Здесь, в низах, сразу было видно, как приближается, нарастает революция.

8 и 9 октября на заводе проходило собрание по вопросу о текущем моменте. После выступления Калинина рабочие постановили: потребовать от меньшевистско-эсеровского ЦИК Советов, чтобы он опубликовал во всех социалистических газетах большевистскую резолюцию этого собрания. Вскоре состоялись выборы завкома. Список большевиков, возглавляемый Калининым, получил абсолютное большинство голосов.

Михаил Иванович не упускал случая для агитации за большевистский лозунг «Вся власть Советам!». Не забывал он об этом, выступая в прениях по различным вопросам в Центральной городской думе. Меньшевики, эсеры, кадеты своим поведением и речами постоянно давали повод для критики. 13 октября в думе в первый раз обсуждался продовольственный вопрос. Никто из представителей соглашательских партий не смог внести никакого конкретного предложения. Предлагали, правда, принять обращение к народу с призывом сократить потребление. Большинство же депутатов попросту заявляли, что они не видят выхода из создавшегося положения.

Калинин считал, что при известных мерах с голодом бороться можно, и предложил взять на учет имеющиеся продукты и распределять их по твердой норме.

— Единственное обращение, которое может сделать дума, — это сказать: современное правительство при современном составе окончательно разрушило экономическую жизнь, и Петроградская городская дума приглашает население переменить это правительство, поставить у власти то правительство, которое сумеет эту экономическую жизнь наладить…

С места кто-то крикнул:

— Какое?

— Это Советы рабочих и солдатских депутатов, — ответил Михаил Иванович.

15 октября вновь собрался Петербургский комитет. Обсуждали резолюцию ЦК, принятую пять дней назад по докладу

Ленина, — о вооруженном восстании. Точку зрения большинства по поводу этой резолюции Калинин выразил такими словами:

— Резолюция Центрального Комитета — это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК вносил. Эта резолюция призывает организацию к политическому действию. Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию.

Михаил Иванович доложил ЦК, как обстоит дело с подготовкой к восстанию в Лесновском районе, как формируются отряды Красной гвардии.

В этот же день Михаил Иванович встретился с Шотманом. Тот рассказал, что Ильич поручил ему подыскать помещение для расширенного заседания ЦК вместе с представителями Петербургского комитета, Военной организации Петроградского Совета, Петроградского окружного комитета, фабзавкомов и профсоюзов. Хорошо бы провести такое заседание в здании Лесновской думы.

На другой день Михаил Иванович вызвал Катю Алексееву и дал понять, что вечером будет важное заседание. Сотрудников аппарата — эсеров он отпустил пораньше.

Около семи часов вечера пришел Яков Михайлович Свердлов, потом Крыленко, Володарский. За ними — Зиновьев и Каменев.

А Владимир Ильич в это время вместе с Шотманом и Эйно Рахья в пустынном переулке около думы дожидался, когда соберутся все приглашенные на заседание.

Примерно около восьми часов вечера Михаил Иванович проводил Ленина в комнату культурно-просветительного отдела.

Ленин начал доклад о заседании ЦК 10 октября.

— История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь же! — так закончил Владимир Ильич свой доклад.

Когда попросил слова Каменев, Калинин знал, что этот сейчас начнет, как и на заседании ЦК 10 октября, доказывать, что рабочий класс не способен осуществить социалистическую революцию, что буржуазная республика на данном этапе еще не изжила себя, что вооруженное выступление преждевременно, и так далее, и тому подобное.

Так и оказалось.

После Каменева те же взгляды развивал Зиновьев.

Троцкий открыто против ленинского предложения не выступил. Он только посоветовал отложить восстание до II съезда Советов.

Калинин в ответ на эти возражения сказал, что для него лично вопрос о необходимости восстания не подлежит сомнению. Речь может идти только о подходящем моменте, чтобы обеспечить военный успех.

Ленина поддержали также Свердлов, Дзержинский, Крыленко и другие.

В разгар дебатов вошла Катя Алексеева. Все настороженно повернулись к ней. Оказалось, ничего страшного, но громовой голос Володарского слышен на улице.

Ленин предложил резолюцию:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Каменев и Зиновьев подняли руки против этой резолюции. Четверо воздержалось. Остальные проголосовали за.

Вопрос о захвате власти был решен. Теперь предстояло это решение провести в жизнь. На этом же заседании был создан Военно-революционный центр ЦК по руководству восстанием.

Уже светало, когда начали расходиться. Ленин с Шотманом и Э. Рахья ушли первыми. Потом небольшими группами потянулись другие.

Последующие дни вплоть до восстания прошли в лихорадочной организаторской работе. Днем в Лесновском районе, на Трубочном заводе, вечерами в ПК, куда сходились сведения о ходе подготовки восстания.

22 октября газета «Рабочий путь» вышла с заголовком: «Сегодня День Петроградского Совета. Товарищи рабочие и солдаты! Устраивайте сборы и отчисления. Зовите массы под знамя Петроградского Совета! Все на митинги!»

Калинин в этот день выступал на нескольких митингах и собраниях. В разных районах города выступали также Я. М. Свердлов, А. В. Луначарский, Н. В. Крыленко, В. И. Невский, К. Н. Самойлова и другие руководящие деятели партии.

Рабочие в своих речах заявляли, что готовы по первому зову Всероссийского съезда Советов подняться с оружием в руках на его поддержку.

Хотя Ленин находился еще в подполье, вся деятельность большевиков по организации восстания проходила по его плану и под его руководством. Утром 24 октября в Смольном состоялось заседание ЦК партии большевиков. ЦК принял ряд решений, обусловивших немедленное начало восстания. Это было тем более необходимо, что поступило известие о налете юнкеров на типографию большевистской газеты «Рабочий путь», о стягивании контрреволюционных отрядов к Зимнему дворцу, о том, что

готовится нападение на штаб большевиков — Смольный.

Выполняя директиву ЦК, Петербургский комитет, в заседании которого принял участие и Калинин, счел необходимым «перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления».

Уже в первой половине дня 24 октября удалось дать решительный отпор контрреволюции, завоевать важнейшие позиции для дальнейшего развертывания восстания. В Смольный одно за другим поступали сообщения о захвате мостов, о взятии Центрального телеграфа, об овладении Петроградским телеграфным агентством. Восстание могло бы развиваться еще успешнее, если бы не дезорганизующая «оборонительно-выжидательная» тактика, которой упорно придерживались Каменев, Зиновьев, Троцкий.

Чтобы упредить врага, ожидавшего выступления 25 октября, в день открытия II съезда Советов, Ленин решительно потребовал начать восстание непременно до съезда, 24 октября. Он посылает членам ЦК письмо, требуя «сегодня вечером, сегодня ночью» арестовать Временное правительство. «Нельзя ждать!! Можно потерять все!!. Промедление в выступлении смерти подобно».

Поздно вечером 24-го без всякой охраны, не предупредив никого, загримированный Ленин явился в Смольный, чтобы возглавить вооруженное восстание.

Ночь на 25 октября решила судьбу восстания. Один за другим переходили в руки большевиков важнейшие стратегические пункты Питера. Около трех часов ночи на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Владимир Ильич Ленин объявил о том, что рабочая и крестьянская революция свершилась.

Утром 25 октября Михаил Иванович Калинин вместе с депутатами-большевиками Анатолием Васильевичем Луначарским, Дмитрием Захаровичем Мануильским и другими пришел на заседание Петроградской городской думы. Зал заседаний походил на гудящий улей, но замер, когда за столом поднялась фигура городского головы — правого эсера Шрейдера. Весь олицетворение «благородного возмущения», Шрейдер говорил о том, что Военно-революционный комитет предъявил Временному правительству ультиматум с требованием сдаться. Он призывал депутатов принять все меры, чтобы не допустить свержения Временного правительства.

Зал снова загудел, заволновался. Представители буржуазных и мелкобуржуазных партий выступали один за другим, и смысл их выступлений сводился к одному:

— Узурпация, вандализм!..

— Не допустим свержения правительства жандармским путем!

Но вот председательствующий объявил, что слова просит представитель большевиков депутат Калинин.

Михаил Иванович решительно направился к трибуне и встал, пристально всматриваясь в бушевавший зал.

Кто-то крикнул:

— Предлагаю прекратить прения!

Председатель поставил предложение на голосование, и оно было принято. Но Калинин продолжал стоять на трибуне, всем своим видом показывая, что никуда уходить он не собирается. Тогда председатель обратился к нему:

— Ну что ж, говорите…

В это время снова поднялся Шрейдер с требованием дать ему слово для чрезвычайного сообщения.

— По сведениям, полученным мною, — заявил он, — правительству дано второе предупреждение, и через несколько минут открывается стрельба.

Затем Шрейдер предложил немедленно послать делегацию на крейсер «Аврора».

Калинин стоял возле трибуны, наблюдая за тем, как контрреволюционная дума избирает депутацию на «Аврору», в Зимний дворец и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Вся процедура выборов заняла не более десяти минут. Последняя бесплодная попытка сделать хоть что-то для спасения обреченного Зимнего!

Когда двери за депутациями закрылись, Калинин обратился к присутствующим.

— Меня страшно удивило, — сказал он, — заявление целого ряда гласных о том, что вдруг правительство свергается физической силой, силой штыков, что правительство свергается «жандармским путем». Я не знаю, покажите мне хоть какой-нибудь пример в истории, когда бы правительство не свергалось физической силой. Мы всегда призывали народ и говорили: власть, враждебную народу, можно свергнуть только вооруженным восстанием. И вот, когда пришло время, когда это восстание стало нужным, смешно было бы, чтобы наша партия отказывалась от этого восстания…

В это время раздался пушечный выстрел. «Гласные думы — меньшевики, эсеры, кадеты, — вспоминал позднее Калинин, — поднялись с мест. Слышны крики: «Узурпаторы, узурпаторы!» Поднялся страшный шум. Они пошли «выручать» правительство, осажденное в Зимнем дворце, а мы — в Петроградский Совет приветствовать его от имени революционной части думы».

Вместе с другими членами думы — большевиками Михаил Иванович явился вечером 25 октября на II съезд Советов — съезд, принявший величайшие ленинские декреты о мире и о земле.

В разгар заседания могучее «ура!» сотрясло здание. Это пришло известие от Подвойского о взятии Зимнего дворца и об аресте членов Временного правительства…

В истории человечества началась новая эра — эра торжества социализма и коммунизма.

Петроградская городская дума более чем на две трети состояла из меньшевиков и эсеров. «Сам» городской голова Шрейдер — махровый эсер. Можно ли было надеяться, что такая дума подчинится Советской власти, что она без сопротивления сдаст свои позиции?

Уже на второй день после падения Зимнего думские деятели сформировали контрреволюционную буржуазную организацию, которой дали громкое название «Комитет спасения родины и революции». Вокруг «Комитета» засновали подозрительные типы, среди которых Калинин узнавал представителей иностранных посольств. Под прикрытием думы готовился антисоветский мятеж юнкеров.

29 октября юнкера сделали попытку выступить, но благодаря бдительности большевиков мятеж был подавлен в тот же день.

Ослепленное ненавистью к Советам реакционное большинство думы разрабатывало нелепые, авантюристические планы захвата власти.

Пользуясь большинством, меньшевики и эсеры превратили думу в один из центров контрреволюции в городе. В то же время дума все больше и больше запускала свои повседневные практические дела. Дальше терпеть такое положение было невозможно.

В ноябре 1917 года буржуазная дума была распущена.

В конце ноября состоялись выборы новой городской думы. Среди двухсот избранных гласных оказалось сто восемьдесят восемь большевиков. В числе их был и Михаил Иванович Калинин.

Он уже знал, что Петроградский комитет решил рекомендовать его на пост городского головы.

Настал день, когда Калинин вошел в здание думы рядовым членом, а вышел оттуда городским головой. Избран он был почти единогласно.

Опыт думской работы у Калинина имелся: хоть и немного, но он стоял во главе Лесновской думы. Но одно дело руководить

хозяйством окраинного района, другое — всего Петрограда.

С чего начинать?

А начинать пришлось с борьбы за свои права. Старая управа во главе со Шрейдером продолжала заседать.

1 декабря вместе с заместителем Наркомпрода Дмитрием Захаровичем Мануильским Михаил Иванович направился на Невский, 33 — в думу.

Как только Калинин открыл дверь, шум в зале мгновенно смолк. Все головы настороженно повернулись в сторону вошедшего. Михаил Иванович молча рассматривал присутствующих.

Молчание становилось тягостным, и Калинин сказал насколько мог внушительно:

— Господа, я, набранный на основании всеобщего, равного избирательного права петербургским городским головой, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение.

В напряженной тишине кто-то хихикнул. Затрясся в смехе Шрейдер, загоготали и остальные.

Трудно стоять спокойно перед гогочущим враждебным сборищем. Калинин поначалу даже немного растерялся, но быстро взял себя в руки и, выждав, когда смех слегка затих, проговорил:

— Уважаемые господа, вы рано смеетесь. Пословица говорит: «Хорошо смеяться последнему». А вы засмеялись первыми.

Повернулся и вышел из зала.

Кабинет головы был не заперт. Калинин открыл дверь, вошел. Массивный стол, кресло с высокой спинкой, телефонный аппарат — старомодный, с высокой подставкой для трубки. На полу ковер.

Калинин взглянул на свои сапоги, обошел ковер стороной, отодвинул кресло, сел.

Несколько минут сидел молча. Потом поднял трубку, вызвал старшего бухгалтера. Подбирая вежливые выражения, попросил его зайти к нему в кабинет. Старший бухгалтер заявил, что не придет. Калинин рассердился, потребовал, чтобы комендант привел бухгалтера, если нужно, применив и силу. Через две-три минуты растерянный комендант доложил, что «старший бухгалтер отбыли со службы».

На приглашение Калинина не отозвались и другие служащие — Шрейдер выплатил им жалованье за месяц-два вперед. Этот срок казался ему достаточным для того, чтобы Советская власть скомпрометировала себя и старые порядки были восстановлены.

Управа опустела. Михаил Иванович ходил по зданию и всюду видел одну и ту же картину: в безлюдных комнатах в беспорядке

валялись бумаги. Беспорядок был наведен умышленно: дела были расшиты, многие документы порваны. Саботаж налицо…

Калинин собрал всех, кто остался в управе, — сторожей, истопников, курьеров, мелких чиновников, проживавших в здании думы. Они пришли, пораженные тем, что их вызывает сам голова. А когда поняли, что голова просит их помочь наладить управление городскими делами, с радостью принялись наводить порядок. Дума ожила. Калинин же в это время писал свое первое распоряжение об увольнении с 1 декабря 1917 года всех не явившихся на работу служащих.

В этот день, вечером, Михаил Иванович побывал на многих предприятиях городского самоуправления. Рабочие встречали его приветливо, административный же персонал — настороженно. Но с ним-то меньше всего собирался беседовать голова. Он говорил с рабочими, объяснял им, что такое саботаж и кому он на руку, призывал принять все меры, чтобы наладить бесперебойную деятельность городского хозяйства.

На другой день саботаж охватил всех служащих, и все-таки ни одно предприятие городского хозяйства не прекратило работы. Лишь на несколько часов удалось саботажникам внести замешательство в работу трамвайного управления, водопровода, электростанции. Всюду места саботажников занимали рабочие, выделенные партийными и профсоюзными организациями. Они приходили прямо от станков, порой не успев сменить одежду и как следует умыться.

И дело шло. Огромная машина городского хозяйства Петрограда работала.

На первых порах руководил Калинин хозяйством города с пятью помощниками — работниками управы. При Шрейдере аппарат управы превышал тысячу человек, да еще столько же насчитывалось в разного рода комиссиях, присутствиях и канцеляриях.

Если в самой управе саботажники перепутали все дела, то можно себе представить, что они натворили в присутствиях. В особом присутствии «по призрению больных и увечных воинов и семей запасных» исчезли все документы, на основании которых выдавались денежные пособия. Тысячи больных и раненых солдат и их жен ежедневно толпились в Минском переулке, возле дома, где помещалось присутствие. Среди них сновали провокаторы. Где тайком, где громогласно они убеждали людей, что большевики не будут выплачивать пособий. Люди волновались и требовали денег.

Что было делать? Платить? Кому, сколько? На основании чего? Казалось, для наведения порядка в этом деле нужны

месяцы. А люди не хотели и не могли ждать.

Калинин решил этот вопрос за полторы недели. По его совету собрали солдат и жен запасных, объяснили им положение, предложили самим навести порядок в присутствии. Тут же открытым голосованием выбрали сорок человек для работы в социально-экономическом отделе городского самоуправления. За десять суток эти люди разобрались со всеми делами. Вскоре пособия начали выдавать.

Калинин был беспощаден к организаторам саботажа. Он арестовывал служащих, прячущих документы и ключи от сейфов, выселял из заводских квартир инженеров, не выходивших на работу. Каждое его действие было проникнуто духом высшей революционной справедливости, поэтому он всегда мог рассчитывать на безоговорочную поддержку народа.

Бывшие служащие управы только удивлялись: откуда у этого мужика такая крепкая хозяйственная хватка? На их глазах создавался новый, гибкий и оперативный, аппарат городского самоуправления, улучшалась работа коммунальных предприятий, укреплялся порядок в городе.

Особенно поражало их то обстоятельство, что новая управа не задерживала выплату жалованья многочисленным рабочим и служащим. Уж кто, кто, а саботажники отлично знали, какой бюджет они оставили в наследство Калинину. Только по смете 1917 года дефицит достигал ста восьми миллионов рублей. Наличными же оставалось сорок тысяч.

Казалось, невозможно найти выход из положения: и водопровод, и канализация, и трамвайное хозяйство — все основные предприятия управы, призванные приносить ей доход, работали с убытком.

А. Лебеденко, в то время молодой журналист, рассказывает: «На Невском, на Литейном — провалы в мостовых. Деревянные торцовые мостовые на набережных и центральных проспектах превратились в гнилые, щербатые, кочковатые покрытия. Даже на Дворцовой площади, покрытой булыжником, у самого Зимнего и вдоль Главного штаба зияли ямы. Тяжелые плиты тротуаров во многих местах стояли чуть ли не дыбом. Во многих домах не работали уборные, и население пользовалось заброшенными, пустующими домами, в которых не было недостатка. Многочисленные деревянные дома окраин население разбирало на топливо».

Один из буржуазных прорицателей подсчитал, что если в Петербурге когда-нибудь и начнутся «настоящие ремонтные работы», то потребуется 105 лет (именно сто пять!), чтобы привести город в нормальное состояние.

Каждый день требовались десятки и сотни тысяч рублей дотации. Со всех сторон летели заявки на материалы. Милиция жаловалась, что уже три месяца не выплачивает милиционерам жалованье.

Калинин только руками разводил: «Ну и хозяева эти эсеры — болтуны и слюнтяи!»

Финансовую задолженность удалось погасить, выпустив городской заем и сделав заем у кредитных учреждений. Обложили высокими налогами капиталистов — и получили возможность хозяйствовать смело, без боязни, что денег не хватит. К лету 1918 года многие городские предприятия стали приносить прибыль, и это позволило истратить часть денег на их ремонт.

С каждым днем революционный Петроград становился чище, оживленнее. Весело позванивая, сновали трамваи, прекратились перебои в подаче воды, заработал телефон.

Тяжело приходилось с домовладельцами. Многие из них даже дворы перестали убирать, чтобы хоть так показать свою ненависть к новому строю. Под всяческими предлогами они отказывались ремонтировать здания, придумывая различные причины, чтобы уклониться от уплаты налогов.

С разрешения Совета Народных Комиссаров Петроградская дума стала конфисковывать дома саботажников-домовладельцев. К августу было конфисковано две тысячи семьсот крупных домов.

Трудное то было время для Петрограда. Голод, холод. Осьмушка хлеба в день. Нынче многие не знают даже, что означает слово «осьмушка». А ведь это восьмая часть фунта — всего-навсего пятьдесят граммов. Дров вовсе не было. Люди жгли в печках мебель, заборы, дома.

Вместе со всеми жителями города голодали и Калинин, и его семья. Он не хотел ничем отличаться от других. Тяжело было видеть, как дети радуются горбушке хлеба, случайному куску сахара…

Вдобавок ко всем невзгодам на город обрушилась эпидемия тифа. Калинин поставил вопрос о муниципализации бань, аптек, об устройстве дезинфекционных камер при банях и провел свои предложения в жизнь.

Он посещал рабочие кварталы Выборгской стороны и Васильевского острова, Нарвской и Невской застав. По его указанию в квартиры рабочих был проведен электрический свет, многие семьи из негодных комнат на окраинах были переселены в благоустроенные дома центра.

В часы приема каждый мог беспрепятственно прийти в кабинет Калинина, расположенный на втором этаже управы.

Швейцар временами ворчал:

— Раньше у нас и к писцу не пройдешь без доклада, а теперь к самому голове свободно… Проходите, он в кабинете.

Михаил Иванович встречал посетителей приветливо, терпеливо выслушивал жалобы, иногда быстро записывал что-то в записную книжечку.

Очень часто приходили с просьбами помочь устроиться на работу. Безработные в городе считались тысячами. В условиях ужасающей разрухи найти работу людям было очень трудно.

Вопрос надо было решать кардинально, чтобы сразу существенно уменьшить количество безработных. Вскоре на совещании работников городского хозяйства Калинин предложил свой план организации общественных работ: сорок тысяч человек бросить на ремонт улиц, еще тридцать с лишним тысяч занять на ремонте пришедшей в негодность канализации, на торфяных разработках и огородных работах.

Этот план был реализован. Огороды же, созданные весной 1918 года, помогли трудящимся пережить голодное время, сгладить остроту продовольственного кризиса.

Вспоминая впоследствии о деятельности Калинина в этот период, Анатолий Васильевич Луначарский особо подчеркивал «хозяйственное направление ума» Калинина: «Хотя были у нас более блестящие ораторы, но, когда Калинин выходил на трибуну и начинал без малейшего ораторского ухищрения выкладывать то, что ему казалось, как пролетарию, особенно важным, другого такого авторитетного голоса в думе не было».

Много времени, особенно в первые два месяца, отнимал у Калинина подбор работников управы, специалистов городского хозяйства. Пришедших устраиваться на работу он лично и с пристрастием опрашивал, старался понять, что за человек перед ним. Просто, без прикрас Михаил Иванович рассказывал, что дело трудное, щадить себя не придется. Иногда он даже сгущал краски, а когда испуганный посетитель уходил, с сожалением смотрел ему вслед: «Опять переборщил!..»

Как-то раз Михаил Иванович сидел за столом в своем кабинете, увлеченный анализом сметы, и вдруг услышал мягкий вопрос:

— Можно к вам?

Калинин поднял голову и радостно потянулся навстречу вошедшему. В дверях стоял Саша Мордухай-Болтовский. Впрочем, какой же Саша? Этот тридцатилетний мужчина был уже Александром Дмитриевичем.

Уселись в кресла друг против друга, закурили.

Александр Дмитриевич рассказал о семье. Отец умер. Мать

по-прежнему живет на Рыночной улице.

— А я вот, — закончил он свой рассказ, — тоже инженер, специалист городского хозяйства. Дай, думаю, зайду. Может быть, найдется работенка по специальности.

Работа, конечно, нашлась.

Михаил Иванович знал, что нетребовательность руководителя расхолаживает подчиненных, приучает их работать небрежно, спустя рукава. И он старался быть требовательным ко всем, начиная с уборщицы. При этом нотации Калинин читать не любил, старался сделать так, чтобы люди сами поняли, как следует поступать.

Пришел он как-то раз раньше обычного. Застал в кабинете уборщицу, которая при виде его быстро стерла пыль с нескольких стульев и кое-как смахнула ее с книг, лежащих на столе. Убедившись, что уборщица ничего больше делать не собирается, Михаил Иванович попросил:

— Дай-ка тряпку.

Он старательно вытер свой стул, навел порядок на столе, потом сел.

Уборщица обиженно подобрала губы.

— Что же это вы, Михаил Иванович, сами…

— Да так. Я люблю, чтобы все хорошо было сделано и чтобы везде было чисто…

С тех пор, когда бы ни пришел он, в кабинете был идеальный порядок.

Узнал как-то Калинин, что заведующий хозяйством думского здания — работник старый и многоопытный — занимает казенную квартиру из пяти комнат, а дворник с семьей в подвале ютится.

Михаил Иванович вызвал заведующего, сказал, глядя в сторону:

— Пожалуйста, найдите комнатку, хочу устроить там свой прием.

Завхоз удивился:

— А тут, в кабинете, что будет?

Калинин объяснил, что хочет поселить в кабинете семью дворника.

Завхоз, видно, был человек неглупый, сообразил, в чем дело. Ответил:

— Я семью дворника устрою у себя: отдам им две комнаты.

Взгляд Михаила Ивановича потеплел.

— Хвалю за догадливость. Позаботьтесь, кстати, приобрести для него за наш счет и кровати.

В марте 1918 года петроградская Центральная городская

дума и все ее комиссии были распущены. Упразднен был и ее исполнительный орган — управа. Вместо думы был образован Комиссариат городского хозяйства Петроградской городской коммуны, занявший положение одного из отделов Петроградского Совета. Михаил Иванович Калинин стал комиссаром городского хозяйства.

«В первые месяцы работы Михаила Ивановича в комгорхозе, — вспоминает об этом времени один из его сотрудников, М. Л. Крепс, — многие наши инженеры, специалисты считали, что можно явиться к нему на доклад без особой подготовки. Они смотрели на него свысока, считая, что он, простой рабочий, дела не знает и что можно давать ему цифры с потолка…

Выслушивал он очень внимательно, спокойно, терпеливо. А затем задавал такие вопросы, которые озадачивали докладчиков: то ли Михаил Иванович такой находчивый, или же он дело знал и просто их испытывал. Вскоре у специалистов сложилось убеждение, что Михаил Иванович предварительно, прежде чем вызвать их с докладом, сам детально изучает все вопросы».

Так оно и было. Еще работая в думе, где было много специальной технической литературы, Калинин взял за правило до глубокой ночи читать, тщательно вникал в те вопросы, которые предстояло решить в ближайшее время.

По заданию партии Калинин уделяет много внимания и работе отделов городского хозяйства при губернских и уездных Советах. Он выезжает в города и уезды Новгородской губернии и Северной области, изучает там положение дел. В начале 1919 года по его инициативе созывается I съезд отделов коммунального хозяйства Северной области.

Работать было трудно, а подчас и опасно. Вражеская агентура в своих попытках скомпрометировать Советскую власть не останавливалась и перед актами диверсий. Так, например, было сделано несколько попыток вывести из строя одну из петроградских водопроводных станций — Заречную. Диверсанты заложили две бомбы с часовыми механизмами, поставленными на разное время. Расчет был столь же прост, сколь и коварен: после первого взрыва здесь скопится народ, приедут руководители городских организаций. Второй взрыв покончит заодно и с ними.

Михаил Иванович Калинин приехал на место происшествия сразу, как только узнал о первом взрыве.

Семья Калининых жила в это время в большом многоквартирном доме. Михаил Иванович сколотил тут коммуну — все жильцы вели в доме совместное хозяйство, готовили по очереди для всех обеды. В коммуне жил и заместитель Калинина

по горкомхозу Иван Ефимович Котляков.

Утром в воскресенье в комнату к нему вбежали трое взволнованных служащих:

— Иван Ефимыч, беда на водопроводной…

Котляков без лишних слов начал одеваться. На шум вышел Калинин и, узнав, в чем дело, сказал Котлякову:

— Подожди, и я с тобой поеду.

Они приехали, когда станция была уже оцеплена красногвардейцами. Вместе с работником станции Фридрихом Лийвом и комендантом охраны Рудольфом Лепником приступили к осмотру места взрыва. «В одном из агрегатов, — вспоминал потом Ф. А. Лийв, — заметили какой-то предмет. Это оказалась бомба, причем было слышно, как работают в ней часы…» Раздумывать было некогда. Коммунист Рудольф Карлович Лепник берет тикающую бомбу в руки. Только бы успеть добежать до Невы. Она совсем рядом… Но он не успел.

Взрывом был контужен Котляков. Калинин по счастливой случайности уцелел.

Этот день — 30 марта 1919 года — запомнился Михаилу Ивановичу Калинину не только трагическим происшествием на Заречной водопроводной станции. Он стал для него днем начала новой большой работы на посту главы первого в мире социалистического государства.

Незадолго до этого дня Ленин сказал Михаилу Ивановичу, что внес предложение в Политбюро рекомендовать его, Калинина, на пост председателя ВЦИК. Михаил Иванович с сомнением покачал головой:

— Не знаю, Владимир Ильич, как я буду в сапогах, я еще не привык к изысканному обществу. Черт знает, может быть, еще придется с Клемансо мир заключать…

Ленин рассмеялся.

— Ничего, товарищ Калинин, не все же нам приучаться к их благородству, пусть и они немножко приучатся к нашей грубости.

Год 1919-й был суровым и тревожным. Контрреволюция готовила новый натиск на Советскую Россию, который впоследствии получил название первого похода Антанты.

В конце 1918 года прибыл в Омск в английском поезде адмирал Колчак, полный презрения к бунтующей черни и уверенности, что через месяц-другой с оркестром войдет в Белокаменную.

Собирали свои армии Деникин и Юденич. Насторожился на севере Миллер.

В эти тревожные дни партия, народ молодой республики понесли тяжелую утрату: умер Яков Михайлович Свердлов.

— …Пролетарская революция, — говорил Ленин на экстренном заседании ВЦИК, посвященном памяти Якова Михайловича, — сильна именно глубиной своих источников. Мы знаем, что на место людей, беззаветно отдавших свою жизнь, положивших ее в этой борьбе, она выдвигает шеренги других людей, может быть, менее опытных, менее знающих и менее подготовленных в начале их пути, но людей, которые широко связаны с массами и которые способны на место ушедших крупнейших талантов выдвигать группы людей, продолжающих их дело, идущих по их пути, довершающих то, что они начали.

30 марта, в пять часов вечера, в Москве, во 2-м Доме Советов собралась большевистская фракция ВЦИК. Открывая заседание, секретарь ВЦИК Енукидзе сообщил, что Политбюро ЦК решило рекомендовать фракции при избрании председателя ВЦИК голосовать за кандидатуру Калинина.

В семь часов открылось XII заседание ВЦИК. Слово взял Владимир Ильич. Он говорил о том, что найти настоящего заместителя Якову Михайловичу Свердлову — задача чрезвычайно трудная.

— Мы знаем, — заявил он, — что, если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства, мы эту задачу разрешить сможем, и я думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это кандидатура товарища Калинина.

Характеризуя Калинина, Владимир Ильич говорил о том, что больше всего ценил в этом человеке:

— Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы: сам он — крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки, когда пропагандистам и агитаторам не удавалось к ним подойти по-товарищески и умело, тогда товарищу Калинину удавалось разрешить эту задачу.

В поддержку предложенной Лениным кандидатуры выступили другие товарищи. Члены ВЦИК единогласно проголосовали за избрание Калинина.

Поселился Калинин в Кремле. Комендант Кремля И. Д. Мальков позднее вспоминал, что Владимир Ильич Ленин несколько раз звонил ему, интересуясь, как устроили Калинина.

Апрель 1919 года был для Калинина очень трудным. Предстояло принять дела, вникнуть в них. Калинин проделал это чрезвычайно быстро, несмотря на то, что очень много времени отнимали выступления на собраниях и митингах. В Москве по пятницам проводились митинги. Ораторов на них утверждал Московский комитет партии. Решение звучало примерно так: «Обязать тов. Калинина выступить на митинге в Хамовническом районе». И Калинин брал путевку и выступал. Такие же путевки получали и другие партийные и государственные работники.

В пятницу 4 апреля Михаила Ивановича видели в Сокольническом и Рогожском районах, в театре «Наполеон» и кинотеатре «Вулкан», на хлебной бирже, в Введенском и Алексеевском народных домах, мастерских Нижегородской и Северной железных дорог. Он призывал трудящихся к упорной работе для скорейшего разгрома врага.

Через несколько дней на заседании ВЦИК Михаил Иванович выступил с декларацией о ближайших задачах ВЦИК. Но прежде он сердечно поблагодарил всех присутствовавших за то доверие, которое они оказали ему, избрав на столь ответственный пост.

— Это доверие, — сказал Михаил Иванович, — я принимаю как доверие революционному петроградскому пролетариату от российских рабоче-крестьянских масс.

…Мое избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочими массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином.

От того, куда и за кем пойдет крестьянство, во многом зависела окончательная победа революции. VIII съезд партии подтвердил, что строить социализм можно только в союзе с середняком, потому что середняки в то время составляли основную массу крестьян. Очень важно было, чтобы эта основная масса поняла политику партии.

Ленин как-то предложил послать в длительные поездки по стране выдающихся пропагандистов и агитаторов партии. Создать специальные агитпоезда, агитпароходы, снабдить их необходимыми пособиями, сформировать бригады из работников наркоматов и ведомств и направить в различные уголки страны.

Ленинское предложение понравилось Калинину. Он решил оборудовать агитационно-инструкторский поезд ВЦИК. Этот поезд вошел в историю под названием «Октябрьская революция».

Возглавить поезд партия поручила самому Михаилу Ивановичу Калинину.

29 апреля Калинин отправился в свою первую поездку по стране.

Длинные старомодные угловатые вагоны поезда были ярко

расписаны символическими картинами из «революционного быта». Один вагон был занят под кинематограф, другой — под склад литературы, тут же оборудовали книжный магазин. Купе просторные, рассчитанные на долговременное пребывание. Уже сидя в купе, Калинин принял корреспондентов «Правды» и «Известий» и обстоятельно ответил на все вопросы.

— Моя главная цель — непосредственно подойти к уезду и волости, к трудящемуся народу, отдаленному от центра, и узнать его нужды, подслушать голос самой жизни.

Калинин попросил особо подчеркнуть политическое значение поездки.

— Губернии, по которым мы намерены проехать, близки к колчаковскому фронту, и политическая агитация в той области имеет огромное значение. Появление агитаторов из центра, митинги, которые мы будем устраивать на местах, раздача литературы, плакатов, воззваний, демонстрирование лент советского кинематографа, самое соприкосновение с представителями центральной рабоче-крестьянской власти должно поднять настроение народа, рассеять сомнения, вносимые колчаковскими агентами-провокаторами.

И вот замелькали города, полустанки, деревни. Останавливались в крупных пунктах: Муром, Арзамас, Алатырь, Казань, Свияжск, Рузаевка, Симбирск, Мелекесс, Рязань, Голутвин. Тут же, на станциях, вспыхивали митинги.

Калинин смотрел в суровые лица людей. Хотелось сказать им что-нибудь радостное, обнадеживающее. Но хорошего было мало. Так что ж, замазывать недостатки, приукрашивать действительность? Нет, на это он не пойдет. Лучше честно объяснить людям — нам очень трудно: они много перенесли, они поймут.

На первой же станции, в Муроме, направляясь на митинг в железнодорожные мастерские, Калинин остановился возле вагона-кинематографа. Вагон осаждали ребятишки — худые, с землистыми от недоедания лицами. Многие из них впервые в жизни видели движущиеся изображения. С одинаковым ребячьим изумлением смотрели они сказку «О рыбаке и рыбке» и «Праздник коммунистической молодежи», «Стрекоза и Муравей», «Китайские тени».

Потом, когда Калинин выступал перед людьми, в глазах стояли эти худенькие девчонки и мальчишки.

И он говорил:

— У нас голод, нет товаров, нет обуви. Почему? Потому что такие важнейшие промышленные районы, как Дон, Туркестан, Баку, Сибирь, до сих пор в руках врага. Если еще и Волга попадет

в руки Колчака, то положение станет еще хуже. Теперь главная задача рабоче-крестьянских масс — разбить Колчака… Каждый человек нынче вправе сказать: «В настоящее время я исполняю самую небольшую работу, но этой маленькой работой — я укрепляю Советскую власть». И я призываю вас, товарищи, к самому энергичному проявлению творческих сил, в чем бы они ни выражались: в обработке ли полей, в возделывании картофеля, в совершенствовании производства.

Всматриваясь в глаза людей, Калинин видел, что слова его доходят до них. Это подтвердила и принятая после его выступления резолюция, торжественная и искренняя: «Напрягая все наши силы и разум для улучшения транспорта, изгоняя из своей среды клеветников и предателей, мы в любую минуту готовы стать на защиту Советов от посягательств с чьей бы то ни было стороны, а тем более от палачей, идущих против них войною, дабы тем самым приблизить желанный день, когда над всем миром водружено будет боевое Красное знамя — символ великих завоеваний революционного пролетариата всего мира».

Всего таких митингов и собраний работники агитпоезда провели до семидесяти. На сорока одном из них выступал Калинин.

После городского митинга на «фордике» или на лошадях Михаил Иванович обычно отправлялся в деревни. Стоя в толпе крестьян, Калинин уверенными движениями свертывал самокрутку, привычно склеивал. Закурив, произносил: «Ну вот, перед вами власть. Можете говорить как на духу». Выслушивал жалобы: исполком притесняет, последнюю корову отобрали, чрезвычайный налог режет.

Большинство вопросов решал на месте.

Были вопросы и другого рода: «Почему нет свободы торговли?», «А нельзя ли сделать Учредительное собрание?»

Михаил Иванович отвечал подробно, не жалея времени.

…Калинин вернулся в Москву 18 мая. Съездил ненадолго на родину. Первый раз приехал в Троицу уже не как «бунтовщик»-подпольщик и даже не просто ответственный работник, а первый человек в государстве — президент Советской республики. Выходя из чайной Карцева, где он всегда останавливался на пути домой, Калинин увидел своего односельчанина Ивана Клюева. Иван стоял на коленях перед крыльцом. На непокрытой голове лежало прошение. Калинин не сразу понял, что все это обращено в его адрес. Потом догадался, залился краской.

— Что ты?.. Что ты, Иван Трофимович!..

Взял сложенную вчетверо бумажку, заботливо поднял земляка. Сели тут же на крылечке. Клюев рассказывал:

— Не знаешь, с какой стороны беда к бедняку подберется. Повез на мельницу зерно на муку смолоть: восемнадцать пудов — все, что было. Что ж, казалось, плохого из этого может выйти? Так вышло же — сгорела мельница-то! Остался с пустыми сусеками. Сам — ладно, и корой бы пропитался, так ребята-то как?..

Близка Калинину крестьянская беда.

— У тебя ведь, кажется, пятеро?

— Пятеро…

Успокоил как мог, дал записку с ходатайством в Тверь, чтоб выдали восемнадцать пудов хлеба бедняку Клюеву. А потом долго еще мерещилась сгорбленная спина земляка с бумажкой на голове.

Уже подъезжая к родной деревне, увидел на обочине дороги трех мужиков, отчаянно споривших. Рядом стояли подводы с распиленным березовым кряжем. Михаил Иванович велел остановить лошадей. Спрыгнул с тележки, попросил объяснить, почему спор.

Один, оказавшийся лесником, рассказал, что задержал двух крестьян, самовольно срубивших дерево, и требует ехать в волисполком. Те противятся.

— Лесник-то прав, чего же вы распоясались? — спросил Калинин.

Нарушители уже узнали земляка, смутились.

— Какое же наказание вы им определите? — обратился Михаил Иванович к леснику.

— В волостном исполкоме составлю акт, дрова отберу, распилят для школы; и штраф — никуда не денутся — сдерем как с миленьких.

— И все наказание?

— Не сажать же их в кутузку: сеять вот-вот пора.

— Правильно, — согласился Михаил Иванович. — В кутузку не надо. Но посадить три березки вместо одной срубленной — это надо обязательно сделать. Поеду назад через две недели, чтоб были посажены!

С тех пор на месте срубленного дерева растут у Ильинского тракта три березы.

Заехал Михаил Иванович и в Яковлевское — село, где учился в школе. Анна Алексеевна, его старая учительница, была жива. Долго сидели они, вспоминая давно прошедшие годы…

После первой поездки с агитпоездом последовала вторая: Рига, Двинск, Молодечно, Минск, Бобруйск, Жлобин и Гомель — Западный фронт. Потом третья, на Южный фронт, четвертая — опять на Восточный фронт, по следам отступления Колчака.

Нелегко пришлось во время поездки вдоль Западного

фронта…

На Смоленщине Калинин столкнулся с откровенным сопротивлением властям, с массовым дезертирством из армии.

Выступая на сходке в одной из деревень, Калинин, сердито поблескивая очками из-под нахлобученного на лоб картуза, говорил:

— Сохранять свою шкуру, прятаться в кустах в то время, когда твой сосед-крестьянин умирает на фронте, — это же самая большая подлость, какую можно выдумать!

Мы готовы оказать крестьянам любую помощь, на какую только способны, но мы будем жестоко карать тех, кто хочет спасти свою шкуру за счет других. Вот ваш помещик Оболенский. Он не сидит дома, а участвует в войне на стороне Деникина, чтобы отвоевать опять свои земли. А вы не понимаете, что если возвратятся помещики, придет Деникин, то они вытащат вас из темных углов.

На Бежицком заводе в Брянской губернии меньшевики и эсеры, воспользовавшись продовольственными затруднениями, стали подбивать рабочих на забастовку. Калинин появился на заводе в разгар волнений. Когда он, забравшись на паровозный тендер, обратился к меньшевикам и эсерам с негодующими словами, из толпы кто-то выкрикнул:

— К черту речи! Хлеба давай!..

Калинин выждал, пока все успокоились.

— Хлеба я вам не дам и не обещаю… — Он снова повернулся к меньшевикам. — А ваше поведение есть предательство по отношению к рабочему классу и к Красной Армии. Вы меня не запугивайте и не думайте, что я позволю задержать хлебный маршрут, отправляемый на фронт. Я не поверю, чтобы хоть один рабочий согласился с этим…

В Минске, Могилеве, Бобруйске дело уже обстояло по-другому. На каждом полустанке собирались толпы народа в надежде услышать хоть несколько слов от Калинина.

20 июня площадь Свободы в Минске заполнили дети. Пятнадцать тысяч школьников пришли приветствовать Калинина. Потом состоялся парад рабочего полка и всевобуча. А на другой день утром Калинин проснулся в своем вагоне, разбуженный разрывами бомб. Выскочил на подножку. Увидел в облаках вражеский самолет. Со всех сторон по нему палили из ружей и пулеметов. Самолет стремительно уходил в сторону Молодечно. Дымились станционные постройки, зияли выбитые окна.

Вечером налет повторился, и снова бомбы рвались вокруг поезда.

Третья поездка агитпоезда началась 12 июля. К тому времени

положение на фронтах изменилось. Изумленный и перепуганный «правитель омский» покатился на восток. На первый план выдвинулся властолюбивый карьерист Антон Деникин. Южный фронт стал главным.

В тот же день, когда поезд Калинина, или, как его тогда стали называть, «ВЦИК на колесах», покатил в направлении Саратова, Ленин выступил на московской конференции РКП(б) с докладом о внутреннем и внешнем положении республики.

— …Учитывая все пережитое, — сказал он, — весь опыт этого года, мы с уверенностью говорим, что трудности преодолеем, что этот июль — последний тяжелый июль…

Отчет об этой речи вождя, напечатанный в «Правде», Калинин прочел в Аткарске. Новой молодой энергией наполнилось сердце, нашлись новые слова для людей, слушавших его в Ртищеве, Сердобске, Покровске, Вольске. Из Вольска Михаил Иванович отправился на пароходе в Балаков и другие приволжские города. Побывал в деревнях и селах. При виде полей сжималось от боли крестьянское сердце: «Урожай-то, урожай какой!..»

Из Аткарска Калинин послал телеграмму Ильичу:

«Урожай Аткарского уезда небывалый. Хлеб на корню больше недели стоять не может. Рабочих рук не хватает. Необходимо откомандировать аткарские воинские части для уборки хлеба. В противном случае часть урожая погибнет. Просим срочно сделать распоряжение; просим срочно ответить».

Вечером Калинин с волнением читал ленинский ответ:

«Немедленно организуйте все неиспользованные еще технические силы и средства для уборки урожая. С той же целью широко и планомерно проведите трудовую повинность городского и сельского населения. Проявите всю энергию и организованность в деле своевременной уборки урожая. О принятых мерах телеграфируйте наркомзему для доклада Совнаркому.

Предсовобороны Ленин».

Сам Калинин, политком Воеводин, уполномоченные Наркомпрода Соколов, Некрасов — все до одного выступали на митингах, собраниях, сходках. В течение нескольких дней удалось мобилизовать трудоспособное население, в том числе и городских жителей, красноармейцев, безработных, эвакуированных.

Калинин работал день и ночь. Он распорядился перебросить на уборку людей из других губерний, устроить мастерские для срочного ремонта сельскохозяйственных орудий. Лично пересматривал дела крестьян, осужденных за мелкие преступления. Многих освобождал и тоже направлял на полевые

работы.

В результате указание Ленина было выполнено: хлеб убран. Михаил Иванович не успокоился, пока не увидел первый эшелон, отправившийся на Южный фронт.

В Балакове Калинин созвал всех ответственных работников города и уезда и предложил немедленно образовать Чрезвычайную комиссию для мобилизации всех сил и средств на уборку урожая. Предложение было принято. В Баронске городской Совет решил в честь посещения города «всероссийским старостой» отправить для рабочих Москвы и Питера пятьдесят тысяч пудов хлеба.

Отовсюду, где проезжал поезд председателя ВЦИК, отправлялись до отказа груженные хлебом эшелоны.

Такую же работу Калинин проводил и во время четвертого рейса — осенью. Это была самая продолжительная поездка Калинина в 1919 году. Через Тулу, Пензу, Самару агитпоезд доехал до Оренбурга.

В Оренбурге Калинин выступил на митинге военнопленных колчаковцев, смотревших на него как на чудо: «Простой мужик — верховная власть?» Калинин почувствовал это.

Свою речь он начал так:

— Казаки, военнопленные! Перед вами стоит представитель рабоче-крестьянской власти. Перед вами стоит не человек белой кости, не человек, умеющий красиво гарцевать на коне…

И он заговорил о страданиях народа, о том, за что воюет Советская власть. Как старший, справедливый брат, стыдил он их за то, что поддались на белогвардейскую удочку:

— Вы могли думать, что великий русский народ, который создал все фабрики, который построил тысячеверстные железные дороги, у которого в руках дворцы и все богатства этого мира, — вы могли подумать, что этот русский народ придет отнимать у вас эту землю…

Только опьяненная ненавистью голова может подумать, что английский купец из милости, из сожаления к вам посылает пулеметы и деньги. Нет, он посылает эти пулеметы для того, чтобы вас, дураков, связать крепкими цепями, а потом и нас — всю коренную Россию…

В заключение он сказал:

— Борьба отчаянная, момент острый. Вы должны продумать, за кем идти, и если вы решите, что ваше место с крестьянами и рабочими, то приходите, и вы будете приняты как товарищи…

Митинг принял резолюцию: «Мы до сего времени были обмануты царскими старыми слугами, которые силой гнали многих из нас в свою разбойничью шайку. Мы клянемся перед

всем честным трудовым народом Советской России, перед лицом высшего представителя трудовой рабоче-крестьянской власти председателя ВЦИК товарища Калинина, что отныне с оружием в руках пойдем рука об руку со всеми рабочими и крестьянами против богачей и кровопийц мира».

Семь дней провел Михаил Иванович в Оренбуржье. Своими глазами видел, как вступали в строй шахты и рудники, начинали дымить заводские трубы, оживали полумертвые паровозы. А самое главное — людские сердца загорались энергией, желанием быстрее ликвидировать разруху, построить новую жизнь.

23 октября в Москве, открывая очередное заседание ВЦИК, Калинин заявил, что считает своим долгом поделиться с присутствующими впечатлениями и наблюдениями от четырех поездок по стране.

— …Самый беглый, самый поверхностный осмотр Российской Советской Республики и органов Советской власти, — заявил он, — привел нас к полному убеждению, что в Российской Советской Республике сейчас происходит огромный процесс, который в провинции особенно ярко наблюдается, — это укрепление влияния Советской власти и сознание ее необходимости в глубинных массах рабочих и крестьян и даже в обывательской массе.

…На другой день Михаил Иванович отправился в свой пятый рейс по стране. На сей раз путь агитпоезда лежал снова на Южный фронт.

Здесь в это время Красная Армия начала решительное наступление против Деникина, 20 октября был взят Орел. 24-го конники Буденного, сверкая клинками, ворвались в Воронеж. В ноябре взвился красный флаг над Курском. Это были решающие дни гражданской войны.

В Воронеж поезд прибыл 3 ноября, а на другой день вместе с политкомом — председателем ЦИК Украины Григорием Ивановичем Петровским Калинин выехал в сторону Землянска, где располагался штаб Буденного.

С конниками Буденного Михаилу Ивановичу не пришлось долго побыть. После смотра войска Калинин в сопровождении караула, возглавляемого Олеко Дундичем, выехал в Воронеж. Но, как пишет Буденный, долго потом после посещения Михаила Ивановича конники рассказывали о нем бойцам корпуса. Они воочию убедились, что у власти в Советской республике стоят не богачи, а простые люди, трудящиеся.

В Воронеже сложилось крайне тяжелое положение с продовольствием. Калинину докладывали: даже раненые неделями не получают хлеба. Он тут же продиктовал приказ:

губпродкому немедленно произвести поволостную разверстку среди сельского населения.

Так же, как и в предыдущие поездки, Калинин разъяснял решения партии и правительства, особенно среди крестьян. Говорил о том, почему необходима продразверстка, просил понять, что мера эта временная. Она вынуждена суровыми условиями, в которых оказалась страна. Ему жаловались на спекулянтов, и он растолковывал терпеливо, что спекуляция — это только кажущееся благополучие. По существу же это разорение государства, а те богатства, которые крестьянин заработает спекуляцией, в конце концов превратят его в нищего.

Возвращаясь из этой поездки, Калинин еще не знал, как высоко оценил Ленин его работу среди крестьян. 18 ноября, выступая на I совещании по партийной работе в деревне, Владимир Ильич сказал: «И благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики».

Позже Михаил Иванович вспоминал о своем разговоре с Лениным, состоявшемся после этой поездки:

«С обратной дороги являюсь к Владимиру Ильичу, а он быстро вбегает в комнату, потирает голову ладонью и весело смеется. «Ну, — говорит, — как? Швах дело?» Вижу, испытывает, с этакой подковырочкой подходит, а в глазах огоньки играют. «Нет, — говорю, — Владимир Ильич, положение на фронте крепче, чем когда бы то ни было. Все уверены в разгроме Деникина. Боевой дух высокий, нам нечего беспокоиться». Нужно было видеть, как Ленин радовался и горел. «Отлично, отлично, товарищ Калинин! Все ясно как божий день!»

К началу 1920 года с Деникиным было покончено. Но до Нового года Калинин со своим агитпоездом побывал еще и в Петрограде.

Петроград… При воспоминании о нем у Калинина становилось теплее на душе. Внимательно следил он за Петроградским фронтом, ни на минуту не сомневаясь в разгроме Юденича. Не раз говорил: «За Петроград я спокоен. Петроградские рабочие — это те рабочие, которые больше, чем кто-либо, положили свои головы за Советскую республику. Они отстоят Петроград».

И они отстояли.

5—9 декабря состоялся VII Всероссийский съезд Советов, вновь избравший Калинина членом ВЦИК. На съезде Михаил

Иванович предложил наградить Петроград за героическую оборону от Юденича боевым орденом Красного Знамени.

20 декабря Калинин вновь перешагнул порог Таврического дворца. Казалось, совсем недавно он слушал тут гневные обличительные речи депутатов-большевиков IV Государственной думы, а затем ленинские тезисы на Апрельской конференции, голосовал за решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Совсем недавно…

Голос Калинина слегка дрогнул, когда, стоя на трибуне, он произнес:

— Товарищи, по поручению VII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вручаю боевое знамя с орденом Красного Знамени Петрограду, красному революционному пролетариату города Петрограда…

Петроградский пролетариат привык знамена брать, а не отдавать. Армии, которые возымеют дерзость захватить это знамя, поплатятся своими знаменами. Это знамя на веки вечные водрузится здесь, и петроградский пролетариат будет высоко держать его перед всем миром.

2 января Михаил Иванович вернулся в столицу. Вернулся, чтобы через несколько дней снова окунуться в дорожную жизнь — жизнь, полную новых забот, тревог, радостей и огорчений.

…В марте 1918 года по предложению В. И. Ленине М. И. Калинин избран председателем ВЦИК. В годы гражданской войны М. И. Калинин совершает поездки на фронты, ведет большую агитационную работу среди красноармейцев, а также среди рабочих и крестьян. Пользуется огромной популярностью и любовью среди трудящегося народа Советской России, постоянно выезжает в разные районы страны, выступает на митингах и собраниях. На XI съезде партии (1922 г.) избирается членом ЦК, с тех пор до конца жизни его избирают в состав ленинского большевистского штаба. 1 января 1926 года становится членом Политбюро ЦК ВКП(б). С 1922 года М. И. Калинин — председатель ЦИК СССР. В годы индустриализации и коллективизации посещает крупнейшие новостройки страны, колхозы и совхозы, большую работу ведет среди молодежи, выступает на съездах комсомола. Автор многих книг и статей на темы коммунистического воспитания. В январе 1937 года избран первым Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В годы Великой Отечественной войны выезжает на фронты, выступает перед воинами.

М. И. Калинин умер 3 июня 1946 года.

А. Толмачев. Калинин.

Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., «Молодая гвардия», 1974.

Степан Георгиевич Шаумян

Родился 1(13) октября 1878 года в Тифлисе. Шестнадцатилетним учеником реального училища организует молодежные нелегальные кружки, издает журнал «Циацан» («Радуга»]. В 1898 году поступает в Петербургский политехнический институт, затем переводится в Рижский политехникум. В октябре 1900 года вступает в РСДРП, ведет революционную работу среди студенческой молодежи Риги, печатает прокламации, воззвания к рижским рабочим. В 1902 году за активное участие в первой в Прибалтике политической демонстрации исключен из политехникума, выслан из Риги, продолжает образование в Берлине. В 1903 году впервые встречается с В. И. Лениным. С 1904 года один из руководителей большевиков Кавказа. На Пражской партийной конференции (1912 г.) избран в кандидаты ЦК РСДРП. В 1914 году — организатор знаменитой всеобщей стачки в Баку. В 1916 году арестован и сослан. С марта 1917 года — председатель Бакинского Совета рабочих депутатов. На VI съезде партии (июль — август 1917-го) избран членом ЦК РСДРП(б)...

Шестнадцатого декабря 1917 года под председательством Ленина собирается Совет Народных Комиссаров. Доклад о положении на Кавказе наркома по делам национальностей. Для Камо он просто земляк — гориец Сосо, в годы более зрелые — Коба. Ильич сам формулирует три пункта решения: дать полмиллиона рублей по смете внутренних дел Бакинскому Совету для борьбы с Калединым; учредить пост чрезвычайного комиссара — полномочного представителя центра, назначить Шаумяна, подобрать ему помощника по указанию Подвойского.

Участников заседания смущает одно немаловажное обстоятельство. Кавказ отрезан, удастся ли доставить Степану Георгиевичу мандат, деньги, хотя бы известить его о назначении? Ленин хитро прищуривает глаза. Произносит одно слово.

Магическое. Камо!

А месяц спустя Камо мечется по Тифлису. В страшнейшей тревоге. Исчез Степан. В субботу шестого января он выехал из Баку. Скорым поездом номер три. По депеше крайкома.

Потом Степан Георгиевич расскажет: на заре в понедельник поезд подошел к Елизаветполю. В вагон ворвались вооруженные мусаватисты из «национальных сил», проще сказать, банд Аслан-бека Сафикюрдского. Кулаками и прикладами стали выгонять сонных, полуодетых пассажиров. Не милуя ни детей, ни женщин.

Только перед Шаумяном в почтительном поклоне склонился сам особо доверенный Константинополя и член Закавказского комиссариата Мирза Фатали Хан-Хойский. От неожиданности Степан вздрогнул. Хан принес извинения. На его долю выпала тяжкая обязанность просить господина Шаумяна прервать свое путешествие. Ни одного поезда на Тифлис больше не будет. Достаточно того, что произошло этой ночью..

От других, не от Хан-Хойского, — Хан не из болтливых, отлично знает, как и с кем себя вести, — Степан узнает, что на ближайших станциях Шамхор и Далляр еще догорают эшелоны, разбитые, ограбленные. Вдоль полотна, под откосами, среди обломков — всюду трупы солдат. Тысячи жертв неслыханного преступления. Хорошо обдуманного, тщательно спланированного, осуществленного с нечеловеческой жестокостью.

За пять недель до резни консул Смит обнадеживает государственный департамент: «Премьер-министр Закавказья сообщил сегодня, что если правительство не получит шестьдесят миллионов рублей немедленно, то власть может перейти к большевикам. Это будет величайшим несчастьем… Весьма безотлагательно в качестве предварительной меры следует, чтобы я был уполномочен ответной телеграммой предоставить в их распоряжение эту сумму. Я полагаю, что смогу обеспечить разоружение войск, возвращающихся с турецкого фронта, которые целиком являются большевистскими».

«Обеспечить разоружение…» Стенографическая запись диалога двух меньшевиков на заседании краевого центра — тифлисский предпарламент. Один, В. Джугели, еще томится в ожидании министерского портфеля. Второй, Н. Рамишвили, с самого начала у кормила власти.

«В. Джугели. Это было не разоружение, а разграбление солдат; у несчастных, тоскующих по дому людей забрали все, вплоть до сапог. Здесь же шел торг. Разбойничьим бандам продавалось вооружение. Творилось что-то возмутительное.

Н. Рамишвили. Джугели клеветник.

В. Джугели. Ной Рамишвили лжец!

Н. Рамишвили (повторяет). Джугели клеветник.

В. Джугели. Прошу прекратить оскорбительные выражения по моему адресу.

Н. Рамишвили. Заявляю, что сказанное Джугели инсинуация, что Джугели клеветник.

В. Джугели. А вы подлец и негодяй…»

Заметая следы, Закавказский комиссариат снаряжает «правительственную комиссию для расследования шамхорского дела». Для пущей важности иудушки заседают поочередно то в мусульманской, то в армянской части Елизаветполя. Оглашается беспристрастное заключение: «Случайный, прискорбный эпизод, плод рук безответственных вооруженных элементов». Хохочет, заливается недавний эсер Аслан-бек Сафикюрдский. Кто же, как не он, торжественно продефилировал верхом на пушке, отобранной у «врага», по всему Елизаветполю! В отменном настроении пребывает и другой демократ, делегат краевого центра, полковник Стрелковский: «Убиты красные солдаты, ну и слава богу!»

В хор подлецов врывается голос человеческой совести: Шаумян, повернувшись спиной к комиссии, не обращая внимания на крики, угрозы, обращается к землякам-кавказцам:

«Если есть «разбойники», действительно повинные в шамхорском преступлении, то это те беки и ханы, которые заседают в мусульманском национальном комитете, в Закавказском комиссариате, и их «доблестные» союзники — бывшие социал-демократы Жордания, Гегечкори, Рамишвили, Чхенкели. Народ знает имена убийц. И народ же должен их судить.

Неужели Советы Закавказья пали так низко, что не поднимут своего голоса против ужасного злодеяния, против открытой контрреволюции и не скажут своим изменникам-вождям: «Прочь! Довольно с нас вашей преступной политики…»?

Пассажирские поезда больше не ходят. На шоссе заставы и патрули «национальных» мусульманских сил, грузинских «народных гвардейцев», «ничейных» войск генерала Лебединского. Кто мало-мальски дорожит своей жизнью, не отлучается из дому. Время слишком смутное для путешествий.

«Богом клянусь, Степан-джан! Нельзя идти, совсем пропадем…» — призывает к благоразумию старик Анес, следопыт, охотник, авторитет непререкаемый для горцев.

Ничего не может возразить и Степан Георгиевич. Зима. Тропы под снегом и льдом. Лошади могут в любую минуту сорваться с карнизов в пропасть. Следов никто не отыщет. На сердце холодок…

«Если революция требует, что же, будем и джигитами!» — все, что может ответить Степан на уговоры.

Проводы на исходе ночи. У двух чинар за околицей Елизаветполя Шаумян садится на лошадь. На нем легкое демисезонное пальто, брюки навыпуск, узкие городские ботинки на тонкой подметке. В довершение выясняется, что нет перчаток. Руки покраснели… Аскеназ Мравян, давний приятель, руководитель загнанного в подполье большевистского комитета, протягивает свои шерстяные варежки. Степан не берет. Старик Анес идет проводником.

Ближние селения переполнены всадниками «дикой дивизии», мусаватистами и просто слегка переодетыми турецкими аскерами. Молодой родственник Анеса — Артем выдает себя за жениха, спешащего на свадьбу. Степан и сопровождающий его Мусеиб Алиев — старшие братья жениха. Второй помощник проводника Николай — зурнач. Кавалькада двигается под громкий звон зурны. Все выше в горы. К перевалу…

В четверг, двадцать пятого января, по всему Тифлису белые, серые, почти совсем желтые — какая нашлась бумага — извещения:

«22 января с. г., приехав в Тифлис, я получил декрет Совета Народных Комиссаров о назначении меня Временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Вступая в исполнение своих обязанностей, прошу всех граждан Кавказа, все Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, все войска Кавказской армии, а также все местные политические, правительственные и общественные организации и учреждения обращаться ко мне по следующему временному адресу: Кочубеевская, 20, кв. 1.

Чрезвычайный комиссар по делам Кавказа

С. Г. Шаумян.

Секретарь Н. Кузнецов».

Тут же выходит первый номер «Кавказского вестника Совета Народных Комиссаров». В долговечность своего издания Шаумян не очень-то верит. Полуденное солнце всегда исключает туман, тем более густой мрак. Нельзя, невозможно ужиться рядом, в одном городе, чрезвычайному комиссару и закавказской контрреволюции. Посланцу центральной Советской власти и националистическим центрам, консулу Смиту, главе английской миссии полковнику Пайку, эмиссарам Константинополя и Берлина…

Откладывать ничего нельзя. Завтра может и вовсе не наступить! В «Вестнике» сразу надо сказать как можно больше. Об общности судеб России и Кавказа, о национализации земли и дружественном отношении большевиков к крестьянам мусульманских провинций. Об елизаветпольских событиях, неизбежном суде над виновниками погромов и о том, что совершенно не нужно убивать ханов и беков, их жен и детей — достаточно отнять у них власть и имущество.

«Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне Кавказа!

Дело революции нигде в России в настоящее время не находится в такой опасности, как у нас на Кавказе… Оборонческая буржуазно-помещичья власть, свергнутая в России, продолжает еще жить на Кавказе. Советы или не существуют вовсе, или низведены до роли ненужных придатков к реакционным оборонческим организациям.

Вместо интернационально-демократических и революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов мы имеем реакционные буржуазные или помещичьи *национальные Советы,* играющие роль национальных правительств. Вместо интернациональной советской Красной гвардии мы имеем руководимые реакционными элементами национальные полки.

Благодаря этой националистической политике Кавказ стоит на краю пропасти. Спасайте его! Создайте здесь интернациональное рабоче-крестьянское правительство, которое в тесном единении с российскими советскими центрами положит конец контрреволюции и поведет рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма».

Меньшевики уходить не хотят. Они, бьет тревогу Ленин, предпочитают поставить виселицу для Шаумяна. Восьмого и девятого февраля идут лихорадочные приготовления. В Тифлис из деревень стянуты «народные гвардейцы». Вытребованы полки «дикой дивизии». Сформированы офицерские добровольческие дружины. Ничего не упущено. Заранее закрыты большевистские газеты «Кавказский рабочий», «Брдзола», «Банвори крив». Выданы ордера на аресты. Назначено крупное вознаграждение за голову Степана. Найти его никак не могут. В «Кавказском слове» — подобие скончавшейся в Петрограде «Биржевки» — простодушное свидетельство: «На Дворцовой сняли с трамвая одного типа, будто бы похожего на Шаумяна, и выстрелили в упор. Кричали: «Чрезвычайный комиссар большевиков испустил дух!» Увы, опять не он!»

Суббота, десятое число, выдалась холодной и пасмурной. Много ли найдется среди тифлисцев охотников отправиться в

Александровский сад? Очевидцы уверяют:

«Много, не меньше трех тысяч. Явились и скрывавшиеся товарищи Кавтарадзе, Махарадзе, Назаретян и другие. Среди митинга вошли в сад милиционеры и «народогвардейцы» (приблизительно около двух рот). С красными знаменами в руках и, успокаивая публику знаками, они приблизились к собравшимся.

Часть митинга, намеревавшаяся разойтись, осталась и, считая, что подходят свои, начала их даже приветствовать криками «ура». Председатель Кавтарадзе хотел остановить оратора и приветствовать явившихся. В это время пришедшие быстро рассыпались цепью, окружили митинг и открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь по митингу. Целились главным образом в президиум, стоявший на эстраде… Десятью пулями убит один товарищ, похожий на Кавтарадзе, так же, как он, одетый, и «народогвардейцы» кричали друг другу, что Кавтарадзе уже убит. Часть публики разбежалась, другая легла на землю. Стрельба продолжалась минут пятнадцать.

Как раз в эту минуту только что открылось первое заседание расширенного Закавказского сейма, и Чхеидзе держал речь под аккомпанемент ружей и пулеметов, трещавших тут же недалеко от дворца».

Во вторник Тифлис хоронит убитых. На братскую могилу первым кладут венок из живых цветов. От объявленного вне закона чрезвычайного комиссара. На шелковой ленте шесть слов, хлестающих как бич: «Жертвам социал-палачей Гегечкори и Жордания».

У ворот кладбища офицеры хватают красных. Скручивают руки, избивают, топчут сапогами. Многим сегодня из последних сил шагать в Метехский тюремный замок. По хорошо проторенной дороге.

Заключенные большевики объявляют голодовку. К городскому голове меньшевику Элиава является молодая женщина Виргиния Туманян.

— Меня прислал Степан Георгиевич Шаумян.

— О, прошу садиться. Я давно ищу возможности начать переговоры.

— Не поэтому ли удвоена сумма, объявленная за выдачу Шаумяна?

— Клянусь детьми!..

Начинаются трудные переговоры об условиях прекращения голодовки. Виргиния представляет чрезвычайного комиссара. Элиава — сейм. Очередная вариация закавказской власти. Новые мехи для того же безнадежно прокисшего вина.

Воля Шаумяна сильнее. Его условия приняты. Виргиния с огромной корзиной продуктов подъезжает на фаэтоне к Метехской тюрьме. На что-либо большее сейчас в Тифлисе рассчитывать не приходится. Не сегодня-завтра сейм объявит о полном разрыве с Россией и отделении от нее. Тем более необходимо сохранить Баку.

Степан Георгиевич покидает подпольную квартиру — сколько убежищ он сменил за эти недели! На разъезде «Трехсотая верста» в теплушку воинского эшелона садится еще один солдат. Как все, он наголо обрит, в шинели, обмотках, тяжелых ботинках.

Долгой вереницей, в «затылок» друг другу, эшелоны. Не менее десяти-двенадцати. На паровозах, на крышах и тормозных площадках — пулеметы, легкие горные пушки. В особо опасных местах вдоль железнодорожного полотна выставляется боевое охранение, вперед уходят дозоры. И все-таки в записях Степана строки: «Я ехал в седьмом эшелоне. Не знаю, как началось столкновение в Евлахе. Но в течение пятнадцати минут находился под самым энергичным обстрелом. Все это время нам, находящимся в теплушке, пришлось спасаться, прилегши на пол и скрываясь за ящиками и мешками…» До Баку тянуться не меньше недели.

Где-то поближе к хвосту прицеплен салон-вагон. В салоне самое избранное общество. Коллеги сэра Джорджа Бьюкенена, английского посла, некоронованного правителя России накануне революции, и его любимый протеже — генерал Половцев. Один из англичан, Рональд Мак-Донелл, вроде бы бакинский старожил. В девятисотых годах он приехал на Каспий в качестве младшего компаньона крупного и удачливого дельца Лесли Уркварта. Выполнял какие-то поручения барона Оппенгеймера. В благодарность получил пост вице-консула. С годами дошел и до консула, и до… майора разведывательной службы.

Пришло время — Мак-Донелл ушел на покой. Как и многие другие дипломаты и разведчики, он взялся за перо. Мемуары вышли в свет. В Лондоне. Где живет и другой отставной дипломат, также не раз бывший на нашей земле. Мистер Эллис. И он пишет мемуары, статьи. Составляет библиографические обзоры. Скрупулезно перечисляет все центральные и провинциальные издания — английские и русские, где как-то упоминается пребывание британцев в Баку. Обходит вниманием только книгу Мак-Донелла[2]. О ею мемуарах — полное молчание. С чего бы это, мистер Эллис?

Открываю книгу Мак-Донелла на странице 132. Годы еще дореволюционные.

«…Нас заинтересовали другие люди, которые впоследствии

сыграли видную роль: Джеваншир, инженер, Серги Арсен, адвокат, и особенно Шаумян. Личность Шаумяна была окружена тайной. Он был известен полиции как «политически сознательный). Говорили, что его арестовывали и сажали в тюрьму как политического агитатора. Фирма, на которую он работал, знала его как одного из лучших своих служащих. Все окружающие уважали его до степени обоготворения. Это, конечно, укрепляло точку зрения полиции, что Шаумян тайный политический агитатор.

Невозможно дать портрет Шаумяна вне работы и семьи, о которых у него были самые лучшие представления… Художники должны были выбрать голову Шаумяна как модель для создания образа восточного Христа. Хотя иногда смотрели на него как на опасного человека. Даже дашнаки боялись его…»

Бог с ними, с дашнаками. Не стоит тратить времени и на переживания Мак-Донелла в связи с тем, что бури 1917 года лишают его привычного общества градоначальника, миллионеров-нефтепромышленников и иже с ними. Появляются новые друзья. Весьма причастные к судьбе Шаумяна.

«Капитан Идвард Ноэль привез рубли из Персии. Ноэль был обычным офицером, натренированным в разведывательной работе. Он и приехал на Кавказ как офицер-разведчик.

…В Елизаветполе наш маленький поезд был захвачен. Ноэль и я взяты под стражу. Местный хан — некий Хойский контролировал все. Но полковник Эфендиев, слегка замаскированный турок, руководил нашим допросом.

Я был рад передать инициативу в руки Ноэля. Я два дня наблюдал очень хитрый обман. Мы, конечно, обвинялись в том, что везли боеприпасы и деньги армянам. Ноэль отказался отвечать на вопросы, но потребовал обыска нашего салон-вагона. Я сознавал, что мы этого меньше всего хотели. По простой причине — вентиляторы, задняя сторона зеркал и все щели были забиты бумажными деньгами.

Ноэль настаивал, и Хойский согласился. Выражая радость, капитан не забыл сказать, что лучше всего произвести обыск в присутствии Мирзы-хана, персидского генерального консула, который будет представлять собой нейтральный авторитет.

Я не знаю, связался ли Ноэль какими-либо неизвестными путями с персидским консулом или нет, но Мирза-хан отказался оскорбить обыском британский флаг, все время развевавшийся над нашим вагоном. На следующий день нам разрешили продолжать наш путь в Тифлис.

Когда мы приехали в Тифлис, мы нашли, что дела Транскавказского правительства и парламента шли нехорошо. В

городе проходила общая забастовка. Не было ни воды, ни света. Запасливый Ноэль имел минеральную воду, которую мы пили, которой мы умывались и побрились на следующий день.

…С деньгами, которые мы привезли, полковник Пайк, теперь глава «финансовой миссии», снова стал активным. Заметную активность проявляли и большевики. Они послали Шаумяна как специального посланника Ленина на Транскавказе. Шаумяна нехорошо приняли. Его приказали арестовать.

Я открыто передал себя в руки Ноэля. Ему не терпится возвратиться на свой пост в Баку. После раздумывания мы решили примкнуть к одному из эшелонов русских солдат, охваченных беспокойством, как бы другие, более расторопные, не разделили до их возвращения всю землю лендлордов.

В день расставания с Тифлисом Ноэль ошарашил меня. Он сказал, что мы берем с собой генерала Половцева и его супругу. Половцев, русский генерал, который предпринял знаменитую попытку удара против большевиков в Петрограде. За него живого или мертвого была назначена премия в пятьдесят тысяч рублей… Солдаты в эшелонах все красные. Некоторые из них служили под началом генерала. Ноэль уверяет, что это очень трогательно — предоставить большевистским солдатам освобождать путь для генерала. Самого пикантного мы оба еще не знаем. В середине нашего длинного каравана, в одном из товарных вагонов, находится… Шаумян. Он сбрил бороду. Кто-то презентовал ему солдатскую шинель.

Пять дней и шесть ночей длится наше путешествие. Все это время генерал Половцев и его супруга не выходили из своего купе. Всем было сказано, что достопочтенный американский миссионер — у генерала был паспорт какого-то давно умершего миссионера — тяжело болен, жена не покидает его ни на минуту. Еда доставлялась им в купе.

Когда мы после всех перестрелок и боев с туркофильскими бандами добрались до Баку, я взял Половцевых к себе на квартиру. Там я застал еще одного «миссионера» — генерала де Кандоля, бежавшего от большевиков из Ростова. Позднее с помощью различных уловок я смог убедить местное бакинское правительство принять Половцевых за армян и дать им визу на пароход, идущий в Персию. С генералом уехал и Ноэль, ему предстоял личный доклад командованию. Я передал с Ноэлем большую часть своих личных денег. Он должен был поместить их в банк Тегерана.

…То, что мы ждали, наконец, пришло. Взорвался бакинский котел. Резня была невероятная. В течение трех дней не было известно, кто возьмет вверх. В конечном счете татар и «дикую

дивизию» разбили. Теперь мы были при ортодоксальном большевистском правительстве со Степаном Шаумяном во главе. Дашнаки и Армянский национальный совет оказались безвольными против популярности большевизма. Без славы вернулась на свою позицию и Каспийская флотилия.

Я посетил Шаумяна поздно вечером. Дверь открыл его маленький сын. Я представился. Мальчик скорчил гримасу, которая явно говорила: «Я бы показал тебе язык». Затем он отошел назад, занял удобную позицию и громко провозгласил: «Вы буржуй!»

Появилась мадам Шаумян. Она проводила меня к мужу. Шаумян, сидя глубоко в кресле, читал толстую пачку документов. Сразу же отложил их, как только я вошел. Комната представляла собой жилище средней семьи. На одном конце стола стыл ужин Шаумяна, на другом лежали учебники его сына. На одном из стульев я заметил одежду, нуждавшуюся в починке, ее оставила госпожа Шаумян, когда она вышла мне навстречу.

Было невозможным представить, что глава этой уютной, во всем домашней семьи — известный революционер, готовый сокрушить всех, кто является противником его теорий. Тем не менее это было так.

Шаумян встретил меня без удивления. Он знал, что мы политические враги, и считался со мной как с противником. Он поднялся и принес бутылку красного вина.

Именно Шаумян первый завел разговор о Денстервиле. «Ваш генерал Денстервиль собирается в Баку для того, чтобы изгнать нас?» — спросил он иронически.

Я горячо уверял, что генерал Денстервиль не имеет политического топора, не точит его против большевиков. Он солдат и как таковой заботится, чтобы не допустить турок к Кавказу.

«И вы верите, что английский генерал и большевистский комиссар были бы хорошими партнерами? Нет! — загорелся Шаумян. — Мы организуем свои силы. И турки и англичане для нас одинаковые враги. Нам никогда не сговориться… А вы заходите при случае. Скрестим мечи…»

Я позволил себе осведомиться о судьбе Джеваншира, одного из лидеров татар. Он ответил спокойно: «Кто знает сегодня, кто мертв, кто жив?» Позднее я достоверно узнал, что Шаумян снова надежно укрыл своего друга[3]…

Я послал Пайку и министру в Тегеране сообщения, попросил не посылать мне телеграмм, которые могли быть прочитаны большевиками. Шаумян контролировал работу телеграфа и радиостанций. Пайк не ответил. Он, видимо, не мог ответить.

Тегеран попросил прислать доклад о бакинской ситуации. Я написал о своей первой беседе с Шаумяном со всеми подробностями. Шаумян отказался предоставить кабель и через два дня изложил свою версию. Он требовал гарантий, чтобы в случае принятия помощи от Англии все вооруженные отряды перешли под контроль Бакинского солдатского комитета. Этот комитет должен был бы иметь полную власть, учреждать военный суд над провинившимися британцами, платить жалованье, увольнять неугодных и т. д.

Во время обсуждения проектов телеграмм в Тегеран я встретил Джапаридзе, грузина, помощника Шаумяна. Он не скрывал желательности получить военную помощь и при мне спросил Шаумяна, действительно ли шеф боится английского генерала и трех сотен его офицеров. Это вылилось в длинную дискуссию о нравственной стороне принятия революционерами помощи от капиталистов. Мне известны и другие споры. У англичан были сторонники среди влиятельных кругов. Шаумян оставался непреклонным.

Я продолжал свои визиты. Сын Шаумяна и я стали большими приятелями. Пока его отец работал, читал, мы играли в железную дорогу. Я всегда удивлялся, как Шаумян мог думать, заниматься, невзирая на шум, создаваемый нами. Он утверждал, что никогда не попросил бы детей выйти из комнаты. Они являлись для него большим источником вдохновения.

Казалось, что Шаумян никогда не спал. После того как его семья ложилась, я часами слушал его теории о Совершенном Государстве, в котором каждый член общества будет работать для пользы всех, как каждая клетка человеческого организма «старается» для здоровья.

Однажды ночью я сказал Шаумяну о голодающих, которые пришли на пустырь позади моего дома и выкопали корни деревьев, о людях, на моих глазах пожиравших траву. «Да, это ужасно! — воскликнул Шаумян. — Мы без снисхождения спросим за это с вас, с ваших братьев по классу. И вы попробуете вкус травы!..» Это было сказано без тени злобы. Терпеливое разъяснение фактов упорствующему ребенку.

…Серги Арсен устроил перевозку моих докладов и донесений через Каспийское море в британское консульство в Реште. Он знал капитана парохода, который был верным роялистом и реакционером. Теперь я снова связался с нашим министром в Тегеране. Но те ответы, которые я получал, не были особенно полезными или инструктирующими. Я должен был продолжать свою работу — попытку убедить большевистские авторитеты в том, что генерал Денстервиль не имеет политических целей, а

только собирается держать турок на достаточном расстоянии от нефтяных промыслов Баку. Я старался верить нашей британской версии. Разве не пожелали мы царю доброго пути и не приветствовали Керенского? Разве не пожелали потом доброго пути и Керенскому? Почему же теперь не приветствовать большевиков, если они действительно намереваются бороться против наших врагов — турок? Шаумян продолжал недоверчиво улыбаться.

Однажды утром раздался звонок. Я открыл дверь. Незнакомая женщина представилась, назвавшись Марией Николаевной. Она принесла мне письмо от полковника Пайка, теперь он со своей миссией находился во Владикавказе. Неожиданная гостья была не без очарования. Она сообщила, что собирается начать работать машинисткой в штабе большевиков и готова умереть за «батюшку царя». Я сказал, что собираюсь оставаться в живых. Мари огорчилась. «Вы не доверяете мне. Подозреваете, что я подослана Чека!» Она зарыдала. Слезы показались мне искренними.

Эта женщина наладила тайную почту. Со временем я стал жизненно нуждаться в ее курьерах. Чаще всего это были молодые эксцентричные особы, выдававшие себя за беженок. Они приносили послания, упрятанные в подметки, в кожаные пуговицы пальто. Героини, которые не появились в исторических книгах…

После Марии Николаевны приходили другие, в большинстве русские офицеры. Их неосторожные визиты, разумеется, заставили большевиков подозревать меня. Шаумян просто дал мне понять, что мои посещения его дома нежелательны. Мне не хватало встреч и бесед с ним. Было жаль, что я не мог продолжать игру с маленьким мальчиком. Я иногда завидовал тем, кто мог выражать или защищать свои мысли открыто. Оружие проще, чем пути разведывательной службы.

В течение следующих недель я должен был слушать удивительные вещи. В Баку появился капитан Реджинальд Тиг-Джонс. Офицер-разведчик, прикрепленный к генералу Маллесону, державшему свою штаб-квартиру в Мешхеде. Тиг-Джонс сообщил, что новая политика британского и французского правительств — активная поддержка антибольшевистских сил. Не имеет значения, каких взглядов держатся заговорщики, кто они — монархисты или социалисты-революционеры.

Тиг-Джонс был особенно заинтересован Каспийской военной флотилией. На канонерках все еще большое влияние имели социалисты-революционеры. Они собирались нанести удар и избавиться от большевиков. Намечался союз с армянскими националистами и офицерами из школы авиации, имевшими в

своем распоряжении гидропланы. Бомбы, сброшенные на нефтепромыслы, и склады боеприпасов могли вызвать достаточную панику.

Энергия и энтузиазм Тиг-Джонса были удивительными. Я присоединился к капитану, несмотря на угрызения совести из-за моих личных симпатий к Шаумяну. Война есть война, грязь неизбежно липнет к рукам.

Теперь я был вовлечен в подпольное движение. Среди главных заговорщиков не было единства. Они не имели никакого представления о том, каким режимом может быть заменена власть большевиков. Но все они были готовы приветствовать в Баку британские силы, и все они хотели денег. Я платил. В разных местах моей квартиры были спрятаны два миллиона рублей.

…Прибыл русский генерал Джунковский, личный советник царя… Подпольная работа стала более интенсивной. Русский священник берется вызвать на промыслах бунт голодных рабочих. Они должны явиться как мирная демонстрация в центр города. Пока красная полиция будет занята с демонстрантами, офицеры и лучшие элементы окружат комиссариат и арестуют Шаумяна с ближайшими помощниками. Школа авиации, возможно, и флот будут пугать город… Дашнаки будут призваны восстановить и поддерживать порядок до прибытия Денстервиля. Все выглядело заманчивым и легкоосуществимым.

Следующие дни я был весь в хлопотах… За двадцать четыре часа до начала демонстрации узнаю, что арестован один из лидеров, весьма осведомленный полковник Ориоль. Своими глазами вижу, как его ведут под конвоем в тюрьму. Времени нет, удар нужно было нанести на следующее утро. Рискуя всем, бросаюсь к священнику, от него к Джунковскому. Договариваемся не говорить флоту и так называемым лучшим элементам об аресте Ориоля, авось он не потеряет головы на первом допросе и большевики останутся в неведении.

Я хорошо помню следующее утро. Я мог видеть из окна корабли, стоящие за полмили. Настало десять часов — назначенное нами время. С улицы никакого шума. Ни малейших признаков демонстрации, бунта. Отсутствуют гидропланы. Застыл флот. В 11.30 я не выдержал и вышел в город. Там и здесь патрули — солдаты и полицейские. Магазины работают. Люди свободно ходят по своим делам.

Джунковского дома не оказалось. Сказали, уехал на Кубань. Я пошел в банк, где Хевекл, наш вице-консул, служил управляющим. Он сказал, что рабочие начали было демонстрацию, но их остановили патрули. За несколько минут

было достигнуто полное понимание. Ни жертв, ни арестов. «Ничего больше», — повторил Хевекл. Я пошел в город, но опять никого не нашел…

На следующий день пресса писала, что была сильная компания контрреволюционеров. Ни одного намека на связь заговорщиков с британским консулом. Но это меня не успокоило. Мой телефон был выключен. За домом открыто велось наблюдение. В комиссариат к Шаумяну меня не допустили. Даже с армянскими друзьями нельзя было связаться. Я был изолирован…

Прежде чем предпринять какой-то шаг, я должен был поехать в Аляты, небольшой каспийский порт, где находились полковник Клеттербек и начальник отряда русских казаков Бичерахов. Но за мной наблюдали. Я посоветовался с Серги Арсеном. Как обычно, он дал неожиданный совет: «Поезжайте к Шаумяну и попросите его, чтобы он взял вас как своего гостя». Я ничего не понял. Серги продолжал: «Да, да, шутки в сторону! Завтра Шаумян едет в нужном вам направлении специальным поездом. Если вы на вокзале войдете к нему в вагон, он вас не выгонит. Слишком воспитанный человек… Я отправлюсь с вами. У меня есть друг в Алятах».

На следующее утро мы подошли к поезду Шаумяна. Вошли прямо в салон. Шаумян удивился, увидев нас с Серги Арсеном. Я поспешил сказать, что хочу послать открытое послание на русском языке генералу Денстервилю, прошу дать разрешение. Шаумян обещал подумать. Мы продолжали разговаривать в доброжелательной манере. Прозвенел второй звонок. Шаумян встал, чтобы попрощаться. Я покачал головой. «Нет, я не могу покинуть вас до Алят, никак иначе мне туда не попасть. Не примените же вы силу?» — добавил я. Шаумян, с трудом подавляя гнев, произнес: «Мне бы хотелось знать, чего в вас больше: ума или наглости?»

До Алят мы все-таки доехали в поезде Шаумяна. Он направился дальше, не сказав на прощание ни слова…

От полковника Клеттербека я узнал о серьезности угрозы турок Баку. Полковник не скрывал своих опасений насчет готовности нашего командования отстаивать Баку. У генерала Денстервиля было большое желание протянуть дружескую руку, но под его властью было слишком мало солдат.

Так или иначе, мне следовало поспешить к генералу. Мой новый союзник, начальник большевистской военной полиции уверял меня, что все легко осуществимо. Его влияние снимет все преграды. Услуга за услугу. Я поспешил вручить двести фунтов стерлингов, дабы мой полицейский избавился от мучивших его

долгов. А я взошел бы на борт судна, направлявшегося в Энзели. Этот персидский порт находился в руках большевиков, но там за городом стоял британский гарнизон.

В одиннадцать часов утра без всякого багажа, в белом полотняном костюме я был спрятан в машинное отделение. Я был обречен несколько часов выдерживать 90 градусов жары по Фаренгейту… В Энзели соотечественники вознаградили меня за все. Майор Браун, командовавший вспомогательным отрядом Денстервиля, и полковник Стоукс, старший политический офицер, старались меня развлечь. Не их вина, что из Баку пришла телеграмма-сообщение, что я заочно приговорен к смертной казни. С нехорошим чувством я отправился в Тегеран…»

О том же сам генерал-майор Денстервиль (в оценке Киплинга «твердый, как ствол, британец»): «Положение вещей в Закавказье уже давно безнадежно. Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, и тогда мы, может быть, и сумеем навести там порядок. Но в настоящий момент… до достижения нами успеха еще очень далеко. Когда они призывают нас к себе на помощь, они имеют в виду деньги и деньги. Мы для них курица, несущая золотые яйца. Может быть, временно мы и будем пользоваться популярностью у тех, кто воспользуется этими яйцами, но настоящей благодарности мы не дождемся даже и от них.

…Если бы у нас было достаточно войск, мы могли бы двинуться и сегодня, но при отсутствии войск приходилось ждать, пока мы не обеспечим себе будущей позиции в Баку и не подготовим нейтрализации этого города путем интриг. Британский консул Р. Мак-Донелл все еще оставался на своем посту и находил возможность влиять на ход событий в желательном направлении. Он снабжал нас весьма ценными сведениями.

Наш план основывался на господстве в Каспийском море, а так как этого мы могли достигнуть лишь оккупацией Баку, то необходимо было идти на все. Любой риск оправдывался безусловно.

Два дня, двадцать седьмого и двадцать восьмого июня, были целиком посвящены обсуждению планов с Бичераховым…

Бичерахов требует довольно много денег, и военное министерство спрашивает меня, стоит ли он того. Конечно, стоит. Я вовсе не считаю его требования чрезмерными, особенно если принять во внимание то, что он для нас делает, и еще то обстоятельство, что только он один может это сделать. У нас нет выбора… Бичерахов решил сделаться большевиком, так как не видал другого способа добраться до Кавказа. Его новая

ориентация вызвала большое изумление и ужас среди местных русских.

Но я уверен, что он поступает совершенно правильно. Это действительно единственный путь на Баку. А как только он там утвердится, дело будет в шляпе. Никто, кроме меня одного — ни русские, ни англичане, — не верит ему. Я верю искренне. Во всяком случае, я должен заставить себя верить ему, так как он в данный момент является единственной нашей надеждой.

Я отправляю вместе с Бичераховым несколько английских офицеров, а также одну роту бронированных автомобилей. Высадка в Баку отдала бы отряд всецело в руки большевиков… Бичерахов выбирает для своей базы Аляты, маленький порт милях в пятидесяти к югу от Баку, откуда железная дорога делает поворот на запад по направлению к Тифлису.

…Я неоднократно вел переговоры также с представителями партии социал-революционеров, программа которых гораздо более соответствует нашим целям. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с с.-р., и они знают, что могут рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки. Первым их актом должно быть приглашение англичан».

Документы, многое ставящие на свое место.

Двадцать третьего мая 1918 года. Радиограмма Ленина: «Советом Народных Комиссаров постановлено: отправить немедленно водой из Царицына в Баку большую партию хлеба в распоряжение Бакинского Совдепа с тем, чтобы в первую очередь и безусловно было обеспечено дело выпуска нефти в наибольшем количестве». Двадцать четвертого мая. Письмо Ильича Степану:

«Дорогой товарищ Шаумян!

Пользуюсь оказией, чтобы еще раз послать вам пару слов (недавно послал вам письмо с оказией; получили ли вы?).

Положение Баку *трудное* в международном отношении. Поэтому советовал бы попытать блок с Жордания. Если невозможно — надо лавировать и *оттягивать* решение, пока не укрепитесь в военном отношении. Трезвый учет и дипломатия для оттяжки — помните это. Наладьте радио и через Астрахань пошлите мне письма. Лучшие приветы.

Ваш Ленин».

Без даты. Из Владикавказа от члена Кавказского краевого комитета Назаретяна:

«…Мы были очень огорчены твоим предложением

переговорить с Жордания в момент восстания и фактической формальной войны с Закавказским правительством. Но узнали об этом слишком поздно…»

Восьмого июня. Баку. Официальное сообщение комиссариата по продовольствию:

«5 июня ночью прибыл пароход «Сережа» с продовольственными грузами: 4049 пудов 26 фунтов муки, 2485 п. 35 ф. пшеницы, 2020 п. 35 ф. ячменя, всего 8556 п. 10 ф. продовольствия. За недостаточностью этого количества к распределению среди всего населения города и промысловой площади будут выданы лишь промыслово-заводским районам, из расчета по 1/4 фунта на душу».

Одиннадцатого июня. Радиограмма:

«Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Сев. Кавказе… Хлеб пошлем во что бы то ни стало».

Четырнадцатого июня. Отданный по телеграфу приказ председателя Совета Народных Комиссаров Терской республики Ноя Буачидзе:

«Ввиду осады старой цитадели российской революции — города Баку темными бандами контрреволюции и крайне тяжелого продовольственного положения города предписываю всем начальникам станций Владикавказской железной дороги, всем Совдепам и районным комитетам все грузы, без исключения, принадлежащие бакинским продовольственным организациям, направлять немедленно по назначениям, указанным бакинскими особоуполномоченными. Представителям Баку оказывать всяческое содействие».

Седьмого июля Ленин:

«Относительно Баку самое важное… чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу Иоффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся…»

Тринадцатого июля. Ежедневный[4] доклад представителя Главного военного командования Михаила Тер-Арутюнянца о помощи Баку затягивается дольше обычного. Звонок Ильича начальнику Главного артиллерийского управления:

— Если к завтрашнему дню требуемое оружие не будет отправлено в Баку в распоряжение Шаумяна, то я вас пошлю на Лубянку, к Дзержинскому!

Записка в Народный комиссариат по морским делам.

«Очень прошу принять все меры для ускорения доставки в Каспийское море военных морских судов всех подходящих типов.

Председатель СНК

В. Ульянов (Ленин)».

То же число. Шаумян, только что вернувшийся с позиций, за ночь несколько раз переходивших из рук в руки, телеграфирует Владимиру Ильичу:

«Положение на фронте ухудшается. Одних наших сил недостаточно. Необходима солидная помощь из России… Распорядитесь вы. Положение слишком запутанное. Так называемые ориентации быстро меняются. Англичане продвигаются к Энзели… Жду срочной военной помощи…»

В этот же день передовая статья «Нью-Йорк таймс»:

«Необходимо подготовить крупные силы и использовать их в Северной Персии и на Кавказе… Первоочередная задача союзников — занятие важнейших нефтяных районов Кавказа».

Двадцатого июля. Шаумян — Ленину:

«Положение становится серьезным. Отправка воинских частей для Баку должна быть усилена и ускорена. Отправляйте скорей, сделайте распоряжение, чтобы местные Советы по дороге не останавливали частей, направляющихся в Баку. Сообщите, можем ли ждать помощи и в какой срок. Повторяю, помощь войсками необходима срочная и солидная».

Двадцать третьего июля. Из Астрахани — Ленину:

«Шаумян сообщил: Обещанный оперативным отделом дивизионный командный состав прошу выслать немедленно. Кроме того, необходимы войска. Главный контингент наших войск — армянские части, храбро сражавшиеся вначале, деморализованы благодаря трусости части командного состава и английской агитации. Необходимы свежие силы из России и политически надежный командный состав. Убедительно прошу торопиться».

Двадцать девятого июля. Разговор по прямому проводу Ленина с членом Астраханского военного совета:

«Астрахань. Баку просит ответа на вчерашнюю телеграмму, переданную мною Вам сегодня. Буду говорить по беспроволочному телеграфу с Шаумяном лично.

Ленин. Я считаю моим ответом ту телеграмму, которая сегодня передана мной в Астрахань для Шаумяна. Есть ли у Вас вопросы, на которые я не ответил?

Астрахань. Сегодня в 12 часов по Питеру по радиотелеграфу с Баку будут переговоры лично с Шаумяном. Есть ли что передать ему у Вас, кроме телеграммы?

Ленин. Нет. Больше ничего нет. Прошу только сообщить, верно ли, что в Баку Совнарком подал в отставку? Еще вопрос:

если это не верно, то сколько времени рассчитывает продержаться власть большевиков в Баку?

Астрахань. Когда ожидать Астрахани помощи для Баку, в каком размере, чтобы заготовить шхуны и продовольствие?

Ленин. Не можем обещать наверное, ибо здесь тоже недостаток в войске».

Начало августа. Ленин председателю Астраханского совдепа:

«Положение в Баку для меня все же неясно.

Кто у власти?

Где Шаумян?

Запросите Сталина и действуйте по соображении всех обстоятельств: вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро».

Ключ ко всему:

«Если нефть — королева, то Баку — ее трон» («Нир ист» — английский экономический журнал для избранных).

«Основным вопросом было, как нам попасть в Баку… Нефть мы могли получить только из Баку!» — генерал Людендорф, правая рука кайзера Вильгельма.

Нефть — сила. Нефть — слабость.

Город нефти никогда не имел своего хлеба. Зерно и продовольствие доставляли с Северного Кавказа, с Кубани и Дона. С осени семнадцатого года житницы полностью отрезаны. Лишь иногда с помощью бронепоездов удавалось продвигать хлебные транспорты по Владикавказской дороге. Кое-что можно было бы получить морским путем через Астрахань. Большие надежды Шаумян возлагал на то, что удастся снять небывалый урожай на полях Мугани. Туда ценой огромных усилий срочно проложена узкоколейная железная дорога. Все перечеркивают турецкие дивизии. По карточкам розданы остатки орешков и семян подсолнечника. Последнее, чем два месяца поддерживается жизнь мазутной армии.

К мукам голода еще слишком реальная угроза смерти под кинжалами погромщиков-мусаватистов. Все объединенное воинство Фатали Хан-Хойского и Нури-Паши в одном-двух переходах от Баку. Мутнеют головы. Вспыхивают, подолгу не гаснут злые огоньки в глазах. Митинг рабочих Балаханских промыслов в описании «Известий Бакинского Совета»:

«Синематограф «Бельгия» набит до отказа. На сцене лидер меньшевиков Айолло.

— Если мы не пригласим англичан, в город войдут турки и во

главе со своими пашами устроят резню. Ни один русский не останется в живых. Англичане — люди высококультурные, они несут с собой белый хлеб. С приходом англичан мы спасемся от голодной смерти и погромов.

Мрачнеют лица рабочих. Они стараются смотреть куда-то в угол, мимо сверлящих глаз Алеши Джапаридзе.

И вот большинство голосованием постановило:

— Пригласить англичан!

Джапаридзе тут же обращается к Айолло:

— Вы теперь победили! Но история за нас. Рано или поздно рабочие поймут, на какую страшную измену вы их подбили!..»

Неожиданно для многих Шаумян, все последние дни не покидавший фронта, созывает 16 июля чрезвычайное заседание Совета совместно с промысловыми и судовыми комитетами, делегатами воинских частей и кораблей Каспийской флотилии. Большой Бакинский форум.

— Я чувствую себя столь утомленным, что едва надеюсь довести свой доклад до конца, — дальше Степан говорит, не напрягая голоса. — На данном заседании, где представлен весь наш пролетариат, не может быть разрешен вопрос о Баку иначе как в общероссийском масштабе… Партия большевиков ведет борьбу за независимость и свободу России при самых адских тяжелых и рискованных условиях. Политика же приглашения англичан ставит крест над независимой Россией. Она начинает раздел между германскими охотниками до русского добра, с одной стороны, и английскими, французскими и японскими — с другой.

Сторонники англичан и французов утешают себя тем, что союзники будут умирать за нас, а сами оставят нашу независимость. Это невероятная близорукость, детская наивность. Воцарение англичан у нас будет началом войны за дележ России…

…Повторяю, мы еще не исчерпали революционных средств, мы можем оказать еще сопротивление, и при этих условиях преступно говорить о приглашении иноземных сил.

Кроме того, о крупной военной силе англичан в Персии говорить не приходится. Когда бичераховский отряд прибыл сюда, в Реште у англичан было менее тысячи человек… Но даже если они и перебросят свои силы, то вы думаете, что они пойдут на передовые позиции, чтобы продвигаться вперед, имея целью создание Советской власти в Закавказье, или по меньшей мере организуют широкую оборону в Баку? Ничего подобного…

…Я категорически заявляю, что приглашение англичан, не давая нам ощутимых сил для ведения борьбы, может только

превратить Баку в собственность Англии и для России Баку погибнет навсегда.

…Лишить Россию Баку — значит нанести ей самый тяжелый удар. Если мы говорим о независимости России, то, быть может, передавая добровольно источники нефти в руки англичан, мы совершаем величайшее преступление перед российской революцией.

…Я обращаюсь к вам с товарищеским призывом взвесить всю серьезность нашего положения, понять, что мы находимся на поворотном пункте. Во имя нашей революции я призываю вас не сходить с точки зрения независимости России и Баку.

На одной чаше весов голод и «белый хлеб» англичан, турки, уговоры и посулы эсеров, меньшевиков, дашнаков, слегка завуалированные угрозы Бичерахова. На другой чаше — слова Шаумяна. Колебания стрелки трудноразличимы. Голоса в Совете разбиваются почти поровну. За Степаном созыв нового заседания.

А если совсем не созывать? В осажденном городе естественнее приказ, нежели уговоры. Сила высшей власти, а не голосование! Любимец промысловых рабочих, председатель Совета Народных Комиссаров Бакинской коммуны, чрезвычайный комиссар Кавказа Шаумян — власть самая высшая. Если попытаться все решить силой оружия. В бою? Но…

Надежных войск у коммуны раз-два — и обчелся. Несколько отрядов рабочих-красногвардейцев, интернациональные дружины коммунистов, два-три самодельных бронепоезда. Горстка, которую в любой час могут уничтожить артиллерийским огнем канонерки Центрокаспия — цитадели эсеров, смять казачьи сотни Бичерахова, расстрелять батальоны армянского «национального совета». Это помимо турецких дивизий, орд мусаватистов, бронепоездов, услужливо посланных из Тифлиса.

Как всегда, у Степана главное оружие. Его слово. Хотя… В ранних сумерках 19-го с астраханских шхун начинает высаживаться отряд Григория Петрова. Человека верного, властного, романтичного и безмерно храброго. Со Степаном, несмотря ни на что, он пойдет до конца. Обоим им жить день в день два месяца!

Петров командует сравнительно крупными отрядами. Действует против немцев на Киевском, Полтавском, Харьковском направлениях. Там и настигает его приказ, круто изменивший всю судьбу, — срочно принять пополнение и спешить в Баку. Маршрут единственно возможный: Царицын — Астрахань — Каспийское море.

В Царицыне, сказано в записках Сурена Шаумяна, военная обстановка вынудила «имевшуюся в составе отряда Петрова

пехоту («шесть полков», как говорили Петров и его командиры, только я лично сомневаюсь, что об этих полках можно говорить без кавычек) оставить для обороны Волги, а в Баку послать конницу в составе одного эскадрона, одной батареи 6-ти орудийного состава, одной роты, составленной из матросов Черноморского и Балтийского флотов и команды конных разведчиков силою 30–40 всадников. Таким образом, отряд Петрова не мог внутри армии изменить соотношение сил в смысле ослабления дашнакской мощи…

Все же Петров был начальником солидной военной единицы…»

По-своему, быстро и решительно, оценивают прибытие отряда Петрова полковники Бичерахов и Аветисов. Вся Шемахинская группа войск «национального совета», даже не ожидая нового наступления турок, сама быстро откатывается к последнему рубежу. Семьдесят верст за три дня. Одновременно снимаются с позиций казаки и броневики Бичерахова. С крайне левого фланга они переходят на правый, становятся на второй линии, всячески избегая стычек с противником. Приходится выравнивать, сокращать фронт. На центральном направлении оставляют станцию Аджикабул. Газета эсеров «Знамя труда» немедленно извещает: «Реализация урожая по Бакинской губернии также аннулируется вследствие катастрофических неудач на фронте!!!»

Степан Георгиевич созывает Совет. Снова в расширенном составе. Выступают Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Зевин. Их радостно встречают. Внимательно слушают. Нет недостатка в приветственных криках. Своих лучших ораторов выставляют все фракции. Все без исключения за Советскую власть. И конечно же, за то, чтобы Степан Шаумян оставался во главе правительства и после того, как оно пригласит в Баку англичан. Около часу ночи 26 июля голосование. Двести пятьдесят девять за посылку гонцов к Денстервилю. Двести тридцать шесть — против. Ничтожный перевес.

Степан от имени большевиков, левых эсеров и левых дашнаков делает заявление:

«Приглашение англичан мы считаем предательством по отношению к революционной России. В этом предательстве нам с вами не по пути, мы поддерживать вашу политику не можем. (В официальном бюллетене новой власти — диктатуры Центрокаспия — отмечено: «Шаумян кричит. Долгие аплодисменты и крики слева «браво».)

Ни в каком коалиционном правительстве мы участвовать не будем! (Опять долгие аплодисменты слева.) Я говорю, что при

этих условиях мы снимаем ответственность за преступную политику, которую вы начинаете, и отказываемся от постов народных комиссаров. (Крики «браво», бурные аплодисменты слева.)».

Шаумян садится в сторонке, в президиуме.

«Я, — помнит Надежда Колесникова, — оказалась впереди него и хорошо видела и слышала все, что произошло дальше. Председательствовавший в это время Аракелян, оставив свое место, поспешно подошел к Шаумяну и растерянно стал говорить: «Нет, это невозможно, чтобы вы ушли… Мы вам всегда доверяли и доверяем… Мы дальше хотим работать вместе с вами!» Не знаю, слышал ли Степан, что ему нашептывал Аракелян. Вдруг он встал, легко отстранил Аракеляна, вышел вперед и громким голосом сказал: «Заявляю, что я, как представитель центральной власти, доведу до сведения Совета Народных Комиссаров России о вашем предательском акте».

Опять Аракелян в роли официального представителя партии «Дашнакцутюн». Он оправдывает приглашение Денстервиля тем, что иначе ворвутся турки, устроят резню. Заканчивает жалобной просьбой к большевикам не уходить со своих постов: «Без вас мы не можем…»

С сияющими лицами сетуют на «упрямство большевиков и чрезмерную несговорчивость нашего друга Степана Георгиевича Шаумяна» эсер Велунц и меньшевик Айолло. В ответ объявляет Джапаридзе: «Нет, мы не уходим из Совета, мы не умываем руки. Мы работали и будем работать в десять раз больше, чем работали раньше, потому что по вашей милости появляются английские интервенты. Но ответственность за политику предательства мы нести не можем. Извольте нести ее вы. Извольте стать на место комиссаров!»

Шаумян добавляет: «Мы будем бороться и против немцев, и против турок, и против вас — предателей!»

Было около трех часов ночи, когда закрылось это драматическое заседание Совета. Перед зданием на улице стояла громадная толпа. Очевидно, все знали уже, что произошло на заседании. Толпа расступилась и молча пропустила нас».

…Англичан в Баку еще нет. Городская партийная конференция во всем согласна с Шаумяном, одобряет его план: власти без борьбы не сдавать, призвать рабочих на защиту города, объявить мобилизацию десяти возрастов, не останавливаясь перед самыми строгими репрессиями, обратиться к революционной России с призывом прийти на помощь скорейшей присылкой войск.

Исполком Совета весьма охотно принимает решение — до 31-

го никаких перемен, все комиссары остаются на своих местах. А там соберется большой форум. За ним последнее слово.

Бюро печати при правительстве коммуны дает в эфир вполне оптимистическое сообщение:

«Правые партии в полнейшей растерянности в связи с решением Совнаркома об отставке и создавшимся положением. Настроение в районах и на фронте резко изменилось. Моряки поняли, что они обмануты предателями в целях разрыва с Россией, и в массе изменили свое отношение к англичанам».

Все верно, вполне отвечает действительности. До той минуты, покуда полковник Лазарь Бичерахов не оголяет фронта. Не отправляет свой отряд на север, в сторону Дербента. Знаток военного дела, он действует безошибочно, с двойной выгодой. И Денстервилю решающая услуга — как не призвать англичан на спасение, когда позиции без защитников, в брешь устремляются турки… И жизненно важная помощь родному брату Георгию. «Косоротой лисице», как его величают на Северном Кавказе. Тот как раз поднял мятеж, рвется во Владикавказ. Полное взаимодействие. Меньшевик Георгий Бичерахов навязывает Советам фронт на Тереке. Полковник Лазарь Бичерахов обрушивается на другой фланг — на Дербент и Порт Петровск. Брат навстречу брату.

Позднее Лазарь напишет генералу Эрдели: «Поймите, что я оказал помощь доблестной армии, возглавляемой Деникиным, гораздо большую, чем три четверти его генералов. Я при наличии фронта против турок в течение трех месяцев закрывал доступ астраханской армии красных в Терскую область с Каспийского побережья. Я разъединил горские народы… Я создал единый антибольшевистский фронт от Баку до Дона!»

А на другого полковника — Аветисова англичанам можно и прикрикнуть: «Не забывай, чей хлеб ешь!» Тридцать первого июля в двенадцать часов дня он звонит Шаумяну по телефону: «Или мы немедленно выбрасываем белый флаг, или вы уходите. Пока большевики находятся у власти, мои национальные батальоны не примут участия в обороне Баку»[5].

Степан дает последнюю правительственную телеграмму Ленину и Свердлову:

«Совнарком стоял перед фактом действительного предательства между тем турки подходили все ближе точка Совнарком не мог быть ни в числе тех кто сдавался на милость турецких пашей ни в числе тех кто за приход англичан точка Совнарком решил чтобы спасти имеющиеся революционные войска эвакуироваться».

Корабли у причалов. Корабли на рейде. Флот на авансцене.

Новым властям угодно именовать себя «Диктатура Центрокаспия».

По сему поводу Рональд Мак-Донелл, консул и майор разведывательной службы: «Я возвратился в Баку. Местное правительство теперь состояло из пяти самозванцев…»

Насквозь просоленные, позеленевшие от воды и времени пристани. Мощенная крупным булыжником площадь перед причалами. На внешних углах пулеметы. Дозоры. Позади стрелков стволы орудий, стреноженные кони, узлы беженцев. Белье на веревках. Дымок костров. Последняя твердь Бакинской коммуны.

В плотных сумерках 31 июля отсюда на Астрахань снимается стайка пароходов. С официального разрешения властей. Борты черпают гребни волн. Пошевелиться негде. Бойцы отряда Петрова, рабочие-дружинники, семьи большевиков, комиссары. Шаумян с сыновьями Суреном и Левоном. Немногим раньше Степану удалось уговорить Кетеван увезти дочь Марию и малыша Сергея.

На внешнем рейде поперек курса канонерская лодка «Ардаган». Приказ: «Назад, в Баку! Через пять минут открываем огонь».

— Надо вернуться! Я не могу допустить, чтобы из-за нас погибли невинные люди, — настаивает Степан.

К утру все опять как вчера, как третьего дня. В каменном массивном особняке зимнего общественного собрания несут свое высокое бремя диктаторы. Одним глазом поглядывают на резиденцию Мак-Донелла. Вторым косят на Петровские пристани. Там Шаумян. Комитет большевиков, штаб Петрова, «Волнующий элемент»!

Совсем неуютно диктаторам. Боязно. Гнетущая тишина повсюду. Ни заводского гудка, ни рева сирен в порту, ни тугого свиста пара. Даже турки не напоминают о себе. Прекратили артиллерийский обстрел. Только голод неуступчиво косит в Балаханах, Сураханах, на Биби-Эйбате — на всех промыслах.

Первыми все-таки не выдерживают турецкие паши. Пятого августа на восходе солнца они бросают на штурм свои дивизии. Отборные, кадровые. Через «Волчьи ворота» врываются в город. Личный представитель генерала Денстервиля, прибывший несколько часов назад, приказывает всем английским военнослужащим доблестно грузиться на транспорты. Не уступая в скорости, бегут батальоны дашнакских воевод.

— Медлить больше нельзя и нам, — обращается к Шаумяну

Григорий Петров.

— Да, да! — подтверждает Степан. — Действуйте как можно скорее! Я знаю, у вас в отряде прекрасные артиллеристы — латыши.

С пароходов выкатывают орудия. Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Мешади Азизбеков подставляют плечи под ящики со снарядами. «Быстрее, быстрее!» — требуют заряжающие.

За огневым валом стрелки Петрова, рабочие, большевики. Стараются не отставать от шеренг раненые, голодные женщины, подростки. Падать, умирать нельзя. «Это есть наш последний и решительный бой…»

Турки откатываются назад. Бросает свои позиции Чанах-Калинская дивизия Мурсал-Паши, впервые познавшая горечь поражения. К Петрову жалует член директории Аракелян — «сердечно благодарить».

Денстервиль швыряет свой монокль, чего, по свидетельству Киплинга, старый служака никогда себе не позволял. «Новое правительство, будучи ошеломлено, чуть не испортило все дело, и только наше появление на сцене придало ему решимости… Мне после случившегося представлялось, что единственным выходом был бы уход от власти диктатуры, с тем чтобы сформировать в городе правительство союзников с передачей мне всей полноты гражданского и военного управления. Меня очень подмывало начать действовать в этом направлении…»

Диктатура вымаливает испытательный срок. Всего одну неделю — и черное станет белым. «Бакинские рабочие прочтут, что их любимец Шаумян — главарь казнокрадов и тайный турецкий шпион. Есть свидетели из команды канонерской лодки «Ардаган» — Шаумян лично склонял их к измене. Клялся, что если Баку будет сдан без боя, то победители пощадят население… Опровержений быть не может — газета Шаумяна уже запрещена!»

В столь деликатной ситуации диктаторы считают совсем неприличным заикаться о презренной прозе жизни. О хлебе. Английское командование, по благородству великому, само присылает объявление в «Бюллетень Диктатуры». «Приглашаются лица, желающие взять подряды на поставку продуктов для британских войск. Имеются в виду мука, хлеб в штуках, говядина свежего убоя. Не исключаются солонина жирная, пшеница в зерне. Порты поставки Баку и Энзели. Солидные рекомендации обязательны».

…Степан сзывает своих молодых друзей. «Мы взошли с Анастасом на мрачную палубу парохода, — помнит Ольга Шатуновская. — На корме, еле освещенной тусклым фонарем, среди нагроможденных снарядных ящиков увидели Шаумяна,

одиноко сидевшего в тяжелом раздумье.

Он очнулся, заметил нас, обрадовался и заговорил с нами. И когда он заговорил, то мы поняли, что даже здесь, на этой палубе, Степан остается Степаном, хотя переживает страшные мучительные часы, дни.

Степан решил еще раз обратиться к своей мазутной армии. По его поручению мы с черного хода проникли в типографию, бывшую Куинджи. С помощью нескольких большевиков-наборщиков приступили к работе. У ворот дома и на перекрестках ближайших улиц стояли наши посты. Недалеко дежурил броневик. Когда двести экземпляров «Бакинского рабочего» были отпечатаны, прекратилась подача тока. Машины остановились. Стали вертеть руками колесо машины…»

Одиннадцатого августа из рук в руки свежий номер газеты. С двумя статьями Шаумяна. Та, что побольше, называется «Физиономия новой власти». В ней слово Степана и о том, как дальше жить. Говорит, мы вернемся. «Да, мы не теряем еще надежды, что бакинские рабочие и матросы отрезвятся. Мы не теряем надежды, что Революционная Советская Россия, если и вынуждена будет временно уйти, — она еще придет в Баку».

Без надежды человеку, конечно, нельзя. Только как дождаться? Если не голод — так снаряд, не снаряд — так пуля. Еще турецкий главный паша отдал приказ: три дня Баку полностью со всеми потрохами в руках солдат. Вознаграждение победителям.

Вторая статья Степана хватает за сердце. Никуда от нее не уйдешь.

«…Ленин предлагает в решительную минуту то постановление, которое было принято *«в ожидании немцев»,* провести в жизнь и в новой обстановке, то есть *в ожидании англичан.* Телеграмма… не может быть понятна для всякого рабочего, но она понятна для лидеров партии «Дашнакцутюн», газета которых «Вперед» особенно бесстыдно клевещет на нас…

…Ленин требовал от нас принять все меры, чтобы в случае занятия немцами Баку они не могли получить здесь нефтяных запасов. Бакинский Совет на одном из своих заседаний вынес по моему предложению резолюцию: уничтожить всю нефтяную промышленность, но не сдавать ее немцам. В связи с этим распространяли на флоте слух, будто мы качали по керосинопроводу нефть для немцев. Это в то время, когда именно по моему распоряжению за месяц, если не больше, до событий разобрана керосинопроводная линия, убраны дизеля и сложены уже на пароход, так что, если противник возьмет город, он в течение шести месяцев (по заявлению специалистов) не сможет

пользоваться керосинопроводом и перекачивать себе нефть.

Это все прекрасно известно лидерам правящих сейчас партий, которым я читал собственноручные письма Ленина и Сталина по этому вопросу и которым были поручены ответственные работы по подготовке и проведению в жизнь этих мероприятий. И эти люди теперь бесстыдно клевещут или бесстыдно молчат, когда их товарищи клевещут.

…Это касается не только партии «Дашнакцутюн», но и правых эсеров, и меньшевиков. Да, господа, в тяжелую историческую минуту вы могли путем предательства и обмана сбить с толку рабочие массы, но продержаться клеветой и обманом вы долго не сможете. И чем преступнее ваш обман в настоящем, тем строже будет суд рабочих над вами в будущем. Клеймо бесчестных клеветников, во всяком случае, не смоете с ваших лбов…

P. S. Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мною. Это нетрудное дело. Это, может быть, удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете».

…К мгновенным резким переменам ветра бакинцам не привыкать. Каспийское море круглый год суровое, полное превратностей. Но такой поворот уж слишком!.. Во всех дозволенных газетах сообщения:

«Полная свобода бывшему Совнаркому!.. Беспрепятственная эвакуация комиссаров в Астрахань… Диктатура Центрокаспия и народные фракции Бакинского Совета приняли условия Петрова…»

Главный оратор меньшевиков Садовский подтверждает на конференции промыслово-заводских комитетов и правлений профсоюзов: «Петрову было предложено, согласно его желанию, свободно выехать в Астрахань вместе с отрядом и всеми комиссарами, которые того пожелают, взяв с собой, по взаимному соглашению, необходимое число пароходов, оружия, продовольствия и военного снаряжения».

Радость маленькой победы в канун непоправимой трагедии.

За день до эвакуации Степан посылает успокоительные строки Кетеван: «Число наших сил увеличилось все новыми вооруженными отрядами. В городе настроение уже изменилось и улучшилось по отношению к нам, особенно в рабочих кругах… До сих пор англичан прибыло всего 500–600 человек. Вчера вечером наши молодцы (из отряда Петрова, который нагоняет страх на всех городских контрреволюционеров) захватили и привели к нам двух английских офицеров. Мы их освободили. После этого

явился ко мне Мак-Донелл с визитом для выражения своего уважения и т. д.».

С чего бы иначе Диктатура великодушно подала пароходы, благословила — берите все, что вам нужно, и с богом плывите в Астрахань? Сурену в двадцатые годы можно все начистоту: «Диктатура боялась нас и, нужно сказать, имела для этого достаточно оснований. Нашим отрядам не составило бы большого труда переарестовать все правительство и объявить власть Советов восстановленной. Но наше выступление, несомненно, вызвало бы противодействие и вынудило власти бросить против нас все свои силы, оголив тем самым фронт. Выиграли бы только турки и мусаватисты. Воспользовавшись событиями в Баку, они тут же ворвались бы в город. Это удерживало нас от выступления».

Гражданской войны в тылу защитников Баку, в одном-двух переходах от турецких дивизий, не допускает Шаумян. Он употребляет все свое влияние для того, чтобы на партийной конференции десятого числа доказать делегатам — в вооруженную борьбу двух сил, одинаково враждебных Советской власти, большевикам встревать нельзя. Помимо всего другого, это провокация против Брестского мира. Немцы немедленно придерутся к случаю и предпримут карательные меры против революционной России. Верность революции требует быстрой эвакуации.

Немыслимо трудно Степану. Бакинская коммуна — его дело, его любовь, его жизнь. Он переживет коммуну на считанные дни…

Комиссар коммуны по военно-морским делам Григорий Корганов, адмирал флота, как его сейчас шутливо величает Степан, приказывает семнадцати пароходам отшвартовываться. Следовать к острову Жилому. Там присоединятся еще два судна со стрелками и артиллеристами, последними покидающими лагерь на Петровских пристанях. Вся армада возьмет курс на север. К астраханскому берегу. Там ждут не дождутся. Из Москвы Ленин все справляется по прямому проводу.

Не надо ждать. Жизнь не восторжествует. Все произойдет иначе. Навалятся, вмешаются, потянут на дно неизбежные стечения обстоятельств, веления времени. Год 1918-й, чрезвычайное влияние Шаумяна на Востоке. Даже то, что англичане называют его со страхом и почтением «кавказский Ленин». Газета «Голос Средней Азии» — официоз закаспийского правительства, сформированного эсерами под бдительным оком военной миссии генерала Маллесона:

«Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие

вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев, Шаумян, которого давно окрестили «кавказским Лениным». Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам-англичанам, благородно[6] отозвавшимся на зов бакинцев о спасении. Они все твердили, что рядом с английскими империалистами сражаться честным революционерам позор…

Они в наших руках. Мы живем в эпоху варварства. Так будем же пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову… Отныне будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Закономерности и никем не запланированные неожиданности. Уйма роковых случайностей. В августе внезапный шторм, ожидание погоды у выхода на морской простор. Ожидание до тех пор, покуда настигают канонерские лодки… В последний час в сентябре на условленном месте не оказывается «Севана» — парохода, специально пришедшего за Шаумяном из Астрахани. Сопровождаемые свистом и грохотом близких разрывов снарядов, комиссары садятся на первое попавшееся судно — «Туркмен». На «Севане» вся команда большевики. На «Туркмене» разношерстный люд. Много матросов, списанных за преступления с военных кораблей. Они охотно везут Степана и его друзей на смерть. В Закаспий. На территорию, где по заявлению министра иностранных дел закаспийского правительства, известного в прошлом русского эсера Л. А. Зимина, «никто не знает, когда он умрет, но всегда твердо верит в это».

Закономерности и никем не запланированные неожиданности. Уйма роковых случайностей!..

В памяти Сурена: «Весь день пятнадцатого августа отстаиваемся на якорях у острова Жилого. В нормальных условиях шторм такой силы, конечно, не мог бы остановить пароходы. Но на борту наших судов находятся пушки, обозы, лошади. Пароходы, в большинстве нефтеналивные, с металлическою, несколько покатою палубою и низкими бортами, совершенно не приспособлены для такого рода груза. При сильной качке груз этот рисковал быть снесенным за борт. Поэтому приходилось ждать хорошей погоды.

Шестнадцатого утром ветер как будто бы начал стихать, и казалось, что можно будет продолжать путь… Часов в одиннадцать утра показались на горизонте дымки. Военные корабли Диктатуры. Погоня. Приблизившись на дистанцию

артиллерийского выстрела, канонерки «Ардаган», «Геок-Тепе», «Астрабад» приняли боевой строй и выслали в нашу сторону паровой баркас… Диктатура требовала, чтобы все суда вернулись в Баку, а Шаумяну, Джапаридзе, Корганову, Фиолетову предписывалось перейти на борт «Геок-Тепе». Мы ответили отказом.

Баркас ушел обратно и часа через полтора-два вновь подошел, заявив, что в случае невыполнения приказания будет открыт огонь. На размышление давался час…

Вскоре с канонерок был открыт огонь. Сначала редкий, а затем, по мере перехода от пристрелки на поражение, беглый. Особенно много пробоин получил пароход «Иван Колесников», на котором были члены Совнаркома и семьи наших товарищей. Многие женщины, дети, молодые красноармейцы стали прыгать в воду в надежде доплыть до берега (расстояние не менее 150 саженей при сильно волнующемся море и встречном ветре). Прыгали, обезумевши, и те, кто не умел плавать вовсе. Они тонули на наших глазах.

Видя, что дальнейшее упорство с нашей стороны ни к чему доброму не приведет, Корганов велел поднять на мачтах белые флаги, — сдаемся. Ясно было, что руководителям коммуны не избежать ареста. Решили устроить побег Шаумяну, Джапаридзе, Корганову и некоторым другим. Из разных вариантов остановились на самом реальном — воспользоваться паровым баркасом «Лейла», находившемся в составе нашей флотилии. Все обещало удачу. Баркас незаметно вышел из-под лучей прожекторов, отдалился. В управление им вступил Клевцов, левый эсер, бывший при нашем правительстве начальником порта. Пошли на Астрахань. Вдруг взбунтовалась команда: «В Баку остались наши семьи, не можем рисковать. Англичане и Диктатура никогда нам не простят спасение Шаумяна…»

Утром следующего дня между островом Нарген и Баку к «Лейле» подошел военный катер. Шаумяну, Корганову и мне велено было перейти на борт катера. Нас доставили на «Геок-Тепе». Там объявили арестованными, обыскали, причем у товарища Степана был отобран портфель с очень интересными документами, в том числе несколькими собственноручными письмами В. И. Ленина».

Среди всего и такие строки Ильича:

«Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, препосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям».

Власти предержащие снова благосклонны к старому служаке, все понимающему с полуслова господину Жукову. Следователю по особо деликатным делам. Поручение из ряда вон. Исхитриться состряпать мало-мальски похожее на правду обвинительное заключение. Пункт первый: Степан Шаумян, Петров, Джапаридзе, Корганов, Азизбеков, Зевин — фамилий побольше! — тайные турецкие агенты. Пункт второй: комиссары — казнокрады, мародеры, распутники. Пункт третий: душители свободы и демократии. И так далее, и тому подобное. Было бы только погорячее.

Старания господина Жукова особенно необходимы после чрезмерного скандала на выборах в Бакинский Совет. Как ни колдовали, ни процеживали, а все комиссары, засаженные в тюрьму на Баиловском мысу, опять прошли в депутаты. Еще Георгий Стуруа. И Анастас Микоян. От промысловых районов. Вместе с левыми эсерами они имеют сорок восемь мандатов! Генерал Денстервиль даже не пожелал выслушать объяснений…

Воскресший Жуков привычным путем отправляется в канцелярию тюрьмы. Снять показания с главного обвиняемого, в прошлом неоднократно изобличенного в тягчайших государственных преступлениях Степана Георгиева Шаумяна.

«Вчера приходил к нам для допроса один следователь, из старых николаевских следователей, — делится в одном из последних писем жене Степан. — Выгнали его и заявили, что мы не признаем никаких следователей и судов». Степан знает, как волнуется жена. Хочет успокоить: «Наше положение не должно вызывать особого беспокойства. О пище хорошо заботятся извне. Каждый день сверх получаемых 1/2 ф. получаем еще по фунту от товарищей».

О том же Сурен, сидевший в одной камере с отцом: «Режим в тюрьме был очень тяжелый. Мы голодали, и если бы не наши товарищи, находившиеся на свободе, то мы перемерли бы все с голоду. Нам давали по четверти фунта хлеба, по небольшой тарелке какой-то дряни, которую противно было есть (ее называли «суп с макаронами», на самом деле там плавало червей больше, чем макарон). Все это невозможно было есть.

Жуков, явившись в тюрьму, вызвал товарища Степана из камеры в контору начальника тюрьмы. Я не присутствовал при их разговоре, но через полчаса или через час Степан вошел в камеру в довольно возбужденном состоянии. С порога крикнул: «Я этого

мерзавца выгнал от себя!» Потом рассказал, что Жуков начал задавать вопросы, выражаясь мягко, — хулиганские, о том, что большевики украли деньги, что большевики заключили союз с турецкими пашами о сдаче города, и требовал подтверждения. Степан заявил, что с такими проходимцами и старыми царскими чиновниками-жандармами он имел достаточную возможность беседовать до революций, а сейчас продолжать беседовать с ними не желает. Считает такого рода суд и следствие комедией и не станет в этой комедии участвовать».

Одиннадцатого сентября, за неполных четыре дня до падения Баку, во всех благонамеренных газетах «Временное положение о военно-полевом суде… Параграф семь: разбирательство дел судом производится при закрытых дверях… Параграф девять: приговор вступает в законную силу немедленно по объявлению его на суде, безотлагательно и, во всяком случае, не позже суток производится в исполнение».

Чуть пониже извещение «Чрезвычайной следственной комиссии»: «Уголовное дело Шаумяна, Петрова, Корганова, Джапаридзе и др. большевистских комиссаров передано военно-полевому суду, и, согласно формулировке обвинения, подсудимые должны подвергнуться смертной казни через расстреляние».

Отлично разработанную программу разнес ураганный огонь турецких осадных орудий. В ночь с пятницы на субботу, с тринадцатого на четырнадцатое сентября, дивизии Нури-Паши начали штурм города. Генерал Денстервиль, его штаб и солдаты — все тут же грузятся на заранее присмотренные и реквизированные пароходы. Уходят в море, на Энзели. За недосугом генерал забывает сказать последнее «прощай» Диктатуре.

Около четырех часов четырнадцатого, в субботу, поток обезумевших бакинцев захлестывает пристани. Беспорядок и сумятица невообразимые. Порт под непрерывным обстрелом. Хранимые если не богом, то вполне достаточным количеством снятых с позиций солдат, диктаторы, лидеры меньшевиков, эсеров, дашнакцаканов усаживаются на суда. Плывут в Петровск. К благодетелю Бичерахову. Он примет, обласкает. Попозже, став «главнокомандующим войск и флота Кавказа», издаст приказ номер 324 о награждении Садовского, Айолло, Саакяна, прочих ревнителей свободы Георгиевскими крестами.

А комиссаров решили забыть в тюрьме. Какая, в сущности, разница, «подвергнутся смертной казни через расстреляние» или их растерзают турки! Даже желательнее!

Нет, сегодня только четырнадцатое, а им умирать в ночь на

двадцатое. На бурых песчаных холмах Закаспия. На 207-й версте, между телеграфными столбами 116 и 117. Потом будет суд над убийцами. Увы, не над всеми. Многих англичане увезут. И своих тиг-джонсов, и красноводских кунов, дружкиных.

Будут свидетельские показания и заключения медицинских экспертов.

Свидетель Кузнецов: «По инициативе группы рабочих было решено найти тела расстрелянных 26 бакинских комиссаров и их откопать. Руководителем экспедиции был я. Снарядили специальный поезд и выехали. Остановились между станциями Ахча-Куйма и Перевалом. Разыскивать долго не пришлось. За песчаным огромным бугром сразу показался на поверхности земли череп, а впоследствии были раскопаны и остатки костей. Во второй могиле, на расстоянии 5–6 шагов, нашли кости, черепа не было. Третью могилу нашли случайно. В могиле находились трупы 8 человек. В этой могиле еще не все истлело мясо. Были видны волосы, одежда тоже сохранилась. Помню одежду одного матроса. У некоторых найдены были книги, деньги бакинские.

Четвертую могилу нашли близ железнодорожного полотна. Там находилось 16 товарищей. Трупы все в страшном состоянии. Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов была перебита на части и раздроблена… Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били чем попало, ибо череп разбить на куски одной шашкой нельзя…»

Все это потом. На другом берегу Каспия. Сегодня суббота, четырнадцатое сентября 1918 года. Снаряды раздирают, разносят город. Пылают пожары. Сотрясают взрывы. В камерах Баиловской тюрьмы отчетливо слышна близкая ружейная и пулеметная стрельба. В час, когда всем кажется, что вырваться, уйти никуда нельзя, Анастас Микоян с группой молодых большевиков — среди них и Сурен, несколько дней назад выпущенный на поруки, — распахивают окованные ворота, железные двери.

На одном из дальних причалов комиссары вместе с толпою беженцев взбегают на борт «Туркмена».

Минут двадцать-тридцать до отплытия. Вся «наша бакинская родня», как когда-то Степан в письме к Ильичу назвал Алешу Джапаридзе, Ваню Фиолетова, Якова Зевина, Мешади Азизбекова, помещается в кают-компании. Молчат. Должно быть, каждый как умеет — «про себя» — прощается с неповторимым городом, с мазутной армией. Со всем, что умещалось в понятие «Баку».

Варо Джапаридзе неожиданно обнимает Алешу, стискивает в

объятиях. Тут же отталкивает: «Уйди! Сейчас же уйди с парохода!.. Останься в Баку! Вот тебе адрес человека… Он спрячет тебя! Останься, ну!»

Экспансивный Алеша взрывается: «Что ты говоришь? Чтобы я бросил товарищей?!»

Тишина сдавливает плечи, склоняет головы. Наконец, голос Вани Фиолетова: «Варвара, Алешу в Баку знает каждый мальчишка. Для него не может быть надежной квартиры!»

Со Степаном сыновья. Сурен, считающий себя совсем взрослым, и четырнадцатилетний подросток Левон. Подросток, бог знает как сумевший сквозь кольца окружения, фронты, кордоны доставить в Москву — Ленину — секретнейшее послание главы Бакинской коммуны. Четырнадцатилетний, с обязанностями и правами солдата, гражданина, политического заключенного — тюрьма в Баку, а там впереди — в Закаспии…

Сыновья до конца с отцом. В Баку, на пароходе, в красноводском застенке. Все испытывают.

В цепкой памяти Левона:

«В каюту торопливо входят Петров и Татевос Амиров. Новости тревожные. Капитан парохода, которого всего лишь два часа назад уговорили взять курс на советскую Астрахань, заявил, что он вынужден повернуть и идти либо на Петровск, либо на Красноводск. Этого требует судовой комитет, в котором засели эсеры, не желающие попасть «в руки большевиков». Кроме того, путь до Астрахани дальний, пассажиров на пароходе набралось около тысячи, а топлива, пресной воды и продовольствия в обрез…

Петровск или Красноводск? Было известно, что в Петровске хозяйничает Бичерахов. А о положении в Красноводске не было точных сведений, и поэтому он представлялся меньшим злом…

Поздно вечером 16 сентября показались огни Красноводска. По сигналу из порта пароход «Туркмен» стал на рейде и бросил якорь. Медленно подплывает катер военного начальника порта — «Бугас». По спущенному трапу перебираются туда английские офицеры, дашнакский георгиевский кавалер и кто-то из пароходного начальства. Вскоре последовал приказ: «Туркмену» не трогаться с места до утра, ждать особых распоряжений.

Утро 17 сентября. Вновь появляется «Бугас» и приказывает «Туркмену» следовать за ним. В десяти километрах от города «Туркмен» пришвартовывается к пристани Уфра.

Вся пристань оцеплена войсками. Между цепями прогуливаются три английских офицера: двое — с «Туркмена», третий — полковник Баттин. Они похлопывают стеками по желтым крагам и равнодушно, ни во что не вмешиваясь,

наблюдают.

Но на берегу — английский бронепоезд, пушки которого зловеще глядят на нас своими жерлами. За холмом, как мы после узнали, наготове солдаты расквартированного в Красноводске батальона английского Хэмпширского полка с артиллерией, а также туркменская рота. На самой пристани орудует боевая дружина местной организации эсеров.

Отдается приказ — всем пассажирам выйти на пристань. У трапов каждый подвергается обыску.

Наши товарищи решают смешаться с беженцами.

На противоположной стороне пристани стоит пароход «Вятка». У его трапа группа людей начальнического вида. Позже выяснилось, что это были представители ашхабадского англо-эсеровского правительства и местные власти — Кондаков, пристав Алания и другие.

Появляется знакомая фигура в высокой черной папахе, с лихо накрученными усами. Это дашнак Лалаев — георгиевский кавалер с нашего парохода. В сопровождении нескольких эсеров-дружинников он вклинивается в толпу, рыская глазами по сторонам.

Вот Лалаев, как собака-ищейка, учуял добычу. В двух десятках шагов он увидел Степана Шаумяна и устремился к нему со злорадной усмешкой.

Началась настоящая охота…

Забрали и ведут нашего товарища Ивана Малыгина. Я не спускаю с него глаз. Но тут кто-то сзади грубо хватает меня за руку. Оборачиваюсь и вижу сначала дуло направленного на меня кольта, а потом отвратительное, злобное лицо.

— Эй ты! Идем, сволочь, нечего прятаться!..

Минут сорок он таскал меня по пристани, по трюмам и каютам «Туркмена», методически постукивая по голове дулом пистолета и приговаривая:

— Ну, ну, показывай, где твой старший брат! Вот этот? Нет? А во что он одет? Врешь, как это ты не знаешь?!

Раз пять я проходил мимо брата Сурена, чуть не задевал его плечом. Сурен слышал задаваемые мне вопросы и, скрываясь в толпе, издали, одними глазами, подбадривающе улыбался…

Бандит, наконец, устал. Еще раз с досадой он стукнул меня по голове и, махнув рукой, повел на «Вятку».

Большинство наших товарищей уже были здесь. Еще через час «охота» закончилась.

Беженцев загнали обратно на «Туркмен», а «Вятка» со всеми арестованными направилась в Красноводск.

Восемнадцатого сентября написали коллективный протест,

требуя прекратить произвол и издевательства, — на всю жизнь запоминает Левон. — Со вчерашнего утра нам не выдавали никакой пищи и вообще поставили нас в условия худшие, чем в прежних, царских тюрьмах. Помещения тесны, отсутствуют постельные принадлежности, умывальники. Держат нас взаперти, на прогулки во двор не пускают…

19-го утром на протесте было начертано: «Объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта. Второе, можно просить, но не требовать. Вообще укажите заключенным побольше думать и поменьше писать».

В камеру явился начальник административной службы Яковлев. Бывший нотариус, худой, длинный, с зализанным пробором, в старом мундире с золотыми пуговицами. Он говорил тихим голосом:

— Я тридцать лет верой и правдой прослужил государю и отечеству. Я сам много пострадал от большевиков, но я не роптал…

Все попытки связаться с внешним миром оставались безуспешными, а издевательства все продолжались.

Явился глава красноводского «правительства» эсер Кун. Это тип, которого даже английский генерал Маллесон называл «властным и безжалостным человеком».

Войдя в камеру, он оглядел комиссаров. Кто лежал на голых нарах, кто на полу. Кун выкрикнул:

— Кто тут у вас главковерх?

— Нет у нас главковерхов, — раздалось в ответ.

— Ну тогда кто Шаумян?

— Я Шаумян, — спокойно сказал Степан.

— Встать! Разве вы не знаете, с кем говорите? Я — Кун!

— А я могу и лежа разговаривать, — не меняя позы, ответил Шаумян.

Разъяренный Кун бросился вон из камеры.

…Функции палачей были возложены на ближайшего помощника командующего английскими войсками в Закаспии капитана Реджинальда Тиг-Джонса и главу закаспийского правительства эсера Фунтикова.

Экстренный поезд в составе одного классного и одного арестантского вагона со специально подобранной бригадой вечером девятнадцатого сентября доставил их из Ашхабада в Красноводск. Тиг-Джонс и Фунтиков разработали план расстрела.

Все эти подробности были выяснены много позже.

…В ночь на 20 сентября 1918 года было тихо в камерах. Еще с вечера предупредили, что ночью все будут отправлены. Куда? В Ашхабад, в областную тюрьму, потому что в Красноводске тесно.

Кто-то из бакинцев увидел во дворе груду лопат.

Каждому ясно, что скоро конец, но вслух об этом никто не говорит…

Да, это была страшная ночь, ночь с девятнадцатого на двадцатое сентября.

В неведомую дорогу собрались все. Собрались и ждали.

Идут часы, но никто не нарушает тишины.

Около двух часов ночи все вскочили от шума многочисленных шагов по коридору. Зазвенели ключи, загремел засов, распахнулась дверь. Палачи вошли в камеру.

Кто-то из них по бумажке выкликает фамилии. Выкликает не всех, кто находится в камере.

— Собирайтесь, сейчас мы заберем вас отсюда.

— Почему не всех? А нас, остальных?

— Вас? Остальных? Вас мы завтра выпустим…

Минута прощания. Сохраняя полное спокойствие, прощается отец с Суреном, что-то тихо говорит ему.

Потом он подходит ко мне. Обнимает, ласково улыбается. Я слышу его последние слова:

— Завтра вас выпустят. Постарайтесь скорее пробраться в Астрахань…

И после секунды молчания, обращаясь к обоим сыновьям, он тихо произнес:

— Берегите маму…

Молча, один за другим, твердыми шагами выходят комиссары из камеры. Захлопывается дверь, гремит засов, звенят ключи… Шаги удаляются, замирают».

…Расстрелян 20 сентября 1918 года.

И. Дубинский-Мухадзе. Шаумян.

Изд. 2-е, исправленное. М., «Молодая гвардия». 1968.

Феликс Эдмундович Дзержинский

Родился 30 августа (11 сентября) 1877 года в имении Дзержиново Виленской губернии в семье небогатого помещика. Еще учеником гимназии в Вильно начинает революционную деятельность среди рабочих, с 1896 года — профессиональный революционер. Неоднократно арестовывался и ссылался, бежал из ссылки, организовывал демонстрации в тюрьмах. Член Главного правления социал-демократии Польши и Литвы. В 1905 году руководил революционной борьбой трудящихся в Царстве Польском. Делегат IV съезда РСДРП, член ЦК РСДРП с 1906 года. В сентябре 1912 года в очередной раз арестован, освобожден из тюрьмы февральской революцией. Активный участник подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 16(29) октября 1917 года на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) избран членом Военно-революционного центра по руководству восстанием. После победы Октября с 7(20) декабря Дзержинский — бессменный руководитель ВЧК…

Ночь. Метель. К перрону станции Всполье, весь в клубах пара, подошел поезд комиссии ЦК и Совета Обороны, возвращавшейся с Восточного фронта. Сквозь зашторенные окна салон-вагона виднелся свет. Члены комиссии Дзержинский и Сталин еще работали. На столе была разложена большая карта, рядом на стуле кипы документов.

— Председатель Ярославской губчека Лебедев! — доложил секретарь.

В салон вошел статный широкоплечий мужчина в запорошенной снегом шинели. Шинель старенькая, но ладно пригнанная. Ремни командирского снаряжения подчеркивали строевую выправку вошедшего.

Феликс Эдмундович знал, что Михаил Иванович Лебедев, в прошлом военный моряк, приговоренный к каторге в 1905-м, и

один из организаторов забастовки на Ленских золотых приисках в 1912-м, только недавно оправился от тяжелого ранения, полученного при подавлении Ярославского мятежа. И Дзержинский был рад лично познакомиться с ним.

В вагоне было тепло. Лебедев снял папаху, снаряжение, расстегнул шинель и сел к столу.

— Рассказывайте, как дела.

— Плохие дела, товарищ Дзержинский, — отвечал Лебедев, — в штабе Ярославского военного округа заговор. Руководят заговором начальник штаба округа бывший полковник генерального штаба Дробыш-Дробышевский, начальник управления артиллерии Смолич и бывший царский генерал-адъютант Янгалычев, последний «рюрикович», как он себя называет. В заговор втянуто много офицеров.

— Чем же эти ваши заговорщики занимаются? — раздался насмешливый голос Сталина. Он раскуривал трубку и исподлобья смотрел в упор на Лебедева.

— Пока формируют явно ненадежные полки, ставят во главе их белогвардейских офицеров, с тем чтобы по прибытии на фронт эти части переходили на сторону врага. Смолич саботирует снабжение Северного фронта вооружением и боеприпасами. Но главное — они готовят новый мятеж. Намерены захватить Ярославль и открыть дорогу на Москву иностранным интервентам.

— Доказательства? — спросил Дзержинский.

Лебедев достал из портфеля «Дело о заговоре в штабе Ярославского военного округа» и протянул Дзержинскому.

Некоторое время в вагоне царила тишина, прерываемая шелестом страниц да изредка вопросами и репликами Дзержинского и Сталина.

— А почему Ярославская ЧК до сих пор не расправилась с заговорщиками? — спросил Сталин.

— Арестовать руководящих работников штаба без согласия комиссара округа ЧК не может, а он отказывается санкционировать их арест, ссылаясь на указания Троцкого.

Феликс Эдмундович достал из кармана блокнот и написал:

«Поручается председателю Ярославской губчека М. И. Лебедеву в срочном порядке докончить расследованием дело штаба Ярославского военного округа и немедленно приступить к ликвидации такового.

Комиссия Совета Обороны».

Дал подписать Сталину и подписал сам.

Поезд ушел. Той же ночью заговорщики были арестованы и

руководители заговора расстреляны. Опасность, нависшая над Северным фронтом, устранена…

Вернувшись в Москву, Дзержинский и Сталин отчитались о своей работе по расследованию причин поражения 3-й Красной армии под Пермью.

Трудная это была командировка. Создалась угроза прорыва белых к Котласу и соединения их с англо-американскими интервентами, наступавшими от Архангельска. Приходилось не только заниматься расследованием, но одновременно на ходу принимать экстренные меры по укреплению боеспособности армии и наведению порядка в тылу.

Владимир Ильич прислал телеграмму: «Глазов и по месту нахождения Сталину, Дзержинскому. Получил и прочел первую шифрованную депешу. Очень прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте, ибо иначе нет гарантии успеха».

Комиссия ЦК и Совета Обороны вернулась в Москву только тогда, когда боеспособность 3-й армии была полностью восстановлена и она вместе с другими армиями Восточного фронта вновь перешла в наступление на Колчака.

Расследование, проведенное Дзержинским и Сталиным, вскрыло серьезные недостатки в управлении армиями из центра. Центральный Комитет одобрил меры, принятые ими на месте, и принял решение произвести проверку деятельности Всероссийского Главного штаба.

Пребывание на Восточном фронте убедило Дзержинского в необходимости слияния фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий с органами военной контрразведки (Военконтроль). Такой опыт он уже провел в 3-й армии.

Возвратившись в Москву, Дзержинский немедленно занялся этим делом. По согласованию с Реввоенсоветом республики на базе Военного отдела ВЧК и Военного контроля были созданы единый орган борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте — Особый отдел ВЧК и особые отделы фронтов, армий, дивизий. 3 февраля 1919 года Феликс Эдмундович подписал проект постановления об особых отделах ВЧК, а 6 февраля это постановление было принято ВЦИК. В оперативном отношении особые отделы были подчинены ВЧК, а политическое руководство их деятельностью возложено на реввоенсоветы и политотделы фронтов и армий.

Первым начальником Особого отдела ВЧК был назначен член коллегии ВЧК Михаил Сергеевич Кедров, член Коммунистической партии с 1907 года, прекрасный конспиратор, к тому же проявивший себя как крупный военачальник на Северном фронте.

Стабилизация на фронтах и снижение активности контрреволюционных элементов внутри страны позволили Центральному Комитету приступить к упорядочению деятельности ВЧК и революционных трибуналов, точнее разграничить их функции.

4 февраля Центральный Комитет партии поручил комиссии под руководством Дзержинского разработать новое положение о чрезвычайных комиссиях и ревтрибуналах.

За всеми этими крупными делами Феликс Эдмундович давно забыл о встрече с Лебедевым на станции Всполье, как вдруг пришло письмо от Троцкого. Нарком-военмор и председатель Реввоенсовета республики требовал ареста М. И. Лебедева и предания его суду реввоентрибунала. Лебедеву предъявлялись обвинения в самоуправстве и дезорганизации работы штаба Ярославского военного округа.

Феликс Эдмундович поставил вопрос о поведении Лебедева на коллегии ВЧК. Для участия в заседании коллегии Троцкий прислал своего заместителя Склянского.

Лебедев доложил дело. Доказательства виновности Дробышевского, Смолича, Янгалычева и других участников заговора в Ярославле были неопровержимы. Промедли ЧК еще неделю, и мятеж вспыхнул бы неотвратимо.

— А как бы вы, как коммунист, поступили на месте Лебедева? — обратился Феликс Эдмундович к Склянскому.

Склянский только развел руками.

— Поезжайте обратно и спокойно делайте свое дело так же, как и до сих пор, — сказал Дзержинский Лебедеву.

А когда тот вышел, обернулся к своему помощнику Беленькому:

— Председатель Ярославской губчека ходит в рваных сапогах и старой шинели. Надо его одеть как полагается.

В Ярославль Михаил Иванович Лебедев вернулся в новых хромовых сапогах и кожаной куртке.

— Феликс Эдмундович! Эшелон подходит к Москве. Пора встречать, — доложил Беленький, улыбаясь в свои пышные усы.

— Сейчас, сейчас, — откликнулся Дзержинский, торопливо собирая и пряча в сейф бумаги, лежавшие на столе.

Через несколько минут автомобиль председателя ВЧК остановился у Александровского вокзала, и Дзержинский быстрым шагом направился к поезду, доставившему из Швейцарии в Москву группу русских военнопленных и политэмигрантов.

— Зося, Ясенька мой, вот мы и опять вместе, — говорил Феликс Эдмундович, обнимая жену и сына.

— Товарищ Беленький, проводите их в кабинет начальника ОРТЧК[7], а я должен заняться прибывшими военнопленными и политэмигрантами.

Беленький взял багаж Дзержинских, и они пошли в транспортную ЧК, первую Чека, с которой пришлось столкнуться Софье Сигизмундовне. Свой «Мекано», игрушку-конструктор, Ясик нес сам. Он никому не пожелал доверить подарок отца.

Спустя некоторое время в кабинете появился и Дзержинский.

— Ну вот и все в порядке, — весело сказал Феликс Эдмундович. — Политэмигрантов разместили в Третьем Доме Советов, а военнопленные до отправки по домам поживут в Покровских казармах. А теперь домой!

Дзержинский схватил самый большой чемодан, взял за руку Ясика и заспешил к машине. Рядом шел начальник ОРТЧК и тщетно пытался вырвать чемодан из его рук.

— Оставьте, я сам, — сердился Феликс Эдмундович.

— Не надо, товарищ, — сказала Софья Сигизмундовна, мягко касаясь руки чекиста, — он не отдаст.

Автомобиль промчался по Тверской и через Троицкие ворота въехал в Кремль.

— Вот, Зосенька, и наша квартира, — говорил Феликс Эдмундович, распахивая дверь в просторную комнату с двумя высокими окнами на втором этаже кавалерского корпуса.

В комнате было все необходимое для жизни: три кровати, стол, шкаф, стулья, даже маленький старинный диванчик с резной спинкой.

Феликс Эдмундович ушел на работу, обещав скоро приехать, а Софья Сигизмундовна стала разбирать багаж и осваиваться на новом месте. Дверь из комнаты Дзержинских вела прямо в столовую Совета Народных Комиссаров. Слышался звон посуды и голоса столующихся, в комнату проникал специфический «столовский» запах.

Феликс Эдмундович появился, по ее понятиям, страшно поздно, а по его — очень рано, не было и двенадцати ночи.

Софья Сигизмундовна ни одним словом не обмолвилась о беспокоившей ее столовой — не могла же она, в самом деле, после долгой разлуки омрачать встречу такими пустяками.

Ясик, намаявшись за дорогу, крепко спал. А Софья Сигизмундовна и Феликс Эдмундович проговорили почти до утра и все не могли наговориться.

— Об убийстве Розы Люксембург и Карла Либкнехта мы узнали в пути. Какая подлость! Всю дорогу я не могла прийти в

себя.

— Ты знаешь, Зося, как я любил и уважал Розу, — после продолжительного молчания начал Феликс Эдмундович. — Мне пришлось пережить смерть многих товарищей, но ни одна из них не потрясла меня так сильно, как ее смерть.

Феликс умолк. Лунный свет, лившийся в высокие окна кавалерского корпуса, освещал резкие складки на его лице, плотно сжатый рот, суровый взгляд, устремленный ввысь, и страдальческий излом бровей.

Прошло несколько минут, и Феликс Эдмундович снова заговорил:

— Роза была организатором и идейным руководителем социал-демократии Польши и Литвы. Ей вместе с Либкнехтом принадлежит честь создания Коммунистической партии Германии. «Орлом» назвал ее Владимир Ильич. Я повесил портрет Розы у себя в служебном кабинете. Она всегда будет для меня примером преданности делу рабочего класса и интернационализма.

— Феликс, когда я думаю о Розе, то в голове не укладывается, как могло произойти, что ее убийцами стали социал-демократы?!

— Ты еще увидишь, Зосенька, как наши «социалисты» — меньшевики и эсеры помогают белым генералам вешать и расстреливать рабочих, — устало ответил Феликс Эдмундович.

Постепенно жизнь налаживалась. Дзержинскому дали в Кремле небольшую, но вполне приличную двухкомнатную квартиру. Ясик стал ходить в школу. Мальчик вырос в Швейцарии среди поляков-политэмигрантов, хорошо говорил по-польски, неплохо объяснялся на французском и немецком, но совершенно не знал русского языка. Ему помогал сын Якова Михайловича Свердлова — Андрей, или Адя, как его звали тогда в семье. А Софья Сигизмундовна с помощью жены Свердлова Клавдии Тимофеевны быстро освоилась с незнакомой и потому порой непонятной московской жизнью.

Только к одному она долго не могла привыкнуть: они с Ясиком мало видели Феликса Эдмундовича. Забежит на несколько минут — и обратно на работу, а то и вовсе не появляется по нескольку дней, только по телефону звонит, узнает, все ли здоровы, не нужно ли чего-нибудь. Умом понимала: время такое, Чека и ночью вынуждена работать, а вот привыкнуть никак не могла.

Легко понять радость Софьи Сигизмундовны, когда однажды в воскресенье Феликс Эдмундович пригласил ее вместе пойти в Большой театр.

Софья Сигизмундовна достала и привела в порядок свое единственное выходное платье, привезенное из Швейцарии, взялась было за одежду Феликса, но, как всегда, услышала: «Я сам».

Феликс Эдмундович надел шинель вместо халата и, подшучивая над своим видом, тщательно вычистил и отутюжил гимнастерку и брюки, навел глянец на сапоги…

В радостном, приподнятом настроении вошли они в ложу Большого театра. Феликс Эдмундович с любовью исподволь наблюдал за Зосей. Для нее, варшавской консерваторки, впервые попавшей в Большой театр, этот день был настоящим праздником. Он смотрел на ее счастливое лицо и мысленно давал слово почаще доставлять ей такое удовольствие.

К концу второго акта в ложу вошел Беленький. Стараясь не шуметь, он что-то прошептал на ухо Дзержинскому.

— Прости, Зося. Я должен ехать на работу.

Потускнел праздник. Исчезло радостное настроение.

Софье Сигизмундовне стало скучно в театре.

Трудно быть женой профессионального революционера-подпольщика. Оказывается, быть женой чекиста не легче.

На рассмотрение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Дзержинский от имени коммунистической фракции внес проект постановления о реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов.

Коротко, но ярко рассказал он о деятельности ВЧК за истекшие пятнадцать месяцев. Он говорил о скоплениях в городах старого офицерства, которое поставляло кадры для многочисленных заговоров, хотя часть его и переходит на сторону Советской власти.

— Для того, чтобы прекратить всякие заговоры, и для того, чтобы разбить эту сплоченную офицерскую массу, нам пришлось действительно быть беспощадными. Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена!

Аплодисменты прервали Дзержинского. Когда в зале стихло, он продолжал:

— Теперь этой массы, сплоченной контрреволюционной, нет. Мы знаем, что почти во всех наших учреждениях имеются наши враги, но мы не можем разбить наши учреждения, мы должны найти нити и поймать их. И в этом смысле метод борьбы должен

быть сейчас совершенно иной. Теперь, когда нам нужно выискивать отдельные личности, то их нужно судить, ибо внутри страны уже нет тех контрреволюционных сил, с которыми бы, как с массовым, повторяю, сплочением, нам приходилось бы бороться.

Первый пункт проекта гласил: «Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам…» Далее следовали пункты, определяющие состав трибуналов, сроки и порядок ведения следствия, вынесения и обжалования приговоров.

Как грозное предостережение белогвардейским заговорщикам прозвучали слова Дзержинского.

— Но вместе с тем мы не должны убаюкивать себя, мы должны своим врагам сказать, что, если они посмеют выступить с оружием в руках, тогда все те полномочия, которые имела раньше Чрезвычайная комиссия, она будет иметь и дальше!

Проект был принят. В постановлении ВЦИК было предусмотрено предоставление ВЧК «права непосредственной расправы» при наличии вооруженных выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, «за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения».

Феликс Эдмундович просил ВЦИК разрешить ВЧК в административном порядке заключать в концентрационные лагеря «господ, проживающих без занятий, тех, кто не может работать без известного принуждения».

И эта просьба была удовлетворена.

Это было 17 февраля 1919 года…

В кабинете Дзержинского собрались члены коллегии ВЧК. В креслах у письменного стола заняли свои привычные места зампреды — Яков Христофорович Петерс и Иван Ксенофонтович Ксенофонтов; на диване и на стульях вдоль стен разместились Мартин Янович Лацис-Судрабс, приехавший с Восточного фронта; начальник Особого отдела Михаил Сергеевич Кедров, Варлаам Александрович Аванесов, Александр Владимирович Эйдук, начальник штаба войск ВЧК Константин Максимович Валобуев, Иван Дмитриевич Чугурин, Филипп Дементьевич Медведь, заведующий транспортным отделом Василий Васильевич Фомин, Николай Александрович Жуков, Сергей Герасимович Уралов и Григорий Семенович Мороз.

В маленьком кабинете сразу стало тесно и шумно.

Дзержинский постучал карандашом по столу, призывая к

вниманию, и прочитал только что полученную телефонограмму:

— 1 апреля 1919 г.

«…Совет Обороны предписывает принять самые срочные меры для подавления всяких попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам.

Совет Обороны предписывает призвать к бдительности всех работников чрезвычайных комиссий и о предпринятых мерах довести до сведения Совета Обороны.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)».

Товарищи! Мы знаем, почему вновь зашевелились шпионы и диверсанты, агитаторы и подстрекатели мятежей и беспорядков, — заявил Дзержинский, закончив чтение. — Так бывает всегда, когда белогвардейцы предпринимают наступление на внешних фронтах. Сейчас наступил именно такой момент: Колчак наступает по всему Восточному фронту, усилили свой нажим англо-американские интервенты и генерал Миллер на севере, на юге активизировался Деникин, а Родзянко и Юденич, поддержанные английским флотом, белофиннами и белоэстонцами, угрожают Петрограду. На нас лежит ответственность обеспечить безопасность советского тыла. Давайте обсудим, что мы можем и должны конкретно сделать во исполнение предписания Совета Обороны.

Феликс Эдмундович всегда добивался, чтобы каждый член коллегии высказался, дал свое предложение; иногда спорил, доказывал, но, если видел, что товарищ настаивает на своем и уверен в успехе, говорил: «Хорошо, делайте по-своему, но вы ответственны за результат». Дзержинский поощрял инициативу. Так было и сегодня.

Когда приняли решение, попросил слова Аванесов:

— Необходимо разъяснять широким массам проделки враждебных нам элементов так, чтобы массы сами убедились бы в необходимости суровых мер, которые мы здесь наметили.

— Товарищ Варлаам правильно ставит вопрос. Чтобы заручиться поддержкой масс, предлагаю опубликовать в печати обращение, объясняющее наши действия, — сказал Дзержинский. — Всего два абзаца. — И он прочел: — «Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады».

Возражений не последовало.

Следующий абзац гласил:

«Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская чрезвычайная комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания».

— По-моему, — забасил Лацис, — последнюю часть, где говорится, против кого будут приняты суровые меры, можно объединить с первым абзацем, а все эти «во имя» и прочая лирика и сантименты вовсе не нужны.

— Вероятно, вы, Мартин Янович, не поняли смысл нашего обращения, — взволновался Дзержинский, — это не «лирика и сантименты», а, если хотите, морально-политическое кредо ВЧК. Народ должен знать, что террор и жестокость — не наш метод, знать, во имя чего мы *принуждены* прибегать к суровым мерам. Именно это и есть главное в обращении.

Большинство поддержало Дзержинского. Утром кучки людей, толпившихся у свежих, расклеенных на афишных тумбах и стенах газет, читали обращение ВЧК, подписанное Дзержинским. Одни со злобой и страхом, другие с удовлетворением и надеждой.

Прошло около двух месяцев. Дзержинского вызвал Ленин.

Феликс Эдмундович вошел в кабинет через «будку» — так называли сотрудники Совнаркома комнату за кабинетом Ленина, где размещались коммутатор Кремля и телеграфные аппараты, по которым Владимир Ильич мог в любую минуту связаться с командующими фронтами или губернскими властями. Правом прохода через «будку», минуя приемную Совнаркома и обязательный доклад секретаря, пользовались только Свердлов и Дзержинский. Аппаратная напоминала о том, что нет уже дорогого друга и товарища Якова Михайловича. Он умер 16 марта от крупозного воспаления легких.

Владимир Ильич стоял у открытого окна и, казалось, наслаждался ароматом майской зелени. Но когда он обернулся и Дзержинский увидел его усталое, озабоченное лицо, стало ясно, что Ильичу сейчас не до красот природы и что мысли его были где-то далеко от Кремля.

Поздоровались. И Ленин увлек Дзержинского к большой, висевшей на стене карте. На ней синими и красными флажками было отмечено положение советских и белогвардейских войск. Взгляд Владимира Ильича остановился у Петрограда, где синие флажки были воткнуты в точки с обозначениями: 15 мая — Гдов, 17 мая — Ямбург, 25 мая — Псков.

— Вся обстановка белогвардейского наступления на

Петроград заставляет предполагать наличие в нашем тылу, а может быть, и на самом фронте организованного предательства, — говорил Владимир Ильич, указывая на карту, — я уже написал об этом в Питер, Сталину, и попросил его принять экстренные меры для раскрытия заговоров, но ему нужно помочь. Прошу вас, Феликс Эдмундович, командировать туда, и как можно быстрее, опытных и энергичных ответственных товарищей из ВЧК.

— Я уже направил туда товарища Петерса. Завтра же командирую Кедрова с группой работников Особого отдела. Петерс, как мой заместитель, будет координировать работу чекистских органов в армии, в губернии, на транспорте и руководить всеми операциями.

Ленин просил Дзержинского взять работу петроградских чекистов и направленных из Москвы товарищей под свой личный контроль и предложил вместе подписать обращение к населению.

Воззвание начиналось энергичным «Смерть шпионам!», затем краткое, по-военному, изложение обстановки и задачи. Дзержинскому особенно врезалась в память концовка: «Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников».

Феликс Эдмундович взял ручку и молча подписался. Он не хотел изменять ни одной ленинской строки.

Предвидение Ленина о наличии в Петрограде контрреволюционного заговора вскоре подтвердилось. 13 июня 1919 года в фортах Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев вспыхнул мятеж. Быстрыми и решительными ударами с моря и с суши в ночь на 16 июня мятеж был подавлен.

По плану заговорщиков мятеж на Красной Горке должен был послужить сигналом к восстанию в Кронштадтской крепости и в самом Петрограде. Но агенты Антанты просчитались. Чекисты, руководимые Петерсом и Кедровым, сумели в короткий срок выявить и взять под свой контроль нити заговора и в ночь на 14 июня нанесли упреждающий удар. Были арестованы главари заговора в Кронштадте и на кораблях Балтийского флота, а при массовых обысках и облавах, проведенных совместно с отрядами рабочих в буржуазных кварталах Петрограда, удалось изъять 7 тысяч винтовок, более 140 тысяч патронов, 600 револьверов и много другого оружия, уже вынесенного из тайных складов и

подготовленного к действию. Одновременно оказались под арестом и многие контрреволюционеры.

Очищенная от заговорщиков и шпионов, пополненная свежими войсками, коммунистами, комсомольцами и тысячами рабочих, прибывших из Петрограда и других городов, 7-я Красная армия 21 июня перешла в наступление и отбросила белогвардейцев от Петрограда.

События в Петрограде, наступление Деникина на юге и контрреволюционные мятежи в других местах вынуждали партию и Советское правительство принимать решительные меры для поддержания порядка в тылу Красной Армии и, в частности, все шире распространять военное положение.

22 июня 1919 года ВЦИК опубликовал декрет «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», в подготовке которого деятельное участие принимал Дзержинский. В декрете перечислялись наиболее опасные преступления (принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти, государственная измена, шпионаж, диверсии, бандитизм и др.), изымавшиеся из общей подсудности. Чрезвычайным комиссиям предоставлялось «право непосредственной расправы (вплоть до расстрела)» за перечисленные в декрете «доказанные преступные деяния».

На следующий день Дзержинский разослал приказ всем губчека.

«…С изданием настоящего декрета, — писал он, — на ЧК возложены более чем когда-либо тяжелые задачи — очистка Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России… Все явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой…

Вместе с этим ВЧК считает нужным указать, что суровое наказание ждет всех тех, кто вздумает злоупотреблять предоставленными ЧК правами. За применение прилагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться. Ответственность за правильность проведения приложенного декрета возлагается на местные коллегии ЧК в целом и на председателей в частности».

Дзержинский разбирал утреннюю почту. В письме, присланном из Петрограда, говорилось о том, что член коллегии губчека Д. Я. Чудин вступил в интимную связь с некой Свободиной-Сидоровой. За «любовь» приходилось платить. И

Чудин по ходатайствам Свободиной-Сидоровой освободил из-под ареста ее сожителя спекулянта Дрейцера, а затем спекулянтов Эменбекова, Баршанского, Розенберга, с которых Свободина-Сидорова получила за свое заступничество перед ЧК крупные взятки.

Дзержинский пригласил Петерса:

— Яков Христофорович, вы недавно вернулись из Петрограда. Что вы можете сказать о Чудине?

— Коммунист, хороший работник, отлично действовал, когда мы проводили массовые операции в Петрограде в период мятежа на Красной Горке.

— Прочтите это. — Дзержинский передал Петерсу письмо.

— Невероятно! — воскликнул Петерс, ознакомившись с его содержанием. — А вы не допускаете, Феликс Эдмундович, что это клевета?

— К сожалению, похоже на правду. Много конкретных данных, которые легко проверить. Клеветники так не поступают.

И Дзержинский отправился в Петроград, чтобы лично разобраться с этим делом.

Чудин молча сел на предложенный стул, прочел письмо, взглянул в глаза Дзержинского и сразу отвел свои.

Феликс Эдмундович испытующе смотрел на Чудина. Готовясь к этой встрече, он все еще надеялся, что Чудин возмутится и опровергнет обвинения, но в его мимолетном взгляде Дзержинский не прочел ничего, кроме тоски.

— Правда?

— Правда, — ответил Чудин.

— Оружие на стол!

Чудин покорно снял ремень с кобурой, положил перед Дзержинским.

Феликс Эдмундович почувствовал отвращение к этому человеку с посеревшим лицом и опустившимися плечами. Начинала душить тяжелая волна гнева. Но вспылить, разрядиться гневом нельзя. Перед ним сидел арестованный, и служебный долг повелевал быть с ним «гораздо вежливее, чем даже с близким человеком» (Дзержинский помнил свои инструкции).

Усилием воли Дзержинский заставил себя продолжать допрос.

Пока Дзержинский допрашивал Чудина, были арестованы Свободина-Сидорова и освобожденные Чудиным спекулянты. Показаниями обвиняемых и всеми обстоятельствами дела вина Чудина была установлена с полной несомненностью. Комиссия в составе трех членов ВЧК и трех членов Петроградской губчека под председательством Дзержинского единогласно постановила:

Д. Я. Чудина расстрелять.

В приговоре Дзержинский записал: «…вина Чудина усугубляется еще тем, что он, состоявший несколько лет в рядах Коммунистической партии и занимавший такой ответственный пост, как пост члена Чрезвычайной комиссии, не мог не понимать, как предательски он нарушает интересы партии и злоупотребляет доверием своих товарищей по ЧК».

Приговор подписан и объявлен обвиняемому. Увели Чудина, разошлись по своим делам члены комиссии. Дзержинский остался один.

Тяжело подписывать смертный приговор, брать на себя ответственность за лишение человека жизни. Вдвойне тяжело приговорить к высшей мере наказания того, кто еще вчера был твоим товарищем по партии, по работе…

Да, трудна и опасна работа чекистов, и соблазны встречаются перед ними на каждом шагу. Тогда, когда они, сами голодные, находят при обыске запрятанное продовольствие или драгоценности, или когда контрреволюционеры и спекулянты сулят им крупные взятки, или, наконец, вот так, как получилось у Чудина. Надо бы написать по этому поводу хорошее письмо всем чрезвычайным комиссиям.

И Дзержинский тут же, пока не прошла острота мыслей, набрасывает черновик:

«…Чтобы чекист мог выполнить свои обязанности и оставаться твердым и честным на своем пути, для этого необходима постоянная товарищеская поддержка и защита со стороны председателя, членов коллегии, заведующих отделами и т. п. Чекист может только тогда быть борцом за дело пролетарское, когда он чувствует на каждом шагу себе поддержку со стороны партии и ответственных перед партией руководителей. Но, с другой стороны, слабые на искушения товарищи не должны работать в ЧК…

Чтобы выполнять свои обязанности для революции, чтобы быть в состоянии защищать и оказывать поддержку своим сотрудникам в их тяжелой борьбе, для этого ЧК должна беспощадно и неуклонно отбрасывать от себя слабых и наказывать жестоко совершивших преступление».

В Москве надо будет обязательно посоветоваться с Ксенофонтовым. Иван Ксенофонтович человек большой души, пусть он первый из членов коллегии скажет свое слово. И на документе Дзержинский приписал: «Тов. Ксенофонтову. Ваше заключение, нужен ли такой циркуляр. *Ф. Д.*».

Под утро пришел комендант, доложил об исполнении приговора. Вместе с Чудиным были расстреляны соучастники его

преступлений Свободина-Сидорова и Дрейцер.

Перед Дзержинским лежало дело «Национального центра». Сегодня ночью ВЧК приступит к ликвидации этой контрреволюционной организации, и Феликс Эдмундович еще раз изучает материалы; надо все заранее взвесить и предусмотреть, чтобы в ходе операции не дать врагу ускользнуть или уничтожить улики.

Вошел секретарь.

— Феликс Эдмундович, в бюро пропусков Жилин Иван Яковлевич, просится к вам.

«Жилин. Что-то очень знакомое». И вдруг вспомнилось: Нолинск, «среды» в светелке у Николевой.

— Пусть пройдет!

Через несколько минут Дзержинский шел навстречу старому товарищу по первой своей ссылке. Обнялись, расцеловались. Феликс Эдмундович усадил Жилина у стола, сам сел напротив.

Как изменился Иван Яковлевич! Постарел, похудел, вид болезненный. Встретил бы на улице, вероятно, но узнал бы этого удалого гитариста и запевалу.

— Я к тебе за помощью, — взволнованно заговорил Жилин, — помнишь, с чего начинается письмо ЦК «Все на борьбу с Деникиным!»? Там написано: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Это Ильич написал, нам-то с тобой известно, что он автор этого письма.

Дзержинский вопросительно посмотрел на Жилина, силясь понять, какой помощи ждет от него Иван Яковлевич и при чем тут письмо ЦК.

— Так вот, — продолжал Жилин, — в этот критический момент меня не хотят взять в армию. Врачи, видите ли, признают негодным к военной службе! Это в то время, когда деникинцы топчут мою родную воронежскую землю!

— Но я же не доктор, — возразил Дзержинский. — Может быть, тебе и в самом деле нельзя на фронт.

— Чепуха! Работать могу, значит, и воевать тоже сумею не хуже других. Да я здесь скорее помру, а там, если и погибну, так с музыкой! — И Дзержинский увидел, как по-молодому озорно сверкнули глаза Жилина.

Феликсу Эдмундовичу было близко и понятно стремление старого подпольщика. Дела на Южном фронте были пока плохи, и партия напрягала все силы, чтобы остановить врага, рвущегося к Москве.

— Так ты, Иван Яковлевич, говоришь, что сам из Воронежа?

— А как же! Всю молодость там провел. И в партию там вступил, и в ссылку в девяносто восьмом оттуда пошел, — отвечал Жилин.

— Нам как раз нужен начальник особого отдела в восьмую армию, она действует на Воронежском направлении. Пойдешь?

— В восьмую армию с удовольствием. Но почему так сразу начальником? У меня же никакой подготовки к вашей работе нет.

— Ну это ты брось. Мы с тобой, Иван Яковлевич, одну школу проходили — тюрьмы и ссылки. Могу тебе по секрету признаться, подготовка неплохая. По своему опыту знаю.

— А кто же будет моим непосредственным начальником? — поинтересовался Жилин.

— Я, — ответил Дзержинский. — Вот только что перед твоим приходом фельдъегерь привез.

И Феликс Эдмундович передал Жилину приказ Реввоенсовета республики от 27 августа 1919 года о своем назначении председателем Особого отдела ВЧК.

— После прорыва фронта 14-й армии и выхода в наши тылы казачьего корпуса генерала Мамонтова Центральный Комитет признал необходимым, чтобы я, как член ЦК и председатель ВЧК, возглавил и Особый отдел, — пояснил Дзержинский.

— Ну в таком случае согласен! — Жилин шутливо развел руками. Дзержинский снова заметил озорные искорки в его глазах и узнал прежнего, нолинского Жилина.

— Прекрасно! Сегодня же постараюсь провести твое назначение через Оргбюро.

— Последний вопрос, и я не буду больше отнимать твое драгоценное время, — сказал Иван Яковлевич, поглядывая на висевший за спиной у Дзержинского плакат: «Дорога каждая минута». — Когда ехать и у кого я могу получить инструктаж о своих задачах и организации работы?

— Задачи в общей форме определены в том же письме ЦК, с которого ты сам начал наш разговор. — Дзержинский взял лежавший на столе четвертый номер «Известий ЦК РКП (б)», нашел нужную страницу и прочел: — «Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина?* Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и

крестьян? Выбор не труден.

Вопрос стоит так и только так».

Ну а подробный инструктаж получишь перед отъездом. Кстати, — продолжал Дзержинский, — Особый отдел ВЧК собирается сегодня ночью навестить одного кадета. Приходи сюда к десяти часам вечера, поедем вместе. Вот и получишь первый наглядный инструктаж.

В половине десятого Иван Яковлевич был уже в приемной председателя ВЧК. Решил, что лучше подождать, чем опоздать.

— Садитесь, товарищ Жилин, — приветливо встретил его секретарь. — Феликс Эдмундович на заседании коллегии Народного комиссариата внутренних дел, но к 10 часам обещал обязательно приехать.

Секретарь, видимо, был предупрежден Дзержинским о приходе Жилина.

— Достается вашему председателю, — говорил Жилин, устраиваясь на диване, — член Центрального Комитета и Оргбюро, член Президиума ВЦИК, народный комиссар внутренних дел, председатель ВЧК, а теперь еще и председатель Особого отдела. Как только успевает!

— Прибавьте еще: председатель Московской губернской чрезвычайной комиссии, участие в работе Совнаркома, Совета Обороны, ЦИК польских групп и в различных комиссиях. И, представьте, успевает, — улыбнулся секретарь.

Разговор был прерван появлением Дзержинского. Он быстрым шагом прошел в кабинет, пригласив с собой Жилина.

— А мы только что говорили о твоих многочисленных обязанностях, — сказал Жилин.

— В ближайшие дни к ним прибавится еще одна: член Комитета обороны города Москвы и Московского укрепрайона, — ответил Дзержинский. — А как я с ними справляюсь, — предвосхищая вопрос, продолжал он, — так ведь я не один работаю. У меня много прекрасных помощников, надо только их правильно использовать. Взять, к примеру, членов коллегии ВЧК. Петерс умница, хороший организатор, волевой человек. Он у нас ударная бригада ЧК, если хочешь, пожарная команда, бросаем туда, где горит, — то в Киев, то в Петроград. В Москве он возглавляет объединенный штаб по борьбе с контрреволюцией, а сейчас, вероятно, придется направить в Тульский укрепрайон; второй мой зам Ксенофонтов, человек исключительного трудолюбия, исполнителен до педантичности. Мне часто приходится отсутствовать, то в отъездах, то на различных заседаниях; Ксенофонтов всегда на месте, все нити от различных звеньев аппарата ВЧК сходятся к нему. Он подлинный начальник

штаба ВЧК, любой вопрос, который ему поручишь, разработает досконально; Лацис — этого медведя посылаем туда, где нужна твердая рука. Владимир Ильич считает Лациса надежнейшим и преданнейшим товарищем; по его предложению Лацис в прошлом году был назначен председателем ЧК на чехословацком фронте, а сейчас мы его послали на Украину, там, как вы знаете, кишмя кишат банды. Лацис может иногда перегнуть палку, но, если вовремя поправить, прекрасный работник, — добавил, немного подумав, Дзержинский.

— Или вот Уралов, один из самых молодых членов коллегии. Энергичный, грамотный работник. Колчака мы бьем и гоним. В ближайшее время освободим Урал и Сибирь. Там предстоит огромная работа по организации местных ЧК и вылавливанию остатков белогвардейщины. Вот и пошлем туда уполномоченным ВЧК Уралова и дадим ему широкие права, не может же он оттуда по всякому вопросу испрашивать санкцию ВЧК.

Раздался телефонный звонок. Из телефонной трубки донеслось: «Гость пришел».

— Пора! — сказал Дзержинский.

Через несколько минут автомобиль остановился в начале Трубного переулка, а Дзержинский и Жилин, встреченные чекистами, направились к дому на углу Трубного и Неопалимого переулков.

Хозяин дома (и еще многих домов) Николай Николаевич Щепкин, или «дядя Кока», как его называли в своей конспиративной переписке белогвардейцы, видный деятель кадетской партии, бывший член Государственной думы, а ныне председатель контрреволюционной организации «Национальный центр», принимал Павла Марковича Мартынова, игравшего роль связного между ним и курьером, прибывшим из Екатеринодара[8] от Деникина.

Когда в доме неожиданно появились чекисты, Щепкин еще не успел извлечь из тайника материалы, подготовленные для отправки в штаб белых. По заведенному порядку Мартынов сначала докладывал «дяде Коке» о том, как прошла предыдущая передача.

Увидев Дзержинского, Щепкин вначале побелел от испуга, но, вспомнив, что улик в доме нет никаких, а тайник надежный, пришел в себя и не без злорадства наблюдал за ходом обыска.

И действительно, тщательный обыск в доме и личный обыск Щепкина и Мартынова ничего не дали. Дзержинский нервничал. Почта должна быть здесь, об этом косвенно свидетельствует и появление Мартынова, роль которого чекистам была известна, а найти не могут. Шло время, Щепкин держался все более

самоуверенно, разыгрывал оскорбленную невинность, а Мартынов, если бы и хотел, не мог ничего сказать, так как действительно не знал, где хранятся документы.

Феликс Эдмундович, взяв с собой двух сотрудников, вышел во двор. Вышел за ним и Жилин. Осмотрели все карнизы, наличники и подоконники, заглянули под крыльцо и тоже ничего не нашли. И тогда взгляд Дзержинского задержался на поленнице дров. Поленница как поленница, по краям дрова сложены в клетку, посередине лежат ровно и плотно до самого верха. Видно, что из этой поленницы дров не берут, заботливый хозяин приготовил эти дрова к зиме. Но почему в таком случае на траве угадывается еле заметная стежка-тропочка, ведущая к правой стороне поленницы? Дзержинский подошел к дровам, к тому месту, куда подвели следы, дернул за полено, и… оно оказалось значительно короче других.

— Разобрать! — приказал Дзержинский.

Не прошло и минуты, как из устроенного в дровах тайника была извлечена железная шкатулка с документами.

Увидев Дзержинского со шкатулкой в руках, «дядя Кока» опустил голову. Самоуверенность куда-то улетучилась, и он без препирательств подписал протокол обыска.

На Лубянке Дзержинского и Жилина дожидались Варлаам Александрович Аванесов и сотрудник Особого отдела ВЧК Федор Тимофеевич Фомин. Они только что прибыли с обыска у другого главаря «Национального центра», А. Д. Алферова.

— Вот, Феликс Эдмундович, наши трофеи, — докладывал Аванесов, — это список, по-видимому, членов организации. Я обнаружил его внутри пресс-папье, между крышкой и корпусом. А это товарищ Фомин нашел в старых брюках Алферова. — С этими словами Аванесов передал Дзержинскому записную книжку арестованного. — А какой фокус в ней содержится, пусть Фомин сам расскажет.

— Взгляните, Феликс Эдмундович, в книжке среди других попадаются такие записи: «Виктор Иванович — 452 руб. 73 коп.», «Владимир Павлович — 435 руб. 53 коп.», и другие в том же духе. Не то Алферов им должен, не то они ему должны. Странным мне показались эти кредитные операции, да и фамилий почему-то нет, на код похоже.

Тут Фомин приостановился, осмотрел всех и выложил свой «фокус».

— Для проверки я взял да отбросил все рубли и копейки и попросил телефонистку соединить меня с номером 4-52-73. Отзывается Виктор Иванович, прошу его срочно приехать к Алексею Даниловичу. Приехал. Остальных решили пока не

трогать.

Феликс Эдмундович внимательно рассмотрел маленький листок тонкой бумаги, на котором мелкими буквами были написаны фамилии и инициалы, увидел среди них несколько уже знакомых ему по материалам ВЧК, полистал записную книжку, и лицо его просияло:

— Теперь они все в наших руках!

Содержание шкатулки, найденной у Щепкина, тоже представляло большой интерес. Там были письма, полученные от членов «Национального центра» Н. И. Астрова, В. Степанова и князя Долгорукова, состоявших при штабе Деникина, и ответные письма Щепкина, касающиеся состояния организации и планов заговорщиков в Москве. Найденные в шкатулке свежие сведения о составе, дислокации, вооружении Красной Армии и стратегических планах советского командования, подготовленные к отправке в штаб Деникина, Дзержинский распорядился направить на заключение в Реввоенсовет.

Вскоре пришел ответ. В своем заключении член Реввоенсовета республики Сергей Иванович Гусев подтвердил большую точность сведений, собранных белогвардейскими шпионами. Сведения о состоянии артиллерии Южного фронта расходились со сводкой, имевшейся в Реввоенсовете, всего на четыре орудия да немного не совпадали по калибрам. Но еще «неизвестно, чьи сведения ближе к истине», писал Гусев, официальные советские или шпионские.

Сергей Иванович Гусев, работавший вместе с Дзержинским в Московском комитете обороны, не ограничился направлением в Особый отдел ВЧК официального заключения. Он поздравил Феликса Эдмундовича с крупной победой.

— Трудно себе представить все ужасные последствия, — говорил он, — если бы эти сведения попали к Деникину!

Аресты и материалы, изъятые у членов «Национального центра», повели к раскрытию связанной с ним крупной военной контрреволюционной организации — «Штаба добровольческой армии Московского района». Члены военной организации «Национального центра» работали на руководящих постах во Всероссийском Главном штабе Красной Армии и во многих военных учреждениях и школах.

Кроме снабжения Деникина шпионскими сведениями, заговорщики ставили своей целью поднять восстание и открыть фронт Деникину.

— Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советской власти и вызвать, таким образом, панику и

разложение в армии, — докладывал Дзержинский Московской городской конференции РКП(б) 24 сентября 1919 года.

— Они предполагали начать выступления в Вешняках, Волоколамске и Кунцеве, отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе… Они были настолько уверены в победе, что заготовили даже целый ряд воззваний и приказов…

Указав далее на недочеты в работе советского аппарата, выявленные следствием, Феликс Эдмундович закончил доклад словами:

— Успешность нашей борьбы с заговорами возможна, если все намеченные меры встретят поддержку со стороны каждого партийного товарища в повседневной жизни.

Конференция подтвердила все постановления Комитета обороны и одобрила его политику. «Вместе с тем, — говорилось в резолюции, — конференция приветствует ВЧК за ее энергичную деятельность в деле уничтожения контрреволюционных гнезд в сердце революции».

Веселый и оживленный вернулся Дзержинский с конференции. Рассказал товарищам о новой высокой оценке деятельности ВЧК. Радовало и письмо с фронта, полученное от Жилина. Иван Яковлевич писал о том, что разгром белогвардейцев в Москве в момент, когда деникинцы ведут наступление на Орел и Воронеж, нашел живой отклик на фронте: прекратились панические разговоры о предательстве в штабах, те из военспецов, которые чуть ли не в открытую занимались саботажем, опустили хвосты, стараются изо всех сил, доказывая свою лояльность; политработники используют газетные сообщения о ликвидированных ВЧК заговорах для поднятия боевого духа и дисциплины в войсках.

Жилину особенно понравилось одно место в опубликованном в газетах обращении ВЧК «Ко всем гражданам Советской России»: «Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы, и «благородные» педагоги со шпионским клеймом на лбу, офицеры и генералы, инженеры и бывшие князья, бароны и захудалые правые меньшевики. Князь Андронников, друг Распутина и Николая, обвинявшийся в германском шпионаже, кадет Щепкин, председатель «Национального центра», генерал Махов, барон Штремберг и меньшевик Розанов, попавший в засаду на квартире истинно русского шпиона Вильгельма Штейнингера, — все смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка…»

«Узнаю твою руку, дорогой Феликс Эдмундович. Это ведь прямо поэма в прозе, а ты еще в Нолинске слыл поэтом» — так

Иван Яковлевич заканчивал свое письмо.

Огромной силы взрыв разрушил особняк графини Уваровой в Леонтьевском переулке, где помещался Московский комитет Российской Коммунистической партии. Бомба была брошена прямо в зал заседаний, где в тот момент проходило собрание партийного актива, лекторов и агитаторов.

Дзержинский с группой чекистов прибыл к месту взрыва одним из первых. Пожарные уже тушили пламя. Поднятая по тревоге дежурная часть батальона ВЧК устанавливала оцепление, оттесняла толпу зевак.

Феликс Эдмундович обошел здание. Фасад со стороны Леонтьевского пострадал сравнительно мало, но зато от половины дома, выходившей на Чернышевский переулок, почти ничего не осталось. В полу зала заседаний зияла огромная брешь, две толстые балки переломаны, железная крыша сорвана и отброшена в сад, туда же вывалилась вся задняя стена дома.

Прервав заседание, прибежали в Леонтьевский депутаты пленума Моссовета и включились в спасательные работы.

Мимо Дзержинского несли убитых и раненых. Мелькнули знакомые черты. Феликс Эдмундович остановил носилки. Сомнений не было, на них лежал изуродованный труп секретаря Московского комитета партии Загорского. Еще один товарищ пал от руки врага. Дзержинский особенно сдружился с Загорским за время совместной работы в Комитете обороны. Только вчера Владимир Михайлович выступал на конференции с обзором деятельности Московского комитета обороны, а сегодня…

Чекисты осматривали место происшествия, пытаясь по следам и опросу очевидцев установить картину преступления и приметы террористов. Дзержинский тяжело вздохнул и направился к ним.

В стороне длинный скорбный ряд жертв. Рядом с Загорским лежат: сотрудница губернского комитета РКП(б) Волкова Мария; командир полка 1-й Московской дивизии Титов Григорий Васильевич, рабочий-маляр, коммунист с 1912 года; бывший политкаторжанин Сафонов Александр, член Реввоенсовета 12-й армии; секретарь железнодорожного райкома РКП(б) Николаева Анфиса Федоровна. Всего 12 убитых.

Пятьдесят пять раненых были отправлены в больницы или получили помощь на месте. Среди них Е. М. Ярославский, А. Ф. Мясников, М. С. Ольминский, Ю. М. Стеклов, М. Н. Покровский и другие видные партийные и советские работники.

Никто не сказал Дзержинскому ни слова упрека. Но ему-то

казалось, что и мертвые и живые смотрят на него с немым укором. Опять, как и год назад, после покушения на Ильича, его гложет мысль: «Недоглядели, прозевали». Вспомнил, что на этом собрании должен был выступать Владимир Ильич… Сердце похолодело от мысли, что могло бы произойти, если бы Ленин не задержался случайно в Моссовете.

Но предаваться горю и заниматься самобичеванием не было времени. Дзержинский все силы МЧК бросил на розыск преступников. Вскоре выяснилось, что взрыв подготовлен и осуществлен контрреволюционной организацией, именующей себя «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан», в который входили «анархисты подполья» и группа левых эсеров, возглавляемая Донатом Черепановым, более известным в «комитете» под кличкой «Черепок». Во главе «комитета», или «штаба», как он иначе именовался, стоял анархист Казимир Ковалевич, хорошо известный чекистам по делу ограбления «Центротекстиля» и другим крупным «эксам»[9].

МЧК выявила в Москве несколько конспиративных квартир, принадлежавших анархистам. За квартирами установили наблюдение, а затем организовали там засады. На квартире в Глинищевском переулке удалось задержать одиннадцать человек, и среди них Гречанинова (он же Гречанников, он же Гречаник) и Цинципера, непосредственных участников взрыва. На квартире по Рязанскому шоссе попалось еще семь.

Некоторые анархисты при аресте оказывали отчаянное сопротивление, пытались бежать, стреляли в чекистов, бросали гранаты. В этих схватках были убиты Казимир Ковалевич и Петр Соболев, тот самый, который бросил полуторапудовую бомбу в зал заседаний МК. Были убиты или арестованы почти все главари и активные члены «повстанческого штаба» и организации анархистов подполья. Но считать эту контрреволюционную организацию разгромленной чекисты не могли. В ходе следствия выяснилось, что анархисты подполья, кроме взрыва в помещении Московского комитета, готовили взрыв в Кремле и еще несколько террористических актов. Приближалась вторая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, а найти мастерскую, где хранилась взрывчатка и изготовлялись бомбы, не удавалось. Не удавалось раскрыть и подпольную типографию. Все это очень волновало Дзержинского и чекистов, занимавшихся расследованием.

— Интересующие нас адреса, несомненно, должен знать Гречанинов. Он среди анархистов фигура: прибыл от Махно, руководитель многих «эксов», непосредственный участник взрыва в Леонтьевском переулке, — докладывал Дзержинскому старый

большевик Василий Николаевич Манцев, назначенный недавно председателем Московской чрезвычайной комиссии.

Дзержинский решил сам поговорить с Гречаниновым.

Гречанинов вел себя нагло, назвать имена и адреса своих сообщников, оставшихся на свободе, отказался наотрез.

— Напрасная бравада, Гречанинов, всю Москву перероем, каждый дом обыщем, а все равно всех переловим, — сказал Дзержинский.

— А разве под Москвой нельзя жить? — с ухмылкой ответил бандит.

Когда Гречанинова увели, Дзержинский обратился к Манцеву:

— Василий Николаевич, прикажите вести дальнейшее расследование в направлении выявления конспиративных квартир, занимаемых анархистами в подмосковных поселках. — И, подумав, добавил: — Вернее всего, дач. Для своих целей они должны арендовать всю дачу целиком.

— А вы не думаете, Феликс Эдмундович, что Гречанинов толкает нас на ложный путь, хочет заставить распылить силы?

— Нет, я видел его глаза, он не врет, — твердо ответил Дзержинский.

Снова началась кропотливая работа над архивными материалами и упорные допросы арестованных.

Первым раскрыл карты Афанасий Тямин. Он не совершил серьезных преступлений и надеялся чистосердечными показаниями заработать снисхождение. Манцев положил протокол его допроса на стол Дзержинского.

«Типография, а может быть, и адские машины находятся на даче в Краснове по Казанской железной дороге, — читал Дзержинский. — Эту дачу дал подпольщикам некто Падевич, служащий Продпути (у Ильинских ворот). Вероятно, на даче есть Таня (жила на Арбате, 30, 58), затем наборщик Паша, Митя, может быть, Соболев, Азов, Барановский. Прислуживает на даче девушка, которая не связана совершенно с подпольщиками и находится лишь в услужении».

— Спасибо, Василий Николаевич!

Дзержинский почувствовал, как тяжелый камень свалился с его груди.

В ночь на 5 ноября отряд чекистов под руководством Манцева и начальника отдела МЧК по борьбе с контрреволюцией Станислава Адамовича Мессинга оцепил дачу. При попытке проникнуть внутрь анархисты открыли огонь. Ожесточенная перестрелка продолжалась около двух часов, а затем сильный взрыв поднял дачу в воздух.

Когда дым и пыль рассеялись, чекисты нашли на месте, где

была дача, обгоревшие части типографского станка, оболочки бомб, револьверы и несколько трупов. Все, что осталось от «анархистов подполья» и «Штаба революционных партизан».

Склад динамита в поселке Одинцово был взят тихо, без всяких осложнений.

После взрыва в здании Московского комитета новый поток писем и резолюций хлынул в ВЧК и центральные партийные и советские органы. В ответ на акты массового террора трудящиеся требовали снова применить массовый террор к врагам Советской власти.

Но к этому времени положение на фронтах резко изменилось. В битве под Орлом было положено начало разгрома Деникина, а в боях за Воронеж Буденный наголову разгромил лучшие, наиболее маневренные соединения деникинской армии — конные корпуса Шкуро и Мамонтова. Теперь уже белогвардейцы под мощными ударами Красной Армии, бросив мечты о Москве, неудержимо откатывались на юг.

Центральный Комитет партии принял решение: «Советская власть в России в настоящее время настолько крепка и сильна, что может, не впадая в нервность, сохраняя обычный темп работы трибуналов и комиссий по борьбе с контрреволюцией, не допуская случайных ошибок, которые имелись в прошлом году, навести страх на врагов и обезвредить их организации».

В Петроградскую губчека красноармеец привел задержанную им девушку. Девушка обронила на улице сверток, а когда он поднял его и хотел отдать, бросилась бежать. Это показалось подозрительным — кто же бегает от собственных вещей, — поэтому и привел. Теперь разбирайтесь, а ему пора в часть.

В свертке оказались карты и схемы с обозначением военных объектов. После первого же вопроса девушка разревелась. Сказать, от кого получила и кому несла свой злополучный сверток, упорно отказывалась, но свое имя, адрес и где работает отец, она все-таки назвала.

Отец девушки оказался французом, постоянно проживающим в России. Увидев дочь и документы, он не стал запираться. Да, он работал на резидента английской разведки господина Дюкса, но дочь ничего не знала, она просто выполняла его поручения, чисто технические. Он просит ее отпустить…

Подписывая протокол допроса, француз заявил: «Если бы не случай, вы бы меня не поймали».

«Ошибаетесь, — ответил ему тогда Дзержинский, — дочь ваша потеряла сверток действительно случайно, но красноармеец

не случайно обеспокоился и задержал ее. Именно в том, что это не случайно, — сила ЧК».

Этот эпизод вспомнился Феликсу Эдмундовичу, когда он на VII Всероссийском съезде Советов слушал заключительное слово Ленина по докладу ВЦИК и СНК.

Владимир Ильич отвечал на выступление меньшевика Дана, на его выпады против ЧК.

«…Когда Советская власть переживает трудные минуты, — слышен голос Ленина, — когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удается эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натыкаются на людей, которые идут в эти, как здесь говорят, плохо организованные ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры».

Как метко сказано! Феликс Эдмундович вместе с делегатами съезда горячо аплодирует Ильичу.

Слова Ленина о людях, которые идут в ЧК и говорят о том, где искать заговорщиков, не выходили у Феликса Эдмундовича из головы и после окончания заседания. По дороге в ВЧК, поеживаясь от холода — дело было в декабре, и солдатская шинель плохо защищала от ветра, — он вспоминал о том, как с заявления молоденькой сестры милосердия из Покровской общины и письма рабочего завода «Каучук» Нифонова началось разоблачение савинковского «Союза защиты»; как моряк Ораниенбаумского воздушного дивизиона Солоницын помог раскрыть крупный белогвардейский шпионский заговор в Петрограде; вспоминал врача, пришедшего ночью к нему в ВЧК и поведавшего о том, что начальник Московской окружной артиллерийской школы Миллер втянул его в контрреволюционную организацию. Наблюдение, установленное тогда за Миллером, помогло наиболее полно раскрыть все звенья «Штаба добровольческой армии Московского района»…

Да, сила ЧК именно в том, что широкие массы трудящихся воспринимают дело защиты Советской власти как свое собственное, кровное дело.

Начался новый, 1920 год. Белые армии разгромлены на всех фронтах. «Верховный правитель России» адмирал Колчак взят в плен, а с освобождением от белых Ростова-на-Дону деникинская армия как единое целое перестала существовать, и ее добивали по частям. Советская республика получила возможность заняться восстановлением разрушенного войной народного хозяйства. VII

съезд Советов главное свое внимание уделил программе мирного социалистического строительства.

— Товарищи! Победы Красной Армии и разгром контрреволюции вовне и внутри создают новые условия борьбы с контрреволюцией, — говорил Дзержинский на заседании коллегии ВЧК. — Владимир Ильич в своем докладе на VIII Всероссийской конференции РКП(б) говорил, что террор навязала нам буржуазия и что мы первые сделали шаги, чтобы ограничить его «минимальнейшим минимумом», как только мы покончим с нашествием мирового империализма и военными заговорами. Это установка нашей партии, и мне кажется, пришло время осуществить ее на деле.

И Дзержинский предложил, чтобы ВЧК отказалась от применения смертной казни и вошла во ВЦИК и Совнарком с просьбой утвердить это решение и распространить его и на судебные органы.

Ленин горячо поддержал инициативу Дзержинского. Президиум ВЦИК и Совнарком издали совместный декрет об отмене высшей меры наказания как по приговорам ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также Верховного при ВЦИК трибуналов. В основу декрета почти без изменений легло постановление коллегии ВЧК, а под подписью Ленина стояла подпись Дзержинского.

В своем докладе на первой сессии ВЦИК седьмого созыва Владимир Ильич Ленин выделил этот декрет как особенно важное постановление в области внутренней политики. Он подчеркнул, что шаг, который сделал Дзержинский и который Советом Народных Комиссаров был одобрен, опровергает ложь, распространяемую буржуазной пропагандой, будто бы коммунистическая власть опирается на терроризм. «Само собой понятно, — указывал Ленин, — что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор…»

А на следующий день открылась IV конференция губернских чрезвычайных комиссий, чтобы обсудить вопросы работы ЧК в новых условиях.

Перед началом заседания встал Ксенофонтов:

— Товарищи! Вы все, конечно, знаете о награждении Феликса Эдмундовича Дзержинского орденом боевого Красного Знамени.

Зал взорвался аплодисментами. Переждав их, Иван Ксенофонтович продолжал:

— Но, возможно, не все успели познакомиться с постановлением ВЦИК. Разрешите его прочесть. «С того момента, как побежденная рабочим классом буржуазия перешла в борьбе с

Советской властью к организации заговоров, террористических покушений и мятежей, тяжелая и полная опасностей задача борьбы с контрреволюцией была возложена ВЦИК на Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В порученном ему ответственном деле т. Дзержинский в качестве председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию, хладнокровие и выдержку, постоянно ставя интересы рабочего класса превыше всех иных соображений и чувств, — Ксенофонтов посмотрел в зал и, повысив голос, повторил: — превыше всех иных соображений и чувств. Работа т. Дзержинского, обеспечивая спокойный тыл, давала возможность Красной Армии уверенно делать свое боевое дело.

Ныне, когда победы над контрреволюцией на внешних фронтах и ее разгром в тылу дали возможность Советской власти отказаться от применения жестокого метода террора, ВЦИК находит справедливым наградить председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского орденом Красного Знамени».

Конференция приняла текст приветствия своему руководителю.

— Не я, а вся ЧК награждена этим орденом, — сказал в ответном слове Дзержинский.

…С января 1921 года Ф. Э. Дзержинский возглавляет Комиссию при ВЦИК по улучшению жизни детей. 14 апреля этого же года назначается народным комиссаром путей сообщения, 2 февраля 1924 года — председателем Высшего Совета Народного Хозяйства СССР. Дзержинский был председателем комиссии по организации похорон В. И. Ленина.

Умер 20 июля 1926 года.

А. Тишков. Дзержинский.

М., «Молодая гвардия» 1974.

Георгий Васильевич Чичерин

Родился 24 ноября (6 декабря) 1872 года в имении Караул Тамбовской губернии в семье помещика. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, принимал участие в студенческом антиправительственном движении. После длительного пребывания за границей в феврале 1898 года зачислен на службу в Главные архивы Министерства иностранных дел. С 1904 года участвовал в социал-демократическом движении и был вынужден эмигрировать. В 1905 году в Берлине вступил в РСДРП, в 1907 году становится членом Заграничного центрального бюро РСДРП. После ареста прусской полицией эмигрирует во Францию, с началом первой мировой войны — в Англию. Ведет активную пропаганду интернационализма. В августе 1917 года арестован и заключен в тюрьму, 3 января 1918 года освобожден по требованию Советского правительства и выезжает на родину. Работает в Наркоминделе, 30 мая 1918 года назначен народным комиссаром по иностранным делам РСФСР…

Все началось с того, что 6 января 1922 года во французском городе Канне представители Антанты решили созвать конференцию для обсуждения послевоенного положения в Европе. На конференцию предполагалось пригласить все европейские государства, в том числе и Советскую Россию.

В резолюции по этому случаю говорилось: «Нации не могут присваивать себе право диктовать другим принципы, на основе которых они желают организовать свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления. Каждая страна в этом отношении имеет право избрать для себя ту систему, которую она предпочитает».

Звучало это знаменательно: Антанта косвенно признавала банкротство капиталистической системы собственности и неизбежность существования наряду с нею системы социалистической собственности.

Антанта на самом деле отнюдь не хотела примириться с

Советской Россией. Она была вынуждена считаться с ней. В Лондоне лорд Керзон отказался подать руку большевику Красину, а в переговорах с ним все же участвовал. То же было и здесь: Россию звали на переговоры, но с ненавистью и надеждой на отмщение. Против нее готовился заговор, с помощью дипломатического давления преследовали цель добиться того, чего не удалось с помощью интервенции, — задушить большевиков. Будущий министр иностранных дел Германии Ратенау учел обстановку и предложил создать совместный консорциум западных держав для экономического закабаления России. И Антанта и Германия надеялись, что Советская Россия на конференции выслушает приговор и подставит шею под топор палача.

7 января 1922 года по поручению инициаторов конференции итальянское правительство направило Советскому правительству ноту с приглашением на конференцию. Высказывалось пожелание, чтобы во главе русской делегации был Ленин. Советское правительство приняло приглашение, и началась подготовка. Владимир Ильич сам написал ряд записок. На основании этих записок было составлено выступление советской делегации в Генуе. 16 января Ленин согласился с предварительными предложениями Чичерина о составе советской делегации, месте встречи и поставил перед НКИД две задачи: вступить в переговоры с Германией об установлении контакта между немецкой и советской делегациями в Генуе и позондировать почву у других правительств, «не согласны ли они начать с нами *неофициальные* секретные переговоры о *предварительном* намечании *линии* в Генуе?».

Разработка указаний о тактике советской делегации проводилась в строжайшем секрете, было запрещено передавать за границу даже шифром какие-либо сведения о планах советский делегации, выдвинутые предложения не вносились даже в протоколы заседаний Политбюро. Каждому члену делегации поручалось составить свой конкретный план, с тем чтобы затем на совещаниях всей делегации выработать единый.

Георгий Васильевич много думал над общей линией поведения советской делегации на конференции и ее главных целях. Поначалу его смутило требование Ленина учитывать буржуазную аудиторию, которая ожидалась в Генуе, а посему ставить некоторые вопросы «с точки зрения буржуазной». Это вытекало из основной ленинской мысли — добиваться торгового соглашения, соглашения с пацифистской частью буржуазного лагеря.

«Как мы справимся с «широчайшей программой», не знаю, —

писал Ленину Чичерин. — Всю жизнь я ругал мелкобуржуазные иллюзии, и теперь на старости лет Политбюро заставляет меня сочинять мелкобуржуазные иллюзии. Никто у нас не умеет сочинить таких вещей, не знаем даже, на какие источники опираться».

«Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов… для разложения врага, буржуазии?» — пояснял ему Владимир Ильич. Всесторонне продумав ленинские указания, Чичерин написал письмо, в котором, как отметил Владимир Ильич, прекрасно изложил пацифистскую программу.

В чичеринском письме Ленин отметил много превосходных мыслей, свидетельствующих о большом и глубоком понимании наркомом внешнеполитических задач Советского государства, о его умении творчески развивать и наполнять дипломатическим содержанием указания партии. Многие из этих мыслей звучат актуально и по настоящее время, например, мысль о том, чтобы «негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь», или такая мысль — «одновременно мы предложим всеобщее сокращение вооружений» и т. д.

И если буржуазные представители не захотели бы пойти навстречу главному практическому предложению Советского государства — расширить торговлю и создать условия для ее дальнейшего развития, — все равно через Геную или мимо Генуи, — но цели большевиков были бы достигнуты.

Хотя инициатива западных стран не являлась неожиданной, НКИД был поставлен перед многими загадками. То была первая международная конференция с участием советских дипломатов, для ее подготовки оставалось мало времени. На беду заболевший в декабре 1921 года Чичерин все еще чувствовал серьезное недомогание, хотя и бодрился изо всех сил. Возникла опасность, что он вот-вот свалится. Владимир Ильич настаивал на отдыхе. Но предложения уйти в отпуск казались Чичерину неприемлемыми. Он считал, что отпуск политически несвоевремен, организационно неосуществим, лично ему физически вреден. Отпуск — дело будущего, сейчас врачи требуют 6–8 месяцев отдыха, а это недопустимо, так как надо будет подыскать нового руководителя НКИД.

На тот случай, если будет все-таки решено предоставить ему продолжительный отпуск, Георгий Васильевич подробно объяснял, кого лучше всего назначить его преемником, сколько времени потребуется, чтобы ввести нового человека в курс дела НКИД и текущей политики, поскольку внешнеполитическое

положение Советской России чрезвычайно сложно, необходим человек, знакомый со всеми политическими тонкостями. Каждый неосторожный шаг может толкнуть к опасным авантюрам. Для введения в курс дела его заместителя, писал Чичерин, потребуется несколько месяцев. «В настоящее время отпуск, — утверждал он, — равносилен для меня полному уходу…» Пожалуй, нарком несколько драматизировал положение, на что и обратил внимание Владимир Ильич в своей записке 16 января всем членам Политбюро. Письма Чичерина о состоянии дел в НКИД, подчеркивал Ленин, доказывают, что он болен, нужно запросить врачей, вынесет ли он напряженную подготовку к Генуе.

Да и в Москве нужен был способный человек. Ленин писал: «Надо возложить на кого-либо (может быть, Литвинов + Боровский + Иоффе + П. П. Горбунов?) специальную ответственность за то, что при отъезде Чичерина и всей делегации в Геную, *все* дела НКидела будут сданы в *полном* порядке таким-то лицам.

Кого-либо из опытнейших дипломатов надо оставить во главе НКидела на весь период Генуи».

В дни бурной подготовки к конференции не было ни одного сотрудника НКИД, который оставался в стороне; готовились многочисленные досье, писались разнообразные справки, из архивов извлекались необходимые исторические материалы. Почти ежедневно проходили совещания с участием экспертов, приглашенных из других учреждений. Чичерин с головой ушел в работу. Забыты все разговоры об отпуске, о болезни.

Нарком словно не ведал усталости. Его рабочий день начинался в 3–4 часа дня, когда в Москве у большинства рабочий день кончался, и продолжался до 10—и часов следующего дня. Наркомат был открыт все 24 часа, секретари и стенографы работали посменно. Очевидцы рассказывали, как Чичерин, переходя от одного стенографа к другому, диктовал то по-французски или по-английски, то по-немецки или по-русски. Один из зарубежных корреспондентов, побывавших в это время в Москве, писал: «Все, что нужно делать в наркомате, делает Чичерин. Каждая бумага проходит через его руки, и это прохождение не является пустой формальностью. Если он дома, то он работает без пиджака, укутав шею старым серым шарфом. В десять часов вечера и в четыре утра он обедает, обед прост — суп и каша. Самовар кипит всю ночь. Из всех благ жизни он берет лишь крайне необходимое».

При всей напряженности труда и неустроенности быта нарком успевал сам составить нужные для делегации в Геную

выкладки о восстановлении хозяйства в стране, а также подробные справки о Персии, Афганистане и Средней Азии.

Много думал нарком над вопросом о том, поможет ли предстоящая конференция прорвать капиталистический фронт против Советской России.

— Наша задача — искать со всеми и каждым сепаратного контакта до конференции, — внушает он своим помощникам. — Надо, чтобы капиталистический мир не объединился, впервые в истории, на нашей шее. Не допускать консорциума. Равноправное взаимопонимание или превращение России в колонию — вот вопрос.

Вопрос не отвлеченный, если вспомнить о том, что совсем недавно Ратенау в Канне высказал сокровенную мечту — о колонизации России.

Позже некоторые упрекали Чичерина в каком-то германофильстве. Эти упреки носили отпечаток недоброжелательства и тенденциозности. Чичерин много сделал для установления дружественных прочных отношений между СССР и Германией, но он никогда не отказывался от установления точно таких же отношений с любой другой страной. Только бы имелись к тому реальные предпосылки.

Какую тактику избрать на конференции, как использовать ее, помимо разоблачения сущности империализма? Прежде всего надо закрепить внешнеполитические позиции Советской России. Все расчеты капиталистических государств на то, что в результате нэпа и голода наступило перерождение советского строя, — самоуспокоительные пилюли, не больше. Этим, кстати, и было вызвано предположение Ратенау. Но если западные страны предлагают расширение торговых связей, то должна ли Советская Россия отказываться от этого?

Должна ли она вместо этого выступать с «разгромными речами», как предлагали некоторые? Нет, обличительные фразы теперь не годились. «Не надо страшных слов», — советовал Ленин. И нарком полностью соглашался с ним.

— Наше положение заставляет нас, говоря словами Ленина, быть купцами и говорить «по-купецки». У нас свои взгляды, мы тут сходимся на деловой задаче и только ею и занимаемся. Если раввин и монах сойдутся торговать и вместо этого начнут спорить о талмуде и отцах церкви, они ничего не наторгуют, а только вырвут друг у друга бороды. Неужели нам полезно вернуться к изоляции и блокаде? — заявлял нарком в кругу своих близких сотрудников.

Одновременно Чичерин тщательно готовил центральный аппарат к большой работе, которая предстояла во время

конференции. Его длительное отсутствие никоим образом не должно сказаться отрицательно. Временно исполняющим обязанности наркома был назначен Л. М. Карахан, был также подобран новый заведующий текущим архивом — толковый, энергичный и знающий иностранные языки человек, было полностью реорганизовано управление делами, которое, как считал Чичерин, за последнее время «превратилось в нечто самодовлеющее и в результате развивалось по пути безудержного бюрократизма», новыми сотрудниками был укреплен секретариат, а в отделах произведены перестановки с учетом выявившихся желаний и способностей каждого работника. До отъезда в Геную Чичерин сделал все, чтобы наркомат в его отсутствие оставался на высоте положения.

Тщательно подбирался и технический аппарат советской делегации на Генуэзской конференции. Его сотрудники, особенно переводчики, должны были удовлетворять самым высоким требованиям. Так, он требует включить в состав делегации сотрудницу НКИД Анжелу Нагель, которую знал еще по Лондону; когда он что-либо составлял по-английски, она угадывала его мысль и давала ей приличную английскую форму.

И все же оставалось много нерешенных задач. Среди них и такие, которые казались весьма мелкими. Долго обсуждались многочисленные варианты маршрута. Учитывались стоимость, протяженность пути, возможности отправки телеграмм в Москву с наиболее экономной оплатой. Важным был вопрос о статусе делегации. Вплоть до конца марта Боровский вел переговоры об этом в Риме. Итальянское правительство упрямилось и отказывалось давать гарантию неприкосновенности. А ни для кого не было тайной, что итальянские фашисты и белоэмигранты собирались встретить советскую делегацию отнюдь не цветами. Вот почему вопрос о статусе советской делегации приобрел такое важное значение. Ленин также говорил, не потребовать ли «особых гарантий против фашистов (напр., либо итальянское военное судно с радио в нашем распоряжении? имена ответственных лиц итальянских военных и полиции и т. п.)?».

Но вот разработан наиболее экономный маршрут, получены гарантии дипломатического иммунитета и даже согласие на то, что советская делегация в Генуе будет поставлена в равные условия с другими делегациями.

Оставалось решить, кто будет руководителем советской делегации. Товарищи по партии считали нежелательным выезд вождя революции за границу из соображений безопасности. В адрес ЦК поступали резолюции с фабрик и заводов. Рабочие требовали не подвергать жизнь Ленина опасности. Высказывал

свои сомнения в целесообразности поездки Ленина за границу и НКИД. 27 января 1922 года на чрезвычайной сессии ВЦИК руководителем советской делегации был избран Председатель Совета Народных Комиссаров, член ВЦИК Владимир Ильич Ульянов (Ленин), его заместителем — народный комиссар по иностранным делам, член ВЦИК Георгий Васильевич Чичерин, наделенный всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки Ленина. По предложению Ленина ЦК РКП(б) на случай болезни или отъезда из Генуи Чичерина предусмотрел замену его по очереди одной из двух троек: Литвинов, Красин, Раковский или Литвинов, Иоффе, Боровский. Характеризуя состав советской делегации, Ленин на XI съезде РКП (б) отмечал, что «в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов (а у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики)».

За день до избрания делегации Чичерин на сессии ВЦИК с глубокой убежденностью говорил, что власть рабочих и крестьян в России проявила свою жизнеспособность и это принудило капиталистический мир признать, что Россию нельзя больше сбрасывать со счетов, что международные решения, принятые без ее участия, оказываются несостоятельными. Капиталисты, подчеркивал он, желают экономического сотрудничества, желаем его и мы.

Советская Россия была готова принять на себя разумные обязательства на основе взаимности и честно выполнять их. Она уже неоднократно доказывала это. Примером мог бы послужить следующий факт, происшедший во время подготовки к конференции в феврале 1922 года. В связи с хозяйственными затруднениями страны возник разговор об отсрочке платежей, которые Советское правительство обязалось сделать Турции согласно Московскому договору. Узнав об этом, Чичерин возмутился.

— Это значит, — заявил он, — грубо обмануть верящих нам турецких крестьян и ремесленников, опозорить себя перед всеми народами Востока, чтобы ни в чем нам больше не верили, чтобы презирали нас как обманщиков, — и меня лично, подписавшего договор, пригвоздить к позорному столбу перед народами Востока, политически убить. Не могу допустить, чтобы у кого-нибудь поднялась рука поддержать такое предложение, политическое самоубийство. Это самое ужасное, на что я натолкнулся за эти четыре с лишним года.

Через день он снова возвращается к тому же вопросу: «Мне

сильно нездоровится, кое-что я принужден отменить на сегодня. Иногда бывают такие кризисы, потом проходит. На меня такое впечатление произвело требование нарушить договор с Турцией, я не помню, чтобы когда-либо было такое переживание. Сегодня едва двигаюсь».

В поддержку Чичерина, как и раньше, выступил Ленин. Он заявил, что «Чичерин абсолютно прав», и предложил Политбюро принять решение: «…подтверждается точка зрения Чичерина. Выплатить в срок обещанное…». Через три дня Политбюро приняло предложение Ленина.

После сессии ВЦИК работа закипела с новой силой, к концу февраля подготовка к конференции была закончена. И вдруг стало известно, что конференция отложена под предлогом правительственного кризиса в Италии. Узнав об этом, 25 февраля 1922 года Ленин связывается с Чичериным по телефону и дает ему указание: «ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции без указания срока следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину» и тем самым «помочь выиграть то, что все пацифистские элементы буржуазии будут во всем мире усилены».

В тот же день Чичерин направил министру иностранных дел Италии Торретта и министру иностранных дел Англии Керзону резкую обличительную ноту. А сам воспользовался перерывом для того, чтобы спокойно изучить все собранные материалы и еще раз детально продумать тактику. Особенные размышления вызывало ленинское требование увязать вопрос о долгах с вопросом о предоставлении России кредитов.

В конце марта поступили сведения о совещании экспертов западных стран в Лондоне. Совещание выработало условия, на которых предполагалось сотрудничество иностранных капиталистов в восстановлении экономики России. Основным было требование признания Советским правительством долгов царского правительства. Начало явно удручающее.

Чичерину все кажется, что не уяснена полностью позиция отдельных стран, что они все-таки могут выдвинуть много неожиданного. Непременно следует договориться о совместной линии с Прибалтийскими странами и заручиться их поддержкой на конференции. Так рождается план проведения предварительного совещания с правительствами стран Прибалтики.

Правительства Латвии, Эстонии и Польши хотя и с явной неохотой, но все-таки согласились на проведение такого совещания.

28 марта 1922 года экстренным поездом советская делегация

отбыла из Москвы.

Первая зарубежная остановка сделана в Риге. Здесь тщательно готовились к встрече. Советская делегация привлекала к себе пристальное внимание. Сюда из разных стран нахлынула масса корреспондентов, многие из них с нетерпением ждали сенсаций и пока распространяли невероятнейшие выдумки и предположения.

Советский поезд прибыл рано утром 29 марта. Везде на пути следования его тепло встречали рабочие. Однако в Риге полиция была начеку. В то время как на перроне вокзала шла дипломатическая церемония с участием самого премьер-министра и министра иностранных дел Латвии Мейеровица со свитой министров и важных чиновников, адъютантов и представителей высшего света, на привокзальной площади буйствовали охранники, пытаясь разогнать демонстрацию рабочих.

После краткого обмена официальными любезностями глава делегации побывал в советском полпредстве на Антоньевской улице, затем нанес визит главе Латвийского государства Чаксте и после этого встретился с представителями Прибалтийских государств.

Встреча не была особо плодотворной, произносились комплименты, и только. Представители Прибалтийских стран или отмалчивались, или искусно уклонялись от конкретных тем, а то и недвусмысленно возражали против того, чтобы решения, принятые на совещании, были обязательны и в Генуе. Было ясно, что советской делегации придется выступать в одиночестве. И все же в результате упорных и терпеливых бесед было достигнуто соглашение о том, что все споры между участниками совещания будут решаться мирным путем, запрещалось также формирование вооруженных отрядов на территории сопредельных с РСФСР государств. Это уже было кое-что.

Ночь накануне подписания протокола Чичерин провел без сна. Генуя не давала покоя: впервые Советская Россия получала возможность использования международной трибуны для провозглашения советских миролюбивых принципов. Все ли удастся?

Но утром на совещании с прибалтами Георгий Васильевич вновь был весел, много шутил. Соглашение с ними было шагом вперед на большом пути будущих успехов советской политики. Особенно радовало, что делегаты Эстонии, Латвии и Польши выразили мнение, что делу восстановления Восточной Европы способствовало бы юридическое признание Советского правительства. Это мнение было зафиксировано в протоколе

совещания.

В последующие дни буржуазная печать очень сердилась. «Мейеровиц попался на чичеринскую удочку», — язвили французские газеты. Обеспокоенный откликом западных стран, Мейеровиц выступил в печати с утверждением, что пресса слишком уж преувеличивает значение рижского протокола. Чичерина возмутил поступок Мейеровица. Особенно вероломным выглядело утверждение, будто вопрос о признании Советской России де-юре на совещании вообще не ставился. Бесстыдство, помноженное на трусость провинциала, играющего в большую политику, — так квалифицировал он поведение министра.

Необычной была встреча с журналистами. Многие из них в избытке приготовили провокационные вопросы, надеясь, что неопытные советские дипломаты допустят промах. Чичерин разочаровал их.

В приемном зале советского представительства собралось тогда примерно сорок журналистов Америки, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Дании, Бельгии.

Нарком начал свое выступление по-английски:

— Господа, имея представление об органах печати, которые вы здесь представляете, я хотел бы ознакомиться с вашими сообщениями несколько раньше, чем они попадут на страницы газет…

В ответ не раздалось ни слова, в зале воцарилось какое-то тихое недоумение. Выяснилось, что большинство его просто не поняло, так как английский язык был им незнаком.

— Хорошо, — сказал Чичерин и произнес ту же фразу по-французски.

И снова недоумение — его опять не поняли. Тогда он спросил по-русски, на каком же языке он должен с ними беседовать.

— На русском! — обрадованно закричали из зала.

Чичерин улыбнулся и произнес свое краткое выступление. Журналисты лихорадочно записывали. Лишь американец Поу сидел безучастно, русского языка он не знал, и ему пришлось довольствоваться первой фразой Чичерина, сказанной по-английски.

На следующий день газеты нещадно ругали советского наркома и за краткость выступления, и за обтекаемость ответов. «Подумать только, — возмущались газетчики, — он собирался подвергнуть свободную печать красной цензуре!»

Но антисоветской сенсации так-таки и не получилось.

Промелькнула Восточная Пруссия, Данцигский коридор, и вот 1 апреля 1922 года советская делегация в Берлине. Прямо с поезда Чичерин отправился в Русское бюро по делам

военнопленных — так официально именовалось советское представительство. Здесь состоялось совещание. Нужно было попытаться еще до Генуи добиться сепаратного соглашения с Германией, взломать единый империалистический фронт. Что сделано в этом смысле? — спрашивает нарком. В принципе соглашение с Германией о восстановлении дипломатических отношений уже готово. В Германии сильна группировка, в которую входил канцлер Вирт, выступающая за нормализацию отношений с Россией, что дало бы Германии возможность более свободно маневрировать на Западе. Против был настроен недавно назначенный министром иностранных дел Ратенау. Он откровенно провозгласил лозунг сближения с Англией, Россия для него была лишь «областью колонизации».

Чичерин был принят Виртом и Ратенау. Это была странная встреча, его собеседники что-то не договаривали, осторожничали, видимо, стеснялись друг друга.

Чичерин испытывал неприятное чувство, когда Ратенау рассыпался в любезностях, заверял в дружбе и одновременно старательно обходил все, что могло бы быть истолковано как желание идти на сближение. Обычное двуличие буржуазных дипломатов у Ратенау было как-то особенно отвратительно. Георгий Васильевич понимал, что его партнер был склонен по-торгашески набивать себе цену, а сам готов в то же время продаваться тому, кто больше даст, тайно рассчитывая, что это все-таки будет не Россия, а Англия.

За первой бесплодной встречей последовала вторая, третья…

Большую заинтересованность в налаживании связей с Советской Россией проявили промышленники. Они несколько раз возвращались к разговору о «плане Ратенау». Каждый раз Чичерин весь вскипал от негодования, но внешне оставался корректен, вежлив, уходил от обсуждения их колонизаторских намерений и подчеркивал выгоды торговли с Советской Россией на равных основаниях. Пришедший первым на русские рынки получит больше. Кто будет первым, зависит не от советской стороны.

И каждый раз после таких встреч Георгий Васильевич возвращался расстроенным. В окружении своих людей он отбрасывал в сторону дипломатическое спокойствие и откровенно выговаривался, облегчал душу. Немало крепких слов раздавалось по адресу и Ратенау, и его окружения.

— Когда я гляжу на Ратенау, жмущего вам руку, мне кажется, что он про себя говорит: «Как жаль, что это не английские руки!» — сказал как-то один из членов советской делегации.

Это действительно было так. Но нарком верил, что немцы все

равно будут вынуждены пойти на соглашение. Он замечал не только антисоветские настроения, но и настроения в пользу сближения с Россией, и у него рождался конкретный план будущих действий. Берлинские встречи, таким образом, не были безрезультатными.

4 апреля советская делегация направилась в Геную. В свое купе Чичерину пришлось взять корреспондента австрийской газеты «Нойе фрайе прессе» Лео Ледерера. Как удалось корреспонденту уговорить Чичерина на такое соседство, неизвестно, но журналист проехал с ним весь путь до итальянской границы. Позже он рассказывал, что его удивила огромная кипа газет почти на всех европейских языках, которые нарком вместе с руководителем группы печати обрабатывал, вылавливая из многочисленных сообщений нужные ему факты.

Ледерера также несказанно поразило, что поверх одной из пачек газет лежал маленький букетик первых весенних цветов. «С этого букета, с газет, — писал корреспондент, — взгляд Чичерина перескакивает на тирольские горы, которые не чужды ему. Узкое с белокурой бородой лицо отражает глубокую умственную работу. Одновременно руководитель русской делегации излагает мне свои идеи относительно конференции в Генуе и политической ситуации, в которой она будет происходить». Сентиментального австрийца на каждом шагу поражает несоответствие облика Чичерина с тем стандартным типом «ужасного» большевика, который все еще кочует по страницам западных газет, поражает грустный, немного лирический взгляд комиссара, непрерывно останавливающийся на маленьком букетике цветов. Еще больше поражает, что «русская делегация едет в Геную с огромной решимостью и не собирается садиться на скамью попрошаек».

Чичерин доказывает Ледереру, что представители капиталистических стран прежде всего должны расстаться с иллюзией, будто новое правительство России не пользуется поддержкой народных масс.

Корреспондентом слова Чичерина переданы так:

— Программа, с которой мы выступаем в Генуе, является компромиссом. Но это не компромисс случайностей и настроений, это также не компромисс, порожденный теоретическими соображениями и решениями центральной инстанции. Этот компромисс порожден самой жизнью, это компромисс между требованиями экономики и волей пролетариата, который стремится сохранить свою свободу и свои завоевания…

Это не произвольное решение центральной инстанции, а

общая воля самых широких масс русского народа, когда в Генуе мы будем придерживаться трех основных принципов: неприкосновенность наших суверенных прав, сохранение жизненно важных экономических позиций в руках Советской власти и сохранение социальных завоеваний рабочего класса. Это воля миллионов, которую мы выражаем, заявляя, что мы содействуем производству, ставим перед собой цель — восстановление русской и мировой экономики, развиваем экономические отношения со всеми странами, всеми средствами содействуем делу мира и одновременно придерживаемся этих трех основных принципов.

Четыре часа подряд беседуя с австрийским журналистом, Чичерин надеялся, что какая-то доля ленинских мыслей попадет на страницы западных газет, заставит людей задуматься над тем, что же в конце концов собирается нести миру социализм, начавший свое шествие в «медвежьем углу» Европы.

На итальянской границе корреспондент наконец покинул купе. Была уже ночь, но только теперь, избавившись от посетителя, Чичерин получил возможность сосредоточиться. Озабоченность предстоящими переговорами не покидала его.

Когда поезд прибыл в Геную, несмотря на раннее утро, вся площадь перед вокзалом оказалась заполненной народом. Пришли итальянские рабочие, среди них коммунисты с заводов и из порта, пришли любопытные с соседних улиц. Агенты полиции шныряли в толпе. Коммунисты пришли с красным знаменем, вмешалась полиция. Произошла драка. Знамя было отобрано. Однако полиция лишь оттеснила, но не смогла разогнать демонстрантов. И как только от вокзала тронулись автомобили с членами советской делегации, над толпой понеслось: «Эвива! Эвива!» Рабочая Италия приветствовала посланцев героической страны.

Из Генуи советская делегация была прямо доставлена в Санта-Маргериту. Разместили ее в отеле «Империале». Здесь, на привокзальной площади, никого не было: полиция заранее позаботилась, чтобы оттеснить встречающих в близлежащие переулки. Когда сгружали вещи, один из многочисленных полицейских, указывая на самый большой контейнер, обратился к советскому дипломату Эрлиху с вопросом:

— Синьор инженере, правда ли, что в этом контейнере привезли Ленина?

В ответ раздался дружный смех всей советской делегации.

«На самом же деле, — вспоминает А. Н. Эрлих, — в контейнерах находилась часть библиотеки НКИД, которую Чичерин привез на конференцию. Она состояла из большого

количества редчайших исторических томов дипломатических актов и договоров, заключенных не только накануне октября 1917 года, но и во время царствований Павла, Екатерины, Елизаветы, Петра I, Бориса Годунова и других царей. Многие из этих томов были в кожаных переплетах, с металлическими застежками и инкрустациями. Часть книг была напечатана еще во время первопечатника Ивана Федорова, а часть написана от руки с красивыми заглавными буквами и заставками. Во время постоянных вызовов к Чичерину по разным делам мне неоднократно приходилось видеть эти «фолианты» и книги, разбросанные по огромному столу, который стоял посередине комнаты. Разобраться в этом хаосе редчайших уникумов и исторических документов мог только Чичерин, который никого не допускал к этим книгам».

В «маленький рай», как восторженно писали буржуазные газеты о Санта-Маргерите, вход с первого дня охранялся так, что в него без ведома полицейского архангела не смогла бы пролезть и муха. Итальянские карабинеры были у ворот, на террасе, напротив отеля и даже сидели прямо на тротуаре. В сотне метров от набережной, где располагался отель, высилась громада итальянского военного корабля, который прикрывал доступ с моря.

— Под видом охраны, — вспоминал член делегации Я. Э. Рудзутак, — мы были поставлены примерно в такие же условия, в каких живут заключенные в Бутырках. Со всех сторон советские дипломаты были окружены конвоями. Итальянские власти хотели Италию обезопасить от красных.

Русская делегация протестовала. Чичерин настаивал на ограничении охраны разумным числом, убеждал, что никто не собирается покушаться на русских, об этом писали здешние газеты. В доказательство этого он в первый же день совершил без охраны прогулку по Санта-Маргерите. Все было напрасно, итальянские чины только разводили руками и повторяли одно и то же: эти меры приняты для охраны делегации, ничего поделать нельзя.

Власти не ограничились этим. Делегация была лишена прямой связи с Москвой, в результате ее информация поступала туда окольным путем. К тому же телеграммы на итальянской почте так искажались, что в Москве их не могли прочесть.

Санта-Маргерита была связана с Генуей железной дорогой, этим путем часто пользовались сотрудники советской делегации. Вагоны были большие, просторные, с мягкими креслами и окнами почти во всю стену. Из окон открывались прекрасные виды.

Усиленная охрана и полная изоляция русских при их

скромности и вежливых, но решительных уклонениях от каких-либо интервью и бесед — все это окружило советскую делегацию таинственностью, вызывало растущее любопытство. К тому же газеты охотно распространяли нелепости, вроде того, что Чичерин итальянского происхождения, что какая-то итальянская графиня из древнего рода Чичериных устроила прием в честь этого «заблудшего отпрыска», на приеме была представлена вся знать, но сам Чичерин не явился. Писали, будто накануне отъезда делегации в Геную большевики приняли специальное постановление о том, чтобы Чичерин обязательно носил цилиндр, каковой ему купили в Берлине, но, садясь в австрийский поезд, он забыл его на вокзале. И многое другое в этом же роде.

В день открытия конференции, утром 10 апреля 1922 года, Чичерин и Литвинов посетили председателя совета министров Италии Факту и в течение часа беседовали с ним. Досужие журналисты дознались, что обсуждалась повестка дня и Чичерин выразил желание Советского правительства непременно прийти к соглашению.

Накануне конференции стало известно, что Пуанкаре не явится, у него оказались неотложные дела в Париже, вместо него приехал Барту, что США окончательно отказались от участия в европейской конференции. Зато в Геную прибыл английский премьер Ллойд Джордж.

С самого утра улицы города были заполнены народом. Экспансивные итальянцы жаждали увидеть посланцев таинственной северной страны. На улицах, особенно у королевского дворца, можно было заметить усиленные наряды карабинеров и гвардейцев: власти опасались возможных недоразумений.

Уже за несколько часов до открытия конференции небольшой зал дворца Сан-Джорджо, нелепые украшения которого так возмущали эстетов, постепенно заполнился представителями итальянской знати. Обстановка была явно неделовая и скорее походила на театральное представление, где в роли актеров предполагалось выпустить известных политических деятелей. Сверкало золото военных мундиров, откровенные туалеты дам дополняли картину светского раута. Привлекало внимание собравшихся красное пятно — кардинальской мантии — генуэзский архиепископ явился на конференцию в роли неофициального представителя самого папы римского.

Журналистов загнали на хоры, на эту малоуважаемую публику не хотели тратить приличные места.

С двух часов начали прибывать делегаты. Они размещались за П-образным столом. Около трех часов прибыл Факта, за ним

Ллойд Джордж. Теперь глаза всех посетителей устремились на пустующие места между делегациями Румынии и Сербии; ждали русскую делегацию. Ей аристократическая публика давно уже отвела комедийно-трагическую роль: ведь, право же, смешно, когда собираются безжалостно взыскать с небогатого должника все полной мерой.

Ровно в три, с последним ударом часов, в зал вошла советская делегация. В спокойном молчании посланцы далекой и такой непонятной страны заняли свои места.

По предложению Ллойд Джорджа председателем конференции был избран итальянский премьер Факта.

Слово взял Барту. Его речь слушали с вниманием, временами раздавался шепот одобрения.

— Европа усеяна революциями, — заявил француз. — Было бы безумием думать, что взмахом волшебной палочки можно сразу соорудить на этой груде обломков очаровательный замок ее восстановления…

Барту разглагольствовал о том, что цель конференции состоит в поддержании мира, в поисках путей для восстановления разрушенной экономики, в предоставлении работы миллионам безработных. Оратор пленил собравшихся отточенной, продуманной до мелочей речью. Его выступление вызвало шумное одобрение всего зала.

Аплодировали и Вирту, но уже более сдержанно.

Наконец слово предоставляется Чичерину. Внешне руководитель советской делегации остается совершенно спокоен. Он говорит на французском языке. Уже этого не ожидали многие из сидевших в зале — у большевика вдруг блестящий французский язык! Русский комиссар говорит о том, что Советское правительство выступает за мир, и поэтому он с особым удовольствием поддерживает предыдущих ораторов.

— Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — продолжает Чичерин, — российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления. Российское правительство придает поэтому величайшее значение первому пункту Каннской резолюции о взаимном признании различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах.

Так с трибуны Генуэзской конференции впервые в истории

международных отношений прозвучали ленинские идеи мирного сосуществования государств различных систем собственности.

Чичерин заявил, что Советская Россия готова предоставить иностранным фирмам концессии, что она готова всеми силами содействовать укреплению мира и что в ходе конференции советская делегация внесет конкретные предложения по сокращению вооружений.

— Я считаю нужным еще раз подчеркнуть, что в качестве коммунистов мы, поскольку это нас касается, не делаем себе особых иллюзий о возможности действительного уничтожения последствий войны и экономических кризисов при современном положении вещей, но мы тем не менее готовы содействовать в интересах России и всей Европы, в интересах десятков миллионов людей, которым современная экономическая дезорганизация причиняет нечеловеческие лишения и страдания, всяким попыткам исправить мировое экономическое положение и устранить опасность новых войн, даже если эти попытки были бы паллиативами. Мы готовы поддержать всякие прогрессивные предложения, сделанные в этом смысле другими странами.

До начала конференции Чичерину стало известно, что Ллойд Джордж знает лишь английский и кельтский языки. И он решается на поступок, который, может быть, и не предусматривается никакими процедурными правилами, но который сразу же привлекает к советскому дипломату еще большее внимание: Чичерин повторил слово в слово свое выступление специально для Ллойд Джорджа на столь же блестящем английском языке, как только что на французском.

Лишь после этого Чичерин сел, и сейчас же Барту снова попросил слова. Ему изменило спокойствие, он говорил запальчиво, без дипломатических уловок. Позже буржуазные дипломаты станут затрагивать тему о разоружении более осторожно, но 10 апреля 1922 года Барту говорил прямо, без стеснения:

— Но имеется еще третий вопрос, обсуждение которого Франция отвергла, и я не выполнил бы своих обязанностей главы французской делегации и представителя Франции, если бы теперь же не заявил энергичного протеста по поводу этого вопроса. Господин Чичерин заявил от имени российской делегации о своем намерении внести в прения на Генуэзской конференции вопрос о разоружении. Вопрос этот исключен, он не стоит в порядке дня комиссий. Вот почему я говорю просто, но очень решительно, что в тот час, когда, например, российская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только

сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ.

Чичерин спокойно ответил, что Советскому правительству хорошо известна эта точка зрения. Еще в Вашингтоне Бриан утверждал, будто причиной, заставляющей Францию вооружаться, является вооружение России. Естественно было предположить, что если Россия согласится разоружиться, то тем самым будет устранена та причина, на которую ссылался Бриан.

В зале оживление, многие почувствовали, что советская делегация заняла сильные позиции. Чичерин же сразу завоевал симпатии публики, хотя его речи и не изобиловали пышными, цветистыми оборотами.

Итальянская газета «Коррьера делла сера» писала о заседании: «Речь Барту вызвала мало аплодисментов со стороны делегатов. Его горячо приветствовали лишь французские журналисты, но в ответ им раздалось шикание…

На скамье французских делегатов шел живой обмен мнениями в тот момент, когда поднялся Чичерин. Тут заседание принимает высокодраматический характер. Речь Чичерина вызвала в одной части аплодисменты, после которых воцарилась тишина, полная открытой тревоги».

Чичерину первый же день конференции принес небывалую популярность. Его имя склоняли все газеты мира, с их многочисленных страниц смотрели его портреты, звучали его слова. Тысячи глаз следили за ним, тысячи ушей ловили сказанное им слово. «Sic itur ad astra!» — «Так поднимаются к звездам!» — немного грустно подвел он итоги первого дня конференции.

Здесь, в Генуе, «просвещенная» Европа с удивлением заметила, как презираемая ею страна выходит на арену большой мировой политики, а ее представители демонстрируют изумленному миру идейную убежденность, волю и высокую культуру. Такого сочетания блестящих дипломатических качеств у русских никто не ожидал. «Чичерин — один из великих людей», — сорвалось признание со страницы буржуазной газеты «Берлинер цейтунг». Чичерин, писал западный дипломат Гильгер, «умел представлять интересы своей страны на международных конференциях с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением».

Популярность советской делегации доставила много хлопот: приходилось обрабатывать горы информационных материалов и различной корреспонденции. Авторы бесчисленных телеграмм и

писем приветствовали русскую делегацию и желали ей успехов, инженеры предлагали услуги в развитии промышленности, вечные «искатели правды» слали прожекты переустройства мира на основе разнообразных философских систем. Предлагал свои услуги даже какой-то кружок кладоискателей.

Прислала Чичерину письмо и Бриджес Адамс. Она помнила неутомимого русского друга и желала ему успехов. А вскоре не выдержала и сама приехала в Геную. Чичерин охотно принял ее, но, как это часто бывает после долгой разлуки, встреча показала, что их давно уже ничто не объединяет. Прошлое ушло, и в настоящем не оказалось места друг для друга. Встреча была грустной, оба понимали, что больше никогда не увидятся.

Дуэль Чичерин — Барту несколько обеспокоила и Ллойд Джорджа. Английский дипломат опасался, что непримиримая позиция заведет конференцию в тупик. Это не входило в планы Лондона. Верные традициям классической дипломатии компромиссов, англичане начали действовать: советской делегации намекнули, что Ллойд Джордж хочет встретиться с нею на вилле Альбертис. Предложение было принято.

Чичерин со своими коллегами 14 апреля тотчас после возложения венка на могилу итальянского революционера Мадзини прибыл к Ллойд Джорджу. Каково же было удивление делегатов, когда там их встретили не только хозяин, но и главы французской, итальянской и бельгийской делегаций! Два дня шли с ними упорные переговоры. Ллойд Джордж преподнес Чичерину «лондонский меморандум» с далеко идущими требованиями к РСФСР, как-то: признания долгов, возвращения владельцам их собственности и даже отмены монополии внешней торговли. В общем, это было требование капитуляции, с чем не могла согласиться любая суверенная страна.

— Россия заводит конференцию в тупик, она возьмет на себя ответственность за ее срыв, если не примет лондонский меморандум, — шантажировали русских западные дипломаты.

— Валить все на русских, как на «козлов отпущения», не удастся, — парировал Чичерин.

Вспоминая позже об этих двух днях, Георгий Васильевич писал:

«Когда во время переговоров в вилле Альбертис… наша делегация упомянула о том, что народные массы России относят царские долги к абсолютно отошедшей в прошлое старой исторической эпохе, Ллойд Джордж изумленно засмеялся и сказал: «Неужели они думают, что им ничего не придется платить?» Когда до его сведения была доведена схема наших контрпретензий, он сказал: «Если вы с этим приехали в Геную,

можно было бы совсем не приезжать».

После своего падения он в ряде статей в английских газетах чрезвычайно резко обрушивался, с одной стороны, на Францию, а с другой стороны, на Советскую республику и, между прочим, сильно выругал меня, как «воплощенный дух смутьянства (мисчиф)».

Конечно, совещания на вилле Альбертис за закрытыми дверьми не ускользнули от внимания политических наблюдателей. В Генуе распространились слухи: Англия идет на сближение с большевистской Россией, в самые ближайшие дни надо ожидать сепаратного соглашения между ними. Чичерин в этих условиях решает: слухов не опровергать, а в разговорах с германскими дипломатами правдиво излагать ход переговоров с Ллойд Джорджем и не бояться, если у недоверчивых собеседников возникнут подозрения, что русские чего-то не договаривают, что неспроста англичане пошли на встречу. Буржуазная дипломатия привыкла лгать и пусть станет жертвой собственных заблуждений.

Немецкая делегация и впрямь плохо скрывала нервозность. Ратенау, считавший себя искусным дипломатом, надеялся, что в Генуе удастся добиться вожделенной цели — заложить прочные основы англо-германских отношений. Трижды просил он Ллойд Джорджа о свидании, трижды получал оскорбительный отказ. Несмотря на это, он не терял надежд и все боялся, что ему помешают, что Вирт пойдет навстречу Чичерину. Для этого у него были основания — здоровый и глубоко реалистический инстинкт немецкого канцлера Вирта толкал его на сближение с Россией. Он видел — другого пути у Германии нет.

В поздний субботний вечер 15 апреля, когда советские дипломаты покинули виллу Альбертис, так ни до чего не договорившись, до немецкой делегации дошли слухи, будто русские в принципе согласовали с англичанами общую позицию. Весь вечер немцы мрачно сидели в вестибюле своего отеля и поздно отправились спать в состоянии сильного упадка духа.

В два часа ночи члена немецкой делегации Мальцана разбудил лакей и сообщил, что с ним желает поговорить по телефону какой-то господин с очень странной фамилией. Мальцан подошел к телефону. Заведующий экономическо-правовым отделом НКИД Сабанин, а это был он, сообщил просьбу Чичерина приехать 16 апреля в резиденцию русской делегации, чтобы продолжить переговоры, начатые в Берлине. И все. Мальцан пошел сказать об этом Ратенау. Министр не спал.

— Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор? — трагическим тоном спросил он Мальцана. Тот успокоил Ратенау,

сообщив, что ничего не знает о русско-английских делах, а вот Чичерин хочет его видеть. Ратенау тотчас собрал всю делегацию, и в эту предпасхальную ночь состоялось то самое совещание, которое позже в германском МИД окрестили «пижамным». Это было странное зрелище — дипломаты, забыв об этикете, в ночных туалетах обсуждали, что же делать дальше. Лишь в пять часов утра русским сообщили, что немецкая делегация, несмотря на праздник, прибудет на переговоры. У Ратенау оставалась последняя возможность! Он помчался к телефону и попросил соединить его с английским дипломатом Уайзом. Ему ответили, что Уайз спит и приказал себя не будить. Ратенау настаивал, ему вежливо отказали. Замыслы немецкого министра на сближение с Англией окончательно провалились.

Через несколько часов, когда германские дипломаты были в автомобиле, чтобы ехать в Санта-Маргериту, Ратенау сообщили, что его просит к телефону Ллойд Джордж. Ратенау помедлил какое-то мгновение и со словами: «Le vin est tire, il faut le boire»[10], — махнул рукой. Машина тронулась, а спустя несколько часов был подписан знаменитый русско-немецкий договор, вошедший в историю под названием Рапалльского. Договор обеспечивал восстановление дипломатических и консульских отношений между РСФСР и Германией, открывал возможности установления тесных взаимовыгодных торговых и хозяйственных отношений, стороны взаимно отказывались от претензий друг к другу.

Чичерин прекрасно понимал, что пойти на подписание договора Германию вынудило развитие событий, которые предсказал Ленин. Искусство советской дипломатии заключалось в упреждении событий и их блестящем использовании. Пять лет спустя в одном из писем к Литвинову, отвечая на высказанную последним мысль о том, что в генуэзское время Германия якобы была весьма дружественно настроена по отношению к России, Чичерин разъяснил: «В действительности теперь Германия вовсе не враждебна, а раньше не была дружественной. Когда Германия была наиболее угнетенной, при Гаазе, Шейдемане, Бауэре, Германе Мюллере, она относилась к нам хуже всего и пресмыкалась перед Антантой. Она стала лучше относиться к нам, когда начала выкарабкиваться. Но еще Ратенау в Каннах предложил известную резолюцию, по которой Германия была бы оружием Антанты для эксплуатации РСФСР… Ратенау побежал в Рапалло и поспешил подписать договор, потому что боялся, что Англия договорится с нами и перестанет нуждаться в Германии для операций против нас».

Заключенный 16 апреля 1922 года договор между РСФСР и

Германией стал важнейшим документом в истории дипломатических отношений, его значение ощущалось многие десятилетия. Участники Генуэзской конференции — кто со злорадством, кто с негодованием, но никак не безразлично — были вынуждены признать, что русские и немцы одурачили Антанту. Внешнеполитическая изоляция, шантаж и угрозы оказались бессильными; Советская Россия утверждала себя на международной арене, чтобы по принадлежавшему ей праву неотвратимо влиять на развитие мировых событий.

Прекрасным ответом на попытки ворчунов приуменьшить значение Рапалльского договора был ленинский проект резолюции ВЦИК. В нем отмечалось, что делегация правильно выполнила свои задачи и ВЦИК приветствует Рапалльский договор как единственно правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войны, признает нормальным для отношений с капиталистическими странами лишь такого типа договоры и поручает СНК и НКИД вести политику в этом духе.

После подписания договора в буржуазной печати поднялась буря возмущения русско-германскими действиями. Еще бы, расчеты Ллойд Джорджа, Барту и всей антантовской компании рухнули. Им не удалось навязать Советской России кабальных обязательств.

Рапалльский договор явился полной неожиданностью для участников конференции. «Русское пасхальное яичко» взбесило до невероятности Барту. В письме Чичерину он грозно заявил, что Франция рассматривает договор как враждебный акт, направленный против нее. Чичерин спокойно разъяснил не в меру вспыльчивому французу, что договор не затрагивает интересов Франции и служит единственной цели — упорядочить отношения между РСФСР и Германией в интересах обеих наций, а следовательно, и всей Европы.

Противники русско-германского сближения попытались интриговать, распространяли злонамеренные слухи, чтобы дискредитировать и договор, и подписавшие его делегации. Они прибегли к излюбленному приему буржуазной дипломатии — грубому нажиму на обе делегации. Искусно подогреваемые ими слухи о том, что германскую делегацию отстраняют от дальнейшего участия в конференции, ввергли дрожавшего за свою карьеру Ратенау в глубокое уныние. Советской делегации пришлось потратить немало усилий, чтобы успокоить немца и его коллег и убедить их выступить 22 апреля в печати с сообщением о том, что, по мнению Германии и России, аннулирование Рапалльского договора недопустимо. Противникам договора ничего не оставалось делать, как смириться с дипломатическим

поражением.

Советская делегация заняла теперь более прочные позиции, ее активность приобретала действенный характер. Чичерин в письме Ллойд Джорджу 20 апреля твердо заявил о согласии РСФСР признать в целях способствования работе конференции долговые обязательства при условии списания военных долгов и просроченных процентов. И еще при условии, если России будет предоставлена финансовая помощь.

29 апреля нарком в ответ на неутихающие антисоветские страсти во Франции написал письмо Барту. В нем он предупреждал: «Будучи далеким от того, чтобы быть направленным против Франции или против какой-либо другой державы, вышеозначенное соглашение является в намерении Русского правительства лишь началом ряда частных соглашений, которые должны, по мнению русской делегации, дополнить общее соглашение, к которому стремятся державы, собравшиеся в Генуе».

Это было неслыханным: русская делегация перешла в наступление и оповестила всех, что выигранное сражение — это только начало. Одна против всех и тем не менее добивалась успехов.

Папа римский обратился к делегациям стран, поддерживающих дипломатические отношения с Ватиканом, с воззванием: «В исторический час, когда вопрос идет о принятии обратно России в консорциум цивилизованных наций, Святой Престол желает, чтобы религиозные интересы, которые являются основанием всякой цивилизации, были обеспечены в России». В то же время официальные представители римского папы в Генуе несколько раз, на удивление верующим, встречались с отъявленными безбожниками — коммунистами и вели с ними переговоры. Чичерин поразил ватиканских посланцев своими знаниями в области религий и религиозных отношений. Казалось, что этот человек всегда находил тему для разговора и для него не было неизвестных областей человеческих знаний: с экономистами он охотно и долго беседовал об экономике, с историками — об истории, с гурманами — о тонкостях кулинарии и вин. И ни в чем он не был дилетантом. Для многих в Генуе это было настоящим открытием: подумать только, большевик с энциклопедическими знаниями и в превосходно сшитом фраке! Не случаен тот факт, что после Генуи в книгах некоторых западных политиков появилось утверждение о том, что революцию в России совершили наиболее образованные в Европе люди.

В респектабельном буржуазном обществе советские представители стали «сенсацией № 1». На приемах их всегда

окружала такая толпа, что к ним невозможно было пробиться. В пригнанных фраках, в безукоризненно белых крахмальных сорочках, блестящие собеседники, не нуждавшиеся в толмачах, они завоевывали симпатии.

22 апреля муниципалитет Генуи дал банкет в честь участников конференции. Собравшиеся гости с нетерпением ожидали появления советских дипломатов и совершенно забыли о присутствии Ллойд Джорджа. О приеме, который был оказан Чичерину и Красину, писали газеты: «Они стали предметом всеобщего и открыто выражаемого преклонения, их встречали аплодисменты, (им) подносили цветы, (у них) просили автографы. Вообще отношение демократических слоев Генуи к русской делегации можно считать настоящим триумфом».

Популярность советских дипломатов была столь велика, что им стало затруднительно появляться на улицах Генуи. «Посещение известного генуэзского кафе советской делегацией, — сообщала одна городская газета, — собрало перед помещением громадную толпу народа, среди которой находились лица, старающиеся воспользоваться оказией и побеседовать с советскими дипломатами. Чичерину лишь с большим трудом удалось уйти из кафе боковым ходом».

Рост авторитета советской делегации окончательно вывел из равновесия ее врагов, они начали кампанию угроз и запугивания. Газеты запестрели сообщениями о том, что в Генуе раскрыт белогвардейский заговор против советской делегации, что в городе появился известный террорист Савинков.

Но, конечно, самое большое место в пересудах генуэзского высшего света занял прием, устроенный итальянским королем Виктором-Эммануилом на борту броненосца «Данте Алигьери».

Советские и германские дипломаты прибыли на прием в одной моторной лодке. Чичерин, Литвинов, Ратенау и Вирт поднялись по трапу на борт броненосца. Ожидали хозяина приема.

Наконец в сопровождении церемониймейстера на броненосец прибыл король. Ллойд Джордж приветствовал его от имени всех собравшихся.

Король ответил стандартной любезностью и, обойдя выстроившихся дипломатов, подошел к Чичерину и неожиданно для всех вступил с ним в длительную беседу. Дипломаты с явной досадой и недоумением переглядывались. С этой минуты присутствовавшие не спускали глаз с советских представителей. Король, словно забыв об окружающих, оживленно беседовал с русским комиссаром.

Во время завтрака Чичерин снова оказался в центре

внимания. В этот день он вообще словно задался целью дразнить падких на сенсации журналистов. Как было подмечено, сосед советского дипломата, генуэзский архиепископ, был весьма рад своему собеседнику, громко смеялся — и подумать только! — дошел до того, что чокнулся с большевиком бокалом шампанского и обменялся с ним автографами.

После завтрака новая сенсация: Чичерин оживленно беседует с… Барту! Некоторым фотографам удалось заснять эту беседу, но, как только Чичерин отошел от главы французской делегации, тот стремительно ринулся к фотографам, умоляя их уничтожить негативы. Наконец корреспонденты завладели вниманием наркома.

— О чем я беседовал с королем? Конечно, о моих итальянских предках, мне пришлось дать краткую историческую справку. А кроме того, нам пришлось побеседовать о развитии торговых отношений между Италией и Россией…

Что можно сказать о беседе с архиепископом? Речь, естественно, шла о религии. О чем же мы могли еще разговаривать? Мне пришлось сообщить, что в России существует американская система религиозной терпимости, и опровергнуть, кстати, некоторые ваши сообщения. Кроме того, папа считает необходимым послать в Россию делегацию для оказания помощи голодающим. Вот, пожалуй, и все…

1 мая случилось то, чего больше всего опасалось итальянское правительство: рабочие Италии объявили всеобщую забастовку. Она проходила под лозунгом всемерной поддержки Советской России. Желая предупредить события, правительство провозгласило 1 мая нерабочим днем, но одновременно запретило проведение демонстраций. И все-таки рабочие вышли на улицы с красными знаменами и лозунгами, приветствовавшими русский народ. Полиция разгоняла рабочих, фашисты провоцировали побоища. Первомайские демонстрации солидарности рабочего класса придали новые силы советской делегации.

Отмечали день пролетарской солидарности и русские. В гостинице «Империале» советская делегация устроила прием, собрались представители рабочих. Об этом вечере советский дипломат А. Н. Эрлих вспоминает: «Вечер носил неофициальный характер, без обильных угощений, с выступлениями членов советской делегации в порядке самодеятельности. Выло много веселья и шума. Первым выступил Георгий Васильевич Чичерин. Исполнение Лунной сонаты Бетховена, произведений Чайковского, Дебюсси и других композиторов вызвало всеобщее восхищение. Мастерство игры на рояле показало большой вкус

Чичерина, тонкое понимание музыки и прекрасную технику. Сидя за роялем, Чичерин как бы преображался. Его лицо становилось одухотворенным, поза была очень красива, руки с длинными пальцами прекрасны. Игра Чичерина доставила большое удовольствие всем присутствовавшим на вечере. Ему долго аплодировали и просили сыграть еще и еще».

В начале мая Чичерин вновь встретился с Ллойд Джорджем, за этой встречей последовала вторая, третья. Английская делегация пыталась оказать давление на советских представителей, злоупотребляя своим международным авторитетом и силой. Русские оставались непреклонными.

— После всех этих бесед, — говорил Чичерин, — я почему-то вспоминаю строфу из популярной в Англии песенки. Ее прислал в свое время в одном из обзоров Красин. В ней есть такие слова:

Весь мир — куча сена,
Везут его люди-ослы,
Везут каждый по-своему,
Всех возглавляет Джон Буль.

Так и подмывает сказать: не забывайте, что мы, во-первых, не ослы, во-вторых, Джон Буль нас никогда не возглавлял и не возглавит, и, в-третьих, мы поведем мир совсем другим путем…

Встречи продолжались. И каждый раз во французских газетах поднималась буря возмущения по адресу вероломной Англии. Встречался Чичерин и с делегациями других стран: после Рапалло буржуазные дипломаты смотрели друг на друга как на жуликоватых конкурентов, которые могут безбожно надуть. Единство западных стран трещало по всем швам. Некоторые под большим секретом, шепотом передавали, что русские сулили выгодные сделки. Так выдавали мечту за действительность, рынки России притягивали как магнит, возбуждали алчные аппетиты и распаляли коммерческую жадность.

В воскресенье, 14 мая, весь день на вилле Альбертис проходило совещание за закрытыми дверями между Ллойд Джорджем, Барту, Шанцером и другими представителями стран Антанты. Было решено: конференцию в Генуе пора кончать, открыть новую конференцию в Гааге, созвать комиссию экспертов по обсуждению «русского вопроса», но уже без участия русских. Не прошло и часа, как решение стало известно Чичерину, а еще через три часа Шанцер уже читал советскую ноту. Исключение советской стороны из состава комиссии экспертов неправомочно, советская делегация решительно протестовала также против запрещения кому-либо заключать сепаратные договоры с Россией

о концессиях в период работы Гаагской конференции. Советская делегация требовала созыва политической комиссии для того, чтобы она могла изложить свою точку зрения по поводу принятых на вилле Альбертис решений.

Это было столь неожиданной и молниеносной реакцией, что Шанцер заметно растерялся. Утром он встретился с Чичериным и вместо того, чтобы доводить до его сведения решения, принятые на вилле Альбертис, стал оправдываться. Он заявил, что никто не лишал другие государства права заключать договоры с Россией, что эти государства могут выйти из комиссии и заключать какие угодно договоры. Вскоре на помощь Шанцеру прибыл сам Ллойд Джордж. Теперь они оба пытались воздействовать на Чичерина, но тот не сдавался.

В тот же день, 15 мая, в спешном порядке за спиной советской и немецкой делегаций было созвано заседание политической комиссии. Шанцер рассказал о беседе с Чичериным. Долго обсуждали создавшееся положение, но предложить что-либо не могли, с решимостью русских приходилось считаться.

Участники заседания подтвердили решения, которые были выработаны на вилле Альбертис, в том числе и пункт об исключении Германии из числа участников Гаагской конференции под тем предлогом, что она уже урегулировала свои отношения с Россией.

На следующий день вновь была созвана политическая комиссия. Факта раздал участникам документ под названием «Проект статей, подлежащих сообщению российской делегации» (те самые решения, которые были приняты на вилле Альбертис).

Чичерин тотчас же заявил, что русская делегация знает содержание документа лишь из сообщений печати и поэтому ей необходимо время, чтобы ознакомиться с ним. Ему предложили прочитать его здесь же. Чичерин пробежал документ глазами, потом сказал, что желает задать несколько предварительных вопросов.

Рассерженный Шанцер почти закричал в ответ, что документ окончательный и никаким изменениям подвергаться не может.

— Здесь не Версаль, — спокойно парировал Чичерин, — все участники равны. Все могут вносить изменения и просить о поправках. Почему в документах опущен пункт о признании РСФСР де-юре?

Ллойд Джордж заговорил о том, что признание будет зависеть от результатов работы конференции, а также от того, будет ли выполнена каннская резолюция.

Чичерин возразил против места созыва конференции в Гааге:

ведь РСФСР не имеет никакого договора с Голландией. Участники заседания, явно застигнутые врасплох, дали какой-то маловразумительный ответ.

Чичерин наступал:

— Когда державы, представляющие одну систему государственных понятий собственности и объединенные интересами определенных групп населения, обсуждают совместно относящиеся к этим понятиям вопросы и выносят по ним определенные решения — это понятно. Но разве вопрос о месте сбора комиссий тоже принципиальный, который не может быть разрешен с государством, представляющим другую систему?

Ответа не последовало, заседание было прервано.

На следующем заседании Чичерин продолжил наступление. Цель политической комиссии, говорил он, — это совместно с Россией выработать общие решения. В результате же получилось прямо противоположное — русскую делегацию пытались оттеснить от переговоров, ей стремились навязать принятые без ее участия решения.

Делегаты Антанты промолчали, им нечего было возразить.

— Мы приехали в Геную с той целью, — продолжал нарком, — чтобы, несмотря на различие экономических систем, вместе работать над реконструкцией Европы. Но вместо этого другие державы предпочли разбить конференцию на две стороны, кредиторов и должников, и ту же систему хотят применить в будущем. Мы сожалеем об этом, но принимаем это как факт. Русская делегация, в частности, возражает против исключения Германии из числа участвующих в предстоящей конференции государств.

Чичерин предложил созвать конференцию не в Гааге, а в Лондоне или Риме.

Ллойд Джордж отклонил это предложение, его поддержали все, кроме русских. Чичерин невозмутимо молчал, западные дипломаты растерянно переглядывались. Наконец Шанцер не выдержал и прямо в лоб, без дипломатической деликатности, задал Чичерину вопрос, который у всех вертелся на кончике языка:

— Поедет или нет русская делегация в Гаагу?

— Может ли конференция дать гарантии того, что русская делегация будет пользоваться там неприкосновенностью? — в свою очередь, спросил Чичерин.

Этот, казалось бы, такой простой, но логичный вопрос вызвал новое замешательство. Шанцер, затеявший эту перепалку, медлил. Ему на помощь поспешил голландский посланник. На виду у всех они мучительно долго перешептывались. Чичерин

продолжал хранить спокойствие. Наконец Шанцер, обращаясь к нему, сказал:

— Правительство Нидерландов дает требуемые вами гарантии.

— В таком случае русская делегация поедет в Гаагу, — невозмутимо ответил Чичерин.

Все облегченно вздохнули.

Конференция подходила к концу. Дипломаты западных стран понимали, что «упрямые русские» все-таки добились в Генуе многого. И добились вопреки желанию Запада. Чичерин поедет в Россию с Рапалльским договором. Чехи, югославы и болгары дали ему обещание порвать всякие отношения с белогвардейцами и распустить армию Врангеля на Балканах. А кто мог полностью оценить все значение личных контактов, установленных русскими за время конференции? Кто и на каких весах мог взвесить то уважение, которое вызвала к себе у европейских народов советская внешняя политика?

19 мая на последнем пленарном заседании Генуэзской конференции было принято решение созвать 26 июня конференцию в Гааге для урегулирования отношений между Советской Россией и другими государствами. Позиция, занятая советской делегацией на конференции в Генуе, развеяла, как дым, надежды и фальшивые расчеты западных держав.

Чичерин с глубоким знанием дела дал оценку конференции.

«Генуэзская конференция, — говорил он, — была явлением сложным, большую роль в ней играл растущий буржуазный пацифизм, который, несомненно, в недалеком будущем еще проявит себя: в Генуе в угоду ему правительства Антанты много говорили о реконструкции Европы, хотя на самом деле в конкретной работе для этой реконструкции делалось очень мало. Основной же вопрос Генуэзской конференции заключался в том, будет ли совершаться самостоятельное экономическое развитие России с помощью иностранного капитала, но без подчинения ему, или же он приобретет в ней господство. Российская делегация подверглась всем утонченнейшим приемам зазывания и кокетничания: как в известной притче сатана обещал Иисусу превращение камней в хлеба и господство над расстилавшимися перед его взором царствами, если Иисус поклонится сатане, точно так же самые соблазнительные перспективы открывались перед Советской Россией в награду за признание господства капитала. Можно сказать, что именно в Генуе с наибольшей яркостью выдвинулся основной вопрос русской политики: в подчинение капиталу, или самостоятельное развитие с его помощью, или, еще точнее, *сделка*, но не *кабала*. Именно поэтому формальным

базисом всей деятельности российской делегации в Генуе была каннская резолюция о равноправии двух противоположных экономических систем; равноправии, но не подчинении одна другой».

Советская делегация отбыла в Москву. Чичерин остался в Генуе для переговоров о советско-итальянском торговом договоре. Переговоры длились несколько дней. Нарком придавал им большое значение, хотя ввиду «антантовских отношений» Италия и не могла дать много. Договор с ней был все же очень важен. Переговоры проходили успешно, итальянские делегаты проявляли здравый смысл и готовность идти на соглашение.

В воскресенье, 21 мая, Чичерин дал обед в отеле «Бристоль» в честь Факты и Шандера. Это, казалось, заурядное событие, как и большинство дипломатических завтраков, обедов и приемов, неожиданно привлекло большое внимание. Еще бы! Это был первый в истории советской дипломатии случай, когда министры стран, входивших в состав Антанты, приняли приглашение русских.

На улице собралась огромная толпа, чтобы приветствовать наркома. Когда Чичерин, Факта и Шанцер выходили из отеля, фашисты спровоцировали потасовку, вмешалась полиция, многие участники демонстрации были избиты, несколько человек получили увечья. Но этот эпизод не оказал влияния на переговоры, и они протекали в довольно спокойной обстановке.

Чичерин задержался в Генуе в основном из-за этих переговоров. Однако у него были и другие причины. Он хотел завязать более широкие связи с итальянскими общественными и политическими кругами. И наконец, он лично правил корректуры своих выступлений в официальных стенограммах Генуэзской конференции. Эту работу не хотелось передоверять кому-либо, так как слишком большое значение придавалось каждому выступлению.

Отель «Империале» опустел. Но усиленные наряды карабинеров по-прежнему исправно несли службу у здания отеля, где теперь жил один нарком. Чичерин решил перебраться в другое место, где его еще никто не знает. Но когда он сказал об этом маркизу ди Нобиле, приставленному итальянским правительством к советской делегации, тот испуганно замахал руками.

— Будет еще хуже. Через несколько же часов сбежится все местечко. Потом будут приходить из всех окрестностей. Итальянское правительство не может взять на себя ответственность за возможные инциденты. Весь аппарат полицейских и карабинеров будет перенесен в деревушку, что

крайне неудобно.

Пришлось смириться. В течение всего последующего времени Чичерину приходилось скрываться от назойливых глаз. Из отеля «Империале» он перебрался в отель «Иден», где раньше жила германская делегация. Здесь чувствовал себя несколько свободнее, полицейская охрана была не так назойлива. Скрыться все же не удалось. «Весь последний период, — писал Чичерин 6 июня, уже покинув Италию, — меня посещали массы людей — рабочие с заводов, представители телеграфистов, телефонистов, всяких служащих и чиновников, и я буквально сотнями подписывал фотографии».

Когда он заходил в ресторан, его столик тотчас же окружала толпа, и ему все время казалось, что люди бесцеремонно разглядывают его.

Ко всему прочему приходилось отдавать дань дипломатическим обычаям. Терзали частые приемы, которые устраивали для него знатные особы.

«Меня приняла и показала свой дворец маркиза Бальби, — писал он домой, — вместе со своими родственниками, как принчипесса Боргези, маркиз Савинья и др., потом принимал меня маркиз Паллавичино, состоявший при нас маркиз ди Нобиле и его друг граф ди Санта Крочи и т. д. Был у меня с прощальным визитом командующий генерал принчипе Пизаго. Я сделал прощальные визиты мэру и префекту, а они завезли мне карточки».

С момента переезда в отель «Иден» Чичерин стремился как можно меньше показываться в городе и каждое утро, спасаясь от назойливых посетителей, уезжал в горы. Там завтракал в какой-нибудь малоизвестной траттории. Но и тут было спокойно, пока посещал эту деревушку не более двух раз, на третий его уже непременно поджидали любопытные.

Чичерин любил быструю езду. Однажды это чуть не стоило ему жизни. На одной из горных дорог автомашину занесло на повороте, и она заскользила к пропасти, не огражденной никаким парапетом. Его спасло лишь хладнокровие шофера — «превосходного, очень умного и преданного» Джорджио.

В поездках в горы Георгия Васильевича сопровождал приставленный к нему весьма болтливый, ловкий комиссар Чиленто. Само собой разумеется, Чиленто не был один, за наркомом постоянно следовал хвост полицейских агентов, вооруженных не только револьверами, но и гранатами. Иногда Чиленто удавалось с помощью уловок несколько упрощать сложный и громоздкий аппарат полицейской охраны.

Однако итальянское правительство шло на эти казавшиеся

временами смешными меры, и чтобы изолировать Чичерина от рабочих масс Италии, и чтобы действительно оградить от покушений фашистов, которые в отношении провокаций слов на ветер не бросали.

Фашизм представлял здесь серьезную опасность. Чичерин, изучая печать и наблюдая на месте за деятельностью фашистов, один из первых подметил крайнюю опасность этого реакционного течения. Естественно, было трудно дать фашизму исчерпывающую политическую оценку, но некоторые черты представлялись ему довольно ясно.

26 апреля в полночь Чичерину принесли телеграмму. Поэт-декадент Габриэль д'Аннунцио приглашал советского наркома пробыть на его даче на озере Гарда целый день, утром за ним заедет машина в сопровождении охраны. Чичерин прекрасно знал, что д'Аннунцио не только поэт, но и один из крупнейших идеологов итальянского фашизма. Поездка к нему будет носить далеко не увеселительный характер. Она была тем более опасна, что д'Аннунцио предлагал совершить ее «инкогнито», без советской охраны. Чичерин ответил согласием.

«И вот, — вспоминает А. Н. Эрлих, — в 3 часа ночи легкие шаги в бюро меня разбудили. Насторожившись и приподнявшись на кровати, пошарил под подушкой, чтобы убедиться, что мое оружие находится там. Жду. Тихо открывается дверь. Кто это? К моему изумлению, вижу Чичерина.

Теряясь в догадках и стараясь выяснить, что же произошло, я спросил: «Георгий Васильевич, в чем дело?» На его лице было некоторое смущение. Подойдя к моей кровати, он присел, затем робко, но достаточно внятно сказал:

— Видите ли, я завтра утром еду к д'Аннунцио и хочу взять с собой эту штуку (он так и сказал «штуку», показывая на браунинг), но мне еще не приходилось пользоваться этим… Очень прошу вас, покажите мне, как это делается.

С трудом удержавшись от улыбки, я показал, как заряжается обойма, как она вставляется, как ставить предохранитель и как этот предохранитель опускается, наконец, как сдвинуть дуло, чтобы патрон вошел в ствол, и как нажать курок.

Чичерин внимательно выслушал и проделал все это несколько раз, чтобы научиться обращаться с браунингом (конечно, кроме нажатия на курок…). Затем сказал: «Спасибо» — и спокойно пошел к себе на третий этаж».

На следующее утро его уже ждала машина. О каком же «инкогнито» могла идти речь, если на встречу с д'Аннунцио наркома сопровождал чуть ли не взвод полицейских? Впереди ехал автомобиль с фиумскими легионерами, вооруженными до

зубов, затем шел автомобиль, в котором сидел Чичерин в окружении высоких чинов полиции, замыкал колонну автомобиль с вооруженными полицейскими.

В д'Аннунцио Чичерина поразила театральность речи и жестов: поэт значительное время проводил перед зеркалом и, как истый демагог, отрабатывал ораторские приемы.

Чичерин, отвергая модернистские выверты, выше всего в искусстве ставил реализм. Разговор как-то сам собой перешел к итальянской опере. Чичерин отдал должное итальянским артистам, но итальянскую оперу как таковую решительно осудил. Д'Аннунцио был поражен: Чичерин предпочитал Моцарта.

— Моцарт взорвал и seria и buffa, поставив на их место *драму реальной человеческой жизни.* Моцартовская картина мира, его мироощущение глубоко проблематичны, схватывая все противоречия, и таким же клубком противоречий является перед ним каждый живой характер: каждый проблематичен.

В этом житейская мудрость музыки Моцарта, это именно сближает его с романом XIX века, особенно с Бальзаком, даже с Достоевским… Сущность моцартовской оперы в психологической правде, а не во внешней иллюзии.

Разговор, конечно, не ограничился литературой и музыкой. Да Чичерин и приехал сюда не для этого. В политической области д'Аннунцио развивал идеи объединения Италии с Германией для борьбы против Франции; говорил о Фиумской конституции, характеризуя ее как «протест против Версальского договора, распорядившегося народами без их ведома». Беседа длилась долго.

О встрече Чичерина с д'Аннунцио на следующий день широко растрезвонили газеты. Как вспоминал сам Чичерин, «поездка к д'Аннунцио произвела колоссальное впечатление» в Италии. Ему открыто говорили:

— За д'Аннунцио идет вся Италия. Как хорошо, что вы к нему съездили.

Однако миланская организация фашистов была далеко не в восторге от этой встречи: на собрании приняла резолюцию, порицавшую «легкомысленного» поэта.

Пребывание в Генуе подходило к концу. 3 июня 1922 года, закончив серию визитов, завершив правку стенограмм своих выступлений на конференции, Чичерин, к нескрываемой радости итальянской полиции, выехал в Германию, где собирался провести отпуск и пройти необходимый курс лечения.

И снова Берлин. Прием, оказанный на этот раз наркому, был

иным: Рапалльский договор начал оказывать свое благоприятное влияние.

Здесь никто уже не вспоминал о скандальном «каннском плане» Ратенау, а некоторые даже делали вид, что вообще впервые о нем слышат. Сам же Ратенау теперь не решался открыто призывать к «колонизации России» и, кажется, начинал понимать свои просчеты.

Это не ускользнуло от внимания Чичерина. Он вновь обращается к истории.

— Вопрос о тесном сближении с Англией неоднократно ставился перед Бисмарком, — развивал он свои мысли при встречах с немецкими политиками, — но он тщательно избегал того, чтобы нарушить комбинации своей континентальной дипломатии ради прекрасных глаз островной империи. Бисмарк отлично понимал, что международное положение Германии определялось прежде всего континентальными политическими отношениями. Бисмарк сам рассказывает о том, что он ночей не спал, опасаясь соединения в одну коалицию Франции, России и Австрии против Германии, отлично сознавая, что такая коалиция могла бы нанести Германии смертельный удар, что бы при этом ни стала делать Англия.

Разъяснения наркома, сама логика вещей давали положительные результаты. Не сразу и не вдруг, но вот и Ратенау стал менять свои взгляды. Чичерин с удовлетворением отметил это: «Участник Рапалльского договора с германской стороны, Ратенау, наладив на твердом договорном основании отношения Германии с Советской республикой, вслед за тем старался о том, чтобы содействовать улучшению отношений между Советской республикой и Англией. Сближение с Англией для него непременно соединялось с прочной линией длительных дружественных отношений с Советской республикой, а не мыслилось отдельно от них. Ратенау точно так же понимал, что остаться без друзей на материке и опираться только на Англию значило бы для Германии повиснуть в воздухе».

Намечались интересные сдвиги на европейском дипломатическом фронте: появилась возможность некоторой нейтрализации антисоветских настроений во Франции, ослабления английских происков в Прибалтийских странах и поворота этих государств в сторону сближения с Советской Россией. В самой Германии Рапалльский договор приобретал все больше и больше сторонников сближения с Россией.

Георгий Васильевич не упускал момента. Светские приемы сменялись бесконечными встречами и беседами. Нарком все время убеждался, как мало за границей знают действительное

положение России, сплошь и рядом обнаруживалось невероятное невежество. Заблуждения надо исправлять, а злонамеренные утверждения опровергать со всей решимостью и упорством. По его твердому мнению, эта задача настолько важна, что должна занять прямо-таки первое место… «Было время, — писал он в Москву, — когда мы были отрезаны и печать была для нас закрыта, нас ежедневно обливали помоями, и мы не могли отвечать. Теперь положение совсем другое, нам открыты влиятельные органы, можно помещать статьи, корреспонденции, полпреды могут давать интервью. Публика это знает и серьезно относится к сообщениям газет».

Ни один факт клеветы на Советскую Россию не ускользает от его внимания, он упорно опровергает лживые нападки на советскую действительность и в беседах и в печати. С этой целью принимает различных посетителей, в том числе и журналистов. Правда, из журналистов к нему попадает каждый десятый — не больше: всех удовлетворить нет возможности, ведь надо лечиться. Здесь, на Западе, верят всяким небылицам, верят потому, что никто не раскрывает правды. Фальсификаторы не унимаются; прыткие газетчики пускают слухи, будто Чичерин при отъезде из Италии подарил каждому охранявшему его полицейскому по золотому портсигару, усыпанному бриллиантами, жемчугами, рубинами.

ВЦИК принимает исторические законодательные акты. На Западе о них никто не имеет ни малейшего понятия. А кто разъяснит политику Советского государства по отношению к церкви? Этот вопрос немаловажный, читают сочинения самозваных «специалистов» и ужасаются действиям большевиков.

Письма, много писем шлет нарком в НКИД, в представительства. Письма то гневные, то иронические и насмешливые, то поощряющие. Но небезразличные. Нет, не мог отдыхать Чичерин в такое бурное время.

В ответ товарищи просят, уговаривают, чтобы нарком прекратил работу и выполнял решение ЦК об обязательном для него отдыхе.

Но разве он не отдыхает? Как вообще представляют себе это товарищи в Москве? Ничего не делать, нигде не бывать, ни с кем не разговаривать? «Не вижу, почему я должен проводить вечер со скучной квартирной хозяйкой за скверным обедом, когда я могу съесть великолепный обед с великолепным вином и притом провести вечер с профессором Эйнштейном, знаменитым архитектором профессором Вильцем, художниками, музыкантами, лидерами партий и т. д.», — пишет он Карахану. И насмешливо добавляет: ему-де говорят, что берлинские дамы

только о нем и вздыхают. А ему пишут, что он не отдыхает и не развлекается. «Вовсе я делами не занимаюсь, всем твержу, что усиленно лечусь, и больше ничего».

Живет Чичерин в отеле «Экспланаде» под охраной полицейских агентов. Здесь спокойнее, чем в Генуе. Много времени проводит за письменным столом. В Москве прекрасно понимают, что «квартирная хозяйка», «берлинские дамы» — все это наивные выдумки. И все знают это, как знают о том, что Чичерин никогда не думал о своем здоровье.

И опять идут письма наркома с указаниями, что нужно опровергнуть и что нужно предпринять в отношениях с той или иной страной. Заодно достается и тем, кто хорошо носит фрак, но для серьезного дела не годится.

Чичерин сам, пренебрегая лечением, то идет на прием в министерстве иностранных дел, то у рейхсканцлера, то беседует с промышленниками, банкирами, журналистами, политиками. И везде активен, любезен, всегда готов к полемике.

Наконец не без воздействия берлинских товарищей он отправляется на отдых в Инсбрук. В Тироле он мог наслаждаться относительным покоем, пока его мало знали. «Могу свободно ходить! — почти с восторгом пишет он. — Это блаженство продлится, конечно, пару дней. В Италии просто собиралась толпа, неподвижно стояла и глазела на меня. В Берлине подталкивают друг друга локтем и потом смотрят мне в спину».

Здесь застало траурное сообщение: убит Ратенау, убит зверски националистом из террористической организации «Консул». На суде убийца заявил, что не мог допустить, чтобы в правительстве был еврей.

Прошло несколько дней. Чичерина начали узнавать и здесь. Стали повторяться случаи, когда вслед ему раздавались громкие ругательства. Это было результатом антисоветской кампании, которую развернула клерикальная печать. В тирольских деревушках большевики по-прежнему считались «исчадием ада». Дело дошло до того, что начальник провинции Тироля Штумпер посетил Чичерина и просил быть осторожным. Он специально приставил к нему четырех агентов для охраны. А через несколько дней забеспокоились и венские власти, было дано указание усилить охрану советского наркома.

«Меня уже узнают, — пишет он Карахану 29 июня. — Вхожу в ресторан — раздается шепот, на меня показывают. Это только начало». Чичерин попросил Штумпера, чтобы он дал указание газетам не писать о его пребывании в Тироле. Тот пожал плечами.

— Это поможет ненадолго. После Генуи вы известнейший человек в Европе. О вас все говорят.

Хозяин гостиницы, где жил Чичерин, как-то принес в его номер огромную корзину цветов и на удивленный взгляд Чичерина ответил:

— Я как немец восторгаюсь вашей смелой борьбой против Франции.

Чичерин поморщился, но пощадил наивное усердие немца.

Да, его безызвестность продолжалась слишком недолго. Штумпер дал указание газетам не писать о Чичерине. Но сельскохозяйственный еженедельник «Тиролер Фольксботе» все-таки сообщил о местопребывании наркома, и началось паломничество журналистов. Теперь уже каждый его шаг был на виду. Штумпер нервничал: поставил охрану в самом здании гостиницы, полицейские расхаживали по коридорам, следовали за наркомом по пятам. Прелесть тирольских гор поблекла, отдыха снова не получилось.

А товарищи все требуют, чтобы нарком отдыхал. Разве он сам не хочет этого? Вот из Вены прибыл влиятельный депутат д-р Матайя, его пришлось принять. Но разве можно отказать тирольским коммунистам, когда они приходят к нему с сияющими, восторженными лицами: эти несколько минут для них событие на всю жизнь. «Для одних я дьявол, для других святой», — заключает Георгий Васильевич.

Чичерин собирался съездить в Вену и встретиться там с членами австрийского правительства, но ему просили передать, что после убийства Ратенау в Вене «неспокойно». Истинная причина крылась в другом: австрийское правительство вело переговоры с Францией о займе и боялось, что появление Чичерина в Вене повредит переговорам. Чичерин от поездки отказался и возвратился в Берлин. Надо было довести до конца курс лечения.

Скоро он по настоянию врачей лег в больницу на операцию. Предстояло долгое и продолжительное лечение. Но и это не оторвало его от работы. Как-то в разговоре с корреспондентом «Известий» он признался: «Лежа в постели после операции, я изучал за несколько лет документы по репарационному вопросу и близко ознакомился с этими яркими памятниками империалистического хищничества. Результатом тяжелого, угнетенного положения Германии является в германском обществе сильная тяга к России и глубокое сочувствие нашей международной политике».

Противники советско-германского сближения воспользовались болезнью наркома. Они пустили слухи о том, что политика Чичерина потерпела крах, в Кремле победили «экстремисты». Ленин и Чичерин устранены. Пренебрегая

обстановкой и требованиями протокола, 23 июля к нему явился будущий посол в Москве граф Брокдорф-Ранцау. Состоялась откровенная беседа.

Встреча положила начало многолетней дружбе Чичерина с Ранцау. Многие, знавшие Ранцау с его довольно нелегким характером, не переставали удивляться этой дружбе, но в ее основе лежали глубокие корни.

Потомок датских и немецких дворян, опытный дипломат старой немецкой школы, непримиримый враг Версаля Ульрих Брокдорф-Ранцау был последовательным сторонником рапалльского направления в германской политике. С 1922 по 1928 год он был послом Германии в Советском Союзе и все эти годы неизменно отстаивал линию на сближение обоих государств, что, по его справедливому мнению, отвечало национальным интересам Германии. «Россия не является побежденной страной и остается фактором силы не только в Европе, но и во всем мире», — убеждал он своих берлинских противников.

На второй день по приезде в Москву, 3 ноября 1922 года граф нанес визит наркому. Посол не скрыл своего недовольства простотой приема.

— Советская Россия, — заметил на это Чичерин, — не придает значения устаревшим формам дипломатического протокола.

Через два дня состоялось вручение верительных грамот. Во время церемонии Брокдорф-Ранцау заявил:

— Все мои силы и всего себя я готов отдать, чтобы доказать, что Рапалльский договор открыл новую эру между германским и русским народами и тем самым открыл ее не только для Европы, но и для всего мира.

Позже посол вспоминал: «После предусмотренных речей — сердечная интимная беседа с Калининым в присутствии Чичерина. Рота почетного караула под полковым знаменем прошла передо мною. Парадный марш после рапорта коменданта Кремля. Оркестр сыграл любимый мой марш «Hohenfriedberger». Калинин при этом церемониальном акте исполнял свои функции с естественным достоинством и большим тактом».

Между послом и наркомом с годами все больше крепли личные симпатии. Это легко объяснимо: оба государственных деятеля предпринимали усилия к развитию всесторонних дружественных отношений между Советским Союзом и Германией. Эта дружба, по их обоюдному мнению, должна и действительно стала важнейшим фактором во внешней политике обоих государств.

По поводу годовщины Рапалльского договора Чичерин писал Брокдорфу-Ранцау: «Глубокие исторические причины лежат в основе этого договора, которые делают его заметной вехой. Открыто перед целым светом, без всякого злого замысла, без тайных соглашений два народа заявили о необходимости дружественных отношений, сближения, экономического сотрудничества. Отказ от взаимных претензий, как известно, является для нашего государства единственно возможной основой длительных отношений доверия, и благодаря тому, что германское правительство вступило на этот путь, оно сделало возможным этот двусторонний исторический акт». А год спустя Чичерин отмечал: «Рапалло не будет побеждено и в будущем, на это я определенно надеюсь. Рапалло — это даже больше будущее, чем прошлое».

В этих словах заключен глубокий смысл, они звучат по-современному и сейчас, спустя полстолетия: Чичерин с научной прозорливостью видел историческую закономерность в развитии советско-германских отношений на много лет вперед, ибо в их основе лежат не конъюнктурные, а глубокие объективные факторы и прежде всего общность мирных интересов германского и советского народов.

И всегда были противники рапалльской политики. Министр иностранных дел Штреземан с его политикой балансирования между Востоком и Западом предпринимал многое, чтобы ослабить связи Германии с Советским Союзом. Весной 1925 года посол говорил Чичерину, что он уезжает и совсем не вернется, если окажется, что его правительство пошло по новому пути.

— Я, — сказал он, — готов играть трагическую роль, но не согласен играть роль комическую.

К счастью, в Берлине победили трезвые голоса: осенью того же года после длительных и упорных переговоров был подписан комплекс соглашений, включая торговый договор, сыгравших большую роль в расширении связей между обеими странами.

Чичерин высоко ценил деятельность Брокдорфа-Ранцау. В ноябре 1927 года произошло редкое событие: отмечался пятилетний юбилей пребывания на посту посла в СССР Брокдорфа-Ранцау. Был официальный приветственный адрес. Георгий Васильевич держал речь, в которой высоко оценил роль посла в развитии советско-германских отношений. Брокдорф-Ранцау ответил:

— Я знаю очень хорошо, что политику делают не сердцем, и все-таки я полагаю, что нельзя нанести ущерба политике, если при этом немного участвует сердце. Наша общность судеб и общие интересы привели меня к этому убеждению, с которыми я

нес здесь свою службу.

Выписавшись из клиники, Георгий Васильевич провел еще несколько встреч и приемов. В это время в Берлин приехал Красин, и вместе с ним Чичерин начал переговоры с «франко-германской группировкой», которая добивалась получения концессий в России. Предполагалось оформить эти концессии на германских промышленников, поскольку французские политические круги продолжали проводить резко антисоветскую политику. Немецкие промышленники должны были работать под французским контролем. Чичерин и Красин видели в этом возможность установить связи с французскими кругами и добиваться переориентации французской политики.

Нарком был очень заинтересован в личном участии в переговорах. К сожалению, нужно было спешить в Москву. В сентябре он выехал на Родину.

Покидая Берлин, Чичерин мог с полным основанием отметить, что наконец-то заложен прочный фундамент для тесных отношений между Советской Россией и Германией. Его берлинские встречи пробили брешь и создали контакты там, где их раньше не было. В бесчисленных встречах и беседах с различными политическими и экономическими деятелями Чичерин смог также лично убедиться, насколько Советская Россия уже стала самостоятельной мировой силой, с которой считаются и о помощи которой усиленно хлопочут.

Важной вехой в истории советской дипломатии этого периода стало участие Советского Союза в Лозаннской конференции.

«Пятая годовщина Октябрьской революции, — писал Чичерин, — совпала с провозглашением нами активной политики, то есть вмешательства во все международные вопросы, затрагивающие советские республики. Отношения с великими державами из чисто экономических превращаются в глубоко политические, распространяясь на весь комплекс международных вопросов, связанных с реальными интересами советских республик. Эта активная политика провозглашается нами в связи с разрешением вопроса о проливах».

К концу 1922 года вырисовывались крупные провалы английской колониальной политики на Востоке. Этот факт ярко подтверждался турецким национально-освободительным движением. Ни один из азиатских народов не вел в то время освободительной борьбы с таким упорством и энергией, как турецкий народ. Англо-греческая интервенция в Турции закончилась позорным крахом.

Тогда Англия, Франция и Италия выступили за созыв международной конференции. Они высокоторжественно заявили,

что именно эта конференция приведет к «окончательному восстановлению мира на Востоке». Им очень хотелось отстранить Советскую Россию от участия в конференции. Особенно старалась Франция. Ее политики создавали видимость искренней дружбы с Турцией, а втайне лелеяли мечту использовать ее и против Англии, и против Советской России.

Но отстранить Советскую Россию от международной конференции было уже нелегко. Тогда 7 октября 1922 года три приглашающие державы обратились к Советскому правительству с предложением принять частичное участие в конференции, поскольку-де советско-турецкий договор 1921 года решил все проблемы, в которых может быть заинтересована Россия.

19 октября 1922 года английскому и итальянскому правительствам — организаторам конференции — был дан достойный ответ: «Стремясь к упрочению всеобщего мира и, в частности, к необходимому для достижения этой цели окончательному мирному улажению международных конфликтов на Ближнем Востоке, Российское правительство видит себя вынужденным решительно настаивать на своем участии в конференции по ближневосточным вопросам в целом, без всяких ограничений».

В ответной ноте правительства Франции, Англии и Италии в оправдывающемся тоне попросили Советское правительство «озаботиться о посылке своих представителей в Лозанну для принятия участия в обсуждении вопроса о проливах». Это была хотя и маленькая, но уступка. Нужно было воспользоваться ею. Чичерин начал добиваться, чтобы Россия была участницей разрешения ближневосточного вопроса во всех случаях. 2 ноября в ноте на имя приглашающих держав он протестует по поводу того, что русская делегация не приглашается на предстоящую конференцию в полном объеме.

К этому времени НКИД уже подготовился к Лозанне. Вспоминая об этом, Чичерин писал: «После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы я пробыл в Москве 6 недель. Главным вопросом был турецкий, подготовлялась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним». 31 октября того же года Ленин пишет письмо Чичерину: «Думаю, что надо 2 и 3 раза проверить каждое слово с той точки зрения, чтобы оно не обозначало того, что мы откажемся от поездки на конференцию.

В этом смысле нота должна быть особенно «дипломатична».

Это звучало как завещание советским дипломатам не бить в лоб, а быть гибче, зорче, осмотрительней.

В целях соблюдения международного престижа Советского государства было решено не являться в Лозанну раньше срока, чтобы не выглядеть просителями. В то же время, по замыслу Чичерина, советские дипломаты должны были часто напоминать о своем существовании и решительно разоблачать поведение западных держав. Что касается тактической позиции советской стороны, то, по мнению наркома, следовало усиленно подчеркивать, что цель советской политики — проведение принципа полноты суверенных прав народов, точнее, полного суверенитета Турции над проливами и их закрытия для всех военных судов в мирное и военное время. Сама Турция должна иметь право укреплять проливы, иметь флот и т. д. Для торгового мореплавания проливы должны быть открыты во всякое время.

Как и ожидалось, страны Антанты не пригласили советскую делегацию к открытию конференции, назначенному на 20 ноября. Они затягивали присылку приглашения даже на обсуждение вопроса о проливах, так им хотелось лишить турецкую делегацию естественного союзника — России и добиваться полной ее капитуляции. И все же 29 ноября русская делегация была приглашена на конференцию.

Чичерин узнал об этом 26 ноября, не дождавшись сообщения об официальном приглашении на конференцию, он выехал из Москвы во главе русско-украинско-грузинской делегации, представляющей три республики, имевшие выход к Черному морю.

В Берлин прибыли с большим опозданием. Прямо с поезда наркома пригласили к Мальцану, где на скорую руку был сервирован чай. От Мальцана Чичерин поехал к канцлеру Куно. Вести какие-либо беседы было некогда, ограничились общей информацией о позиции сторон на Лозаннской конференции. Нарком спешил, до открытия заседаний комиссии по проливам оставался один день.

Генуэзские успехи советских дипломатов были учтены западными правительствами, и теперь на бой с ними был выдвинут опытный империалистический политик лорд Керзон.

Чичерин накануне первого заседания комиссии о проливах заявил Керзону решительный протест против отстранения Советской России от участия в конференции.

Так началась борьба. За спиной Керзона стоял многовековой опыт английской дипломатии, лагерь капитала, который, несмотря на все разногласия между отдельными группировками,

был един в своей ненависти к стране социализма. Чичерин отстаивал интересы трудящихся масс, интересы революции. Но Советская Россия, защищая справедливые, благородные цели, была одна. Опыт подсказывал — надо использовать конференцию для разоблачения империалистических планов.

В отеле «Савой», где остановилась советская делегация, до утра горел свет, трещали пишущие машинки, велись жаркие споры. Эксперты изучали речи, документы, просматривали исторические исследования, читали научные статьи и обсуждали буквально каждую фразу, которую предстояло произнести. Необходимо было и на этот раз заставить историю служить сегодняшнему дню. Советский нарком применил против английской дипломатии ее же лозунги, которые она провозглашала в XIX веке.

4 декабря 1922 года открылось первое заседание комиссии по проливам. Вначале стороны прощупывали позиции. Керзон дорого дал бы, чтобы заранее выяснить, с чем прибыл в Лозанну Чичерин. Открывая заседание, он попросил советскую делегацию ограничить свой численный состав. Это был мелкий булавочный укол. Он предложил выслушать сначала турецкую делегацию, а затем советскую. Предложение было принято. Глава турецкой делегации Исмет-паша (Иненю) выразил удовлетворение по поводу присутствия в зале заседаний русско-украинско-грузинской делегации, без участия которой вопрос не может быть решен, и кратко сказал о значении для Турции находящихся на ее территории проливов.

Керзон недовольным тоном спросил Исмет-пашу, не желает ли он чего-нибудь добавить, поскольку его выступление было слишком сдержанно. Исмет-паша уклонился от пояснений.

Выступивший затем Чичерин огласил текст советской декларации, требовавшей свободы торгового мореплавания через проливы, закрытия проливов для всех военных судов, кроме турецких, и предоставления Турции права укреплять проливы по собственному усмотрению по всем правилам современного военного искусства.

Когда Чичерин закончил чтение, Керзон, насмешливо улыбаясь, попытался иронизировать:

— Вероятно, господин Чичерин, кроме тех трех государств, которые он здесь представляет, представляет и четвертое, а именно Турцию…

Исмет-паша с достоинством отпарировал:

— Я не нахожу нужным в настоящую минуту развивать конкретные предложения и отмечаю лишь то, что среди сделанных заявлений русское наиболее соответствует турецкой

точке зрения, хотя Турция примет в соображение и все остальные декларации.

Чичерин настойчиво потребовал, чтобы приглашающие державы изложили свою позицию. Лорд Керзон, разыгрывая недовольство, сказал, что приглашающие державы сначала хотели послушать прибрежные государства, и объявил первое заседание закрытым. Пока что он уклонялся от поединка.

Бой разгорелся на следующем заседании комиссии, когда Керзон решил «разгромить» советскую делегацию.

Он назвал советские предложения парадоксом, пытался искать в них какие-то ошибки. Каким-то странным образом позиции сторон оказались «перевернутыми», утверждал Керзон и пояснял: в отличие от своей позиции в XIX веке западные державы в настоящее время не имеют никакого желания препятствовать проходу русских военных судов через проливы, а Россия в отличие от своей прошлой позиции сама желает сделать такой проход невозможным.

— Чем тщательнее мы рассматриваем русскую программу, — уверял Керзон, — тем яснее обнаруживается, что она имеет в виду лишь одну цель, а именно: превратить Черное море в русское озеро с Турцией в качестве верного стража у дверей.

Делегаты Франции, Италии, США ничего нового не добавили. Чичерин же тотчас сделал свои замечания.

Верно, что роли России и западных держав перевернулись. Советская Россия отказалась от империалистических целей и внушает восточным народам лишь чувства дружбы и симпатии. После отказа России от Константинополя и проливов возможны две комбинации: или закрытие проливов и суверенитет Турции, то есть средостение, или международная комбинация, которая перенесет в эти места всеобщее соперничество…

Нарком игнорировал высокомерный тон Керзона, его амбицию, желание не предлагать, а только повелевать. Импровизированное выступление Чичерина было лишено салонных любезностей. Он назвал вещи своими именами:

— Слушая председателя, я имел впечатление, что его главная идея — создать систему, направленную против России. Мы вам предлагаем мир, а вы продолжаете борьбу. Революция сделала из русского народа нацию, вся энергия коей сосредоточилась в его правительстве с неслыханной в истории мощью. Если ему навязать борьбу, он не сдастся.

На третьем заседании комиссии, 8 декабря, сразу же, как только Керзон объявил его открытие, Чичерин вновь подверг сокрушительной критике позицию английской делегации. Он заклеймил империализм Англии, которая пытается диктовать

условия всему миру и навязывать свои требования Советской России.

Отказавшись от агрессивных целей, новая Россия желает сохранить плотину против нападений других, говорил нарком, и та же Великобритания, которая когда-то стремилась защитить этой плотиной свою мировую мощь, желает сегодня воспользоваться кратковременным ослаблением России и установить эту старую плотину проливов. Мир не укрепляют, когда нагромождают военные силы, как в этом столь часто упрекали Бисмарка государственные люди приглашающих держав.

Мир укрепляют, когда разделяют враждебные силы.

На этом заседание было прервано, западные державы решили обсудить советскую точку зрения. На вечернем заседании Чичерин потребовал участия советской делегации в работе всех комиссий. Керзон нагловато заявил, что Россия «не имеет права» участвовать в обсуждении вопросов демилитаризации проливов. Почему? Керзон предпочел отмолчаться.

Чичерин заявил устный протест, а наутро подкрепил его письменным. Ответа не последовало. Позже стало известно, что именно в этот день начались сепаратные переговоры о режиме проливов между турецкой делегацией и представителями союзных держав. Советская делегация оказалась устраненной и от участия в работе комиссии. Чичерин потребовал создания подкомиссии для обсуждения всех внесенных проектов и разработки единой точки зрения. Его поддержали турки, но англичане и их союзники не согласились.

Почти каждый день Чичерин встречался с руководителем турецкой делегации. Он видел, как ей тяжело противостоять шантажу англичан. Используя состояние политических отношений в Европе и, в частности, на Балканах, Чичерин разоблачал англичан и показывал, что «руки у них не так уж длинны», что за спиной Англии Франция добивается заключения выгодного ей сепаратного договора с Турцией.

Да, между Генуей и Лозанной была большая разница. Английские дипломаты избегали встреч с советскими дипломатами. Керзон обставлял каждое предложение о такой встрече многими оговорками. Представитель английских нефтяных кругов Риккет рассказывал:

— Враждебная линия Керзона не соответствует настроениям английского общественного мнения. Последнее, как и само правительство, за исключением Керзона, горячо желает соглашения с Россией. Керзон будет, может быть, считать личным успехом, если он привезет договор с Турцией без участия России,

но Англия увидит в этом неудачу, и это будет для него пиррова победа…

Прибывший из Лондона для переговоров с советскими делегатами крупнейший представитель английских деловых кругов Дж. Армстронг при встрече с Чичериным разъяснил, что без Керзона ничего нельзя сделать, так как в Англии правительство не желает вмешиваться в дела ведомства, которое ведает иностранными делами. С этим приходилось считаться.

Через третьих лиц Чичерин узнал, что Керзон готов с ним встретиться, но при условии, если советский дипломат попросит его об этом. Бывший вице-король Индии высокомерно давал понять, что не желает первый делать шаг навстречу «красному» наркому. Даже английских дипломатов шокировало поведение их министра. Они оправдывали его тем, что он хранит традиции Форин оффиса, да к тому же болен, страдает подагрой.

Встреча все же состоялась. Перед ее началом упрямый англичанин заставил Георгия Васильевича некоторое время ждать себя. Нарком не остался в долгу.

— Сэр, — были его первые слова, обращенные к министру, — в будущем прошу вас не забывать, что фамилия Чичериных была внесена в столбовые списки на столетие раньше, чем фамилия Керзонов.

— Что вы хотите сказать? — опешил Керзон.

Чичерин, бросая вызов английским дипломатическим традициям, без обиняков заявил, что ему крайне желательно знать, какую линию займет новое английское правительство, желает ли оно развивать отношения с Советским государством.

— Это зависит от России, — сухо ответил Керзон.

Наступило неловкое молчание. Керзон не выдержал:

— Мне известна масса речей, произнесенных русскими агентами против Англии на Востоке, если вы эту антианглийскую пропаганду прекратите, то через два месяца отношение Англии к вам радикально изменится.

— Что такое пропаганда? — спросил его Чичерин. — У нас имеется правительство, имеется официальный аппарат, служащие правительства, и правительство со всем своим аппаратом обязуется не вести никакой пропаганды; но оно не может предусмотреть того, что какой-нибудь частный гражданин где-нибудь что-нибудь скажет… Мы не можем заставить члена Коммунистической партии перестать высказываться в качестве коммуниста.

Разговор принял острый характер. Чичерин все же высказал все претензии. Из ответов Керзона он понял, что тот не желает трезво оценить положение, как это умел делать Ллойд Джордж.

Из этой единственной беседы нарком вынес одно впечатление — при Керзоне никаких серьезных соглашений с Англией вообще быть не может. Керзон с трудом скрывал свою ненависть к советским представителям, этого твердолобого английского политика нельзя было сдвинуть с места. Нужно было апеллировать к общественному мнению. Буржуазные круги страшились распространения правды о советских идеалах, о стремлении России к улучшению отношений. Чичерин и все члены делегации в свободное время встречались с журналистами, рассказывали им о целях советской делегации, комментировали ход конференции, разъясняли политику социалистического государства. В иностранной печати часто появлялись интервью наркома журналистам.

Противники не оставались в долгу. О советских делегатах сочинялись различные пасквили, черносотенные листки открыто призывали к расправе над ними, местные власти создавали нетерпимую атмосферу вокруг них.

18 декабря Керзон внес еще один проект о проливах, который якобы учитывал пожелания Турции. О советском проекте он, конечно, не сказал ни слова. Чичерин с большим вниманием выслушал английского делегата и, в свою очередь, выступил с заявлением. Он отметил, что исправленный проект проникнут антисоветскими устремлениями, угрожает России, ведет к морским вооружениям, препятствует миру.

Керзон разочарован, он сделал вид, будто рад пойти навстречу русским, но для этого нет возможности.

На следующий день англичане от имени союзных держав отвергли советские предложения, несмотря на то, что накануне Керзон утверждал, что для их изучения потребуется полгода.

— Первый британский делегат, — комментировал Георгий Васильевич английский маневр, — хочет представить Россию и ее союзников как изолированных. Но мы имеем мощного союзника — это плательщик налогов во всех странах. Это наш союзник завтрашнего дня, он поймет, что система, которую хотят применить завтра, для увеличения сфер морских действий, система увеличения морских сил, система создания угроз против России приведет к увеличению расходов и крупным лишениям для масс.

Советская делегация, не имея возможности оказывать какое-либо влияние на переговоры, небезучастно ожидала развития событий и энергично разоблачала махинации западных держав. 10 января 1923 года секретариат конференции вынужден был признать, что действительно западные делегации ведут закулисные переговоры.

В бесконечных стычках прошел январь, а 1 февраля Чичерин выступил с советской декларацией. В ней отмечалось, что после шести недель, проведенных в вынужденном бездействии, был выработан «Проект конвенции по вопросу о режиме проливов». В этом проекте много изменений, которые явились результатом «подпольных переговоров».

— Мы имеем дело с проектом конвенции о проливах, выработанным без участия России, Украины и Грузии, — отметил нарком.

В зале замешательство, Керзон спешит на выручку.

— Вы сами виноваты… С русской стороны произнесено много речей, значит, она могла сделать все для нее нужное.

Керзон лицемерил, не заботясь ни о личном престиже, ни о достоинстве своей страны. Он добивался поставленной английскими империалистами цели.

Ему ответил нарком. На этот раз его выступление продолжалось дольше обычного, но никто не перебивал его. Западные дипломаты разыгрывали деланное равнодушие, их лица выражали скуку: зачем ломать копья, когда все предрешено?

Не для сидящих в зале говорил русский представитель. Его выступление было рассчитано на народы, их беспристрастное суждение важнее оценок дипломированных чиновников.

— Что касается до существа вопроса, — говорил Чичерин, — то слишком поздно продолжать обсуждение его. Но я хочу сделать одно замечание. Слова председателя о том, что решение о морских силах зависит от России, означают, что Россия должна вооружаться. Вот совет, который нам дан. Если конвенция будет подписана без России, Украины и Грузии, они останутся совершенно свободными и сохранят за собой полную свободу действий, а вопрос о проливах и впредь останется открытым.

Делегации России, Украины и Грузии не согласились с проектом приглашающих держав. Они предупредили, что будут неизменно продолжать свое противодействие всякой политике порабощения и насилия, выражением которой явился этот проект. Это было последнее заседание. Конференция прервала свою работу, и через несколько дней советская делегация покинула Лозанну.

Борьба советской делегации внешне казалась безрезультатной. Многие задавались вопросом: неужели Чичерин, этот крупнейший дипломат, надеялся выиграть сражение, будучи в одиночестве? Нет, Чичерин не был столь наивен, он прекрасно понимал, что в Лозанне нельзя одержать победы с точки зрения рутинной дипломатии. Лозанна была трибуной, с которой Советская Россия обращалась непосредственно к народам

капиталистических стран, вызывала у них чувства неприязни к политике своих правительств. Лозанна дала тот полезный опыт, который подсказал позже решение о пользе вступления Советского Союза в Лигу наций. Но не только в этом было значение Лозанны. Турции не удалось бы многого достигнуть, если бы она не испытывала моральной поддержки Советской России. Турецкая армия разгромила своих врагов на полях битв, с помощью России она добилась больших уступок у великих держав. Почему в моменты величайшего напряжения отношений между Турцией и Западом, в особенности в момент перерыва Лозаннской конференции, не была возобновлена война и громадные силы Англии не были брошены на маленькую Турцию? Из-за Советской России, говорил Чичерин.

Опять Берлин, опять беседы с самыми различными представителями. Чичерин не жалеет времени, он хочет уяснить себе здешнюю обстановку. Немцы озабочены событиями в Руре. Лозаннская конференция и тем более заботы о проливах их не трогали, хватало собственных.

С момента возвращения из Лозанны и позже Чичерину не раз пришлось выступать против неправильных оценок германо-французских противоречий и их влияния на отношение этих двух стран к Советскому Союзу. Конечно, бурные события в Руре вызвали опасения, что в Европе назревает кризис. Но это отнюдь не должно было, как считали некоторые, привести к военному конфликту. Он был не согласен с таким выводом и тем более выводом, что нужно ввиду этого пересмотреть всю советскую внешнюю политику. Нарком настойчиво убеждал, что даже если принимать во внимание Рур, на первом месте стоят англо-французские, а не франко-германские противоречия. В этом его убеждала Лозаннская конференция, это подтверждали беседы в Берлине, многочисленные наблюдения, весь анализ сложившейся европейской обстановки. В ответ ему приводили исторические параллели, вспоминали 1871 и 1914 годы и утверждали, что Германия всегда имела столкновения с Францией и нынешняя ситуация повторяет прежние. Такие рассуждения выглядели академически убедительно, но противоречили конкретной ситуации момента. Чичерин видел это и горячо отстаивал свою точку зрения.

— Для марксиста это весьма странная ссылка, это скорее напоминает Экклезиаста: нет ничего нового под солнцем. Думаю, что марксизм и Экклезиаст несовместимы. Что бы ни было в прошлом и что бы ни могло произойти в будущем, Германия сейчас не может вести войну с Францией, — утверждал он.

Одновременно нарком выступил против неоправданных

опасений, возникших у некоторых его коллег под впечатлением воинственного поведения Керзона. Несмотря на всю непримиримость Запада и особенно Англии, Чичерин не верил в новую интервенцию. Свои выводы он обосновывал точным анализом противоречий империализма и убедительно доказывал, что единой коалиции, которая была бы необходима для интервенции против Советского Союза, уже не было, капиталистический мир раздирался противоречиями между странами-победительницами и странами-побежденными, между отдельными странами в каждой из этих группировок. Да и внутри каждой группировки была борьба, а внутри каждой страны действовали внутренние противоречия, сложные, жестокие, неразрешимые. Шумным угрозам не следует придавать значения. «Кое-кто склонен рисовать такую схему, — пишет Чичерин 13 мая 1923 года Крестинскому. — Запад надеялся на нэп, надеялся на наше обуржуазивание, теперь он в этом разочаровался, неожиданно мы укрепились, и он хочет этому помешать… С рабочим классом повсюду расправились, и поэтому остается последнее — устроить еще раз, но в более грандиозных размерах, интервенцию у нас. По совершенно понятным соображениям я отношусь к такой схеме, в особенности в ее последней части, с большим скептицизмом».

Неустанные разъяснения Чичериным международной ситуации, его выступления с яркими, по-научному обоснованными оценками расстановки политических сил в Европе помогали борьбе советской дипломатии против новых наскоков английских империалистов на СССР.

8 мая английский представитель в Москве Ходжсон посетил НКИД и передал пространный меморандум, получивший название «ультиматума Керзона». В меморандуме в резкой, почти грубой форме излагались те же мысли, которые высказал Чичерину Керзон в Лозанне. Советская Россия обвинялась в антианглийской пропаганде и подрывной деятельности на Востоке. Керзон требовал отзыва советских полпредов из Ирана и Афганистана, возмещения ущерба, понесенного Англией в результате расстрела английских шпионов на территории России. Англичане бесцеремонно вмешивались в советские внутренние дела. Заканчивался меморандум так: «Правительство Его Величества не имеет ни желания, ни намерения вступать в длительный и, возможно, неприятный спор по какому бы то ни было из перечисленных вопросов: но, если в течение 10 дней по получении сего сообщения Комиссариатом Иностранных Дел Советское правительство не примет на себя полного и безусловного удовлетворения требований, предъявленных в сем

меморандуме, Правительство Его Величества будет считать, что Советское правительство не желает поддерживать существующих между ними отношений».

«Ультиматум» вызвал волну антисоветских настроений в Европе, зашевелилось белогвардейское охвостье.

В это время в Лозанне проходил второй этап переговоров с Турцией. Там находился советский наблюдатель Воровский. Для него были созданы невыносимые условия, враждебные элементы вели злобную кампанию, подстрекали к провокациям. Швейцарское правительство отказалось гарантировать неприкосновенность советских представителей. В печати велась усиленная пропаганда за то, чтобы «убрать из Швейцарии большевиков».

Вся эта кампания закончилась трагически. 10 мая 1923 года Воровский и два сопровождавших его сотрудника НКИД обедали в пустом зале отеля «Цецилия». В зал вошел человек, приблизившись, он неожиданно выхватил револьвер и выстрелом в затылок убил Воровского и ранил бывших с ним товарищей. Убийца — белогвардеец Конради — не был даже задержан.

Воровский в ночь перед смертью писал: «Мы сидим здесь в качестве наблюдателей. Однако нас хотят выжить если не мытьем, так катаньем. В воскресенье заявились в отель несколько юношей с каким-то аптекарем во главе и, объявив себя делегацией «национальной лиги», начали было речь о моей позиции по отношению к швейцарскому правительству. Я их не принял… Теперь они бегают по городу, кричат всюду, что заставят нас силой уехать из Швейцарии и т. п. Принимает ли полиция какие-либо меры для нашей охраны, нам неизвестно; внешне этого не видно».

На следствии выяснилось, что Конради до убийства Воровского ездил в Берлин, чтобы там выяснить возможность убийства Чичерина или Красина. Но там покушение не удалось.

Год спустя на открытии памятника Воровскому, сооруженного в Москве на средства, собранные среди сотрудников НКИД, Чичерин говорил:

— Товарищи, перед стенами нашего комиссариата этот памятник является вечным напоминанием той боевой роли, которую наша красная дипломатия играет на передовом посту нашей мировой борьбы. Она остается и всегда будет оставаться верна своему славному знамени. Она будет достойна того трагически погибшего товарища, утрату которого мы сегодня еще раз оплакиваем…

Советский Союз крепил свою экономическую и оборонную мощь. Но это делалось не для войны, что бы там ни кричали

зарубежные обозреватели. «Мы нуждаемся в мире и желаем способствовать всеобщему миру, и мы первые не нарушим мира, но мы не толстовцы и непротивленцы, и, если нас принудят драться, мы будем драться», — говорил Чичерин.

Английская угроза не оказала влияния на развитие отношений Советского Союза со странами Востока. С большой энергией брался нарком за все, что было связано с восточной политикой. Он выдвинул задачу максимальной активизации этой политики и усиления помощи народам Турции, Персии, Афганистана, Монголии и Китая в их национальной освободительной борьбе. К этому времени с этими странами были установлены нормальные дипломатические отношения.

По указаниям наркома НКИД активно изучал все доступные материалы о национально-освободительной борьбе угнетенных народов Востока, готовит предложения о помощи этим народам в их борьбе. В письме полпреду СССР в Персии Шумяцкому 1 марта 1923 года Чичерин писал, что на почве совместной борьбы советских республик и восточных народов против мирового господства западного империалистического капитала возможно развитие отношений с народами Востока, что явилось бы одной из главнейших составных частей всей мировой политики и исторической миссии Советского государства в данный период. Царская политика в отношении Ирана преследовала цель не допускать его самостоятельного развития, задача же Советской страны — сделать все для развития Ирана, его производительных сил, помочь ему в борьбе против посягательств западных стран на независимость страны.

Рос международный авторитет Советского Союза, улучшилось его внутреннее положение. С особым удовольствием отмечал это Чичерин. Его попросили однажды выступить на Первой сельскохозяйственной и кустарнопромышленной выставке в Москве. Он охотно согласился, ведь выставка наглядно опровергала распространенную на Западе точку зрения, что Россия живет за счет прошлого, что большевики не умеют хозяйничать и стране грозит банкротство. По свидетельству очевидцев, когда над выставкой пролетел самолет — по тем временам необычайная новинка, — никто даже не шелохнулся, так захватила всех страстная речь наркома. Свое выступление Чичерин закончил словами:

— Ни на минуту мы не должны забывать, что мы являемся лишь одной Красной республикой, точнее Союзом республик в капиталистическом окружении, что время опасности для нас не миновало, что нам придется, может быть, еще жертвовать очень и очень многим для этой борьбы, но те необыкновенные жизненные

силы, которые проявляются в творческой работе Советских республик, которые мы видим воочию на этой выставке, они служат нам порукой, что трудящиеся массы Советских республик так же победоносно пройдут через новые испытания, которые, может быть, для них готовятся, как они прошли через все прошлые испытания, и с этой уверенностью, с этой надеждой на будущее мы можем здесь, *глядя на все эти богатства, открываемые нашей выставкой, с величайшим оптимизмом смотреть в будущее и можем с полной уверенностью сказать, что мы завоевали уже для себя новый строй — строй освобожденного труда, и что уже вступили на тот путь, вступили в тот период, когда мы являемся авангардом, когда скоро, может быть, наш строй сделается строем всех стран, сделается строем всего мира.*

Успехи Советского Союза, как никогда, стали ощутимы и на внешнем фронте. К концу 1923 года многие буржуазные государства готовы были пойти на установление дипломатических отношений. Ленинская дипломатия в результате упорной шестилетней борьбы добилась осязаемой победы, капиталистический мир отступал, признавая Советское государство, возглавляемое большевиками.

…30 мая 1928 года было торжественно отмечено 10-летие деятельности Георгия Васильевича Чичерина на посту народного комиссара. С конца 1926 года он подолгу болел, выезжал несколько раз на лечение за границу. В 1930 году по состоянию здоровья его освободили от занимаемого поста.

Умер 7 июля 1936 года.

С. Зарницкий, А. Сергеев. Чичерин.

Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., «Молодая гвардия», 1975.

Сергей Миронович Киров

Родился 15(27) марта 1886 года в городе Уржуме Вятской губернии в бедной семье (настоящая фамилия — Костриков). Учился в Уржумском городском училище, потом окончил Казанское промышленное училище с дипломом механика. В Казани вступил в подпольный кружок, участвовал в студенческом движении. В 1904 году переехал в Томск, где начал работать в подпольной социал-демократической организации. В годы первой русской революции руководил стачками рабочих и демонстрациями в Сибири, неоднократно арестовывался. В 1905 году избирается членом Томского комитета РСДРП. Около двух лет провел в заключении. В мае 1909 года перебирается на Северный Кавказ, где продолжает активную революционную работу, выступает в печати. После революции становится членом Владикавказского Совета. Делегат II съезда Советов, участник Октябрьской социалистической революции. В 1918–1919 годах руководит вооруженной борьбой с контрреволюцией на Северном Кавказе и Нижней Волге. С 8 апреля 1920 года — член Кавказского бюро ЦК РКП(б), с июля 1921 года — секретарь ЦК Компартии Азербайджана. На XII съезде РКП(б) впервые избирается членом ЦК партии…

Киров был в совершенно несвойственном ему удрученно-тревожном настроении, когда на исходе 1925 года открылся XIV съезд партии. Сергей Миронович писал жене Марии Львовне:

«Из газет ты узнаешь, что на съезде у нас идет отчаянная драка, такая, какой никогда не было. Читай аккуратно «Правду», будешь в курсе дела. В связи с этой дракой здесь стоит вопрос о посылке меня на постоянную работу в Ленинград. Сегодня об этом говорили очень определенно. Я, конечно, категорически отказываюсь. Серго также против моей посылки туда. Не знаю, чем это кончится. Через неделю, а быть может, раньше, съезд закончится, немедленно выедем домой».

То, что Киров назвал в письме отчаянной дракой, было развернувшейся на съезде острой борьбой против зиновьевско-каменевской «новой оппозиции».

Страна тогда завершала восстановление народного хозяйства. Она крепла день ото дня, шла к социализму. XIV партийная конференция подтвердила ленинское положение о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране — в СССР. Но экономика страны приближалась лишь к уровню отсталой царской России, и удовлетвориться этим было нельзя. XIV съезд партии обсуждал, как ускорить движение к социализму. Проводить в жизнь ленинский план индустриализации страны — одно из основных решений XIV съезда. Зиновьев и Каменев отвергали ленинский план, считая, что построить социализм в СССР не удастся, раз нет революций на Западе. Всего лишь весной 1925 года оба они критиковали Троцкого, твердившего примерно то же. Потом сами скатились к троцкизму и сколотили, главным образом в Ленинграде, «новую оппозицию». Съезд разоблачил меньшевистскую суть этой оппозиции, осудил ее, призывая зиновьевцев-каменевцев не подрывать единства партии, отказаться от раскольнической обособленности. К этому на съезде призывал раскольников и Сергей Миронович, говоря, что им пора выбраться из своего ленинградского обособленного уголка:

— Выйдите вот сюда, товарищи. Здесь, в этом зале, где заседают представители всей нашей Коммунистической партии, мы действительно единодушно разрешим все те вопросы, которые стоят перед нами, и прекратим то, что делается в первой советской столице, на родине Коммунистической партии, в Ленинграде.

Однако главари «новой оппозиции», потерпев поражение, не подчинились воле съезда и ринулись в Ленинград, пытаясь превратить его в свою цитадель.

Оттого после съезда Сергей Миронович вопреки своим предположениям не вернулся домой. ЦК ВКП(б) направил его в Ленинград, куда Серго Орджоникидзе втихомолку послал записку, адресованную товарищам, не причастным к оппозиции:

«Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяца через два все будет сделано. Киров — мужик бесподобно хороший, только, кроме вас, он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха».

Не ограничиваясь этим, Серго добавил:

«Ребята, вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды».

Сергею Мироновичу отвели комнату в «Европейской гостинице», о нем заботились, но ему было не до квартиры, не до еды. По его выражению, работы хватало на двадцать четыре часа в сутки. Приехав 5 января 1926 года, он писал жене на третий день:

«Положение здесь очень тяжелое…»

Очень тяжелое. Главари «новой оппозиции» внесли разлад в партийные ряды. Через своих приверженцев, рассевшихся в губкоме и райкомах, они повлияли на значительную часть рабочих, интеллигентов. Повели за собой и множество юнцов, из тех, кого уговорили, будто они пуп земли, партийной и комсомольской. Не гнушались ни ложью, ни клеветой, ни расправами над честными большевиками, отстаивающими генеральную линию партии. Не то что в Азербайджане — в Баку. Там партийные и непартийные большевики умом и сердцем восприняли — уже нет Ленина, Ленина нет, и оттого единство еще во сто крат важнее, чем прежде. Там вылазки троцкистов, национал-уклонистов и всех иных оппозиционеров неизменно получали отпор.

— Большее единодушие, чем у нас в Азербайджане, пожалуй, редко где найдем, — по праву говорил Киров в 1924 году.

Сокрушить оппозиционеров, воссоздать единство в Ленинграде необходимо было немедленно. Что бы ни твердила «новая оппозиция», сомкнувшись с троцкизмом, все сводилось к неверию в рабочий класс, к неверию в возможность построить социализм в нашей стране.

С этим капитулянтством не могло быть ни примирения, ни подобия примирения. Иначе как двигаться дальше, как призывать трудящихся завершить восстановление народного хозяйства и реконструировать его, развернуть индустриализацию, намеченную XIV партийным съездом? Иначе нечего сказать миллионам безработных, все еще насчитывающихся в городах. Иначе в глаза нельзя будет смотреть тем, кто во имя революции сидел в царских тюрьмах, отбывал каторгу. Тем, кто сражался на фронтах в годы гражданской войны и интервенции.

По поручению ЦК ВКП(б) в Ленинграде вместе с Кировым находились некоторые виднейшие партийные деятели, в том числе старые петербуржцы Михаил Иванович Калинин и Григорий Иванович Петровский. Они не затевали кабинетных споров с главарями оппозиции. Чтобы поскорее оставить зиновьевско-каменевских главарей генералами без армии, было гораздо лучше, по выражению Кирова, брать, опрокидывать коллективы — идти к рабочим и говорить им чистейшую правду о

XIV съезде, убеждать, убеждать, убеждать их, отвоевывая у оппозиции одну партийную организацию за другой. Сергей Миронович выступал среди тысяч и тысяч рабочих. На «Электросиле», считавшейся оплотом зиновьевцев. На фабриках «Красный ткач» и «Красный маяк». На Монетном дворе. На заводе имени Егорова. На объединенном партсобрании заводов «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат». У комсомольских активистов Выборгской стороны.

Рабочие правильно понимали и хорошо известных посланцев ЦК ВКП(б), и нового для ленинградцев деятеля Кирова, и всех других, кто был за генеральную линию партии. Оппозиционерам рабочие говорили: «Довольно споров, не мешайте трудиться, убирайтесь».

Многие коммунисты, целые коллективы требовали, чтобы оппозиционных главарей немедленно разогнали. Это требование, как ни странно на первый взгляд, пришлось по душе зиновьевским губкомщикам и райкомщикам. Им хотелось выглядеть страдальцами — последний козырь в безнадежной игре. Но и последний козырь они проиграли, не получив его, потому что Киров противился каким-либо нарушениям демократии: пусть выразят свою волю партийные конференции.

С конференциями он не спешил, хотя положение резко улучшилось буквально в считанные дни. 15 января Сергей Миронович говорил:

— Я думаю, что здесь, в Ленинграде, мы с полным правом можем сказать, что большинство членов партии ленинградской организации вышло на правильную дорогу.

Киров и другие посланцы ЦК ВКП(б), все активные ленинцы, продолжали выступать на предприятиях, несли ленинскую правду о съезде в гущу рабочих. Сергей Миронович 16 января писал Марии Львовне:

«Не обижайся, что пишу мало, очень я занят, работаю, ни минуты нет свободной… Занят так, что даже на улице не был ни разу, бываю только в машине… Каждый день на собраниях».

В первой половине февраля районные и губернская партийные конференции, осудив оппозицию, выразили свою верность генеральной линии партии.

Кирова избрали первым секретарем губкома ВКП(б).

За редкими исключениями, заблуждавшиеся рабочие порвали с оппозицией. Комсомольцы, совращенные зиновьевцами, опомнились, утихомиривались. Самых петушливых по предложению Кирова посылали учиться. Они впоследствии там же, в Ленинграде, и работали, получив дипломы инженеров, преподавателей. Все они пережили Кирова.

В конце декабря 1926 года Сергей Миронович говорил: партийная организация блестяще добилась того, что генералы оппозиции в Ленинграде остались без армии. Через месяц Киров подтвердил это:

— Шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно.

Еще много раз партия давала бой тем, кто поднимался против ленинского курса. Зиновьевцы и троцкисты, спевшись, образовали антипартийный блок. Возник бухаринско-рыковский правый уклон. Выныривали право-левые. Однако в Ленинграде уже не было разлада.

Все, кто шел против партии, все оппозиции, группки, уклоны, загибы терпели поражение. Шлагбаум по дороге в Ленинград для них окончательно закрыли. Партийная организация сохраняла почетное звание передового отряда ленинской партии. Великий город революции вновь был крепостью большевизма.

Это имело отнюдь не местное значение.

Уже идейный разгром зиновьевцев в их главном центре, на берегах Невы, принес партии огромную пользу — замедлил, пресек расползание «новой оппозиции» по стране. И сбылось предвидение Орджоникидзе, писавшего после XIV съезда, что восстановить единство в ленинградской организации Сергей Миронович сумеет быстро и наиболее безболезненно. Старого большевика, будущего наркома лесной промышленности СССР Семена Семеновича Лобова, работавшего в середине двадцатых годов в Ленинграде, поражало, как трудился и как держал себя Киров в пору тяжких сражений с оппозиционерами. Они навязывали небывалые в большевистской партии, уродливые формы борьбы, а Сергей Миронович всем выпадам и позорным выходкам зиновьевцев противопоставлял ленинскую принципиальность, наистрожайшую правдивость, спокойствие и терпеливость. Он побеждал, сохраняя в партийной организации всех честных коммунистов, введенных в заблуждение главарями оппозиции. По свидетельству Лобова, эти блестящие победы, одержанные на глазах у всей страны, стали школой для множества большевистских деятелей, а Кирова заслуженно выдвинули в одного из основных руководителей партии, ее ленинского ЦК. Сергея Мироновича избрали кандидатом в члены Политбюро.

И чем ожесточенней приходилось партии в дальнейшем сражаться против уклонов и загибов, против разномастных оппозиционеров и перерожденцев, тем сильнее, мощнее на всю страну звучал голос Кирова, непоколебимого ленинца.

Он говорил на XV съезде ВКП(б):

— Можно, конечно, все утверждать, можно какие угодно ошибки найти, можно бичевать Центральный Комитет по поводу того или другого недостатка, но сейчас доказывать то, что нам хотят доказать, что единственным наследником великого учителя — Ленина — является Троцкий, я думаю, что ни один сколько-нибудь честный рабочий, ни один партиец ни на одно мгновение не могут эту действительно невозможную мысль допустить…

Каждый рабочий понимает, что когда нам говорят о недостатках, недочетах и пр., то мы, может быть, болеем во сто раз больше, чем товарищи из оппозиции, по поводу недостатков, недочетов и извращений в нашей работе и практике. Но мы знаем вместе с нашими рабочими: то, что пять лет назад являлось пропастью, разорением, нищетой, нуждой и голодом, теперь сменяется достижениями, которые могут удивлять не только европейских рабочих, являющихся нашими друзьями по самой своей природе, но и кое-кого другого…

Для того, чтобы нам успешно, без помехи продолжать наше дело, для того, чтобы нам пожелать, посочувствовать и по чувству человечества не трепать нервов представителей оппозиции, я думаю, на теперешнем XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом… Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам!

На XVI съезде, за две недели до избрания Кирова в члены Политбюро, снова прозвучал его голос:

— *Генеральная линия партии заключается в том, что мы осуществляем крепкий курс на индустриализацию нашей страны,* на основе этой индустриализации мы проводим перестройку нашего сельского хозяйства на началах обобществления, коллективизации…

Правые выступили совершенно открыто и решительно против взятых партией темпов индустриализации страны. Их проповедь «равнения на узкие места», снижения темпов индустриализации в конечном итоге неизбежно привела бы к срыву индустриализации страны и ее социалистического преобразования…

Партия не пошла по этому пути. Партия взяла еще более решительный курс на осуществление своих ленинских лозунгов и развернула напряженную борьбу с правыми оппортунистами…

У нас принято думать, что троцкизм — это неизбежное скатывание в лагерь контрреволюции. Это верно, но верно также и то, что правооппортунистические дела, если на них настаивать по-серьезному, могут завести весьма и весьма далеко, откуда

выбраться будет чрезвычайно трудно…

На XVII съезде ВКП(б):

— Миллионы рабочих, с ними в союзе еще бо́льшие миллионы крестьян во главе с твердой, железной, стальной ленинской партией пошли в бой. В этом бою, товарищи, нам пришлось потерпеть немало отдельных неудач и невзгод, но в итоге мы вышли к XVII съезду партии на такие новые победные высоты, что все эти изъяны и все эти недочеты стушевываются перед величием наших побед… Впереди еще очень много хлопот и забот для всей партии, для каждого из нас и для всего рабочего класса. И может еще случиться, что кое-кому, отдельным товарищам, а может быть, отдельным группам снова придется кое в чем разочароваться; это не исключено… То, что мы победили, то, что сейчас эти разбитые оппозиционеры пытаются всячески подладиться к нашим победам, это еще ни в какой степени, товарищи, не снимает с порядка дня вопроса о том, что нам и впредь нужно беречь чистоту и неприкосновенность генеральной линии нашей партии.

Как и в борьбе за ленинское единство партии, год от года возрастала роль Кирова в развитии промышленности. Особенно ощутимо это было, разумеется, на одном из решающих участков социалистической индустрии, на ленинградском ее участке.

Уже в начальную пору работы в Ленинграде, пока велись сражения с «новой оппозицией», Киров увидел многое такое, чего до него не видели или видели, но неправильно истолковывали. Этот крупнейший промышленный центр застыл на распутье. Никто не представлял себе точно, в каком направлении он должен развиваться. Сомневались, стоит ли вообще развивать его.

— Считалось, что у города нет будущего, — вспоминал впоследствии Иван Федорович Кодацкий, председатель Ленсовета.

— Оппозиционеры с их фальшивыми гимнами городу революции думать не думали о его будущем, хотели превратить Ленинград в памятник его былому величию, в иждивенца страны, — добавлял Борис Павлович Позерн, старый большевик, ведавший в обкоме ВКП(б) пропагандой и агитацией.

— Кирову обязаны мы тем, что ленинградская промышленность стала арсеналом индустриализации страны, — говорил Михаил Семенович Чудов, второй секретарь обкома ВКП(б).

Доводы против развития ленинградской промышленности не высасывались из пальца. Империалисты готовились к нападению

на СССР, и первый удар мог прийтись по Ленинграду, пограничному городу. Ни сырья, ни топлива своего он не имел. Металл доставляли издалека. Доставляли издалека в свое время не только металл — импортировали детали машин и приборов. Каменный уголь петербуржцы зачастую называли кардиффом. И неспроста: антрацит получали из Англии, через порт Кардифф.

Прежние импортные связи нарушились, ухудшились или вовсе оборвались, и некоторые ленинградские предприятия действовали вполсилы, искали заказы.

В 1924 году сильное наводнение нанесло городу огромный ущерб. Года через два многие улицы еще оставались непроезжими. Пострадали и дома, да их и не ремонтировали давно. На Выборгской стороне сохранилась лишь половина довоенного жилого фонда, теснота донимала рабочих и за Нарвской заставой. Чтобы устранить последствия наводнения, требовалось лет пять. В довершение всего кормить Ленинград было труднее прежнего. Отъединялись, стали иностранными государствами Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, снабжавшие при царизме Петербург продуктами питания.

Советская страна располагала скудными средствами, и выходило, будто целесообразно вкладывать их лишь в районы, богатые сырьем и топливом, удаленные от внешних границ, а слишком рассчитывать на Ленинград нечего и незачем.

В пору было напомнить то, что Сергей Миронович говорил в 1924 году:

— Мы, как настоящие большевики, должны налечь на промышленное хозяйство как следует. Правда, мы народ еще не особенно искушенный в этом деле, мы пока только каменотесы, а не архитекторы государственного строительства… У нас в одном случае получается широко, а в другом — штанов не из чего сшить.

Киров глубоко изучил истинное положение, арифметическому мышлению противопоставил партийное. Решение XIV съезда укреплять обороноспособность страны, не поддаваться на провокации поджигателей войны, срывать их замыслы позволило сделать вывод: непосредственной угрозы Ленинграду пока не предвидится. А город обладает свободными фабрично-заводскими мощностями, умелыми рабочими, и здесь легче, чем где-либо, выиграть для индустриализации самое дорогое — время. Нужно только правильно выбрать профиль. Вот он: производство средств производства, выпуск продукции, которая ныне импортируется. И главное, строго учитывать факторы, не поддающиеся простому учету.

Чудову запомнился эпизод, относящийся к более позднему

времени. Работники обкома прикидывали, с чем Ленинград вступил в первую пятилетку. Подбили итог. Тем-то и тем-то богаты предприятия, научные организации, стройки. Столько-то имеется инженеров, техников, мастеров, рабочих. Еще и еще графы и пункты.

— Как юные экономисты, — улыбнулся Сергей Миронович.

И он, волнуясь, заговорил о факторах, не поддающихся простому учету. Обо всем, что, по его словам, очень часто оставляют за скобками. О том, что не укладывается в графы и пункты. Об уверенности партии в силах рабочего класса. О преданности рабочего класса делу социализма, ленинизма.

— Если хотите, можно кое-что и перечислить…

Чистота и единство партийных рядов. Раз. Стотысячная семья большевиков, и среди них почти две трети — рабочие от станка. Два. Шестьдесят тысяч рабочих-комсомольцев. Три. Беспартийный актив, особенно профсоюзный. Четыре. Пролетарская критика и самокритика. Пять. И всемерная поддержка ЦК ВКП(б). Быть может, это не шестой, а первый, второй или третий фактор. Семь: дружная помощь всей страны. И так далее.

— Итога нет, это бесконечно возрастающая величина…

Киров и раньше видел, как значительны такого рода факторы. Начав работать в Ленинграде, он, полностью поддержанный ЦК ВКП(б), учил использовать их. К концу 1926 года ленинградская промышленность уже давала пятую часть всех изготавливаемых в стране машин, половину всей химической и две трети всей электротехнической продукции.

— Все объективные условия говорят за то, что город Ленинград и ленинградская промышленность в деле индустриализации страны должны будут сыграть примерно ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли на всех этапах нашей великой революции.

Город выпускал оборудование для действующих и строящихся заводов и фабрик, для важнейших сооружений, которые вошли затем в золотой фонд советской индустрии. Ленинград стали называть арсеналом индустриализации.

Предприятия и стройки, а также сельское хозяйство нуждались во многих машинах и агрегатах, никогда не производившихся в России, и Киров требовал: побольше новых видов продукции взамен импорта, надо освобождаться от иностранной зависимости.

«Красный путиловец» в пустовавшей пушечной мастерской впервые изготовил пять тракторов. Заводу поручили освоить серийный выпуск их, но опыта было недостаточно, и некоторые

инженеры боялись, что трудностей не одолеть и что без помощи Форда не обойтись. В цехи, называвшиеся по старинке мастерскими, зачастил Киров. Именно тогда окрепла его дружба с краснопутиловскими коммунистами, со всеми рабочими — в одном из цехов завода он состоял на партийном учете. По воспоминаниям рабочих, секретарь губкома говорил им:

— Довольно нам фордов. Учиться мы готовы хоть у самого черта, если эта учеба идет на пользу социалистическому строительству. Но кто утверждает, что победивший пролетариат никогда ничему не сможет научиться, ничего не сможет освоить, тот дурак или враг. А когда народ строит социализм, ни дуракам, ни врагам ходу на этой стройке давать нельзя!

За несколько месяцев краснопутиловцы сделали четыреста тракторов. Одновременно налаживался выпуск турбин на Металлическом заводе, текстильных машин — на заводе имени Карла Маркса. Вступила в строй Волховская гидроэлектростанция.

В 1927 году удалось значительно обогнать довоенный уровень промышленного производства. Пустили завод «Электроприбор». Начали сооружать Свирскую гидростанцию. Металлический завод, «Красный путиловец», «Севкабель», Ижорский и Невский заводы выполняли заказы Днепростроя. Вступили в строй Сясьский бумажно-целлюлозный комбинат, мощный хлебозавод в Ленинграде, Кондопожская гидростанция.

Все достигнутое было лишь подготовкой к еще более крутому подъему в первой пятилетке. В Ленинграде не только строили предприятия. Заново создавались гиганты в стенах старых заводов — Металлического, Балтийского, «Красного гвоздильщика», Северной судоверфи.

Пятилетка требовала от ленинградцев все больших усилий. Наше машиностроение не выпускало таких очень нужных черной металлургии механизмов, как доменные подъемники, перекидные клапаны для мартенов, чугуновозные ковши большой емкости. Киров сказал: ленинградцы будут делать все это.

Новые виды продукции, выпуск которых впервые освоили ленинградцы, множились, их уже насчитывали десятками, а к концу пятилетки двумя сотнями, — и первые турбины в пятьдесят тысяч киловатт, и тракторы для пропашных культур и торфоразработок, и буровые станки, и пишущие машинки, и мотоциклы.

Ленинградские машиностроители первыми стали выпускать ртутные выпрямители, турбогенераторы и гидрогенераторы большой мощности, рентгеновские приборы.

Ленинградские химики первыми выпускали целлулоид,

фотопленку, искусственные лаки и цветной фарфор, многие новые лекарственные препараты, в которых была великая нужда.

Ленинградская марка значилась также на первых партиях корунда, фибролита, газобетона, тканей для приводных ремней, изделий из искусственного шелка.

Киров порой лучше, чем непосредственные руководители, видел, сколь велики скрытые возможности предприятий:

— Наша ленинградская промышленность может выполнять сейчас ответственнейшие технические задания, о чем мы сами иногда и не подозреваем.

Побывал Сергей Миронович на Ижорском заводе. Завод выполнял рядовые заказы. Изучение техники и кадров завода привело к тому, что ижорцам поручили изготовить первый советский блюминг. Шлифовальные камни, необходимые для обработки шарикоподшипников, тоже начали делать по совету Кирова. Большой завод, добиваясь заказа на лесопильные рамы, просил у Кирова содействия. Просил и получил такой ответ: надо делать более сложные машины, например банкаброши и ленточные машины для текстильных фабрик.

Иностранная фирма взялась поставить Днепровскому алюминиевому заводу печи «Миге-Перрон», мощные электродомны, такие, каких было лишь несколько во всем мире. Фирма обанкротилась. Предполагалось искать за рубежом нового поставщика, но по просьбе Кирова заказ доверили ленинградцам. Десять предприятий трудились, кооперируясь: и «Электросила», и Балтийский завод, и Ижорский, и «Большевик», и Северная судоверфь, и «Красный выборжец». Заказ выполнили.

Нередко новые производства осваивались туго, с перебоями, непомерными издержками времени, средств. Киров требовал, чтобы причины этих неурядиц тщательно изучались. В первую очередь он обращался к партийным руководителям. Надо не только изучать, но и обобщать причины. Не только обобщать, но и вести партийный коллектив, хозяйственников, рабочих к немедленному устранению недостатков. Не только к устранению, но и к заблаговременному предотвращению новых недостатков.

Сергей Миронович говорил об этом, в частности, секретарям райкомов партии Ивану Ивановичу Алексееву и Петру Ивановичу Смородину. Впоследствии они вспоминали, что Киров добавил: когда-то хорошему газетному репортеру полагалось прибыть на пожар по крайней мере за пять минут до пожара. Хотя шутка не больше, чем шутка, выводы напрашиваются резонные. И ставил в пример Ивана Ивановича Газа, секретаря горкома ВКП(б), бывшего рабочего, бывшего комиссара путиловского бронепоезда № 6, прославившегося в гражданскую войну. На предприятиях

рабочие теряли зря много времени. Сергей Миронович попросил Газа вникнуть в причины. Газа и его помощники на нескольких заводах в течение нескольких месяцев анализировали, как проходит у рабочего трудовой день. Глубокие обобщения позволили улучшить организацию производства везде и особенно там, где выпускают не привычную, а новую продукцию. Это уберегло от серьезных провалов.

А когда затруднения все-таки возникали, Киров поднимал на ноги фабрично-заводские партийные организации, райкомы, горком, обком. Если было необходимо, Сергей Миронович и сам помогал партийным работникам, и хозяйственникам, и инженерам, и рабочим, как на Металлическом заводе, где делали первую турбину для Днепростроя, как на «Светлане», где совершенствовали технологию производства, стремясь обогнать европейскую электропромышленность.

Сотни людей помнят, сколько бессонных ночей провел Сергей Миронович на «Красном путиловце», когда там не ладилось с тракторами. От трех тысяч тракторов в год — к десяти тысячам. Сразу, без передышки. Этого потребовали от краснопутиловцев. Вступали в действие — вводились в бой, как тогда выражались, — новые, хорошо оснащенные цехи. Все же было трудно. Поточное производство осваивалось медленнее, чем требовалось. Еще труднее было совладать с нытиками, маловерами. Тогда утро начиналось у Сергея Мироновича с того, что он в Смольном изучал заводскую сводку за минувшие сутки. Продумывал, как помочь руководителям. Ночью же ездил к рабочим, называвшим себя тракторщиками. Учил, как на ходу устранять недостатки. С ним работалось лучше.

Поныне не забыто выступление Кирова в заводском клубе. Сергей Миронович говорил о воле ударников-тракторщиков, о том, что только с виду грозен железный довод маловеров: выполнить программу-де технически невозможно. Быть может, Сергею Мироновичу вспомнились февральские дни и ночи 1921 года, доводы специалиста, который не верил, что бойцам по силам перебраться через заснеженные, оледенелые кручи, и утверждал, кажется:

— Это невозможно даже теоретически.

Красноармейцы тогда перешагнули недоступный зимой горный перевал Мамисон.

На «Красном путиловце» тоже предстояло взять неприступный перевал, и Киров бросил в замерший зал:

— Не знаю, готовы ли вы технически овладеть десятитысячной программой, но коммунистически вы к этому готовы и сможете не только выполнить ее, но и перевыполнить,

на то вы и краснопутиловцы…

Вместо десяти тысяч за год сошло с конвейера двенадцать тысяч тракторов.

Взяв разгон, краснопутиловцы в следующем, 1931 году дали стране почти втрое больше прежнего — тридцать две тысячи тракторов, выпуская одновременно и турбины, и драги, и паровозы, и вагоны, и двигатели для комбайнов, и подъемные краны, и транспортеры, и оборудование для электростанций, для металлургии, судостроения и химии.

Даже старым путиловцам вряд ли известно, что была тайна, которую Киров велел работникам обкома и горкома тщательно хранить в конце двадцатых годов. Завод делал тракторы марки «ФП» — «Фордзон-Путиловский», а в обиходе «Федор Петрович». Медлить с выпуском «Федоров Петровичей» было нельзя, а массовое производство не налаживалось. Новая техника соседствовала с допотопной. Всюду царила кустарщина. Не хватало квалифицированных рабочих, и в цехи, все еще называвшиеся мастерскими, нанимали обутых в лапти неповоротливых крестьянских парней. Как рассказывал краснопутиловец Герой Социалистического Труда Владимир Якумович Карасев, все валилось у них из рук.

— Эх ты, ухо от лоханки, — бывало, в сердцах обругают такого парня, а он только мелко крестится, молча озираясь на поломанный им станок.

Потомственный рабочий Петр Дмитриевич Никитин, бывший помощник командира легендарного путиловского бронепоезда № 6, говорил, что тракторные мастерские походили на боевые участки фронтов гражданской войны. Только бойцов тракторного фронта враг донимал иной — брак. Из-за него краснопутиловцы по месяцу, по целому кварталу не выполняли плана и на три четверти. Партийная и комсомольская организации звали атаковать план: «Все на производственные баррикады!» Газета-многотиражка подхлестывала тракторщиков: «Возьмем время за горло!» Душу бередили кумачовые лозунги: «Умейте революционно ненавидеть всякое зло, вредящее производству!»

Краснопутиловцы гордились своими, рождавшимися в муках, первыми тысячами «ФП». Однако земледельческие работники отказывались от них. Преклоняясь перед заграничной техникой, требовали валюты, лицензий — разрешений на ввоз американских «Фордзонов», «Катерпиллеров». Скандалили в сбытовых организациях, спорили в правительственных учреждениях. На одном из пленумов ЦК ВКП(б) Анастас Иванович Микоян раскритиковал любителей иностранщины, которые покупают «ФП» лишь из-под палки. На другом пленуме Валериан

Владимирович Куйбышев предостерег тех, кто наплевательски относится к «ФП»: «Это абсолютно неверная и вредная точка зрения».

Краснопутиловскому трактору настойчиво прокладывали путь на поля, где он, по выражению Куйбышева, сыграл огромную роль в коллективизации сельского хозяйства.

Пока же было условлено, что о нескончаемых сбытовых злоключениях «ФП» краснопутиловские рабочие ничего знать не должны. Это предложил Киров.

Он оберегал боевое настроение всех, кому приходилось туго на великой стройке, когда создавалась мощная индустрия, закладывался фундамент социализма.

Краснопутиловцам дали ответственное задание: выпускать автомобили «Л-1». Легковых машин прежде не делали у нас. Нужно было в кратчайший срок освоить иностранный опыт. Киров, как обычно, обратился к коммунистам: «Впереди должны быть вы».

В производство включились триста человек, из них двести пятьдесят — коммунисты. Они сконструировали, изготовили две тысячи деталей. Собрали, не применив ни единого импортного винтика. Выпущенные в срок первые шесть «Л-1» ни в чем не уступали «линкольнам» и «бьюикам», наилучшим заграничным автомобилям. Испытательный пробег по маршруту Ленинград — Москва — Ленинград блестяще подтвердил это.

«Впереди должны быть вы» — этой мыслью с самого начала индустриализации проникались коммунисты, комсомольцы.

Ленинград превращался в город массового трудового героизма и ценнейших починов.

Осенью 1926 года молодежь «Красного треугольника» создала первую ударную бригаду. Ее примеру, одобренному губкомом партии, Кировым, последовали почти на всех предприятиях и стройках.

Весной 1929 года «Красный выборжец» первым откликнулся на призыв XVI конференции ВКП(б), поднял знамя соревнования. Укореняясь, социалистическое соревнование и ударничество стали всенародным движением.

Летом 1929 года на Пролетарском заводе провели День индустриализации. Устроив воскресник, пролетарцы трудились сверхобразцово. С тех пор День индустриализации, 6 августа, отмечался всюду, был всесоюзным производственным воскресником.

Летом 1930 года рабочие завода имени Карла Маркса взяли на себя гораздо большие обязательства, чем намечалось контрольными цифрами, — выдвинули встречный промфинплан.

Это положило начало широко развернувшемуся вскоре соревнованию крупных фабрично-заводских коллективов за перевыполнение государственных планов.

В начале 1931 года в Ленинграде зародились хозрасчетные бригады. Через год их в СССР насчитывалось уже свыше полутораста тысяч.

Первая пятилетка ознаменовалась в Ленинграде замечательными достижениями и в подготовке кадров: квалифицированных рабочих, мастеров, техников, инженеров. Особенно сложно было с инженерами. Создать новую, советскую техническую интеллигенцию в кратчайший срок — к этому стремилась партия в борьбе за индустриализацию страны. И ленинградская партийная организация добилась того, что только в 1930 году открылось в городе двенадцать вузов: инженерно-техническая академия, машиностроительный, металлургический, котлотурбинный, электромеханический, текстильный и другие институты. Лесной институт преобразовали в лесотехническую академию с шестью институтами-филиалами. Учиться в вузы пошло по партийной мобилизации несколько сот коммунистов, и каждую кандидатуру обсуждало бюро обкома ВКП(б). Профсоюзные и комсомольские организации в 1930 году направили в вузы десять тысяч человек, преимущественно рабочих от станка. В Ленинграде возник первый в стране завод-втуз. Основал его коллектив Металлического завода. По определению Кирова, это был почин чрезвычайной важности: будущие инженеры обучались, получали высшее образование непосредственно на производстве.

Первая пятилетка преобразила народное хозяйство страны. Она превращалась из аграрной в индустриальную. Ленинград оставался форпостом индустрии. Во второй пятилетке он был по-прежнему единственным поставщиком наиболее ответственных машин и агрегатов для черной металлургии, топливной промышленности, электростанций, железных дорог. Турбины и котлы большой мощности, блюминги и печи «Миге-Перрон» давал только Ленинград. Благодаря ленинградцам были сняты с импорта генераторы, электросварочная и нефтяная арматура, запасные части к агрегатам, завезенным извне, а также линотипы, сложные обувные и текстильные машины.

Киров заботился, чтобы техническим победам сопутствовала высокая культура труда во всех отношениях. Не уставал в беседах и выступлениях отмечать все то, что получилось хорошо, не хуже или лучшего зарубежного. Пренебрежение к качеству продукции вызывало у Сергея Мироновича удивление, огорчение, тревогу, возмущение. Он говорил с трибуны XVII съезда ВКП(б):

— На вопросы качества надо навалиться нам всем, и партийцам и хозяйственникам, самым зверским образом. И заметьте, что у нас выходит: есть продукция, которую мы вывозим за границу. Например, мы в Ленинграде делаем машины на экспорт, для заграницы, и не такие простые машины, но я вам должен сказать, что если нужно машину для заграницы, — сделают как следует, а когда для себя, так совсем не то. Возьмите более простую продукцию — скажем, пищевой промышленности. Тоже порядочное количество делаем для вывоза за границу, вплоть до всякой конфетки и прочего. Так если вам показать заграничные наши конфетки, — просто от одного вида приятно становится, не говоря уже о том, когда ее скушаешь. А возьмите наши. Вот наши рабочие на тех же заводах говорят: сырье, материал другой. Насчет материала тоже можно поспорить. Тут ведь так: немножко послаще, немножко поменьше — не решает дела, а самый вид и качество этой продукции — за это надо приняться по-настоящему. Я знаю на примере Ленинграда, как мы добиваемся наших успехов. Там, где мы навалились, — там выходит.

И сам же подавал пример, как надо относиться к упущениям, если они даже не ведут к массовому выпуску брака, а представляют собой хотя бы редкое исключение из правила.

В караульном помещении какой-то воинской части обнаружился недоброкачественный патрон. Единственный. Проверили еще много патронов — все было в порядке. Тем не менее Киров глубоко заинтересовался и производством, и транспортировкой, и хранением боеприпасов. Командующий войсками Ленинградского военного округа Иван Панфилович Белов писал, что и с ним об этом единственном недоброкачественном патроне Киров разговаривал несколько раз. С командующим и еще с десятками товарищей. Все о том же: изучить до конца, как это негодный патрон прошел через технический контроль, как попал в воинскую часть, как предотвратить малейшую возможность повторения подобного случая.

Сергея Мироновича волновали жалобы и на качество товаров народного потребления. Рабочие сообщили, что артель белодеревцев делает негодную мебель. Жалобу проверили. Она была справедливая. Киров сделал суровый вывод:

— Эта артель объединяет белодеревцев, это верно, но нужно посмотреть, нет ли там белогвардейцев у руководства этим делом.

Хозяйственников, кичившихся выпуском новой продукции, но забывавших о качестве ее, Сергей Миронович, бывало, осмеивал:

— Мы же люди культурные, занимаемся вопросами искусства, в том числе музыкой; наша музыкальная промышленность не только гармошками занимается, но делает и сложные вещи, например, такой симфонический инструмент, как флейта… Привезли эту флейту в торговую сеть, там, прежде чем продать, испытали, и оказалось — пустяковое дело: флейта как флейта, все клапаны отполированы, на вид — красота, но один лишь «маленький недостаток» — не играет.

Курьез с флейтой облетел все предприятия Ленинграда. Стали крылатыми слова: «Флейта как флейта, на вид — красота, только не играет».

Наряду с повседневным выполнением производственных планов на заводах и фабриках были важны для Кирова изобретения и открытия, узкие места промышленности, в том числе ленинградской, вроде ее обостряющейся нужды в электроэнергии и топливе, местном сырье. Все это он крепко держал в орбите своего внимания и влияния — всегда искать, искать и находить, находить и действовать. Энергетика: реконструировать электростанции Ленинграда, построить новые, Свирскую и Дубровскую, затем на заполярных реках Ниве и Туломе. Топливо: добывать торф в Синявине, сланец под Гдовом, разведать селижаровский и боровичский уголь. Сырье: пусть всех, как магнитную стрелку, тянет на север области, там есть руды, там есть апатит, чудо-камень, который можно перерабатывать в удобрения.

Север. Суровый, необжитой край, который местные жители, саами, называют «умптэк», что в переводе на русский означает: дважды неприступный. Киров встречался с учеными, прежде всего с академиком Александром Евгеньевичем Ферсманом. Изучал доклады исследователей, отчеты экспедиций, книги путешественников. Записывал все обнадеживающее, выигрышное. Перечитывал Ломоносова. Нашел у него пророческие строки о богатстве северных недр и выписал их — автограф сохранился в личном архиве Сергея Мироновича. Позднее, в начале 1932 года, напомнил о предвидении великого ученого ленинградским коммунистам:

— Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил двести лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы, — добавлял Ломоносов, — сами на двор не придут.

Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать примеру Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае.

Не на догадках был основан призыв, брошенный в 1932 году. Многое удалось сделать раньше, особенно в 1929 году; индустриализация прибавила стране сил, а партия уже ясно видела, что в близком будущем потребуются сельскому хозяйству удобрения во всевозрастающих количествах. Нельзя дальше мириться с низкой урожайностью полей, да и уходят в прошлое времена, когда крестьянин мог довольствоваться навозом от своей сивки-бурки. Ее заменяют тракторы.

Пока в Хибинах, в тундре, где разведали запасы апатита, трудились геологи, Сергей Миронович знакомил в Москве десятки партийно-государственных работников с чудо-камнем. Как поскорее наладить добычу и переработку апатита — это обсуждалось и в ЦК ВКП(б), и в Госплане СССР, и в Комитете по химизации при Совнаркоме СССР, и в Госплане РСФСР, и в Совнархозе РСФСР, и в Экономсовете РСФСР. В ноябре это обсуждалось и на пленуме ЦК ВКП(б). Едва Валериан Владимирович Куйбышев в докладе о дальнейшем развитии народного хозяйства коснулся производства суперфосфатов, председатель ВУЦИК Григорий Иванович Петровский нетерпеливо подал реплику:

— А про апатиты вы ничего не сказали.

Куйбышев отозвался:

— Мы имеем здесь дело с огромной находкой, которая будет иметь величайшее значение для всего нашего народного хозяйства. Качество этих самых апатитов, то есть процентное содержание фосфора, оказывается рекордным с точки зрения всех мировых запасов. Поэтому мы будем иметь находку и для нашего сельского хозяйства, и для экспорта.

Все были того же мнения, что и Киров: не терять ни единого дня.

Создали трест «Апатит».

На исходе 1929 года Сергей Миронович поехал в Хибины. На месте все-таки виднее. Необходимо посоветоваться с геологами, осмотреться самому, а тогда уже решить, что лучше: то ли строить фабрику в Хибинах, то ли возить сырье в Ленинград, на туковый завод, сооруженный для переработки апатита, импортируемого из далекого Марокко.

Киров и его спутники сошли с поезда на разъезде Белом. Пересели в грузовик. Приближалась новогодняя ночь. Все тонуло

в полярной мгле. Бушевала метель. Машина застревала в снегу. Ее дружно вытаскивали. Она застревала все чаще, ее больше толкали, чем ехали на ней. А метель бушевала и бушевала. По воспоминаниям привычных ко всему заполярных геологов, не было сил идти по незащищенному полю. Наконец сели в присланные розвальни. Достигли единственного жилища, домика геологов и буровых рабочих.

Полночь. Новогодняя полночь у подножия горы Кукисвумчорр, сокровищницы апатита. За самодельным столом из неструганых досок Сергей Миронович склонился над картами и схемами. Говорили разведчики, буровики. Киров слушал, изредка спрашивал кое о чем. Все понятно. Сергей Миронович поднялся. Все говорили сидя. Он говорил стоя: из уважения к присутствующим, знаменитым и рядовым. Надо строиться всерьез. Рудник, фабрика, город. Только не разбрасываться. Не забыть о тепловой электростанции, о шоссе, кроме железной дороги.

Совещание длилось несколько часов. Наступило новогоднее утро. Метель стихала. Сергей Миронович вышел наружу. Сквозь снежную порошу увидел огромный палаточный лагерь, вышки буровых скважин, крутые взлеты величественной, мрачной, богатой горы Кукисвумчорр. Вершина утопала в снегу, в облаках. Сергей Миронович застыл, о чем-то думая. Улыбнулся:

— Крутая гора как наука, и наука как крутая гора. Посмотришь со стороны, не взять, а осмелеешь, подойдешь поближе да начнешь взбираться, то в одном месте, то в другом сыщешь тропинку.

Тепло простившись с остающимися, пожелав удачи и счастья каждому и всем, Киров уехал.

Тот день считают днем второго рождения Хибин.

Вслед за новогодним днем пришли будни. Партия и правительство, полностью поддерживая Кирова, дали неосвоенному краю путевку в жизнь, в социалистическое строительство. В тундру прибывали строители, горняки. При свете факелов взрывали недра, прокладывали штольни, добывали руду.

1 июля 1930 года торжественно открыли движение на новой железной дороге, ведущей от нового рудника к новой станции Апатиты.

В первый же год было добыто около трехсот тысяч тонн руды. Суперфосфатные заводы в Ленинграде, Одессе, Виннице, Вятке получили хибинскую руду.

Импорт апатита прекратили.

Наоборот, начали экспортировать советский апатит.

Первая партия его, прибывшая в Германию, произвела сенсацию: не верилось немцам, будто все, что писалось в газетах о Хибинах, не выдумано большевиками. Ведь немецкий ученый Крюгель утверждал, будто в Хибинах жить невозможно и гордые надежды большевиков ни к чему не приведут.

Как сообщалось в корреспонденции из Гамбурга, трюм советского парохода, доставившего апатит, стал местом паломничества — и конкурентов, и любопытных, и писак, тщившихся найти что-либо такое, что уличило бы советских людей в неправде.

Со всех концов Германии в гамбургский порт стекались профессора, инженеры, химики, спекулянты, биржевые маклеры, юрисконсульты и агенты фирм суперфосфатной промышленности, репортеры, фоторепортеры. Лебедкам не давали спокойно выгружать апатит в причальные баржи. В припадке апатитовой лихорадки людская лавина все запрудила кругом. Кое-кто с риском для жизни повисал над лодками, разглядывая в их темных пастях сероватую руду. Желавшие пощупать апатит сбивали друг друга с ног, ползали по выгруженным горам камня.

В 1932 году Сергей Миронович вновь побывал в Хибинах. И не узнал тундру. Годовая мощность рудника перевалила за полмиллиона тонн. Уже действовала первая очередь огромной фабрики апатитовых концентратов. К железной дороге прибавилась шоссейная. У подножия Кукисвумчорра раскинулся поселок. На берегу озера Вудъявр строился Хибиногорск. Осмотрев все, Сергей Миронович спросил, где тот домик, в котором он некогда был. Ему показали — вот там. Киров всматривался, вновь окинул взглядом поселок:

— Нет, не узнаю. Если бы меня спросили, был ли я здесь, ответил бы, что никогда не был.

Многое восхищало Кирова, но многое и огорчало:

— Все еще живете как на походе.

Советовал строиться прочно, навечно.

Киров говорил:

— Мы во второй пятилетке покажем, что нет такого места на земле, которое нельзя было бы поставить на службу социализму.

Покоряя Хибины, советские люди покоряли и Монче, Волчью, Ловозерскую тундры. В горах Юкспор, Расвумчорр и Ипполитовых отрогах обнаружили новые запасы апатита и спутника его — нефелина, ценного сырья для множества производств. Открыли даже новые месторождения железа, никеля, меди, редких металлов, слюды и других минералов. Создавался мощный промышленный комплекс, в который вошли Хибинский и

Кандалакшский комбинаты, комбинат «Североникель», Беломорско-Балтийский канал, гидроэлектростанция на заполярной реке Ниве.

Руководя освоением природных богатств Севера, Киров не переставал заботиться о тысячах людей, которых партийные, комсомольские и профсоюзные организации посылали в этот необжитой край. По свидетельству многих ученых и хозяйственников, Сергей Миронович неизменно допытывался, как получше наладить быт и прежде всего питание рабочих, как добиться того, чтобы они не страдали от сурового климата. Допытывался и действовал, требуя: насущные нужды покорителей тундры должны удовлетворяться сполна. Он поверил передовым ученым, утверждавшим, что это требование отнюдь не чрезмерно, если всерьез отнестись к северному земледелию. Поверил и поддерживал их.

Профессор Иоганн Гансович Эйхфельд, будущий президент Академии наук Эстонской ССР, считал, что заполярное сельское хозяйство своим развитием никому столько не обязано, сколько Кирову. По его предложению вопреки нареканиям рутинеров в Хибинах создали совхоз «Индустрия» с тысячами гектаров угодий и крупными животноводческими фермами.

Уже в начале тридцатых годов коллектив новаторов, возглавляемый Эйхфельдом, выращивал в совхозе и помидоры, и огурцы, и картофель, и цветную капусту, и морковь, и щавель. За Полярным кругом рабочие получали свои, местные, свежие овощи, а также молочные продукты.

Сбылось то, что многим представлялось непростительной вольностью воображения.

Выдающийся советский ботаник и агроном, академик Николай Иванович Вавилов писал:

«Киров был первым, кто не только ясно осознал необходимость одновременного развития промышленности и сельского хозяйства Севера, но и возглавил борьбу за создание социалистического земледелия в Ленинградской области».

Сельское хозяйство и промышленность Ленинградской губернии, преобразованной в область, были совершенно несоизмеримы, несравнимы по своему значению для страны.

Как писал Вавилов, нигде в царской России разрыв между промышленностью и сельским хозяйством не был столь огромен и нелеп, как в Ленинградской области. В дореволюционное время деревня здесь была заброшенной, нищей. Отставала она и в советские годы. Даже крестьянам в некоторых районах своего

хлеба хватало лишь до января — февраля.

Сергей Миронович с первых недель и месяцев работы в Ленинграде глубоко изучал деревню, и это дало свои плоды, особенно в пору, когда бурно развернулась коллективизация.

На этом фронте четко проявились важнейшие черты Кирова как партийного руководителя-ленинца. Он любил и умел работать в быстром темпе. Порой к этому побуждали не столько свойства его характера, сколько обстоятельства. Но и тогда поспешность была чужда Сергею Мироновичу. Он не допускал ничего противоестественного, противоречащего ленинским заветам. Киров однажды сказал секретарю обкома Чудову:

— Нельзя таскать людей на аркане в рай.

В марте 1930 года, на пленуме обкома и областной контрольной комиссии, Киров, хотя и в других словах, недвусмысленно повторил это:

— Вот когда тут товарищ сказал, что во всех документах ЦК подчеркивалась мысль, что мы колхозное движение строим на добровольных началах, то как будто бы вздох вышел. А как же вы думали иначе? Вы думали, что колхозное объединение можно построить на принудительных началах?

Он добавил: если на пленуме имеются перегибщики — бегуны за процентами, по его выражению, то пусть запомнят, что ценен лишь крепкий процент, настоящий, действительно социалистический, действительно организованный. Из показателей, хотя и высоких, но добытых неподходящим способом, построенных не на железобетоне, а на киселе, ничего не выйдет. Все развалится и будет лишь дискредитировать дело.

Коллективизация проводилась в Ленинградской области иначе, чем во многих других местах. Размер вовлечения крестьянских хозяйств в колхозы, или процент коллективизации, выглядел очень скромно.

На 1 января 1931 года — 6,6 процента
На 1 января 1932 года — 45,1 процента
На 1 января 1933 года — 45,4 процента
На 1 января 1934 года — 54,2 процента

В 1934 году, когда опыт передовых колхозов стал все сильнее привлекать единоличников, пошли навстречу их тяге к артельной жизни. Тех, кто все еще колебался, убеждали. Тем, у кого решение уже созрело, помогали: в частности, облегчили вступление в колхозы единоличникам, которые разбазарили свое крестьянское добро, но осознали ошибку и захотели честно трудиться в

коллективе. Колхозы принимали этих единоличников без лошади, без семян.

На 1 октября 1934 года было вовлечено в колхозы уже 65,7 процента крестьянских хозяйств области.

Все это никак не означает, что у Кирова были какие-то свои взгляды на колхозное движение, обособленные от общепартийных взглядов. Ничего похожего. Киров в точности придерживался выработанной при его участии генеральной линии партии, каждодневно помня наказ Ленина: крестьян, особенно середняков, можно и должно перевоспитывать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой, насилия в отношении трудящихся-единоличников при создании колхозов недопустимы.

В течение 1931 года ленинградские большевики вовлекли в колхозы тех, кто был раньше подготовлен к совместному социалистическому труду, — коммунистов, комсомольцев, сельсоветских активистов и остальных передовых крестьян.

Затем, не позволяя себе идти напролом, закрепляли достижения. Давалось это трудно, в острой борьбе против бухаринско-рыковских оппортунистов и их подголосков. Естественно, проводя такое сложное дело, как коллективизация, и ленинградцы допускали ошибки. Некоторые из них быстро устранялись, и навсегда, некоторые повторялись. Но издержки были гораздо меньшими, чем в других местах. Когда из-за перегибов и кулацких махинаций животноводство в годы коллективизации почти всюду понесло урон, Ленинградская область пострадала не очень круто. А количество свиней в Ленинградской области не только не снизилось, но возросло в два с лишним раза.

Ленинградцы постепенно развивали коллективизацию. Развивали с терпеливостью, совершенно необходимой, если считаться хотя бы с привязанностью крестьян — прежде всего опять-таки середняков — к своему хозяйству. Ведь именно об этом напоминало написанное Лениным решение VIII съезда РКП(б):

«Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств».

Развитие сельского хозяйства наталкивалось на такую трудность: укрепилось мнение, будто земледелие в Ленинградской области лишено серьезных перспектив, будто почвы здешние неплодородны. Кирову приходилось убеждать и партийную организацию, и сельскохозяйственных работников, и крестьян:

— В отношении нашей области мы привыкли считать, что мы, дескать, живем в сыром, болотистом крае, где в лучшем случае растет клюква или другая болотная ягода. По это все только на первый взгляд. Совершенно неправильно думать, что природные условия нашей области будто бы таковы, что она не сможет сама удовлетворить свои потребности в сельскохозяйственной продукции.

По воспоминаниям десятков ленинградских работников, для них было подлинным открытием, что не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве области таятся огромные богатства. Было открытием, когда Киров опровергал взгляды, считавшиеся незыблемыми:

— Многие еще думают, что зерно у нас в области производить невозможно и не следует. Я с этим решительно не согласен.

Было открытием, что область, не страдая от засух и суховеев, имеет даже преимущества перед хлебными краями. Действительно, на ленинградских землях урожайность злаков была устойчивей и в среднем за несколько лет гораздо выше, чем в черноземной полосе и на юге страны, — Киров неопровержимо доказывал это с цифрами в руках, опираясь на исследования ученых. Было открытием, что вопреки канонам целесообразно выращивать пшеницу, — Киров настаивал на этом. Было открытием, что, если партийная организация наляжет на сельское хозяйство, крестьянству области вскоре не понадобится ни единый пуд завозного хлеба, — в этом заверял всех Киров.

В 1933 году Сергей Миронович мог поделиться своей радостью с делегатами съезда колхозников-ударников:

— Если бы нам сказали годов пять тому назад, что в Ленинградской области мы не только сельское хозяйство, вообще говоря, будем успешно развертывать, но будем выращивать такую культуру, как пшеница, — мы вряд ли поверили бы… Оказывается, что наша ленинградская пшеница лучше южной пшеницы. Вы побывали в других краях, укажите мне край, где можно было бы получать двести пудов с десятины по пшенице, а мы у себя в северных районах получаем.

Тогда же, в 1933 году, ленинградская деревня впервые в истории полностью обеспечила себя хлебом до будущего урожая, да еще заготовила некоторое количество зерновых культур для городского населения.

Уже ясно определилось, в каком направлении должно развиваться сельское хозяйство области: лен, зерно, картофель, овощи, корма, молочное животноводство, свиноводство. Но одну отрасль сельского хозяйства недооценивали:

— Когда мы говорим о свиноводстве, об этой породе скота, то как-то всегда появляется веселая улыбка на лицах… Эту почтенную особу нужно взять под самое высокое партийное руководство…

В пору продовольственных трудностей Сергей Миронович все чаще требовал, чтобы, по его выражению, все надежды и вожделения обратили на животное, которое из ругательного нужно переименовать в почтенное и которому коммунисты должны посвятить свое партийное внимание. Выступая перед партийными активистами, он, не грех сказать, вдохновенно хвалил свинью за ее плодовитость:

— Если эту невзыскательную скотину поставить в сколько-нибудь подходящие советские условия, то в отношении всех возможностей ее размножения, о которых я вам говорил, дело пойдет гораздо дальше, чем это кажется возможным на первый взгляд.

Свиноводство развивалось. Это выручало ленинградских рабочих в долгие месяцы, когда продовольственные поставки из других областей слабели.

Развивалось также выращивание картофеля, овощей.

В последнем году жизни Кирова колхозы области дали Ленинграду в четыре раза больше овощей, чем давали до первой пятилетки, картофеля — в десять раз больше. Сергей Миронович был уверен, что года через два-три нужда в завозе всего этого извне отпадет.

Колхозы не могли успешно развиваться без помощи города. Киров многое сделал, чтобы изжить высокомерное отношение горожан к сельскому хозяйству — индустриальное чванство, по его выражению. Он высмеивал людей, которые охотно откликаются лишь на зов крупных строек и заводов:

— А вот когда дело доходит до свиноводства, огородничества, до посева трав, до того, чтобы капусту сажать, огурцы разводить, — тут дело поворачивается уже совсем иначе, тут, когда подходишь к человеку с подходящим стажем, с большевистской выдержкой, с фабрично-заводским опытом и когда ему намекаешь насчет свиноводства, он нос воротит очень далеко: «Это дело не наше». И если приходится подбирать соответствующих людей и посылать их в какое-нибудь объединение, скажем, «Союзмолоко», то тут сплошь и рядом слышишь в ответ, что, мол, извините, все, что угодно, но коров доить — это ниже моего достоинства.

Киров не переставал внушать горожанам, что работа в деревне ничуть не менее почетна и даже более важна, чем на фабрике, заводе, стройке гиганта.

Секретарь обкома ВКП(б) Петр Андреевич Ирклис рассказывал, что он осенью 1934 года по заданию Кирова подытоживал проделанное в деревне за несколько лет. Итоги радовали. Но весьма значительны были и неиспользованные возможности, упущения. Обратив внимание именно на это, Сергей Миронович пришел к суровому обобщению: от приятных цифр кое-кого клонит к дреме, к самоуспокоенности. 10 октября он, выступая на пленуме обкома и горкома ВКП(б), взволнованно говорил о недостатках партийного руководства сельским хозяйством, о вреде самоуспокоенности. На всех произвела исключительно сильное впечатление речь Кирова и особенно его призыв:

— Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная внутренняя тревога за дело партии.

Когда в начале тридцатых годов возросли продовольственные трудности, Киров часто занимался неполадками и в заготовках, и в рабочем снабжении. Если было плохо, он с обычной своей прямотой обрисовывал обстановку, призывая к действию:

— Я должен сказать, что на сегодняшний день, на завтрашний день существенного улучшения продовольственного положения рабочих не будет, для этого нет реальных объективных данных. Но, товарищи, это не значит, что нужно сидеть сложа руки, это говорит об обратном, о том, что нужно нажимать на это дело как только можно.

Особенно показательно выступление Сергея Мироновича на пленуме Ленинградского обкома партии в октябре 1932 года. Решалось, как устранить недочеты, нелепости и безобразия в рабочем снабжении.

— Если по-честному сказать, то мы рабочим снабжением занимаемся тогда, когда у нас получается прорыв на том или другом участке… Я берусь доказать где угодно, что это так… Я думаю, что все-таки пленум довольно самокритично обсуждал этот вопрос, но какая-то либеральность в этом вопросе тем не менее проглядывала. Скажем, так: на кооперацию мы навалились всею тяжестью, торги наши государственные мы тоже обстреливали достаточно, советские власти — уже осторожнее, а о наших партийных учреждениях, в том числе обкоме партии, говорят больше положительного, а об отрицательном говорят маловато. Это неверно. Вопрос рабочего снабжения нужно ставить в лоб и говорить, что, если есть соответствующий прорыв на этом участке, за это отвечают все, в том числе то высокое собрание,

которое тут присутствует. К сожалению, повторяю, рабочим снабжением даже более «высокие сановники» занимаются так: едешь по своим на пятьдесят процентов бюрократическим делам и видишь — стоит очередь, раз проехал — очередь, второй раз — очередь, десять дней проезжаешь мимо — очередь, и тогда поднимешь вопрос.

Сергей Миронович отметил, что снабжению очень мешает уравниловка, которую следовало устранить еще года два назад. Не менее вредно и бездумье в мясозаготовках. Особое внимание Киров обратил на снабжение ленинградцев хлебом:

— Когда здесь говорили о хлебе, я не знаю, как другие, но я себя чувствовал очень плохо, должен это сказать по совести. Есть хлеб или нет, чтобы прокормить рабочих, работниц и все трудящееся население Ленинграда? Безусловно, есть, и тем не менее что получается? Получаются тысячные очереди. В чем дело? Хлеба не хватает? Пекарен не хватает? Кое-где не хватает. Но я не знаю, даже слов нет выразить, — конечно, механизированный завод по последнему слову техники в два дня не сделаешь, но чтобы нельзя было в сравнительно короткий срок разрешить вопрос хлебопечения хотя бы кустарным способом — этому я не поверю… Выступили два ведомства и до сих пор не могут определить, сколько хлеба надо дать… Пока этот спор разрешается, пока наши бюрократы и бухгалтера будут подсчитывать, пока они эти цифры подытоживают и согласовывают, очереди продолжаются… Давайте вот просто, для примера, условимся все здесь сидящие в течение ближайших дней ликвидировать очереди и поднять это дело… Нужно, товарищи, сказать, что тут есть отрыв, мы перестали быть настолько чуткими, насколько мы должны быть чуткими к нуждам рабочего, его снабжению и быту. Это факт. Вы скажете, что это чересчур, но это так…

Киров, волнуясь, говорил о хищениях, о равнодушии работников к хищениям и прочим безобразиям:

— При таком отношении к нашему делу, к нашему рабоче-крестьянскому добру никогда ни черта не получится, никаких аппаратов мы не сумеем перестроить и вообще ничего не сумеем сделать. Если товаров нет, если не вовремя привезли или если в совхозе начался мор кроликов или свиней. нужно, чтобы ты, мерзавец, ночи не спал и дрожал за это добро. Этого надо добиться. А у нас, видите ли, ночи не спят в том случае, если о тебе что-либо в газете написали, как-то изобразили, чуть ли не оппортунистом назвали. А он на самом деле оппортунист, но только не формальный. Вот он мечется, с боку на бок переворачивается, утром придет в Смольный и заявляет, что

нельзя работать, описали на всю страну… Работа у него хромает на обе ноги, в этом он не разобрался, работа не ладится — это пустяки, пока его персоны ничем не затронули…

Заканчивая выступление, Киров говорил:

— Сейчас и поросенок, и кролик, и малая живность, которыми мы должны питать рабочих, все это нисколько не имеет меньшего значения, чем любой Магнитогорск. Я уверяю вас в этом совершенно определенно.

При встречах с людьми Сергей Миронович обычно на разные лады осведомлялся об одном и том же: как живете, как работаете? Было хорошо известно, что это не только дань вежливости, Кирова действительно интересовали работа, быт, радости, невзгоды всех честных тружеников, с которыми приводилось общаться, и тысяч, сотен тысяч, миллионов советских людей. Забота о людях была его внутренней потребностью. Он с увлечением занимался самыми что ни на есть прозаическими делами, в частности нуждами коммунально-бытового хозяйства, и много сделал для обновления города Ленина.

В 1931 году ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение о реконструкции Ленинграда, и душой развернувшегося строительства был Киров. Он призывал архитекторов, строителей до тонкостей овладеть наследием прошлого, умножать его и в то же время критиковал пустое оригинальничанье, модернистское штукарство. Осмотрев новостройки Крестовского жилищного массива, Сергей Миронович огорчился:

— Надо хорошенько прочистить мозги всяким загибщикам, у которых не разберешь, что они предлагают, — где должны быть окна, где двери…

Критиковал Киров и работников, увлекающихся гигантоманией, но забывающих о повседневных, насущных нуждах города, населения:

— Я, грешный человек, думаю, что если мы хотим по-настоящему преобразовать Ленинград, то должны дело так поставить, чтобы, куда ни посмотришь, чувствовалось во всем, что кипит напряженная работа, а у нас этого пока что нет: то мы ждем, пока снег растает — нельзя мостовые чинить; но вот снег растаял, снега нет, будто бы все в порядке, а мы все ждем, планируем, а посмотрите на наши мостовые вплоть до Невского — на хороших улицах шашки понемногу вываливаются, а мы ходим около этого дела с большими портфелями под мышкой и спрашиваем: где генеральный план реконструкции всего города?

А чтобы попробовать эти шашки на место поставить — этого нет.

У рабочих, у членов их семей узнавал Сергей Миронович, что им нравится и что не нравится в городском хозяйстве, что терпимо пока и что требует немедленного улучшения. Он неизменно советовался и с архитекторами, и с художниками, и со строителями, и с коммунальниками, и с другими специалистами, как побыстрее устранять недостатки. На социалистическую реконструкцию города он поднял всю партийную организацию. Нужды и трудности жилищно-коммунального и культурно-бытового фронта не сходили с повестки дня и в бюро обкома и горкома ВКП(б), и на пленумах, и в комитетах комсомола, и в коммунистических фракциях советских, профсоюзных, хозяйственных, кооперативных организаций.

Уже в 1932 году ленинградские рабочие получили полмиллиона квадратных метров новой жилой площади. Мощение улиц, прокладка водопроводных сетей и трамвайных путей, ремонт старых домов и озеленение, производство строительных материалов и машин — объем всех работ возрос вдвое, втрое, вчетверо, а то и в пять-шесть раз по сравнению с 1931 годом.

При жизни Кирова реконструкция Ленинграда длилась лишь три года. Срок небольшой. Но ленинградцы за этот срок, кроме Крестовского, возвели Батенинский и Бабуринский жилищные массивы. В рабочих районах, запущенных и вечно грязных при царизме, не осталось незамещенных, неосвещенных улиц. Трамвайные и автобусные линии связали самые отдаленные уголки окраин с центром. Невская, Нарвская, Московская заставы, Выборгская и Петроградская стороны, Васильевский остров поистине преобразились. Они обогатились прекрасными Домами культуры, школами, фабриками-кухнями, универмагами, фабриками-прачечными, кинотеатрами, лечебницами. Были сооружены Центральный парк культуры и отдыха, стадион имени Ленина. Проспекты — Международный, Карла Маркса, Лесной, Газа, Пролетарской победы — превратились в отличные магистрали.

— У нас, например, ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым.

В этих словах Кирова из его речи на XVII съезде ВКП(б) не было преувеличения.

Член Политбюро, избранный в 1934 году секретарем ЦК ВКП(б), член президиума ЦИК СССР, Киров был одним из

виднейших вдохновителей и организаторов социалистического строительства.

В 1926–1934 годах Сергей Миронович участвовал в разработке и осуществлении важнейших общепартийных и государственных решений, благодаря которым Советский Союз, следуя ленинским заветам, стал в кратчайший срок экономически независимой и цветущей индустриальной державой, несмотря на неимоверно сложную обстановку, вызванную и естественными трудностями, и внутрипартийной борьбой, и постоянной угрозой нападения империалистических клик. Все достигнутое за эти годы великих свершений и в народном хозяйстве, и в обороне страны, и в ее культурной жизни, и в здравоохранении, и в международной политике Советского правительства неразрывно связано с именем Кирова.

За советом и содействием к Сергею Мироновичу часто обращались товарищи, с которыми он прежде работал, которыми некогда руководил, — и секретарь ЦК Компартии Белоруссии Гикало, и секретарь Казахстанского крайкома Мирзоян, и секретарь Кабардино-Балкарского обкома Калмыков, и начальник Магнитостроя Ильдрым, и начальник Азнефти Серебровский, азербайджанские, грузинские, армянские работники. Случалось, после неудачной командировки в Москву на обратном пути делали крюк в шестьсот с лишним километров, чтобы выложить Кирову свои служебные горести: «Помоги, Мироныч».

Обращались и незнакомые — с годами большевики всей страны, все советские люди узнали Кирова, увидели в нем исключительного по масштабности партийного деятеля, до конца отдающего свои способности, свой опыт, свое сердце строительству социализма, нуждам страны, народа. Обращались партийно-советские работники, хозяйственники, ученые. Из республиканских, краевых, областных организаций. Со строек, из больших и малых городов. Обращались как к члену Политбюро или просто потому, что он — Киров. Было известно: он охотно вникнет в любую проблему, правильно всех поймет. Скажет: да, проблема серьезная, считай, что все препоны рухнули. Скажет: нет, преждевременно или нецелесообразно, — убедит в этом неопровержимо. А то предложит тебе что-либо свое, совершенно неожиданное, такое, до чего сам ты вовек бы не додумался. Заместитель наркома тяжелой промышленности Иосиф Викентьевич Косиор, будучи в 1933 году на Дальнем Востоке, удивлялся, слыша то и дело: Киров, Киров. Оказалось, с чьей-то легкой руки местные работники со своими нуждами нередко обращались в Смольный, и Киров всячески помогал развитию молодой индустрии далекого края. В конце ноября 1934 года в

Смольный поступила телеграмма из Орджоникидзе: пленум горсовета благодарил Кирова за постоянную помощь этому городу. Прочесть телеграмму Сергей Миронович, кажется, не успел.

Крупный и многогранный политический деятель, Сергей Миронович был подлинным трибуном партии и народа. Оратор всепокоряющей силы, он захватывал любую аудиторию. Старые ленинградские рабочие вспоминают: позови Мироныч с трибуны куда угодно, на подвиг, в бой, за ним пошли бы не мешкая, без сомнений и страха, прямо от станка, из клуба, дворцового зала или из Смольного. Будь то в Москве, на общепартийных съездах и конференциях или пленумах ЦК ВКП(б), будь то в Ленинграде, среди коммунистов или комсомольцев, рабочих или колхозников, — выступления Кирова имели всесоюзное значение. Они находили отклик повсюду. Их влияние было очень велико.

Доклады и речи Кирова, чему бы ни были они посвящены, всегда и прежде всего служили торжеству принципов ленинизма.

Киров говорил:

— Чем крепче, чем шире мы будем внедрять во все звенья нашего огромного партийного организма, во все звенья нашего огромного советского аппарата принципы ленинизма, чем тверже, тем надежнее пойдет наше движение вперед по укреплению и расширению позиций социализма.

Основу воспитания не только коммунистов, но и комсомольцев, миллионов трудящихся Киров видел в овладении марксизмом-ленинизмом.

— Еще раз и еще раз повторяю, глубокую ошибку сделаем мы, если будем думать, что чем ближе к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории.

Овладение теорией ни в коем случае не должно быть отвлеченным, начетническим.

— Можно знать наизусть азбуку коммунизма, но если она у тебя не лежит в сердце, ничего не выйдет, ты будешь псаломщиком коммунизма, а не бойцом. Если ты хочешь быть живым коммунистическим борцом, то должен со всей большевистской яростью ополчиться против тех недостатков, которые тормозят наше строительство.

Как немыслимо большевистское воспитание вне творческого овладения марксизмом-ленинизмом, так немыслимо оно без революционной критики и самокритики.

— Каждый с пеленок знает критику и самокритику, но надо понимать, какую критику должно осуществлять… Нам нужна критика революционная, которая бы в результате обязательно имела за собой действие, чтобы эта критика была направлена в

точку, а не в воздух. Другими словами, наша критика должна воспитывать. Критика и самокритика — это дело не одного месяца или одного года, ею мы будем заниматься до тех пор, пока не войдем в царство коммунизма.

Далее:

— Преступником будет каждый из нас, кто по тем или иным соображениям станет рассуждать, что вот, мол, неудобно говорить, я лучше помолчу, не буду критиковать. Надо по-честному, по-большевистски, прямо глядя в товарищеские, коммунистические очи, сказать: «Ты, милый человек, запоролся, запутался. Если ты сам не поднимешься, я тебе помогу. Если нельзя за руку поднять, за волосы подниму. Я сделаю все, чтобы тебя исправить, но если ты, милый человек, не исправишься, то пеняй на себя, тебе придется посторониться».

Годы работы Кирова в Ленинграде, как и в Баку, были годами повседневного воспитания строителей социализма, партийных и непартийных, руководителей и рядовых.

Чудов, второй секретарь обкома, член ЦК ВКП(б), сложился как партийный работник еще до приезда в Ленинград, но, по собственному его убеждению, никому столько не обязан был в жизни, сколько Сергею Мироновичу, — всегда чувствовал его дружескую руку воспитателя. Эту дружескую руку чувствовала вся ленинградская партийная организация. Кирову был дорог каждый настоящий коммунист, каждый хороший партийный работник. Киров умел вовремя поощрить работника и, если надо, вовремя поправить его. Хвалил не захваливая. Критиковал, не давая ни малейшего повода обидеться. Порой в упреке слышались похвала и признательность за все полезное, толковое, что предшествовало ошибке, промаху: «От вас я этого не ожидал…»

Бывает, люди стараются скрыть свои недостатки и оплошности, а Кирову их выкладывали по личному побуждению, как рассказывал секретарь горкома Александр Иванович Угаров. По словам секретаря райкома Петра Алексеевича Алексеева, ставшего затем председателем областного совета профсоюзов, у многих в сложные часы и дни прибавлялось воли и бодрости от одного сознания, что в Смольном есть Киров, справедливый, доброжелательный Киров, который всегда тебя поймет, охотно и крепко поддержит. Это повторяли каждый по-своему многие партийные работники, уверяя: Сергей Миронович зачастую понимал их лучше, чем сами они себя понимали. Начальник политуправления Ленинградского военного округа Иосиф Еремеевич Славин, чуть что у него не ладится, задумывался: как поступил бы Мироныч?

С Кирова брали пример, на него равнялись, у него учились, за

ним шли. Партийная организация Ленинграда росла, закалялась. Она была зрелой, сильной, щедрой. Ее называли кузницей кадров. Когда развертывалась коллективизация, по призыву партии в деревню послали отряд передовых рабочих, главным образом коммунистов-двадцатипятитысячников. Каждый пятый из них был ленинградец. В МТС, в совхозах создали политотделы, и в них почти повсюду работали посланцы Ленинграда. В политотделах на транспорте — тоже. В райкомах и обкомах партии — тоже.

Киров сроднился с ленинградскими рабочими, преклонялся перед их трудовым героизмом, жертвенностью во имя победы ленинизма. Но не заигрывал с ними, всегда говорил им правду, и, если необходимо — правду, колющую глаза. Рабочие видели в нем друга. Между ним и рабочими не было никакого расстояния.

Клуб. Киров опаздывал, что случалось редко. Когда он показался, раздалось:

— Ай да секретарь, полчаса прождали.

Он, торопливо шагая по проходу в зале, бросил:

— Конечно, бюрократизм, боремся, но еще не совладали с ним!

Аплодисменты проводили Сергея Мироновича до самой трибуны.

Профсоюзная конференция во Дворце труда. Едва Киров приехал, делегаты попросили его выступить. Он был, вероятно, очень утомлен, слова произносил медленно, ровно. Его прервали из глубины зала:

— Мироныч, веселей!

Заскрипели стулья, кругом зашикали. Все искали взглядом того, кто позволил себе эту вольность. Киров же на миг замолчал, улыбнулся. И как бы заново начал речь. Она стала теплой, искристой, кировской.

В начале февраля 1933 года, после пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), Киров прямо с вокзала отправился на «Красный путиловец». За два месяца завод должен был выпустить триста тысяч поршневых колец, позарез нужных для ремонта тракторов к весеннему севу. Но еле-еле давал шестьдесят тысяч в месяц. Сергей Миронович беседовал и с хозяйственниками, и с партийными вожаками, и с инженерами, и с рабочими на цеховом участке поршневых колец. Судили-рядили. Толку никакого. Программу не осилить. Прощаясь, Киров попросил еще и еще раз поразмыслить, как быть:

— Знаете, товарищи, ведь я обещал Политбюро и правительству, что Ленинград выполнит программу по запасным частям.

Он ушел, но незримо присутствовал. Задание разбросали по разным участкам. Где брали тем, что к новичкам приставили умельцев. Где тем, что ночами у станков стояли мастера. Где выручала смекалка. Где возвратили кое-кого из отпуска. Где тем брали, что лучшие токари по нескольку суток не покидали завод.

Отгрузку трехсот тысяч поршневых колец закончили досрочно, 28 марта.

Киров очень высоко ценил передовых рабочих, которые, как путиловцы, всегда готовы к трудовым подвигам. Далеко не безразличны были ему и честные труженики, которые, терпя лишения, падали духом, поддавались отсталым взглядам, вредным влечениям, как произошло на фабрике «Красная нить». В цехах почти сплошь женщины. Они устали от нехваток, от бытовых неурядиц. Самые несознательные, строптивые, крикливые разжигали среди подруг недовольство, безрассудно подбивали их на шкурническую забастовку. Казалось, позорная, преступная забастовка неминуема. Казалось, не обойтись без крутых мер. Но в Смольном был Киров: «Случается, с женщинами нужно толковать по-женски».

Вмешательство извне ограничилось лишь тем, что руководителей фабрики, мужчин, заменили выдвиженками. Доводы, внушения, увещевания этих вчерашних цеховых работниц образумили недовольных, уняли безрассудных. В цехи «Красной нити» возвратились спокойствие и порядок.

Позерн, свидетель множества подобных решений-находок Сергея Мироновича, безболезненно сводивших на нет всяческие осложнения, говорил:

— Он понимает даже тех, кто опускает руки перед препятствиями, кто пасует перед трудностями, и он находит мысли и огненные слова для того, чтобы победить эту усталость, чтобы сломить это уныние или отчаяние, чтобы опрокинуть временно возникшее недовольство и повести людей вперед во имя того дела, в правильности, законности, величии которого он уверен до глубины души, до последнего нерва своей мощной, исполненной неукротимой энергии натуры.

Киров был тесно связан с молодежью, с комсомолом. Комсомол Сергей Миронович считал основным помощником партии:

— Самой лучшей, самой надежной, самой революционной школой для нашего подрастающего поколения является комсомол.

Заслугам комсомола в день его пятнадцатилетия, осенью

1933 года Сергей Миронович посвятил вдохновенную речь:

— Товарищи, я думаю, что едва ли мы располагаем нужным арсеналом слов для того, чтобы полностью изобразить героическую пятнадцатилетнюю историю нашего комсомола. Я говорю это не потому, что сегодня у нас праздник, не потому, что юбилярам принято говорить только хорошее, — нет, а потому, что всей своей борьбой, всем своим существованием комсомол действительно вписал в историю высокие, героические, подымающие, возвышающие трудящееся человечество страницы.

Он и в праздник не поскупился на критику недочетов комсомольской работы, как в будни не скупился на похвалы коммунистической молодежи, сочетая справедливую оценку достоинств со строгой требовательностью:

— Мы не найдем людей с большим самопожертвованием, чем наше подрастающее поколение. Но это не дает нам права закрывать глаза на наши недостатки.

Недостатков было немало. И ухарство, которым «новая оппозиция» сумела заразить определенную часть комсомольцев. И пренебрежение к учебе, главному ленинскому завету. И увлечение танцульками.

— Нам нужна мобилизация всех сил партии и комсомола, чтобы воспитать настоящих ленинцев. Надо так поставить воспитание, чтобы оно гарантировало нас от какого бы то ни было обволакивания буржуазными предрассудками, чтобы не разжижались мозги нашего подрастающего поколения.

И на предприятиях отнюдь не вся молодежь шла вровень с лучшими тружениками.

— Надо сделать комсомольца действительно передовым рабочим на фабрике и заводе. Если мы этого не сделаем, я скажу прямо, мы поставим под угрозу всю нашу дальнейшую работу. Если мы не найдем средств, и возможности поставить воспитание комсомола таким образом, чтобы на фабриках и заводах они служили образцом, то дело социализма окажется под большой угрозой.

Ответом на внимание Кирова была и возросшая тяга юношей и девушек к знаниям, и молодежные ударные бригады, и самоотверженная работа на производстве.

Строилась в Ленинграде электростанция «Красный Октябрь». Импортные водотрубные котлы такой мощности, каких в СССР еще не видывали, монтировала германская фирма «Бютнер». Она прислала своих, специально подготовленных рабочих. Сборка каждого из первых двух котлов длилась пять с половиной месяцев. Долго. Немцы считали, что ускорить работу нельзя. Сергей Миронович подал мысль: пора юным ленинградцам

поучиться у немцев да посоперничать с ними. Выполнить ударное задание взялась бригада в двадцать юношей. Они смонтировали три котла, потратив на каждый лишь два с половиной месяца. Технический директор фирмы признал работу советских монтажников безукоризненной. Успех был столь серьезным, что о нем на очередном пленуме ЦК ВКП(б) рассказал Куйбышев.

О возникновении и буднях известной некогда молодежной бригады турбостроителей напомнила «Комсомольская правда» в статье Петра Ивановича Старосельцева:

«Песня о «Встречном» — песня моей комсомольской юности. В то время я только пришел на ленинградский Металлический завод. «Даешь энергию!», «Даешь лампочку Ильича!» — этот клич из тысячекилометровых далей громче всех был слышен в наших цехах… Мы выдвинули свой встречный план, значительно превышающий государственное задание.

Однажды меня вызвали в цеховой комитет ВЛКСМ.

— Ты знаешь, что одна из турбин в прорыве? — спросил меня секретарь Яша Цвик. — Так вот, — продолжал Яша, — комитет комсомола решил организовать ударную молодежную бригаду по сборке этой турбины. А тебя рекомендуем бригадиром…

— Да как же так, Яша? Смогу ли?

— Сможешь. Всем заводом будем помогать.

Работали тогда на сборке слесарями четверо моих друзей, Борис Левин и трое Алексеев: Забалуев, Корсаков и Ермаков. Поговорил я с ними, а на другой день уже весь завод знал, что в сборочном создана первая ударная молодежная бригада… Некоторые скептики не верили: «Молодо-зелено, провалят дело».

А мы вечером после работы поехали на завод «Русский дизель», представились в комитете комсомола и прямо так и рубанули: что же вы, такие-разэтакие, подводите нас, литье не даете?

Они на дыбы: как так? Не может быть! Побежали куда-то проверять. «Ваша правда, — говорят, — срочно примем меры. Сегодня вечером литье будет». И точно, пока мы ходили ужинать, привезли литье. Обрадовались мы. Чуть не в пляс припустились. Такая победа. Но только Борис Левин говорит:

— Эх, хорошо бы к утру иметь готовые шаровые вкладыши.

Яша Цвик — он тоже здесь оказался — предложил:

— А давайте сходим к Максимову. Может, согласится выйти в ночь.

Замолчали ребята. Токарь Максимов был старым производственником, опытным мастеровым, но еще дореволюционной закваски. Все секреты держал при себе, ни с кем не делился и всегда в сторонке держался. Согласится ли? Э,

была не была, пошли! Два часа упрашивали, убеждали. Наверное, весь курс политграмоты перед ним выложили. Уломали. К утру вкладыши были готовы.

Установили мы цилиндр, отцентровали. И снова загвоздка — нет дисков, которые должен дать Путиловский завод. Нарядили мы снова комсомольскую делегацию, но не тут-то было».

Путиловцы соглашались помочь молодым турбостроителям лишь после того, как выполнят свой план. Бригада Старосельцева обратилась к Кирову.

«Принял он нас. Внимательно выслушал.

— Хорошо, — говорит, — буду я завтра на Путиловском, разберусь.

Два дня прошло. Мы уж, честно говоря, и ждать перестали, хотели снова ехать на Путиловский, вдруг звонок оттуда.

— Что же вы, — говорят, — Сергею Мироновичу на нас нажаловались?

— Ладно, — говорим, — хватит разговаривать. Диски присылайте…

— Да они уже, наверное, у вас. Сегодня после обеда отгрузили…

И вот он наступил, последний день года. Утром мы предъявили директору, мастерам собранную турбину. Нас поздравляли, жали руки, обнимали, а вечером в Выборгском Доме культуры должен был состояться вечер, посвященный выполнению плана.

Когда уже все разошлись, решили мы еще раз испытать турбину. Поставили ее на стенд, пустили пар. Стала она набирать обороты. И вдруг — бабах! Выбило фланец. Тугая струя пара ударила в стену. И в этот момент трогает меня вдруг за рукав Леша Корсаков:

— Смотри!

По пустому цеху, между станками, прямо к нам шел Сергей Миронович Киров.

Все-таки я успел схватить рукоятку и перекрыть пар.

— Вы что здесь делаете? — строго спросил нас Киров. — Весь завод на празднике, а вы в цехе.

— Да вот, — объясняем, — решили еще раз попробовать турбину, а тут фланец вырвало.

— Ну что ж, исправляйте, — говорит, — я зайду в другие цехи, а на обратном пути снова буду у вас, и чтобы все было закончено. Поедем вместе в Дом культуры.

Через полчаса, уже в присутствии Сергея Мироновича, мы снова дали пар. Турбина пошла все быстрее и быстрее. И когда количество оборотов достигло двух с половиной тысяч, он

улыбнулся и помахал рукой:

— Можете останавливать. Все в порядке.

Так подарили мы стране первую комсомольскую турбину.

А вскоре был снят фильм «Встречный». Мы узнавали в нем все — и историю турбины, и старого мастера, взятого «на переплавку» молодыми, и наш комсомольский натиск, радость, труд. Нашею стала и песня:

Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,
Страна встает со славою.
Навстречу дня».

То, что молодые турбостроители узнавали себя в героях «Встречного», не удивительно. Когда фильм еще только задумывали, Сергей Миронович, беседуя с начальником Главного управления кинопромышленности Борисом Захаровичем Шумяцким, просил передать авторам: фильм очень выиграет, если сюжет связать с определенным, существующим в действительности предприятием и его людьми. Авторы остановили свой выбор на Металлическом заводе.

На некоторых участках социалистического строительства самое важное, самое трудное Киров доверял молодежи. Звал ее туда, где она всего нужнее. Она шла всюду, куда Киров звал. А он часто бывал там, где жила, трудилась молодежь, — не только в Ленинграде, конечно. В колхозах, МТС и совхозах. В портах и на рыбных промыслах. На торфоразработках и в тундре. В городах, крестным отцом которых его называли после смерти. Среди комсомольцев, именовавшихся позднее в юных городах ветеранами кировского призыва. В Хибинах. На Мурмане. Близ старинного Гдова, где на болотистых пустошах сооружали шахты и где пока не было в помине будущего города Сланцы.

Электростанциям области не хватало топлива. Было нужно вовсю развернуть добычу гдовских сланцев. Послали ленинградских комсомольцев. Киров обещал проведать их. В назначенный день и час у центральной проходной командиры стройки подготовили встречу. Когда они и ждать устали, им сообщили: не теряйте зря время. Сергей Миронович давно проехал прямо к той шахте, где уже был однажды. Его разыскали в шахте, в штреке, в окружении рабочих.

Поднялись на поверхность. Снова конфуз. Только что пущенная теплоэлектроцентраль бездействовала, закапризничал котел новой конструкции. Начальник строительства станции сокрушался:

— Вы бы вчера приехали, Сергей Миронович. Хорошо сланец горел…

Киров рассмеялся.

— Был на Кавказе один осетин. Он тоже говорил так. Ты бы, мол, вчера пожаловал. И вино было, и шашлык был, и деньги были…

Повернулся к энергетикам. Видимо, достаточной тщательности нет. Котел системы Шухова хороший. Но Владимир Григорьевич Шухов и сам просил присмотреться к тому-то и тому-то. Сергей Миронович углубился в технологические тонкости. Как добывать, как на электростанциях сжигать сланцы, он изучал в течение нескольких лет.

Киров присутствовал на производственном совещании, выступил на собрании актива. Остальное время отдал комсомольцам. Ходил с ними в общежития, в столовую, в кооператив. Расспрашивал ребят о том, о сем. Хватало и шуток, и смеху, и песен, а Сергей Миронович свое:

— Сдается, скучно вам здесь.

Даже очень стеснительные расшевелились, посыпались жалобы. Взяв жалобы на заметку, Сергей Миронович опять рассудил по-своему:

— Не по-ленинградски жизнь налаживаете.

Улыбаясь, пояснил, в чем суть. Сланец нужен из умелых рук, это верно, но еще и из рук людей высокой культуры. Они же, комсомольцы, под землю глядят да ожидают сверху манны небесной. Оттого и скучно. Гораздо веселее, врубаясь в недра, ворочать горы и на земле. Кому под силу такое, если не им, посланцам Ленинграда. Их ведь отбирали, прежде чем вручали путевки сюда. Отбирали не слабых, не плохоньких. Наоборот ведь. И не ошиблись, в шахтах-то ребята иногда чудеса делают. Выходило, что каждый на чудо способен во всем, лишь захоти. Наверно, в тот день задумали юные шахтеры построить и комсомольские жилые дома, и столовую, и школу, и клуб, и стадион — все, чем обогатился вскоре город, еще городом не став. Во всяком случае, встреча с Кировым дала заряд энергии на годы.

А взятое на заметку Сергей Миронович не забыл. Миновало с неделю, и в продажу поступила первая партия музыкальных инструментов, шашек, шахмат, промышленных товаров первой необходимости. Зачастила на шахты кинопередвижка. Приезжали ленинградские артисты. Получили комсомольцы и письмо от Кирова, письмо и подарок — четыре фотоаппарата.

Когда Киров погиб, секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев вспоминал:

«Их много, ярких, незабываемых страниц, которые вписал Сергей Миронович в историю партийного руководства комсомолом. Нелегко только сейчас, в часы острой боли, писать.

Годы моей работы в Ленинграде, в Московско-Нарвском райкоме комсомола, — это годы незабываемых встреч с товарищем Кировым. Сколько глубоких и душевных бесед!

Сергей Миронович любил молодежь большой, умной, большевистской любовью. Он умел ценить ее и отыскивать среди комсомола нужные партии силы. Немало бывших комсомольских работников выдвинуто на руководящую партийную работу лично товарищем Кировым».

Косарев не приводил имен. Их и не счесть. Но два комсомольских имени, почти легендарных, заслуживают обязательного упоминания. В начале двадцатых годов, при жизни Ленина, секретарем ЦК комсомола был Петр Иванович Смородин. Направленный на учебу, он потом несколько лет работал с Кировым, стал одним из руководителей ленинградской партийной организации. Смородина в ЦК ВЛКСМ сменил Николай Павлович Чаплин, избранный на высший комсомольский пост по рекомендации Кирова и Орджоникидзе. Впоследствии, после учебы, работал с Кировым и Чаплин, назначенный начальником политотдела Мурманской железной дороги.

Точно так же, как с молодежью, был Киров тесно связан с интеллигенцией. Потребуются серьезные исследования, прежде чем удастся проследить, сколь обширными, разветвленными были его связи хотя бы с деятелями науки, которых Сергей Миронович всячески поддерживал, приобщал к социалистическому строительству. Когда он погиб, группа виднейших советских ученых во главе с президентом Академии наук СССР Александром Петровичем Карпинским писала:

«Киров был воплощением всего лучшего, что создала партия революционного пролетариата — единственного двигателя прогресса всего человечества… Имя Кирова для ученых Ленинграда навсегда останется символом организующей воли великой ленинской партии, ее творческой инициативы, ее глубокой отзывчивости на нужды трудящихся… Но особенно близко наблюдали мы, ученые Ленинграда, Сергея Мироновича как друга науки, как активного борца за культуру, за ее мощный расцвет в нашей социалистической стране…

Сергей Миронович с неиссякаемой энергией продвигал дело освоения богатств Севера и проблемы синтетического каучука, занимался новейшими изысканиями в области физики, химии и

постановкой геологоразведочного дела, мельчайшими деталями работы исследовательских институтов и Академии наук, улучшением бытового и материального положения ученых.

Это он помогал снаряжать великие исторические походы в Арктику, двигал вперед научные изыскания новых видов топлива, повседневно следил за строительством Всесоюзного института экспериментальной медицины, с любовью и радостью отмечал каждое достижение науки и техники».

Долголетние деловые узы, общие заботы о развитии земледелия во всей стране, и в частности в Ленинградской области, связывали Кирова с Николаем Ивановичем Вавиловым, членом ЦИК СССР, основателем ряда научно-исследовательских институтов, ученым, которого характеризует уже один его титул: советский академик, лауреат Ленинской премии 1926 года, член Королевского общества в Лондоне и Эдинбургского королевского общества, член-корреспондент Академии наук в Галле и Чехословацкой академии сельскохозяйственных наук, почетный член Индийской академии наук, член Нью-Йоркского географического общества, почетный доктор университетов в Брно и Софии.

Киров всегда с признательностью говорил об одном из учеников и сотрудников Вавилова, пионере заполярного земледелия профессоре Эйхфельде, о почетном члене Академии наук СССР Шухове, замечательном творце новой техники. Научные организации представили к ордену академика Генриха Осиповича Графтио, строителя Волховской и Свирской гидроэлектростанций, — Киров поддержал ходатайство решением секретариата обкома партии и телеграфно просил ЦИК СССР ускорить награждение выдающегося энергетика. Когда семидесятилетнего ученого-языковеда академика Николая Яковлевича Марра сразил паралич, врачи каждое утро передавали в Смольный телефонограмму о ходе заболевания. Каждая такая телефонограмма была первым документом, который Киров тогда читал на работе. Иван Петрович Павлов до конца своих дней так и не узнал, как заботился Сергей Миронович о том, чтобы великий физиолог и его сотрудники не страдали от лишений в трудные времена.

По-особому сложились отношения Кирова и академика Александра Евгеньевича Ферсмана.

Во второй половине двадцатых годов ученый, сам о том не подозревая, настроил против себя немало ленинградских работников, отнюдь не склонных к спецеедству. В частности, руководителей существовавшего при Ленинградском облисполкоме Карело-Мурманского комитета, ведавшего

проблемами развития северной экономики. Суждения члена этого комитета Ферсмана о хибинском апатите, о промышленных перспективах Севера были расплывчаты. Возникло впечатление, переходившее в убеждение, что Александр Евгеньевич чего-то не договаривает. Общавшиеся с ним советские и партийные работники даже не намекали ему, как вредна его медлительность. Однако в узком кругу, между собой, они порицали Ферсмана за эту медлительность, а кое-кто и ошибочно истолковывал ее.

К счастью, был человек, который глубже всех проник во внутренний мир ученого, разгадал подоплеку драмы, одиноко переживаемой Ферсманом, помог ему полностью отбросить тягостные сомнения, грозные опасения. Это был Киров.

Спустя десятилетие академик Ферсман рассказывал, что, по его выражению, в конце двадцатых годов он долго метался среди трех огней.

Александр Евгеньевич не очень-то верил, что наша небогатая тогда страна с ее бездной прорех и нужд способна быстро создать горнопромышленный центр на диком Севере, где каждый шаг сопряжен с колоссальными затратами средств: «Казалось, выгоднее пока вкладывать деньги и силы в обжитые края».

Ученые реакционного толка с самого начала, с 1920 года, мешали Ферсману изучать северные недра. Ассигнования на геологические экспедиции урезывались до жалких подачек. Вскоре после того, как в Ленинград перевели Кирова, с этим было покончено. Но академические мужи-рутинеры оставались по-прежнему в весе. В Ферсмане, своем коллеге-академике, они видели и хотели видеть лишь директора минералогического музея, путешественника-наблюдателя или теоретика, далекого от практической деятельности. Случись любая неудача, они не преминули бы опорочить идею освоения Севера, а заодно изобразить Ферсмана прожектером, авантюристом: «Казалось, лучше выжидать, пока изыскания накопят материалы, неопровержимые сверх меры».

А пуще всего прочего, как говорил Ферсман, удручали его вылазки оппозиционеров. Беспартийный, совершенно непричастный к борьбе с ними, ученый в ее перипетиях не слишком тонко разбирался. По выражению Александра Евгеньевича, то и дело рушились авторитеты, вчерашние политические столпы вдруг низвергались в оппозиции да уклоны, затем каялись и вновь нападали на генеральную линию партии:

— Эта лихорадка не позволяла определить, насколько устойчив азартный интерес ленинградских большевиков к Северу. Казалось, лучше выжидать.

Тогда и случилось так, что Киров стал часто приглашать

Александра Евгеньевича в Смольный. Беседовали подолгу. То на отвлеченные, то на практические темы. О законах общественного развития. О партии. О партии и пятилетке. Об индустриализации, продиктованной не чьим-то пристрастием к машинам, а историческими обстоятельствами. О тракторизации и химизации как двуедином залоге подъема сельского хозяйства. Об удобрениях как основе химизации земледелия. Об отечественном апатите, без которого не насытить землю удобрениями. Снова о партии, ее стратегии и тактике в экономическом развитии страны. Об интеллигентской привычке персонифицировать события, пренебрегая объективными истинами, непреложными закономерностями. Об умении мыслить исторически, не утопая в мелких фактах, преходящих событиях и неприятностях. И еще о многом.

— Сергей Миронович влюблял меня в дела и думы партии, а я влюбился в него. Я и впрямь привязался к нему. С ним было спокойно и светло.

Александр Евгеньевич словно выздоравливал после недуга. Никакого одиночества. И никаких неодолимых преград. «Чуть что, звонишь, приходишь в Смольный».

Сергей Миронович помогал больше, чем Ферсман просил, ожидал.

Чтобы ослабить влияние маститых рутинеров от геологии, промышленные запасы хибинского апатита разведывали и Ленинградский совнархоз, и Институт удобрений, а обслуживало, обстраивало их в безлюдном краю управление Мурманской железной дороги. Все туманное прояснялось в кировском темпе: да, изученные месторождения руды вполне позволяют немедленно начать разработку их. Все, что тянулось годами, завершилось в несколько месяцев созданием треста «Апатит».

Спустя еще несколько месяцев, в июле 1930 года, когда отгружались первые эшелоны с апатитом, в Хибинах распахнулись двери научной станции «Тиэтта», что по-саамски означает: наука. Станцию эту Ферсман хотел основать еще в 1925 году, но академия отказала в необходимой для строительства скромной сумме, в десяти тысячах. Теперь все было по-иному. Академику Ферсману открылся путь к новым серьезным изысканиям.

Но своей песнью песней он считал апатит.

С декабря 1934 года Ферсман называл хибинский апатит камнем плодородия Великой кировской земли.

Своя песнь песней была и у профессора, будущего академика Сергея Васильевича Лебедева.

Еще в молодости он после двухлетних опытов, в 1910 году,

первым в мире получил первые граммы искусственного каучукоподобного вещества. Практически же петербургский ученый ничего не достиг, так как российские фабриканты и заводчики не заинтересовались открытием, не хотели финансировать дальнейшие исследования. Промышленное изготовление каучука, не уступающего по качеству естественному, оставалось тайной. Раскрытию тайны Лебедев смог посвятить себя лишь на шестом десятке лет, после Октября, начиная с 1926 года.

Возобновление заброшенных, полузабытых исследований требовало внимания, средств. Сергей Васильевич и его сотрудники, в том числе коммунист Валентин Петрович Краузе, решили искать опоры и помощи в партийных организациях. Обратились в Василеостровский райком ВКП(б), к Петру Ивановичу Струппе, одному из виднейших впоследствии ленинградских большевиков. Струппе связал ученых с новым секретарем губкома ВКП(б) Кировым. Сергей Миронович откликнулся тотчас же: обеспечить полнейшую поддержку, если и нет гарантии успеха. С тех пор лаборатории Ленинградского университета и Военно-медицинской академии, где профессор Лебедев преподавал химию, были к его услугам для любых опытов; Резинотрест выделял столько денег, сколько Лебедев просил.

Давая деньги, Резинотрест допустил ошибку — запретил Лебедеву и его сотрудникам участвовать в объявленном ВСНХ СССР конкурсе на промышленный способ производства каучука. Запрет был необоснованным и вредным. Лебедев и его сотрудники и так безвозмездно занимались исследованиями и, совмещая их с преподавательской работой или учебой в аспирантуре, трудились по вечерам и в выходные дни. Незамедлительное вмешательство Кирова пресекло бюрократическую ошибку, граничащую с преступлением. 30 декабря 1927 года, за сутки до истечения срока конкурса, Лебедев под девизом «Диолефин» представил в ВСНХ итоги исследований и опытов, приложив наглядное доказательство их ценности — два килограмма синтетического каучука.

«Диолефин» премировали по конкурсу. Научно-технические консультанты ВСНХ СССР признали исследования Лебедева классическими.

Победа. Открытие мирового масштаба.

Все же оно для СССР имело пока скорее патриотическое, чем практическое значение. Лебедев еще не разработал ни схем заводских установок, ни точной технологии производства высококачественного синтетического каучука, который по

тогдашнему увлечению аббревиатурами, то есть сокращениями словосочетаний, именовали просто: СК.

Опыты продолжались уже в специальной лаборатории, арендуемой для Лебедева. На нехватку средств он не имел оснований жаловаться — никаких ограничений, только дайте скорее наметки и схемы, необходимые для строительства заводов СК.

Опыты продолжались полгода, год, полтора.

Лебедев стоял ближе, чем кто-либо, к цели, но у цели все еще не стоял.

В ноябре 1929 года Куйбышев был вынужден огорчить участников очередного пленума ЦК ВКЦ (б):

— Работа по искусственному каучуку, которая производилась в некоторых лабораториях нашего Союза, пока не привела к сколько-нибудь благоприятным результатам. Доказано уже, что можно получить каучук из спирта и из других источников, но этот каучук страшно дорог, и фабричное его производство абсолютно не оправдало бы себя.

Коротко и ясно. Строить предприятия рано.

Заминка. Обычная и естественная в новой отрасли науки заминка, но чреватая опасными последствиями. Производство автомобилей, множества машин, агрегатов, приборов и некоторых видов вооружения — все увеличивало спрос на резину. Ее вырабатывали из каучука. Из натурального, импортного каучука. В этом советская экономика и оборона страны целиком зависели от мирового каучукового рынка. Зависимость была поистине жестокой, кабальной. Если над жадностью к наживе у монополистов возобладает ненависть к СССР, они способны когда угодно ударить по нему резиновой дубиной. Надо было поскорее избавиться от резиновой кабалы. Советские ботаники искали, изучали растения-каучуконосы. Химики в лабораториях пытались разными способами добыть СК приемлемого качества, приемлемой стоимости. Но единственная реальная надежда — СК профессора Лебедева.

Что переживал тогда Киров, можно лишь догадываться. Об опытах по синтезу каучука ему докладывали часто. На разных стадиях опытов ему приносили пробирки с продуктами химических реакций, поясняя, в чем ученые шагнули вперед и в чем никак не стронутся с места. Сергей Миронович внешне был непроницаемо спокоен, иногда шутил. Пробирки оставлял у себя. Размышлял над ними. После гибели Кирова все неказистые пробирки нашли у него в смольнинском кабинете. Пока ученые бились над своими опытами, Киров, очевидно, старался найти основную причину неудач, общую причину опасной заминки.

Киров нашел ее. Лебедев, человек изумительных достоинств, был чрезвычайно щепетилен, скромен, что побуждало его десятки раз проверять, перепроверять себя. Его стремление к совершенству не ведало границ. Он хотел в лаборатории сотворить идеальный завод СК. Только идеальный. И ученый, так сказать, мыслил лабораторно, а надо было мыслить политически. Обстоятельства требовали, кричали — не теряйте ни часа. Ученый слышал зов обстоятельств, трудился по десяти, по двенадцати и четырнадцати часов в сутки, но лабораторной скованности не преодолел.

Между тем Киров был убежден, что Лебедев уже вправе торопиться. Верил в близость успеха больше, чем сам Лебедев. У Кирова вызрело четкое намерение: быстро выстроить опытное предприятие, прообраз будущих крупных заводов СК. Во главе поставить хозяйственника, у которого все будет гореть в руках и который, оставаясь помощником ученого, поведет его за собой в заданном темпе. В строго заданном большевистском темпе.

Подобрать работника Киров не поручал ни Резинотресту, ни обкому партии. Наметил кандидатуру сам — Пеков. Выбор на первый взгляд странный. Ни инженерного диплома, ни технических знаний. Лет сорока окончил курсы хозяйственников при ВСНХ. Директор заурядного желатинового завода. С наукой ничего общего. Но вряд ли возможен был выбор лучше. Имя потомственного питерского рабочего, коммуниста с 1917 года, участника гражданской войны Григория Васильевича Пекова вскоре звучало с академических кафедр, с высоких трибун в дни торжеств, оно навечно вписалось в историю советской каучуковой промышленности.

Пекову передали, что есть для него у Кирова сверхважное задание. Григорий Васильевич, по его воспоминаниям, волновался, придя в Смольный. Сергей Миронович это заметил.

— Задание простое, надо, чтобы вам понравился один мой тезка.

— Постараюсь, Сергей Миронович.

— Полдела готово, но вторая половина в три раза труднее. Надо, чтобы вы понравились ему.

Беседовали долго. Все пояснив, Киров добавил:

— Назначить вас можем только с согласия профессора Лебедева. Сейчас он в университете, вот телефон.

Часа через два Пеков позвонил Сергею Мироновичу.

— Когда мы прощались, профессор пожал мне руку обеими руками.

В январе 1930 года было это.

26 февраля намерение Кирова — выстроить опытный завод —

стало правительственным решением.

Пусковой срок установили такой, что ученые сочли его фантастическим.

7 мая уже действовал агрегат по переработке спирта в дивинил — газ, преобразуемый затем в СК.

5 июля на заводской площадке открылась превосходная лаборатория, ставшая всесоюзным научно-исследовательским центром по синтезу каучука.

1 августа начались занятия на курсах, где обучался персонал будущего завода.

18 декабря, досрочно, основные цехи вступили в эксплуатацию.

Но январь 1931 года принес неудачу. Скорее провал: есть завод, есть дивинил, а каучука нет. Неделя миновала, вторая, СК из дивинила не получался.

Тяжкое наступило время. Раньше Киров мог влиять на ученых, увлекавшихся бесконечными рационализациями, в которых крайней необходимости не было. Сергей Миронович увещевал ученых — держитесь графика, не упуская главного, а второстепенные усовершенствования берите пока на заметку, они никуда не денутся. Но чрезмерное увлечение второстепенным не прошло даром. Что-то упустили в главном. И теперь оставалось лишь осведомляться:

— Как дела?

— Стараемся, — отвечал Пеков. — Когда же вы спите, Сергей Миронович? Три пробило.

— А вы когда спите?

— Когда придется.

— И я тогда же.

Сергей Миронович не скрывал тревоги. На успехе Лебедева основывалось правительственное решение о сооружении крупных заводов СК в Ярославле, Воронеже и других городах. Уже наметились строительные площадки. Уже трудились сотни проектировщиков. Хотя в решениях отвели кое-какие месяцы на возможные осложнения с экспериментами изобретателей СК, в пору было бить отбой, удлинять сроки. Но, тревожась, Киров нисколько не терял уверенности в ученом, успокаивал его. Действительно, Сергей Васильевич уловил все капризы технологии и, заставив все агрегаты подчиниться его воле, прихватил лишь малую толику резервного времени, предусмотренного правительством.

С 15 января Ленинградский опытный завод бесперебойно давал стране СК.

Сергей Миронович просил, напоминал: теперь думайте вовсю

о Ярославле и Воронеже. Ученые из скромности опять роптали, настаивая на отсрочке, и опять покорялись вере Кирова в их силы и способности.

А будни Лебедева, по-прежнему насыщенные неутомимым трудом, были подобны триумфальному шествию.

7 августа 1931 года его наградили орденом Ленина за особо выдающиеся заслуги.

29 марта 1932 года его избрали в академики.

7 июля 1932 года вступил в строй Ярославский завод СК.

19 октября 1932 года вступил в строй Воронежский завод СК.

Проектировались, сооружались еще и еще заводы СК по методу академика Лебедева.

Но весной 1934 года нагрянула беда. Сергей Васильевич захворал. Он где-то заразился сыпным тифом. Болезнь протекала своенравно, ее распознали с опозданием.

2 мая великий ученый скончался.

Его жена, художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева, впоследствии рассказывала, что Сергей Васильевич очень хотел при случае выразить Кирову свои чувства к нему. Но не находил слов, которые Киров не счел бы совершенно излишними.

Лебедев медлил и с желанием повидать Сергея Мироновича, чтобы просить содействия в дальнейших, с большим размахом задуманных исследованиях. Последнее желание покойного мужа исполнила Анна Петровна.

Свое посещение Смольного она бегло запечатлела в автобиографических записках. В приемной секретаря обкома ждать долго не пришлось: Анну Петровну пригласили в кабинет. Там за письменным столом сидел Киров:

«Увидев меня, он поднялся и пошел навстречу. Мы очень внимательно, серьезно и молча посмотрели друг другу в глаза. Его наружность: среднего роста, широкоплечая фигура могучего сложения. Лицо широкое, скуластое. Прямой короткий нос. Энергично и резко очерченный рот. Небольшие, глубоко сидящие черные глаза. Кожа на лице огрубевшая, красноватая, как у матроса или воина, который много дней провел на воздухе и в ветер, и в мороз, и на пекле солнца. Лицо чрезвычайно умное. Взгляд проницательный и наблюдательный. Вся фигура отважная, стремительная, со скованным до нужного момента темпераментом.

Он молча указал мне на кресло. Мы сразу стали говорить о делах. У меня была бумажка, на которой я записала то, что мне надо было сказать, я ее положила на стол и, справляясь с ней, стала говорить. Он молча внимательно слушал, потом пододвинул записную книжку и стал записывать, иногда

переспрашивать, когда хотел подробнее узнать о том или о другом.

При окончании разговора, который продолжался около часа, он мне сказал, что придает большое значение науке, ученым, которые участвуют в развитии страны. И, между прочим, спросил меня, получал ли что-нибудь Сергей Васильевич за свое изобретение. «Нет, — ответила я, — он ничего не получал. Ни он, ни его сотрудники». Сергей Миронович спросил меня: «Как же это так вышло?»

Тогда я рассказала ему, что Сергей Васильевич еще в 1929 году заключил договор с Резинотрестом о получении за свое изобретение им и его сотрудниками известного процента с производства и до сих пор, до 1934 года, не предпринял ничего для осуществления этого договора».

За несколько месяцев до смерти Сергей Васильевич отказался от ежегодных доходов с производства, поскольку получалась очень большая, многомиллионная сумма. Было условлено, что он и его сотрудники получат единовременное вознаграждение, и все. Притом свою долю он хотел перечислить лаборатории, которую наметила построить для него Академия наук. Зная это, Анна Петровна, законная наследница прав академика Лебедева, решила отдать его долю вознаграждения на оборудование запланированной лаборатории и набросала о том письмо, которое прочла Кирову. Он спросил, окончательно ли решила она так поступить. Анна Петровна ответила: да. Сергей Миронович тогда взял письмо, обещав отослать его по назначению.

Прощаясь, Киров говорил, что очень уважал Лебедева, верил ему, его объективности и не ошибся.

«Он вспомнил, как однажды пришли к нему химики и сообщили, что ими получен каучук нового, ранее неизвестного состава. Сергей Миронович предложил организовать комиссию для оценки и рассмотрения его качества и пригласить в эту комиссию Лебедева. Ему ответили: «Да зачем Лебедева? У него свой каучук, он наш захает». Но Сергей Миронович настоял на своем. И что же? Сергей Васильевич был в комиссии и высказал такое мнение: каучук хорош и в некоторых своих особенностях лучше изобретенного им. И чем больше будет разных каучуков, тем лучше для государства. Сергей Миронович Киров оказался прав, веря объективности и справедливости Сергея Васильевича.

Через несколько времени началась постройка лаборатории высокомолекулярных соединений имени Сергея Васильевича Лебедева».

О советской культуре Киров заботился не менее деятельно, чем о науке и технике. Любовь к искусству, зародившуюся в

уржумской «Аудитории», он пронес через всю жизнь. Во Владикавказе никто не сделал больше, чем Сергей Миронович, для популяризации передового искусства, особенно театрального. В Азербайджане никто до Кирова не сделал столько для развития национальной культуры, в том числе театральной, сколько он. Естественно, его руководство культурным строительством в Ленинграде было чрезвычайно плодотворным.

Народная артистка СССР Екатерина Павловна Корчагина-Александровская писала, что Киров с исключительным вниманием относился к людям искусства. Актеров поражало, как он при всей своей загруженности выкраивает время, чтобы бывать в театрах, просматривать новые спектакли и фильмы, беседовать с авторами о самом существе произведения, нацеливать их на ту или иную тему. В Театре имени Пушкина, где Корчагина-Александровская играла, Киров видел все значительные премьеры. Посещал он театр этот часто:

«Бывало, придет на спектакль, внимательным взглядом окинет все наше «хозяйство» и заметит: вот, мол пообтерся бархат на ложах в одном месте, надо бы это отремонтировать, — в театре все должно быть празднично, образцово, привлекательно. Или пожурит за кустарную технику перестановок, длину антрактов — «переставляете вы долго, публика устает в темноте сидеть». Ему в равной степени были близки и интересы актеров, и интересы зрителей.

Киров горячо приветствовал каждую попытку театра дать спектакль, непосредственно откликавшийся на политическую злобу дня. Он рекомендовал агитаторам использовать в своих выступлениях материалы пьесы, входившей в репертуар нашего театра, — «Ярость» (на тему о коллективизации деревни); несколько раз побывал на этом спектакле, внимательно следил за реакцией зрителя…

Для меня лично лучшей рецензией, которую я получила за свою полувековую работу в театре, был одобрительный отзыв Сергея Мироновича об исполнении роли Клары в пьесе Афиногенова «Страх»…

Величайшей похвалой для меня было замечание Сергея Мироновича о том, что исполнительница «сумела найти в нас, большевиках, правдивые, простые, человеческие черты».

Высоко ценил Сергей Миронович искусство кино, много раз подчеркивал его политическое значение. Он деятельно помогал ленинградской студии «Ленфильм» в создании таких замечательных картин, как «Встречный», «Чапаев». Повседневной помощи Кирова мы обязаны рождением фильмов, прославивших на весь мир советскую кинематографию и Ленинградскую

киностудию».

Кирова радовало, что писатели, музыканты, художники, композиторы, как он говорил, все активнее включаются в общее дело рабочего класса и что в трудовой среде растут новые таланты, которые при другом общественном строе были бы раздавлены и обречены на гибель.

Писатели часто наведывались в Смольный, Сергей Миронович приглашал их на заседания секретариата и бюро обкома. На письма писателей — впрочем, как и на все другие письма, — пусть и о весьма скромных нуждах, откликался немедленно. Судя по датам пометок Сергея Мироновича на письмах, они прочитывались буквально в тот день, когда их доставляла почта.

Киров дружил с Алексеем Максимовичем Горьким. Как писателя Сергей Миронович любил его с юношеской поры. Работая в «Тереке», не раз писал о произведениях Горького.

Познакомились они в 1928 году. После длительной жизни в Италии, на острове Капри, Алексей Максимович приехал в СССР. Несколько раз виделись они в 1929 году, когда писатель дважды побывал в Ленинграде. Киров и Горький присутствовали на собрании городского профсоюзного актива, а также при спуске на воду двух лесовозов со стапелей Балтийского завода. Сергей Миронович навестил Горького в гостинице, и Алексей Максимович несколько часов подряд делился впечатлениями о недавнем путешествии по стране.

Крепли и деловые отношения. Киров поддерживал многие начинания Горького — создание «Истории гражданской войны в СССР», серий книг «История фабрик и заводов», «Жизнь замечательных людей», журнала «СССР на стройке» и так далее. Горький же помог осуществить замысел ленинградских писателей — выпускать журнал «Литературная учеба».

Первый том «Истории гражданской войны СССР» подготавливался при участии Сергея Мироновича, члена главной редакции этого издания. Горький неоднократно обращался к Кирову за советом, когда писались первые книги из серии биографий замечательных людей. Журналистка Елизавета Захаровна Крючкова и ее муж Петр Петрович Крючков, секретарь писателя, рассказывали, что однажды Киров по просьбе Горького сформулировал, как надо писать эти биографии и чем они должны отличаться от подобных произведений, издававшихся в дореволюционной России. Формулировка восхитила Алексея Максимовича своеобразием и предельной ясностью. В конце 1933 года выяснилось, что не выделили достаточного количества бумаги для бесперебойного выпуска серии «Жизнь замечательных

людей». Киров обещал Горькому уладить возникшее недоразумение, хотя с бумагой было очень трудно. И слово свое, конечно, сдержал.

Произведения Горького любил Киров по-прежнему, все новое читал незамедлительно, как бы ни был занят. Пьесу «Егор Булычов» смотрел дважды в Московском театре имени Вахтангова, а до того — в Ленинградском имени Горького. Ленинградская постановка была неудачна. Киров говорил редактору «Красной газеты» Петру Ивановичу Чагину: «Это ж нужно ухитриться так испортить пьесу. Просто больно за Алексея Максимовича…»

Глубокими были чувства великого писателя к Кирову. В траурные декабрьские дни 1934 года Алексей Максимович, находясь в Крыму, телеграфировал в Москву:

«Убит прекрасный человек, один из лучших вождей партии, идеальный образец пролетария, мастера культуры. Всей душой разделяю горе партии, горе всех честных рабочих».

Позднее Горький писал Константину Александровичу Федину:

«Я совершенно подавлен убийством Кирова, чувствую себя вдребезги разбитым и вообще — скверно. Очень я любил и уважал этого человека».

В последние годы жизни Кирова его слава политического деятеля и трибуна росла по всей стране. Сергея Мироновича называли любимцем партии. Он знал это, искренне относил восхваления к заслугам партии и оставался таким же скромным, непосредственным и простым человеком, как прежде.

Михаил Попов после первой русской революции виделся с другом юности в 1912 а 1915 годах. Виделся в двадцатых, тридцатых годах. И не заметил ни единой новой черты в общении Сергея Мироновича с товарищами и знакомыми или с окружающими — та же приветливость, та же обходительность, что и в юные годы. Товарищ по тюремной отсидке и нелегальной работе в Новониколаевске, инженер Фортов, бывая в Ленинграде, наведывался к Кирову. Однажды покидали они Смольный втроем: Фортов, Сергей Миронович и только что побывавший у него на приеме хозяйственник. Навстречу — сгорбленная старушка. Никто из выходящих-входящих не обратил на нее внимания. Никто, кроме Сергея Мироновича. Он остановился, придерживая дверь. Послышалось:

— Батюшка, где тут…

Вдруг Киров исчез. Оказалось, исчез он за тяжелой дверью.

Возвратился в вестибюль, где что-то растолковывал старушке. Фортов обрадовался: точь-в-точь как в юности, ничуть не изменился в душе Сергей. Только волевой мощи прибавилось. И жизнелюбия еще больше прежнего. В сорок семь лет Киров сказал Фортову: «Скоро я свои годы начну считать обратно».

Рихтерман, с которым в 1918 году Киров общался в Пятигорске, переселился в Москву, раньше времени состарился из-за нажитых на каторге хворей, но не сидел сложа руки. Была у него своя страсть. Он постоянно за кого-нибудь о чем-нибудь хлопотал — бескорыстно, разумеется. Кирова он осаждал такого рода письмами:

«А теперь, дорогой Сергей, у меня к тебе, как и всегда, имеется небольшая просьба в отношении товарища… Надеюсь, как и всегда, удовлетворишь просьбу товарища…»

По собственному выражению, Рихтерман иногда спорил со своей совестью, отнимая время у столь занятого человека, и был счастлив до слез, услышав однажды от Кирова слова благодарности за хлопоты о чужих людях. Сергей Миронович тогда сказал, что пробудет в столице неделю и что есть у него автомашина, которой почти не пользуется: телефон гаража такой-то, пусть он, Рихтерман, вызывает ее, коли надо.

Сергею Мироновичу часто звонили приезжие товарищи. Долго напоминать, где и когда вместе с ним работали в подполье или воевали, было незачем. Он отзывался тотчас же — ну как забудешь, и приводил обычно яркую подробность десятилетней, двадцатилетней давности.

Только все, что касалось его самого, былой жизни его, словно туман застилал, хотя память у Кирова была потрясающая и на лица, и на книги, и на музыку, и на факты, и на цифры, и на даты.

Попов рассказывал, что Сергей Миронович начисто забыл многое из того, что делал в Томске, делал талантливо и смело. Помимо печального, в голове удержалось лишь кое-что смешное. Как Поповы взламывали двери, когда юный Костриков спал у них осенней ночью в 1905 году. Как близ какой-то купеческой усадьбы спасся от ареста, легко перемахнув через каменную ограду, а полицейский, следом влезая на нее, сорвался, покалечился и закричал «караул». Как в тюремных спектаклях мужчины, исполняя женские роли, вдруг терялись и подавали свои реплики басом.

В 1926 году Кирова обязали написать для печати автобиографию. В ней он отметил, что, учась в Казани, начал почти самостоятельную жизнь, прежде всего ввиду ограниченности стипендии: девяносто шесть рублей в год. Но

получал шестьдесят. Забылось, что о земской стипендии в девяносто шесть рублей старшие друзья лишь ходатайствовали, не добившись ее. Сергей Миронович написал, будто в последний раз был арестован в 1915 году. В действительности же — раньше. Забылось, что в 1915 году донимали другие неприятности. Кирова хотели забрать в солдаты, ему угрожала кара за то, что он не отбыл воинской повинности.

В некоторых анкетах Кирова, делегата съездов и конференций, мелькает дата рождения 1888 вместо 1886. Забылось, что томские конспираторы в его паспорте из шестерки мастерски сделали восьмерку. Позаботились очень кстати: когда Кострикова впервые судили, он в двадцать один год числился девятнадцатилетним, благодаря чему несколько смягчился приговор.

Автобиография набрасывалась второпях. Делегатские анкеты заполнялись мимоходом. Однако не в спешке суть, ведь во всем, кроме автобиографических мелочей, был Сергей Миронович исключительно точен при любых обстоятельствах.

Сергей Миронович сетовал подчас — впрочем, шутя — на несовершенство человеческого организма. Руки, говорйл, не поспевают за мыслью. Говорил, что делу никак не угнаться за мыслями и что мысли, вынужденные толпиться в очереди у дела, вянут, пропадают. Мысли переполняли его. Бывало, он отдает распоряжение. Если спросят, что да как, Сергей Миронович лишь спустя две-три секунды уловит вопрос — его мысль уже улетела дальше. Чтобы не нарушалась стройность мыслей, он, звоня из дому в секретариат Смольного, обычно задавал вопросы и уже потом добавлял: здравствуйте. Анастасия Андреевна Платонова, Вера Павловна Дубровская и другие сотрудницы секретариата тоже приучились к этому. Точно отвечали на вопросы и только в заключение здоровались с Кировым.

С годами его мозг был все более загружен. Именно поэтому Сергей Миронович, равнодушный раньше к охоте, в тридцатисемилетнем возрасте увлекся ею, единственно приемлемой разновидностью отдыха, позволявшей выключаться из работы, избавляться на время от умственного перенапряжения. Отдыхал Сергей Миронович куда меньше, чем следовало, и мозг в поисках саморазрядки вытеснял из памяти все ненужное, несущественное. Для Кирова самым несущественным было сугубо личное. Оттого и забывались автобиографические факты и даты. А тем, которые оставались в памяти, он не придавал никакого значения, не задумывался над ними. Ему в безмерной скромности его не к чему, некогда и, главное, несвойственно было думать об этом, как и вообще о себе.

Его всегда занимало более важное. Он всегда был в работе и заботах. Кирову, выражаясь его же словами, повседневно сопутствовала большевистская, честная, благородная внутренняя тревога за дело партии. Он целиком принадлежал партии. Был поглощен работой для партии.

Работал Сергей Миронович очень много.

По воспоминаниям его служебного секретаря-помощника Николая Федоровича Свешникова, день Кирова начинался рано. В Смольный он приезжал часам к одиннадцати утра, успев дома прочесть газеты и срочные бумаги, побывать на заводах, фабриках, стройках, в научно-исследовательских институтах. Если направлялся в Смольный прямо из дому, то нередко оставлял машину на полпути: осматривал ремонтирующиеся улицы, заглядывал в магазины, столовые, аптеки. В первые годы жизни в Ленинграде ходил и на базары, которые, по выражению Сергея Мироновича, были хорошей фотографией деревни. Потом перестал — его узнавали, с ним беседовали уже не как с неизвестным, а как с ответственным работником. Была еще помеха: личная охрана. Киров не сразу привык к тому, что его — с конца двадцатых годов — всюду сопровождали посторонние. Да и позднее тяготился охраной. Случалось, выйдет из кабинета после заседания, оживленно беседуя с товарищами. В приемной поднимутся со стульев двое, одетые в штатское или военное. Сергей Миронович, как увидит их, смолкнет, грустно кивнет им, досадливо махнув рукой: «Ладно, двинули».

С сотрудниками секретариата у Кирова сложились товарищески-строгие отношения. Требовательный к себе, он был требователен и к ним. Не терпел, когда не могут разыскать нужного работника. Скажут, нет работника в его учреждении, и никто не знает, где он, Киров нахмурится: «Это не ответ. Раз в Ленинграде человек, значит, найти его можно…»

Не терпел малейшей неаккуратности, вплоть до редких машинописных опечаток, которые обязательно исправлял. Не терпел, когда подевается куда-нибудь бумажка, хотя бы третьестепенная. Сам он ничего не терял, все у него лежало на своем месте. Кроме махорки, которую он держал в жестяной коробочке из-под машинописной ленты. Придет утром, хлопает, хлопает ладонями по грудам бумаг, оставшихся с вечера на столе, пока не набредет на неказистую свою табакерку.

Сергей Миронович не терпел и промедлений с заданиями, пусть даже незначительными. Сердился: «Черт знает что такое!»

Пожурит или отчитает сотрудника за канцелярскую провинность, а попозднее или назавтра улыбнется: «Что, попало вам…»

У сотрудников секретариата не было в жизни ярче времени, чем период работы с Кировым. Они впоследствии писали, что прошли у Сергея Мироновича замечательную школу и что его обаяние, его щедрая улыбка, смеющиеся глаза, звонкий голос, выразительные жесты — все располагало к нему, превращая каждую встречу с ним в праздник.

Обычно день Кирова был распланирован заранее. Вызывал ли он работников или назначал встречу по их просьбе, Сергей Миронович всех принимал в точно обусловленное время. Если разговор с посетителем длился дольше предположенного, через секретаря или сам извинялся перед ожидающими в приемной. Как бы ни был Киров занят, дверь кабинета распахивалась, если о встрече просил родственник товарища, погибшего в царском застенке или на фронте в годы гражданской войны.

Сотни людей рассказывали, как хорошо умел Сергей Миронович выслушивать собеседников, считаясь с их характером, возрастом, состоянием здоровья, настроением. Слушал заинтересованно, молча. Изредка делал пометки в блокноте. Еще реже переспрашивал что-либо. Пока собеседник выговорится, у Кирова созревали выводы. Тут же отдавались необходимые распоряжения.

Совещания, заседания проходили во второй половине дня. Прерывать выступающих репликами Киров не любил. Но останавливал, прерывал работника, если тот не ладил с правдой. Уважительно относился к честно высказанному деловому мнению, если оно и неприемлемо, не вполне правильно. Кодацкий писал:

«С удивительной чуткостью и тактом умел подходить к людям Сергей Миронович. Этот же такт проявлялся им во время заседаний бюро и различных совещаний. Обладая огромным, непререкаемым авторитетом, он никогда не подавлял им, никогда не навязывал своего мнения, а убеждал ошибающихся, незаметно для них самих подводя их к правильному пониманию вопроса».

Убеждал ошибающихся спокойно. Все же несколько раз Киров выходил из себя.

Заседание. Огласили повестку дня. Встал кооператор, вызванный для доклада.

— Я только вчера получил извещение. Не успел продумать вопрос.

Сел. В напряженном молчании, опершись руками о стол, тяжело поднялся Сергей Миронович. Не философских изысканий ждали от кооператора. В городе мало овощей. Очереди. Столовые без капусты. А она есть, ее только не завезли вдосталь.

Припасены и помидоры — сумейте завезти. Добросовестный работник, если его и среди ночи разбудить, скажет, что им сделано для снабжения рабочих овощами и что не ладится, что наболело. А кооператор осмеливается твердить, что за сутки не подготовился к докладу. Значит, и к работе не готов. Или сердце каменное.

И так далее. Разнос послужил уроком для многих.

Некоторые хозяйственники, испугавшись сложности изготовления электродомны «Миге-Перрон», положили чертежи на полку: авось в Москве передумают, отдадут заказ иностранной фирме. Это дошло до Кирова. Он, возмущенный, потерял самообладание. Никогда не видели Сергея Мироновича столь рассерженным. И подобный случай: из-за головотяпства были под угрозой заготовки леса, предназначенного на экспорт в Англию. Мало того, что терялась валюта, пострадал бы престиж страны. Заготовители потом наверстали упущенное время. Лес отгрузили за границу в срок.

7 августа 1932 года был издан декрет о суровой ответственности за хищения. Вскоре поступили сигналы, что этот декрет, который Сергей Миронович считал вполне правильным, необходимым, в нескольких районах Ленинградской области применяется бездумно. Судебных работников вызвали в Смольный. Докладчик приводил факты, цифры. Киров слушал, слушал и вдруг, побурев от гнева, вскочил:

— Вы так пол-России пересажаете, а толку что!

Взяв себя в руки, Сергей Миронович заговорил о том, что над матерыми расхитителями надо проводить показательные процессы и широко, но без визга освещая их в печати, учить несознательных, предупреждать нестойких, запугивать падких на преступления…

Были заседания и совещания, нет ли, Сергей Миронович работал в Смольном допоздна. Уезжал часов в десять-одиннадцать, порой за полночь. Дома продолжал трудиться, просматривал почту, читал журналы и книги.

Жил Сергей Миронович на улице Красных Зорь — ныне это Кировский проспект — в большом доме, где больше ста квартир, заселенных рядовыми рабочими и служащими. Кабинет — просторная комната с книжными шкафами вдоль стен. На письменном столе, кроме фотоснимков, — слитки металла, разноцветные минералы. Эти подарки с новых заводов и рудников Киров бережно хранил.

Готовясь к докладам, занимался в столовой, за длинным обеденным столом, потому что на письменном столе не хватало места для бумаг и книг. Докладов никогда не писал, составляя

лишь краткие тезисы-конспекты. Эти тезисы-конспекты набрасывал крупно, размашисто, чтобы на трибуне все отчетливо видеть без очков. Занимаясь в очках, Сергей Миронович на людях почему-то не любил их носить.

Перед большими выступлениями волновался, дома долго шагал по комнате, держа руки за спиной или в карманах. Попову как-то сказал, что, бывает, ночью проснешься, холодом обдает. На трибуну Киров поднимался совершенно спокойным, голос звучал с каждым словом все сильнее, взволнованнее, горячее.

Полагалось иметь личного секретаря, но Сергей Миронович от этого отказывался. Серго Орджоникидзе уговорил жену Кирова оставить службу и секретарствовать дома. В 1934 году Мария Львовна хворала: ее изводили головные боли, временами затруднялась речь, ослабевала память. Сергей Миронович и слушать не хотел о том, чтобы взять кого-либо в домашние секретари. Сам разбирал, сортировал всю объемистую почту.

Домашняя библиотека Кирова насчитывала двадцать тысяч томов. Книги стояли в шкафах и на полках по разделам: политическая, научно-техническая литература, русская классика, иностранная, произведения современных советских и зарубежных писателей. Где какая книга стоит, всегда помнил, долго не искал. Среди книг накопилось немало дублетов, и Сергей Миронович хотел отобрать их, чтобы передать какой-нибудь библиотеке. Но не успел. В 1935 году Мария Львовна передала все вторые экземпляры библиотеке Кировского завода, бывшего «Красного путиловца».

Сергей Миронович любил шахматы, но играл редко. Любил бильярд, но играл все реже. Занимаясь или отдыхая, слушал музыку в граммофонной записи и по радио. Старался не пропускать трансляции из театров. Если пьеса исполнялась посредственно, начинал своеобразно комментировать игру. По голосу того или иного актера угадывал, как он ходит, стоит, сидит, жестикулирует. И пояснял жене, в чем несуразность мизансцен, истолкования роли. Выключал приемник: приятно только талантливое.

В столовой стоял аквариум с зеркальными карпами. Сергей Миронович бросал им поживу, приговаривая:

— Ну, конечно, вас тут не кормят, а вы сказать об этом не можете.

Жена усмехалась. Для нее аквариум был обузой.

Были у Кировых кот Барсик и собака Стрелка, мирно уживавшиеся друг с дружкой, пока Сергей Миронович отсутствует. Едва он переступит порог, собака с котом, словно взапуски, кидались навстречу. И разыгрывались забавные сценки.

Приласкает Сергей Миронович кота, Барсик зажмурит зеленые глаза от удовольствия, а Стрелка поеживается, нервничает. Потреплет собаке ухо, Стрелка замрет от удовольствия, а Барсик мечет в нее зеленые молнии. Киров умывался, переодевался, садился за стол. Барсик и Стрелка ревниво поглядывали на него. Сергей Миронович, пряча улыбку, отворачивался. Кот с собакой успокаивались, засыпали. Из Стрелки вышла хорошая гончая, и Сергей Миронович радовался:

— Теперь я полный охотник.

Отдыхая, он чаще всего работал в комнатушке, где у него были верстак, слесарный и столярные инструменты. Сергей Миронович выглядел там как мастеровой прежних времен: на нем передник, рукава сорочки закатаны, в руках то напильник, то паяльник, то плоскогубцы. Киров что-то пилил, строгал. Чистил свои ружья, приводил в порядок охотничьи принадлежности, чинил домашнюю утварь.

Здоровье у Кирова было завидное. Однако в конце 1933 года произошло что-то неладное. Внезапно пульс упал до сорока четырех. Работоспособности никакой. Ехать в Кисловодск или лечь в больницу Сергей Миронович не захотел. Согласился отправиться с женой в загородный дом отдыха, пустовавший зимой. Там находился один только человек, профессор Виктор Александрович Вальдман, будто бы писавший научный труд. Оказалось, все было подстроено, чтобы профессор Вальдман мог лечить Сергея Мироновича. Пришлось подчиниться. Помимо всего прочего, профессор велел кататься на коньках, Сергей Миронович свободно ходил на лыжах, но коньков никогда не имел. Профессор предложил помочь или вызвать из Ленинграда физкультурника-инструктора. Сергей Миронович возразил: обойдемся как-нибудь. И в тот же день встал на коньки, держа в руках огромную дворницкую метлу. Катал Марию Львовну в высоких финских санках, толкая их впереди себя: тоже крепкая опора. Несмотря на суровые морозы, Сергей Миронович проводил на катке ровно столько времени, сколько предписано. Профессор похвалил его за это. Киров проронил:

— Я бы еще больше катался, будь у меня шерстяные носки.

Профессор обомлел. Киров пожал плечами: шерстяных носков нет в продаже, по карточкам они тоже не выдаются.

После тридцати восьми дней отдыха Сергей Миронович вновь приступил к работе…

Детей у Кировых не было. А любил детей Сергей Миронович очень — шутя называл их пузырьками. Когда ввели карточную систему и ежемесячно судили-рядили, какие продукты выдавать населению, Киров первым долгом осведомлялся у снабженцев:

— Что выкроили для пузырьков?

Киров многое делал для школы, для детей. Готовясь летом 1934 года к выступлению на очередном пленуме горкома ВКП(б), Сергей Миронович собирал материалы о школе. В речи на пленуме он высмеял людей, по вине которых ребята в десять-двенадцать лет изучают и даже не изучают, а «прорабатывают» труды, доступные лишь взрослому. Киров беседовал с этими ребятами.

— Мы, говорят они, прорабатывали Маркса, Энгельса до половины проработали и перешли к Ленину. Это не что иное, как издевательство и над Марксом, и над Энгельсом, и над Лениным. Спросите у школьника, который «прорабатывает» Маркса, где находится Германия и какие речки в Европе, — и он не знает.

Доказательства плохого преподавания географии были налицо. Киров имел на руках запись ответов третьеклассников и четвероклассников, с детской настойчивостью утверждавших, что на земном шаре есть триста шестьдесят полюсов и триста шестьдесят экваторов, а Волга и Днепр протекают через пустыню.

Киров говорил и о воспитании школьников:

— Двенадцатилетние ребята разбираются в своих поступках и могут за них отвечать. Нужно только к ним умело подойти. Нужно регулировать поведение учащихся и вне школы, потому что если ребенок вне школы проводит время на трамвайной кишке, то и в школе дисциплину установить трудно. Тут многое зависит и от родителей. Если мамаша занимается еще кое-как детьми, то папаша не знает даже порой, кто когда родился, кому сколько лет… Нужно взять ребят в руки, сделать так, чтобы класс был похож на класс.

Между прочим, трамвайная кишка — резиновый шланг, идущий от пневматического тормозного устройства, — приводила к несчастным случаям. Мальчишки, катаясь на коньках, цеплялись за нее и, случалось, попадали под трамвай. По просьбе Кирова конструкцию тормозов изменили, и кишка исчезла.

Часто бывать среди детей Сергей Миронович не мог, но, встречаясь с ними, радовался не меньше, чем они. Много часов провел он на школьном празднике в Центральном парке культуры и отдыха. Шутил, смеялся, ходил в обнимку то с одним мальчуганом, то с другим. Фотографировался со школьниками, катался на лодке. По предложению Кирова в Ленинграде устроили олимпиаду юных дарований, в которой участвовало тридцать шесть тысяч детей. На итоговом концерте Сергей Миронович восторгался и победителями конкурса, и всей детворой в переполненном зале Таврического дворца.

Впоследствии Позерн вспоминал, что после концерта Сергей

Миронович говорил об олимпиаде как об искре, которая не должна угаснуть. И вскоре мысль Кирова претворилась в дело: при Ленинградской консерватории и Академии художеств открылись детские школы, был создан и Дом литературного воспитания школьников.

Самым близким товарищем-другом Сергея Мироновича был Серго Орджоникидзе. Дружба их длилась пятнадцать с лишним лет, до последнего дня жизни Кирова, и никогда не омрачалась какими-либо разногласиями, спорами. Серго говорил жене, Зинаиде Гавриловне, что, несмотря на свою вспыльчивость, ни разу не сказал громкого слова Кирычу. Дома у Сергея Мироновича письменный стол украшала фотография Серго с его автографом. Орджоникидзе в домашнем кабинете, рядом с письменным столом, над этажеркой с сочинениями Ленина, поместил большой портрет Кирова.

Когда Кирова перевели из Закавказья в Ленинград, а Орджоникидзе — в Москву, они, как и прежде, были тесно связаны по работе, довольно часто виделись, а по телефону им приходилось разговаривать чуть ли не ежедневно.

Приезжая в Москву, Киров жил у Серго. О предстоящем приезде предупреждал с вечера по телефону. По воспоминаниям Зинаиды Гавриловны, Серго наутро нетерпеливо ждал друга. Еще не одевшись, справлялся по телефону, послана ли машина. Иногда ездил и сам на вокзал. Если шел пленум или съезд, оба в перерывы обедали вместе. Когда же Сергей Миронович приезжал по другим делам, они виделись главным образом по вечерам. Поужинав, надолго устраивались в кабинете или столовой. Сидят, потом Серго приляжет, а Киров примостится в ногах. Часа в два или три ночи Зинаида Гавриловна, бывало, приоткроет дверь:

— Близнецы, вас и водой не разольешь. Пора спать.

— Ладно, сейчас, — отвечал Серго.

Киров добавлял:

— Не ворчи, не ворчи, Зина.

В начале двадцатых годов Киров и Серго обычно отдыхали вместе.

Потом Серго, болея, продолжал ездить на юг. Киров же проводил отпускное время, а иногда и предпраздничные, выходные дни на охоте.

Он удалялся в леса, в глухие прибрежья озер. Ночевал в крестьянских избах, в шалашах. Чтобы не оказывали знаков внимания, не говорил чужим, кто он: товарищи и знакомые охотники звали его дядей Васей или Василием Мироновичем. Стрелком был он средней или выше средней меткости. Стрелял с левой руки, так как левым глазом видел лучше, чем правым.

Повадки зверей и дичи изучил отлично.

Сидор Михайлович Юдин, шофер Кирова, вспоминал, как они впервые поехали вдвоем на охоту. Осеннее утро. Шли болотом, увязая по колена. Сергей Миронович с рюкзаком за плечами шел по следам собаки. Юдин едва поспевал за ним. Щелкнул курок. Удача.

Позднее очутились на опушке леса. Только что перестал моросить дождик. Хорошо бы костер развести.

— Сейчас запылает, — уверенно сказал Юдин, не думая, что это вовсе не просто. Жег спичку за спичкой, а отсыревший хворост пошипит-пошипит — и потухнет. Озябли руки, от дыма слезились глаза. Оглянулся — Киров добродушно посмеивается. Сергей Миронович в сосняке набрал мелких сухих сучочков, положил под хворост. Костер запылал с одной спички.

Нередко спутником Кирова на отдыхе был охотник Иван Павлович Рется. Он, впервые увидев Сергея Мироновича, принял его за шофера: тот одет был просто, держался скромно. Рется вспоминал, что Киров как охотник был терпелив и неутомим, но больше всего удивляло чувство товарищества — все делал наравне с остальными, готовил на костре еду: то пельмени, то густую-густую уху, то шашлык.

Киров никогда не перебивал охотников, хваставшихся своими былыми победами, выдуманными, конечно.

В последний раз Киров и Рется охотились 18 ноября 1934 года в окрестностях Дудергофа, близ Ленинграда.

…Был злодейски убит 1 декабря 1934 года.

С. Синельников. Киров.

М… «Молодая гвардия», 1964.

Александр Васильевич Косарев

Родился 1(14) ноября 1903 года в Москве в семье рабочего. С десяти лет Саша Косарев работает на заводе, четырнадцатилетним подростком участвует в забастовке в дни февральской революции, в Октябрьских боях, вступает в социалистический союз рабочей молодежи «III Интернационал». В 1918 году одним из первых вступает в Российский коммунистический союз молодежи, в 1919 году принят в партию. В 1919 году участвует в обороне Петрограда. Закончив комсомольскую политшколу, работает в агитотделе ЦК РКСМ, в 1921 году избран секретарем Бауманского райкома комсомола Москвы, в 1924-м — секретарем Пензенского губкома комсомола. В 1926 году Косарев был послан в Ленинград с бригадой ЦК комсомола для борьбы с зиновьевской оппозицией, затем работал секретарем Московско-Нарвского райкома ВЛКСМ в Ленинграде. В 1928 году становится секретарем Московской комсомольской организации, в 1929 году — генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ…

Он никогда не относился к тому, что делал, как к службе. Комсомол был его жизнью, его увлечением, его призванием. Тратя себя без остатка, он осуществлял самые смелые замыслы, успех сопутствовал ему.

Он был членом ЦК комсомола с 1926 года. В 1927 году участвовал в работе XV съезда партии, его ввели в состав Центральной контрольной комиссии. И вот в 1929 году мартовский пленум избрал Александра Косарева генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Началось его десятилетнее пребывание у руля комсомольской жизни страны.

Высокий пост ничего не изменил в доброжелательном, искреннем отношении Косарева к людям, в его живом, некабинетном стиле руководства — Сашу по-прежнему любили все, кто знал.

Работники ЦК быстро стали его друзьями. После работы, не остыв от бурного дня, ехали, как правило, к нему, в Сокольники, и здесь заканчивали рабочие споры или мирно беседовали о новых театральных постановках, о новых книжках до той поры, пока не расходились в оценках, — и тогда снова спорили до хрипоты. А то устраивали хоровое пение — в доме Косаревых любили песню.

Жена Александра разделяла с ними все их заботы. Маруся сама много занималась общественной работой и в комсомоле — с пятнадцати лет, и в партии — она стала членом ВКП(б) в 1929 году.

Этим летом в косаревском доме началась подготовка к «великому путешествию». Шестеро ребят во главе с Косаревым и Чаплиным решили спуститься на лодках по Волге. Летом путешественники отбыли из Москвы. На лодки погрузились на маленькой пристани еще до Нижнего Новгорода. Около месяца спускались по великой реке до Сталинграда. Саша вернулся домой черный от солнца, довольный, отдохнувший, до краев переполненный впечатлениями. Шквал рассказов о невероятных приключениях обрушился на Марусю.

А спустя пару лет было предпринято новое странствие мужчин — на этот раз на озеро Селигер. Первозданная красота озерного края, щедрость его и раздолье потрясли Александра. Он подумал о том, как обидно, что такое великолепие видят лишь случайные заезжие рыбаки да вот такие «первопроходцы», как он с друзьями. Вот где идеальное место для организованного молодежного туризма — эта мысль принадлежала Косареву.

Не забывал он и своих старых друзей, помогал им и сам в трудную минуту, шел к ним за помощью. Семена Федорова, который был в это время секретарем комсомола Татарии, Косарев предложил послать секретарем краевого Дальневосточного комитета комсомола. Положение там было чрезвычайно сложное, и Саша хотел, чтобы местным комсомолом руководил проверенный человек. Провожая друга на Дальний Восток, сказал: «Смелый ты парень, Сенька!»

А потом в каждый приезд Федорова в Москву затаскивал его к себе домой и подолгу расспрашивал обо всем. Особенно внимательно слушал рассказы Семена о подвигах комсомольцев во время вооруженных конфликтов, случавшихся там еще часто. Вскоре на Дальний Восток пришло радостное известие: отличившихся матросов и офицеров Амурской флотилии ЦК комсомола награждает за героизм именными часами.

Шел второй год первой пятилетки — началась индустриализация Советской республики. Строились мощные

электростанции, в том числе Днепровская и Свирская. Закладывались огромные металлургические заводы — Магнитогорский, Днепропетровский, Криворожский. Страна приступила к строительству Сталинградского тракторного, Горьковского автомобильного, Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения.

Надо было мобилизовать комсомол на выполнение этих грандиозных задач. Косарев обратился к Всесоюзной комсомольской конференции 1929 года с неожиданным предложением — устроить пятилетке мощную рекламу. Он предложил «в десятках и сотнях тысяч красочных оттисков, используя всю типографскую технику и досужих на выдумку поэтов, писателей, частушечников, рассказать трудящимся массам о пятилетке и протереть глаза слепым, не верующим в нашу пятилетку. Не зная пятилетки, не сумеешь организовать комсомольскую общественность на ее выполнение».

Через несколько дней в «Комсомольской правде» была напечатана огромная карта страны со всеми новостройками, с цифрами их мощности и сроками пуска. С этой картой комсомольские активисты могли смело отправляться в массы для пропаганды пятилетнего плана.

В 1929 году комсомол провел первую мобилизацию на новостройки. В Сибирь и на Урал уехали 66 тысяч комсомольцев. Всего на важнейших стройках пятилетки работало свыше 350 тысяч комсомольцев. Из них 200 тысяч приехали туда по путевкам своих организаций.

Состав пролетариата значительно изменился, страна нуждалась в рабочих различных специальностей. В этих условиях особое значение приобретало обучение молодежи, распространение технической грамотности.

Еще выступая на VIII съезде комсомола в 1928 году, Александр Косарев дал глубокий анализ того, что должен делать союз молодежи на этапе социальной, экономической и культурной перепашки страны. Он говорил о том, что в период превращения России нэповской в Россию социалистическую одним из стержневых вопросов является вопрос о квалифицированных, преданных делу пролетариата кадрах.

В конце 1929 года Косарев получил письмо от начальника строительства крупнейшего тракторного завода на Волге. В. М. Иванов с тревогой писал, что до пуска завода осталось меньше года, но пока неясно, кто на нем будет работать, — малограмотные, не получившие специальной подготовки люди не смогут встать к сложным станкам.

Это письмо стало толчком к серьезной и длительной борьбе

комсомола за кадры. На бюро ЦК ВЛКСМ был поставлен вопрос «О подготовке рабочих для новых заводов». Решили обратиться с конкретным предложением в Совет Народных Комиссаров СССР — создать на новостройках школы фабрично-заводского ученичества и учебные комбинаты, чтобы ко времени сдачи в действие производственных цехов подготовить для них рабочие кадры. Цель была ясна и сомнений не вызывала.

В июле 1930 года XVI партсъезд отметил в решениях необходимость расширить сеть и контингенты школ ФЗУ — основной формы подготовки квалифицированных рабочих кадров из подростков. Правительство дало указание — строительство школ ФЗУ обеспечивать всем необходимым. За пятилетку на их нужды государство отпустило 200 миллионов рублей.

Строительство школ ФЗУ было организовано как настоящее наступление. «ЦК комсомола в этот момент превратился в боевой штаб строительства», — вспоминает бывший заведующий сектором образования рабочей молодежи В. Захаров.

ЦК ВЛКСМ послал на пятьдесят строек своих уполномоченных, которые следили за ходом работ.

В ЦК ежедневно приходили десятки писем и телеграмм, многие — на имя Косарева. Каждый сигнал немедленно получал отклик. «Комсомольская правда» регулярно публиковала сводки о ходе строительства школ. Большую работу вели комсомольские организации Москвы и Ленинграда, Украины и Урала, Сибири, Кузнецкстроя, Магнитогорска и Челябстроя.

И все-таки положение исправлялось медленно. ЦК комсомола обращался за содействием в Госплан и ВСНХ, Косарев говорил с их руководителями — В. В. Куйбышевым и Г. К. Орджоникидзе.

В чрезвычайно сложной обстановке ЦК ВЛКСМ добился завершения строительства нескольких сотен школ. На этих объектах не было водопроводных труб и радиаторов отопления. Стоили они очень дорого, и, чтобы их получить, требовалось специальное разрешение председателя ВСНХ Г. К. Орджоникидзе. Хозяйственники существенно урезали заявку школ на трубы.

Тогда Косарев дал комсомольцам задание: устроить в приемной Орджоникидзе дежурство и добиться необходимого оборудования для строек. Саша регулярно узнавал, как идут дела. И все-таки в конце недели виза была получена! А Орджоникидзе даже похвалил комсомольцев за находчивость и упорство.

Длительная и настойчивая борьба комсомола за признание школ ФЗУ завершилась успешно: если в 1929 году в них учились 73 тысячи человек, то в 1930 — 473 тысячи, в 1931 — 585 тысяч, в 1933 году — 1200 тысяч подростков.

Это было одно из тех комсомольских начинаний, слава

осуществления которых по праву связана с именем Александра Косарева.

В канун нового, 1931 года у Косаревых родилась дочь Лена. Новые заботы появились у комсомольского секретаря. Жизнь звенела теперь в нем новой, сладкой струной: дочка, его дочка. Он без конца снимал телефонную трубку — как там у вас? А когда поздно вечером приезжал домой усталый и брал на руки девочку, лицо его разглаживалось, светлело, он прятал сиявшие счастьем глаза.

Он, конечно, баловал дочку, но ни у кого не поворачивался язык сделать ему замечание: девочка отвечала отцу такой же любовью. Отъезд в командировку превращался теперь для Александра в проблему: как бы чего не случилось с маленькой Леной. Обстоятельства же сложились так, что ему пришлось почти на месяц переселиться в Сталинград.

Весной 1931 года со Сталинградского тракторного завода вернулся Серго Орджоникидзе. На май намечался пуск пятитысячного трактора, но положение на главном конвейере было неблагополучное, задание выполнялось наполовину. А поскольку работала на тракторном в основном — восемьдесят процентов — молодежь, Серго предложил Косареву послать туда бригаду ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды» — оживить комсомольскую и производственную деятельность молодежи.

В мае пять человек во главе с секретарем ЦК комсомола выехали в Сталинград. В поезде обсуждали план работы на тракторном. Косарев предупредил, что едут они туда не обследовать, а помогать комсомольской организации завода.

Прямо с вокзала пятерка отправилась на завод. Разместились в доме для приезжих, который заменял гостиницу. По соседству в комнате жила уже бригада «Правды». Началась напряженная борьба за полнокровную деятельность заводского комсомола.

На следующий же день после приезда бригады состоялось заседание заводского комитета комсомола и комсомольского актива цехов, а через несколько дней — общезаводское комсомольское собрание.

Решено было обеспечить выпуск пятитысячного трактора к 27 мая: комсомольцы наметили меры для мобилизации всей молодежи на борьбу за пятитысячный.

Секретарь заводского комитета плохо разбирался в сложностях производственной и политической жизни завода, «не тянул» комсомольские дела. Надо было найти опытного, сильного руководителя. Косарев перебрал в памяти секретарей райкомов

комсомола в Москве, Ленинграде, на Украине, секретарей крупных заводских комитетов. Кто сможет быстро расшевелить комсомол и молодежь тракторного, умело расставить силы для ликвидации прорыва? Ночью Саша позвонил секретарю ЦК ВЛКСМ Сергею Салтанову:

— Будь добр, проведи быстренько на бюро ЦК вопрос о посылке секретаря Фрунзенского райкома Москвы в Сталинград.

Но пока приходилось членам бригады самим искать выходы из самых неожиданных ситуаций.

— Саша, не можем никак поговорить с молодежью, которая живет не на заводе, а в городе, — жаловались комсомольские активисты, — после работы все сразу бегут на поезд, им не до собраний.

Косарев задумался:

— А что, комитетчики, если сделать собрание в пути, в самом поезде, он ведь идет больше часа?

Предложение понравилось. Косарев поручил члену бригады Петру Листовскому вместе с комсомольским активом механосборочного цеха подготовить такое собрание.

Они наметили повестку дня, один вагон рабочего поезда украсили лозунгами, а снаружи сделали надпись: «В этом вагоне по дороге из завода в город состоится собрание беспартийной молодежи механосборочного цеха».

Импровизированный «зал» располагал к хорошему разговору, все прошло удачно. С тех пор такие собрания стали проводить регулярно, они полюбились молодежи.

Другая проблема, которой пришлось сразу заняться бригаде, — организация массовой технической учебы. Но не было технической литературы. Правда, вместе с американским оборудованием на завод прибыли инструкции, но все на английском языке. Надо было срочно перевести их и издать. Косарев договорился по телефону с руководством издательства, и завод вскоре получил из Москвы необходимую литературу и инструкции на русском языке.

Только такой стиль командировок Косарев признавал, конкретная помощь — вот их цель и результат.

Положение на заводе оставалось напряженным, работали сверхурочно — по семнадцать-восемнадцать часов. Члены бригад ЦК ВЛКСМ и «Правды» не уходили с завода до глубокой ночи. Некоторые журналисты потом много писали о тех горячих днях. Есть в этих заметках и строки об Александре Косареве.

Вот отрывок из книги Бориса Галина «Время далекое, товарищи близкие», посвященной журналисту Якову Ильину — близкому другу Косарева.

«Косарев, Саша Косарев, вошел, вернее, влетел в комнату Ильина с ватагой комсомольцев, все расшвырял на столе — книги, тетради, карандаши — и потребовал, чтобы Яшка немедля оторвался от своей писанины — и айда на Волгу!

Он был в синей спецовке, руки, лицо почернели от формовочной земли: всю смену Косарев с ребятами штурмовал в литейном, работал на субботнике.

Косарев ловким и сильным движением оторвал Ильина вместе со стулом от пола и закричал:

— Давай, Яшок, на Волгу!

Ильин с грустью посмотрел на стол — заведенный порядок был сломан, бумаги раскиданы. Косарев стоял у него за спиной, торопил.

— Дай допишу, — попросил Ильин, показывая на начатое письмо.

Лукавые, брызжущие весельем косаревские глаза задержались на большом листе бумаги:

— Это кому такое длинное? Личное? Общественное?

— Есть в Иванове в обкоме один товарищ…

— Северьянова? — быстро спросил Косарев. — Это же мой кадр!

— Саша, — звенящим от напряжения голосом сказал Ильин. — Друг мой, Саша! Ты нас с Нюрой разлучил, и ты же еще спрашиваешь, почему я пишу такие длинные письма. Совесть у тебя как у секретаря ЦК есть?

— Имеется, — сказал Косарев, перегнулся через плечо Ильина и карандашом приписал с краю на листе письма: «Иваново-Вознесенск. Секретарю обкомола. Северьянова, вопрос о личном счастье не прост!»

Накупавшись до озноба, дружная компания отправилась в дом, где рабочие жили производственно-бытовой коммуной. Косарева она очень интересовала. Здесь разгорелась жаркая дискуссия о том, правильно ли ребята живут, не входит ли в противоречие их несомненный трудовой энтузиазм с неустроенным, заброшенным бытом.

— А прозрачные человеческие отношения, с ними как быть? — выкрикнул восторженный защитник коммуны.

И тут Косарева будто пронзило — он вскочил на нога и, сжав худые плечи кудрявого Оськи, в свою очередь, шепотом стал выговаривать ему:

— Ах ты, пламенный Титан! Ясные прозрачные человеческие отношения, а?

И, крепко взяв хлопца за руку, быстрым шагом повел по дому-коммуне. И все коммунары пронеслись за ними бурей — из

комнаты в комнату, с этажа на этаж… Всюду было грязно, неубрано, неприглядно выглядели туалетные и ванные комнаты.

— Хлопцы вы хорошие. — Косарев хитро подмигнул. — Ребята — огонь! Но гляньте, поглядите внимательно на свой быт: боже, какую грязь вы развели! Ведь каждый из вас, наверное, думает: «Э, пусть мой сосед наводит чистоту и порядок…»

По правде сказать, эти огневые ребята из производственно-бытовых коммун «Искра», «Мотор» были по душе Саше Косареву. Их жаркие лозунги, их готовность к штурмам, к тому, что можно было назвать строительным пафосом, бросались в глаза.

— Но что же делать, ребята, если время этих яростных штурмов отходит в прошлое, если новые времена требуют от нас решения новых, качественно более высоких задач по освоению той самой техники, которую мы с вами монтировали в корпусах завода? И тут, ребята, штурмом ничего не добьешься!

Перед уходом еще долго митинговали на крыльце дома под майским звездным небом».

Особенно трудно стало на заводе перед самым пуском пятитысячного. Старались успеть к объявленному сроку — двадцать седьмому мая. Молодые парни по сорок восемь часов не отходили от станков. Целая смена отказалась уйти с конвейера и работала лишние сутки, чтобы выпустить юбилейный трактор.

В последнюю ночь на сборку моторов вышли бригады «Правды» и ЦК комсомола.

И вот наступил торжественный момент, ради которого было предпринято столько героических усилий.

27 мая в 23 часа 15 минут трактор № 5000, окрашенный в красный цвет, с надписью на радиаторе «Пятитысячный — комсомолу» был готов к спуску. Честь свести его с большого конвейера была доверена генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Косареву.

В книге «Большой конвейер» правдиста Якова Ильина, очевидца событий, есть этот эпизод.

«На спуске Ларичев влезал на трактор вместе с секретарем ЦК комсомола. Учил его, как сводить трактор с конвейера, тот умел рулить, но скорость трактора туго поддавалась, и он сидел на пружинящем сиденье напряженно, насуплено. На него смотрели тысячи глаз.

— Понимаю, понимаю, — говорил он Ларичеву и дергал рычаг к себе.

Ларичев стоял за его спиной, поправляя его движения, тот уже действительно понял, в чем дело, и, дернув неожиданно резко рычагом, рванул трактор с конвейера.

…Трактор уже был в последнем гнезде. Секретарь комсомола

стоял сбоку взволнованный; у него сразу появился вид азартного, задетого за живое мастерового; проходившие мимо него девушки шепотом спрашивали у соседей: «Это который же секретарь, вот этот маленький?» И, оглядывая его, в спецовке и голубой майке, они не то разочарованно, не то одобрительно говорили: «Это наш».

Да, он действительно был «наш»… Вот он стоял такой, как он есть, — невысокий и плотный, взволнованный только одним — как бы свести трактор, ни на кого не наехав, как бы правильно «включить скоростя».

Ларичев стоял рядом с ним, и это успокаивало.

— Пора? — спросил он, когда трактор поравнялся с ним.

— Да, — отвечал Ларичев, — лезь. — И подал ему руку, чтобы удобней было вскарабкаться.

Секретарь легко вспрыгнул и сел сразу на сиденье. Правой рукой он взялся за руль, левую положил на головку рычага первой скорости.

— Так, — в спину ему дохнул Ларичев, — не бойся, дергай.

Секретарь с силой потянул рычаг к себе, и трактор, уже ступив передними колесами на площадку, вздрогнул и сошел с ленты.

Когда секретарь сел к рулю, по толпе прошел шорох — его узнали комсомольцы.

Неожиданно цех смолк — ощущение внезапно наступившей тишины, в которой явственно слышался треск мотора, как бы сковало толпу. Стало тихо, как в непогоду, перед грозой, все притаилось — и тут упал возглас, упал, как первая капля, упал, и за ним последовали тысячи других возгласов. Секретарь комсомола слышал их отдаленно, вернее, видел их по движениям губ. Мотор шумел, и он все силы, все напряжение мускулов вложил в то, чтобы, проведя трактор по настилу пола четыре-пять шагов, сразу остановить его. Он дернул другой рычаг, и трактор остановился. Обтирая лоб, секретарь размазал на нем пыль и пот. Утираясь платком, поданным кем-то из толпы, он оглянулся и увидел сотни голов, сотни глаз, радостных и возбужденных, сотни улыбок…»

На торжественном митинге 28 мая выступил Косарев. Он поставил перед комсомольцами новые задачи:

— Сегодня вы одержали первую крупную победу. Было бы ошибкой успокаиваться на этом. Вы должны, вы обязаны освоить технику дела, стать носителями планового режима, четкой организации труда…

Вперед от пятитысячного к пятидесятитысячному!

Его слова были встречены шквалом рукоплесканий.

В приветствии участников митинга Центральному Комитету ВЛКСМ говорилось: «Передавая ЦК ВЛКСМ в лице его генерального секретаря тов. Косарева пятитысячный трактор, просим Центральный Комитет по его усмотрению присудить этот трактор лучшей комсомольской машинно-тракторной станции».

В стране ширилась, разрасталась, обретала плоть идея социалистического соревнования трудящихся. Запевалами и здесь были комсомольцы.

Косарев часто ездил выступать в Бауманский район. 4 марта 1930 года Александр участвовал в собрании беспартийных рабочих в клубе имени Кухмистерова. Говорил он здесь о новом движении ударничества: «Рабочая молодежь проявляет трудовой героизм, ею восхищаются даже враги. Она организует ударные бригады на шахтах, лесозаготовках, в тракторостроении. Вступая в Союз, вы берете на себя обязательство стать ударниками пятилетки и отдать свои силы на пользу рабочего класса».

После его выступления участники конференции коллективно вступили в комсомол, объявили себя ударной бригадой и обратились ко всей молодежи Бауманского района с призывом последовать их примеру.

Весь союз — одна ударная бригада — вот какую перспективу видел генеральный секретарь.

«Уже к моменту XV съезда ВКП(б), — писал он, — мы имели широкую волну производственных конкурсов, перекличек и смотров в среде пролетарской организации комсомола. Это массовое самодеятельное движение… имело исключительно важное значение.

Отсюда, из горячего стремления рабочей молодежи Москвы и Ленинграда, Урала и Украины во что бы то ни стало преодолеть технико-экономическую отсталость своих фабрик и заводов, родилось социалистическое соревнование, идея которого принадлежит Ленину, а инициатива претворения в жизнь — Ленинскому комсомолу».

Но социалистическое соревнование только тогда станет не самоцелью, а средством для создания высочайшей производительности труда, когда его участники превратятся в подлинных революционеров производства. Пока же «комсомол совершенно еще не сунулся в рационализаторское движение».

Начало рационализаторства среди молодых рабочих непосредственно связано с именем Косарева. Он упорно настаивал на технической учебе молодежи, на создании краткосрочных курсов — без знаний вмешательство в дела

производства невозможно. «Нам нужны бойцы, а не автоматы». К этой проблеме обращался Александр не раз в своих устных выступлениях и в многочисленных статьях.

На октябрьском пленуме ЦК ЛКСМ Украины в тридцатом году Косарев говорил о том, что нужно создать широкую сеть технических кружков и курсов, наладить совместную работу со специалистами, чтобы все виды технической учебы имели квалифицированных педагогов, составить хороший учебник для молодого ударника. Надо привлечь в качестве руководителей кружков студентов-комсомольцев. Организация технической учебы для молодежи — кровное дело комсомольских комитетов, но они пока толком за это дело не взялись. Все «признают необходимость изучения техники, а вот как достать преподавателя-инженера, где купить литературу, где достать помещение для технического кружка, над этим мало работали».

Ударничество представлялось Косареву слишком важным для государства делом, чтобы можно было пустить его на самотек. Поэтому ЦК комсомола старался привлечь к участию в новом движении все слои населения, в частности научно-техническую общественность. В начале 1930 года на совместном заседании ЦК и представителей ВАРНИТСО — Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству — были составлены программы по проведению техпоходов и агропоходов, по выпуску научно-технической литературы, по организации заводов-втузов. Две бригады ВАРНИТСО, созданные при ЦК ВЛКСМ, в течение нескольких лет работали в этих направлениях.

Сильную поддержку со стороны Косарева встретило соревнование молодых ученых. Его ход неоднократно обсуждался на заседаниях бюро. Александр требовал, чтобы комсомольские организации возглавили на местах рассмотрение научных тем, поданных участниками соревнования.

Когда все предложения, а их оказалось около восьми тысяч, были собраны и утверждены, Косарев проследил, чтобы все принятые темы нашли практическое применение в промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Давая оценку соревнованию молодых ученых, Александр говорил: «Это громадный успех в деле воспитания интеллигенции из народа, преданной делу построения коммунизма».

Чем больше узнаешь жизнь Александра Косарева, тем сильнее поражаешься силе его мысли и широте познаний и, конечно, огромному, титаническому труду, который затрачивал этот человек, чтобы не только не отставать от новой плеяды юношей и девушек, выросших после революции, в новых условиях,

получивших возможность учиться — было бы только желание, но идти впереди молодежи, знать больше, видеть дальше, как и положено вожаку, глубоко осознавать интересы партии, государства. В 1930 году на XVI съезде партии А. Косарева избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В летопись комсомола первых пятилеток по праву вошла комсомольская эпопея — участие в строительстве Урало-Кузбасса. Туда были направлены десятки тысяч комсомольцев. Над стройками шефствовали буквально все организации комсомола. Сквозной комсомольский контроль следил за всем, что связано с Урало-Кузбассом: от выполнения заказов строек и продвижения грузов на железнодорожных станциях, в портах до прохождения в учреждениях урало-кузбасских бумаг.

По договоренности между председателем Госплана СССР В. В. Куйбышевым и А. Косаревым был создан Центральный штаб помощи комсомола Урало-Кузбассу во главе с Куйбышевым. Косарев постоянно участвовал в его работе.

Летом 1933 года произошло событие, которое имело огромное значение для дальнейшего хозяйственного развития страны. На предприятиях Урала был проведен так называемый общественно-технический экзамен — своеобразное соревнование за то, кто лучше знает свой станок, кто производительнее работает. Инициатива уральцев получила массовое продолжение. 530 тысяч юношей и девушек сдали в следующем году общественно-технический экзамен. Это молодежное мероприятие вылилось в особую форму социалистического соревнования — стахановское движение. Имена его славных зачинателей — Алексея Стаханова и Дмитрия Концедалова с шахты «Центральная — Ирмино» в Донбассе, Макара Мазая — сталевара Мариупольского завода имени Ильича, Евдокии Виноградовой — ткачихи Вычугской фабрики в Иванове — скоро стали известны всей стране. Ведущую роль в пропаганде стахановского движения играл Центральный Комитет комсомола.

В 1934 году состоялся XVII съезд ВКП(б). На этом съезде генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ заговорил о новой задаче, которую ставит время перед авангардом советской молодежи.

Четыре с половиной миллиона комсомольцев призваны показывать образцы коммунистического отношения к делу, социалистическую дисциплину труда, поднимать его производительность. Новая форма социалистического соревнования — общественно-технический экзамен — поможет юношам и девушкам овладеть образцовой культурой производительного труда, стать технически грамотными, передовыми рабочими. Все комсомольцы должны получить

среднее образование без отрыва от производства.

Надо было немедленно приступать к осуществлению огромной программы.

Вскоре после съезда партии Косарев приехал в Нижний Новгород на завод в составе правительственной комиссии. Сроки у нее были очень жесткими, работали день и ночь. Однако Косарев успел внимательно познакомиться с комсомольскими делами. Особенно с ходом общественно-технического экзамена. Он интересовался, сколько комсомольцев и молодых рабочих не сдали его, как часто ломают они оборудование. Проверив состав комсомольской организации, Косарев выяснил, что подавляющее большинство комсомольцев имеют начальное образование, и предложил создать на будущий год вечерние школы рабочей молодежи на автозаводе.

Школы были организованы, но им пришлось ютиться поначалу в неприспособленных холодных помещениях. Не хватало преподавателей. Мало было карандашей и тетрадей. Заводской комитет комсомола обратился за помощью к Косареву. После энергичного вмешательства ЦК комсомола положение в корне изменилось — школы были укреплены материально и быстро завоевали авторитет и популярность у молодых рабочих.

Каждый год приносил принципиально новые задачи, требовал перестройки работы на новый курс. Только-только решили вопросы по подготовке рабочей смены, только-только отошли от волнующих событий, связанных с пуском новостроек первой пятилетки, как на повестку дня остро встали колхозные проблемы.

Сложная обстановка в деревне требовала постоянного внимания ЦК ВЛКСМ. В июне 1929 года VI Всесоюзная конференция определила задачи комсомола в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. В этом же году прошел первомайский поход за урожай и коллективизацию. Более пяти тысяч колхозов было организовано по инициативе комсомольцев.

Осенью в ЦК ВЛКСМ стали поступать сигналы о слабом участии комсомольских организаций в хлебозаготовках. Косарев разослал срочную телеграмму комсомольским организациям с указаниями, что нужно предпринять: придать боевой темп хлебозаготовкам, привлечь к этой работе массы молодежи, организуя социалистическое соревнование, сломить сопротивление кулаков, создавать красные обозы, комсомольцев — злостных несдатчиков хлеба — немедленно исключать из союза, отчеты о мероприятиях по усилению хлебозаготовок

срочно посылать в ЦК. Деревенским комсомольцам стали помогать рабочие фабрик, ученики и преподаватели техникумов, фабзав-ученики. Они создавали бригады и отправлялись на заготовку хлеба.

Летом 1931 года Александр побывал в районах Воронежской области. Без предупреждения — без звонков и телеграмм — приезжал он в очередную деревню, знакомился с жизнью ячейки, с каждым комсомольцем. Расспрашивал, как тот живет, что делает, о чем думает. А сельские парни и девчата, боясь проронить слово, слушали приехавшего из Москвы к ним в глухомань самого генерального секретаря — на вид обычного парня в юнг-штурмовке, подпоясанной широким ремнем с портупеей через плечо.

Косарев и секретарь обкома, переезжая из деревни в деревню, ели что бог пошлет, то есть чем люди покормят: столовых в сельских краях не было в помине. Спать Косарев предпочитал не в избах, где кишели мухи и блохи, а в копне сена под звездами. Правда, ночевки под открытым небом были не столько необходимостью, сколько удовольствием для городского жителя.

В документальной повести Филиппа Наседкина «Красный чернозем» есть эпизод этой командировки, рассказанный от лица секретаря райкома комсомола:

«На встречу с Косаревым пришли члены бюро райкома комсомола, работающие в районных учреждениях комсомольцы, члены бюро хавской комсомольской ячейки.

Собрались в районном клубе. На сцене поставили длинный стол, застлали его красной материей. Левка открыл собрание и предоставил слово мне.

Это был отчет райкома комсомола. Не официальный, какие делают на пленумах и конференциях, а рабочий, будничный. Я говорил без тезисов и подготовленных данных, старался говорить о самом главном. Казалось, чем меньше буду стоять на трибуне я, тем больше на ней задержится Косарев. А ведь мы собрались из-за него. Но старания мои оказались напрасными. Мне долго не давали сойти с трибуны. Из зала один за другим летели вопросы. На этот раз их было почему-то намного больше, чем когда-либо. Да и сам Косарев никак не хотел отпускать меня. Он интересовался всем. И часто спрашивал о том, что не имело отношения к комсомолу. Один раз, когда Косарев спросил, а кто работает в инвалидной артели заготовщиком сырья, я не выдержал и ответил:

— Не знаю. Да это и не наше дело.

На это Косарев, нахмурившись, заметил:

— Нет, наше. Все наше. У нас нет таких дел, которые не

касались бы комсомола…

И тут же пояснил, почему задал такой вопрос. В соседнем районе, где они только что побывали, в подобной организации агентами по заготовке работали классово чуждые люди. С документами этой организации они разъезжали по селам и агитировали против Советской власти.

— А кроме того, — сказал Косарев, глядя в зал, — если бы на этой работе были наши активисты, сколько было бы у райкома инструкторов. С таким постоянно передвигающимся активом можно оперативно помогать ячейкам вовремя исправлять упущения и недостатки…

Ребята захлопали в ладоши. А Левка громко объявил:

— Слово имеет товарищ Косарев!

Мы все дружно зааплодировали. А Косарев, остановившись возле трибуны, поднял руку и сказал:

— Товарищи, зачем эти хлопушки? Мы же не на торжественном вечере. Давайте-ка поменьше шуметь и получше работать.

Я слушал его с затаенным дыханием. Комсомольский секретарь! Не каждому дается видеть его. А мы сидели рядом. И различали на его простом лице мелкие оспинки. И слушали его так же, как слушали друг друга.

А Косарев говорил об очередных задачах. В руках у него тоже не было тезисов.

— Плохо еще в деревне с колхозами. И комсомол тут пока что не проявляет себя. А пятилетку надо выполнять. И не только в срок, но и досрочно. Так чего же вы ждете? Почему не боретесь и не деретесь? Может, кто думает, что все само собой придет? Если есть такие, то они ошибаются. Само собой ничего не приходит. А новое и совсем не дружит с самотеком. Оно завоевывается трудом и борьбой…

Когда Косарев кончил речь и сел на место, в зале стояла тишина. Ребята продолжали молча смотреть на него. Я тоже молчал, не зная, что делать дальше. Внезапно Левка захлопал в ладоши. Ребята ответили бурными хлопками. Это была благодарность за деловые советы. И Косарев теперь не пожурил нас. Он только недоуменно пожал плечами, как бы говоря: «Ну что с вами поделаешь!»

В те годы, когда боролись за колхозы, Косарев часто ездил в деревни, поэтому близко знал жизнь колхозной молодежи. В своих выступлениях он всегда оперировал собственными наблюдениями, почерпнутыми во время командировок. Сельские встречи, беседы с деревенскими ребятами в поле и на току, ночевки на сеновале волновали Александра, давали ему,

горожанину, массу впечатлений. Он любил природу, чистый воздух, необъятные русские просторы, ощущение воли и счастья, которые рождают они. Поездки в деревню для Саши всегда были радостью. Из каждой он увозил новые знакомства, новую дружбу. Деревенские комсомольцы, с которыми он встречался, потом, не стесняясь, приезжали в Москву, в ЦК комсомола, кто просто за советом, кто за помощью. И они не зря совершали дальний и утомительный путь — секретарь никогда не отказывал во внимании и поддержке.

Для укрепления коллективных хозяйств Косарев использовал разные пути.

На собрании актива ленинградской организации 5 декабря 1932 года Косарев, рассказывая об итогах ноябрьского пленума ЦК ВЛКСМ, поставил перед комсомольцами основную задачу — укрепить хозяйственно-политическое положение колхозов. Назывался его доклад «Огонь по мелкобуржуазной стихии».

Борьба за крестьянина не закончена. Комсомолу деревни рано почивать на лаврах, хоть идея коллективного хозяйства и победила. И пролетариат города не должен оставаться в стороне от этой борьбы.

Косарев требовал от комсомольцев активности, страстности, критиковал руководителей за самонадеянность и зазнайство. «Становись во главе масс, будь на тех участках, где угрожает наибольшая опасность, тогда массы будут тебе верить, и тогда массы за тобой пойдут… А писать резолюции, созывать комиссии, говорить речи — этим никого не удивишь. Большевик познается в работе, в борьбе, а не в заседаниях, в речах.

Посмотрите на некоторых наших активных работников: речь произнести — пожалуйста, на любую тему; комиссию создать, резолюцию написать — тоже мастер, а вот пойти в колхоз, по-большевистски драться — этого они не желают, не умеют».

Митинг прошел бурно. Горячие, хлесткие слова генсека взволновали молодежь, им захотелось доказать, что они-то трудностей не боятся, не прячутся в кусты от насущной задачи страны — борьбы за полноценные колхозы.

После совещания Ленинградский горком послал двести лучших активистов, коренных пролетариев, на работу в МТС.

В феврале 1933 года в Москве собрался первый съезд ударников-колхозников. На нем Косарев сделал доклад «Об укреплении колхозов, весеннем севе и задачах комсомола». Большевистская принципиальность и политическая острота в постановке вопросов — отличительные особенности публичных выступлений Косарева — проявились в освещении такого очень важного в те годы вопроса, как переход к коллективному труду. В

докладе на съезде ударников генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ буквально раскладывает по полочкам объекты для деятельности деревенского комсомола. Первое — нужно работать лучше всех, показывать пример отстающим. Второе — комсомолец — хозяин, а не гость в своем колхозе. Ударник-колхозник, и в первую голову молодой, должен не только лучше всех работать, но и учиться организации работы колхоза в целом. А для этого нужно знать свой колхоз, что за люди в нем; нужно знать свой колхоз так же, как когда-то знал свое личное хозяйство.

В задачи комсомольцев входит быть зоркими часовыми колхоза, обнаруживать расхитителей общественной собственности. Молодежь колхозов должна овладеть сельскохозяйственной техникой, любить машины и всячески их оберегать. Комсомольские организации обязаны наладить в колхозах подлинное ударничество, перенести опыт соревнования с заводов и фабрик на социалистические поля.

Выступление Косарева сыграло значительную роль в улучшении деятельности комсомола деревни. Это был четкий план — только работай. После съезда колхозное ударничество приобрело широкий размах.

Однажды в ЦК комсомола зашел командир-моряк Душенов. Он возвращался из отпуска, который провел в родных местах, в Северном крае. Душенов рассказал, что там, в колхозе «Передовик», вовсе непередовые комсомольцы. Они не только плохо работают, но и пьянствуют, хулиганят.

— А что, если обратиться к этим комсомольцам с открытым письмом? — предложил Косарев.

Так в марте 1934 года появилось специальное письмо секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева к комсомольцам и молодежи колхоза «Передовик». Письмо размножили и разослали по сельским организациям. Текст был резким, нелицеприятным. «Оказывается, вы, комсомольцы и молодежь, — говорилось в письме, — не только не боретесь за укрепление своего колхоза, но, наоборот, подрываете ваше же общее хозяйство… Молодежь часто идет на те посиделки, где орудуют хулиганы, потому что вы, комсомольцы, не умеете ее организовать, потому что там весело, а у вас скучно… У всех ваших комсомольцев низкая квалификация. Видимо, вы решили по-прежнему быть на побегушках. А у вас много молодых сил, их надо направлять на полезные дела, тогда вас начнут уважать. Добейтесь, чтобы все лучшее, что есть в колхозе, было создано руками комсомольцев и молодежи. Лучшие сеялки — комсомольские. Лучшие конюшни на селе — комсомольские. Лучшие тракторы — комсомольские. Изгоняйте из своей среды лодырей и разгильдяев. Добейтесь того,

чтобы имя комсомольца стало почетным и уважаемым во всем колхозе и в каждой колхозной семье».

После этого письма оживилась культурная и производственная работа не только в этой ячейке, но и во многих других.

В январе 1936 года Косарев выступал на совещании в Кремле перед передовиками урожайности по зерну, трактористами и машинистами молотилок. Он говорил о том, что в колхозах и совхозах нужно наладить подлинное социалистическое ударничество: «Если не будет ударничества — не будет настоящих колхозов».

На помощь комсомольцам села шли по призыву ЦК ВЛКСМ ученые и специалисты. В письме к А. В. Косареву академики К. И. Скрябин, Д. Н. Прянишников, И. В. Якушин и другие предложили помощь для повышения культурно-технического уровня деревенской молодежи. «Стахановское движение, превратившись во всенародное движение нашей страны, требует еще большей связи науки с практикой, т. к. без знания науки бороться за производство 7–8 миллиардов пудов зерна и подъем животноводства нельзя». Ученые предлагали начать с повышения агротехнических знаний актива комсомола, с проведения специальных семинаров и лекций.

ЦК ВЛКСМ откликнулся на это письмо, и с 15 августа начались занятия молодых председателей колхозов и бригадиров.

Комсомол стал инициатором организации школ и кружков по подготовке квалифицированных кадров для совхозов, МТС, колхозов, инициатором издания для этих школ учебников, проведения агротехэкзаменов. В это время было подготовлено пятьдесят тысяч молодых трактористов и двадцать тысяч комбайнеров-бригадиров.

Под руководством ЦК ВЛКСМ развернулось соревнование между женскими тракторными бригадами, проводилась специальная работа с молодыми коневодами и конюхами.

Сотни лучших комсомольцев были направлены в деревню для пропагандистской работы.

Стахановское движение стало особенно мощным и в промышленности, и на селе во время подготовки к X съезду комсомола — центральному событию 1936 года для молодежи.

Косарев был доволен. Побеждала его давняя идея. Союз молодежи становился пятимиллионной ударной бригадой страны.

Вопросы общей культуры, ее влияния на молодежь, в

особенности на сельскую, Косарев никогда не отрывал от задач производственных. Все это взаимосвязано, общий тонус молодежной жизни влияет и на трудовые успехи.

В 1932 году Косарев специально изучал вопрос об удовлетворении спроса молодежи на культтовары. А потом докладывал на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ: «Комсомолу нужно вплотную подойти к вопросам расширения нашей киносети, радиоточек, выработки музыкальных инструментов, фотоаппаратов, патефонов, пластинок и т. д. В том очень большая потребность не только у рабочей, но и крестьянской молодежи. Ни один из комитетов не обсуждал вопроса о фотоаппаратах или о музыкальных инструментах, а ведь живет он рядом с рабочей молодежью. Рабочие ребята рыскают по магазинам, ищут гитару, скрипку, гармошку — не находят, а если и находят, то в пять раз дороже себестоимости. Бегают за фотоаппаратами, за пластинками — не находят. Или патефоны. Видели вы патефоны нашего производства? Задумали сделать хорошую вещь, а сделали чепуху: патефоны, которые с первого завода портятся. И еще имеют наглость выпускать их на рынок. А ведь каждый из вас охотно послушает патефон.

Или вот пластинки. Я ознакомился с нашей пластиночной фабрикой в Апрелевке. Кстати, она единственная в СССР. Годовая мощность фабрики — 2 млн. пластинок. Я не говорю уже о дороговизне пластинок, о плохом качестве — вы все это знаете. Я хочу сказать о тематике пластинок. Я пробовал закупить пластинки для Дальнего Востока. Буквально нечего выбрать.

Дайте хорошую музыку послушать, хорошую классическую музыку, хорошие старые песни, хорошие песни различных национальностей! Старые — я говорю в том смысле, чтобы дали песню звучную, музыкальную, красивую. Этого-то нет или очень мало. А вот как закалять металл, такие пластинки есть. О производственно-технических процессах есть… Надо установить наш жесткий контроль (но одновременно помощь) над этим производством и рынком».

Благодаря вмешательству комсомола в работе музыкальной промышленности уже в тридцать втором году наметился перелом. Если в 1933 году выпускалось 4 тысячи роялей, то к 1937 году планировалось увеличить их выпуск до 60 тысяч. Намечалась реконструкция фабрики «Красный Октябрь» и строительство шести фабрик в Тифлисе, Ростове, Москве, Новосибирске, на Урале и Украине. В 1933 году должны были начать строить фабрику смычковых инструментов. Завод в Апрелевке подлежал коренной перестройке, годовая мощность его доводилась до 30 миллионов пластинок. Такая же фабрика строилась на Украине. В

1933 году в Москве открылся Дом граммофонной записи.

Александр Косарев постоянно боролся за верность ленинским принципам руководства. Его приводило в ярость равнодушие к жизни простых рабочих парней и девчат, которое позволяли себе некоторые деятели в комсомоле. К ним Косарев был безжалостен. Бюрократизму, чинопочитанию, безразличию к судьбам людским и недобросовестности в делах объявил он вечный бой. И со времен Бауманского райкома до конца жизни ни на день не складывал оружия.

…Десять лет возглавлял Александр Косарев комсомольскую организацию страны. На XV партийном съезде (1927 г.) он был избран в члены ЦКК ВКП(б), на XVI (1930 г.) — кандидатом в члены ЦК, на XVII (1934 г.) — в члены ЦК, входил в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР.

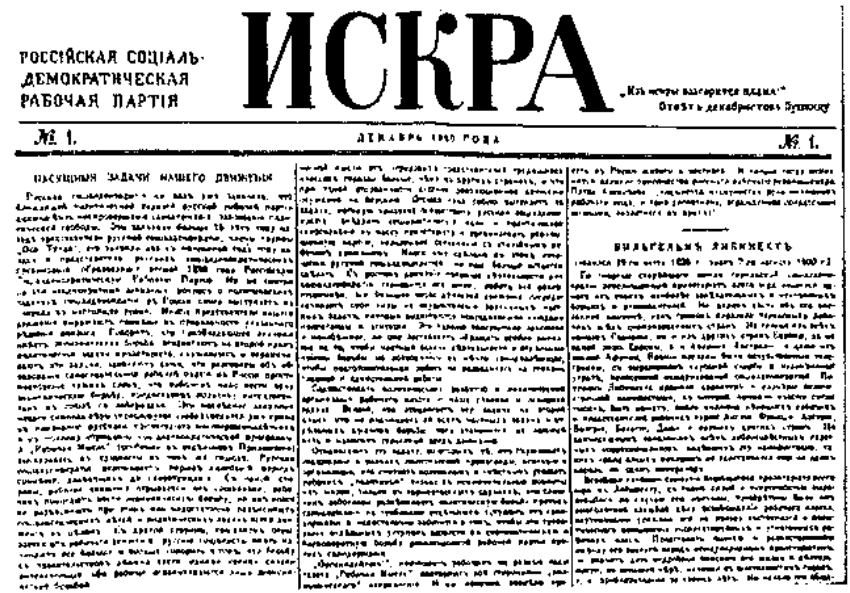
Умер в 1939 году.

Т. Меренкова. Александр Косарев.

В кн.: «Вожаки комсомола». Изд, 2-е, М., «Молодая гвардия», 1974.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин. 1910 г.



РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя."
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА № 1.

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

Первая страница первого номера газеты «Искра».

Н. К. Крупская. 1895 г. ▶

Дом в Мюнхене, в котором в 1901 году жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Германия.

Демонстрация у Петербургского университета. 1905 г.

Н. К. Крупская. 1915—1916 гг. ▶

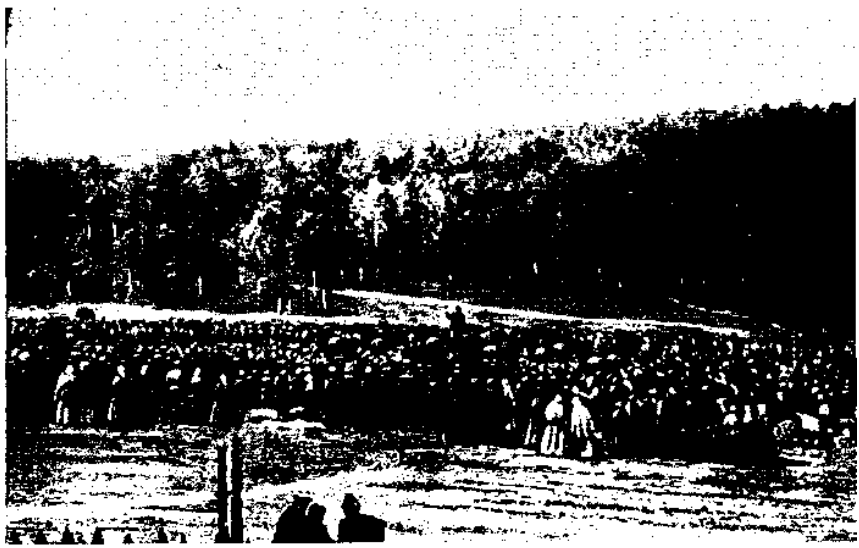
Дача «Ваза» в Куоккала.

М. В. Фрунзе — студент.

М. В. Фрунзе (в центре) — студент Петербургского политехнического института с товарищами. 1904 г.

Текстильные фабрики в Иваново-Вознесенске. Конец XIX века.

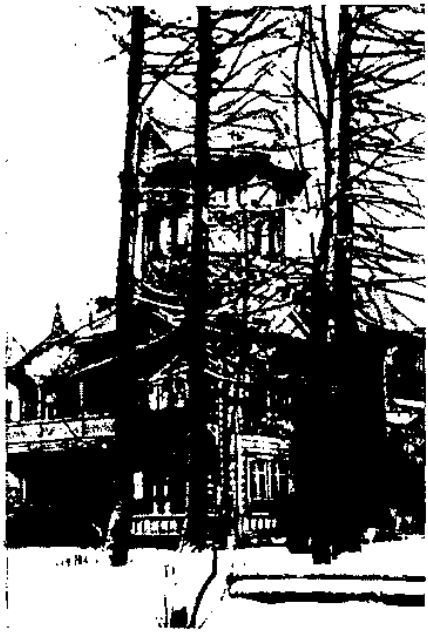
Митинг иваново-вознесенских рабочих на берегу реки Талки. Лето 1905 г.



Удаление из зала заседаний IV Государственной думы депутата-большевика Г. И. Петровского. 22 апреля (5 мая) 1914 г.

Якутский этап. В группе ссыльных Г. И. Петровский.

Г. И. Петровский. 1912 г.



Здание Лесновско-Удельнинской районной думы, где 16(29) октября 1917 года состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б).

М. И. Калинин — комиссар городского хозяйства Северной области в рабочем кабинете. Петроград, 1918 г.

М. И. Калинин выступает на рабочем митинге. Брянск, июнь 1919 г.

М. И. Калинин среди рабочих в железнодорожном депо. Смоленск, июнь 1919 г.

В. И. Ленин и М. И. Калинин. 1919 г.

С. Г. Шаумян (с п р а в а), Ашот Хумарян (в ц е н т р е) и Габо Садатян в астраханской ссылке.

АНКЕТА

для всѣхъ работниковъ Совѣтскихъ Учрежденій.

Комиссія по проверкѣ служащихъ и сотрудниковъ проситъ Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Фамилія.	Дзержинскій
2. Имя и отчество.	Феликсъ Эдмундовичъ
3. Гдѣ служите (Учрежденіе. Отдѣлъ).	В. Ц. К. Предсѣдатель
4. Должность (точно).	Предсѣдатель
5. Сколько времени служите въ этомъ Учрежденіи.	Отъ назначенія - 7/XII 1917 г.
6. Гдѣ служили до этого Учрежденія.	Въ Комиссіи Хоз. Нуж. и Нѣтр. Вален. Раб. Деп.
7. Сколько получаете жалованья.	800 руб.
8. Имѣете ли другіе доходы или заработокъ кромѣ жалованья.	нѣтъ.
9. Семейное положеніе, получаете ли деньги за жёнъ.	Женатъ, и дѣтей Не получаю
10. Сколько часовъ работаете въ день урочно и сколько сверхурочно.	Работаю сколько нужно
11. Состояніе Вашего здоровья.	Здоровъ и бодръ
12. Удовлетворяетъ ли Васъ работа въ идейномъ отношеніи.	—
13. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ обѣдами, пайками и т. п. — въ какой удовлетворительно.	Получаю обѣдъ
14. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и какъ удовлетворительно.	Нѣтъ, нѣтъ времени
15. Кѣмъ рекомендованы на службу	Совнаркомомъ
16. Къ какой партіи принадлежите или Вы безпартійны.	Р. К. П. и С. Д. Большевикъ
17. Сколько времени состоите въ этой партіи.	23 года
18. Подпись спрашиваемаго.	Ф. Дзержинскій

Листъ этотъ долженъ быть заполненъ секретаремъ Учрежденія въ отношеніи пунктовъ 1, 2, 3, 5, 7, 10, 16, и не позже, какъ въ трехдневный срокъ со дня его полученія возвращенъ въ Комиссію по адресу: Моховая, 1-ый Домъ Совѣтовъ (гостин. „Національ"), комната № 181, тов. Галкину,—къ какой цѣли читать съ другими листами и сдать подъ расписку завѣдующему гостиницы, что у входа.

За Секретаря Зав. Обш. Кр. Ш.

Членъ Комиссіи. А. Галкинъ. Ашмаринъ.

Анкета Ф. Э. Дзержинского. Автограф, 1918 г.

Ф. Э. Дзержинский. Портрет, подаренный Уралову. 1919 г.

Ф. Э. Дзержинский с членами коллегии ВЧК. 1919 г. Слева направо: Уралов, Дзержинский, Валобуев (сидит), Васильев-Южин, Савинов, Ксенофонтов, Мороз.

Г. В. Чичерин в поезде Генуя — Рапалло. 1922 г.

Г. В. Чичерин. Генуя, 1922 г.

Г. В. Чичерин среди крестьян — членов ВЦИК на III сессии десятого созыва. Москва, 1923 г.

А. В. Луначарский, Г. В. Чичерин и А. В. Косарев на трибуне Мавзолея В. И. Ленина во время парада, посвященного X Международному юношескому дню. 7 сентября 1924 г.

Г. В. Чичерин и М. И. Калинин с японским послом после вручения верительных грамот. Москва, 1925 г.

Руководители Ленинградской партийной организации: С. М. Киров, М. С. Чудов, Б. П. Позерн, П. И. Смородин — на первомайской демонстрации. 1933 г.

С. М. Киров среди комсомольцев на сланцевых рудниках близ Гдова. 1934 г.

С. М. Киров и А. М. Горький на Балтийском заводе. Ленинград, 1928 г.

С. М. Киров. 1934 г.

Н. Камнева, Я. Гамарник, К. Е. Ворошилов и А. В. Косарев на X съезде комсомола. 1936 г.

А. В. Косарев, А. М. Горький и Ромен Роллан среди комсомолок. 1933 г.

А. В. Косарев.

notes

Примечания

1

Н. И. Иорданский в это время был меньшевиком-оборонцем, впоследствии он порвал с меньшевиками и вступил в большевистскую партию.

2

Мемуары, а если совсем точно — признания великолепно осведомленного о всех кавказских хитросплетениях долголетнего резидента в Баку, эксперта британской военной миссии при правительстве грузинских меньшевиков Мак-Донелла никогда не издавались в нашей стране. Не стали достоянием историков. По этой причине автор позволяет себе привести пространные выдержки. Перевод сделан с фотокопии, доставленной из Лондона.

3

В памяти Ольги Шатуновской: «Во время мартовского восстания мусаватистов наш отряд обстреливал дом, где жил Джеваншир: с крыши этого дома стреляли в наших из пулеметов. Джеваншир сумел дать знать Степану Шаумяну, прося о спасении. Шаумян послал Агамирова и своего сына Сурена с поручением — доставить к нему Джеваншира с женой. Их благополучно привели на квартиру Шаумяна, где была тогда и я. Они прожили здесь недели две.

Когда турки сформировали Азербайджанское правительство, Джеваншир был назначен министром внутренних дел. Он приказал доставить меня из тюрьмы в его резиденцию — особняк нефтепромышленника Ротшильда. «Подойдите ближе, Оля, — сказал мне Джеваншир, когда мы остались вдвоем. — Мне доложили, что Степан в городе и что вы не хотите дать его адрес… Я друг Степана. Он спас меня от смерти, теперь я хочу спасти его… Дайте мне его адрес!»

Я ответила, что Шаумяна в Баку нет, что это заблуждение. Но Джеваншир мне не верил. Он продолжал просить, умолять меня, чтобы я дала ему адрес, клялся, что он обязан спасти Степана. Я доказывала и тоже клялась ему, что говорю чистую правду. Тогда он рассвирепел окончательно: «Вы проклятые фанатики, вы погубите Степана!..» Он вызвал конвой, приказал: «Уведите ее обратно!» Я была даже не в состоянии сказать ему о том, что завтра по приговору Нури-Паши нас повесят.

Поздней ночью мне объявили: «По распоряжению министра Джеваншира вы освобождены. Смертная казнь заменена вам высылкой из пределов Азербайджана».

В то же мгновение в голову пришла ужасная мысль: «А вдруг это только для меня?» Спрашиваю: «А как мои друзья?» Начальник охранки хохочет: «Теперь они стали вашими друзьями?! Ведь совсем недавно вы все отпирались, говорили, что друг друга не знаете!» Наконец, кончив смеяться, он объявил, что их тоже сейчас освободят. Приказ министра Джеваншира!»

4

Свидетельство Тер-Арутюнянца: «Владимир Ильич требовал, чтобы я ежедневно в определенные часы по телефону докладывал ему о помощи Баку, а в необходимых случаях приезжал к нему лично и докладывал о препятствиях, тормозивших выполнение его указаний».

5

«После окончания разговора по телефону, — припоминает Анастас Микоян, — Аветисов буквально во взбешенном состоянии заявил мне: «Нет, господин комиссар, белый флаг поднять придется. Мы заставим поднять его вас лично, как комиссара!»

Я, и без того до крайности взволнованный, что называется, взорвался. Стараясь все же не доводить себя до крайностей, я достал револьвер и сказал, чеканя каждое слово: «Господин полковник! Эта затея с белым флагом у вас не пройдет! Вы не должны забывать, с кем имеете дело, и знать, что в этом револьвере для вас хватит пули!» Аветисов побледнел, боясь, что я здесь же на месте застрелю его. Но я его только предупредил. Он это понял и безмолвно вышел…»

6

Благородство необыкновенное. Оно засвидетельствовано стенографической записью.

«Садовский (меньшевик) ставит англичанам прямой вопрос: «Где ваша реальная помощь войсками, которую вы обещали нашим делегатам?»

Представитель англичан (адъютант генерала Денстервиля): «Никогда, нигде и никому такой помощи не обещали. Было бы смешно думать, что мы могли бы из Месопотамии бросить сюда войска».

О том же главный спаситель Денстервиль: «1 сентября я сделал публичное заявление о том, что оборона Баку бесполезна и что я не могу допустить, чтобы жизнь моих людей понапрасну приносилась в жертву… Во время моей речи я заметил, как на лицах моих слушателей появились поочередно выражения недоумения, ужаса, отчаяния… Они были поражены точно громом…

Четвертого диктатура Центрокаспия доставила мне свое послание: «Имея в виду условия, предложенные нам правительством Ленина, мы утверждаем, что ваши войска не только не увеличили, но даже уменьшили силы бакинских защитников, ибо мы могли бы значительно пополнить их ряды, если бы приняли условия партии большевиков».

Сбывается все, о чем предупреждал Степан. Так и поэтому надо отнять у него жизнь.

7

ОРТЧК — отделение районной транспортной чрезвычайной комиссии.

8

Ныне Краснодар.

9

«Экс», экспроприация — так называли анархисты грабежи советских учреждений.

10

Вино налито, надо пить *(франц.)*.